

SZEGEDI TUDOMÁNYEGYETEM
JUHÁSZ GYULA PEDAGÓGUSKÉPZŐ KAR
OROSZ NYELV ÉS IRODALOM TANSZÉK
SZLOVÁK NYELV ÉS IRODALOM TANSZÉK

SLAVICA SZEGEDIENSIA VII.
CIKK- ÉS TANULMÁNYGYŰJTEMÉNY

Felelős szerkesztő
GYÖRKE ZOLTÁN
MARUZSNÉ SEBÓ KATALIN

SZEGED
2011-2012

A kiadvány megjelenését támogatta

SZEGEDÉRT ALAPÍTVÁNY

OKTATÁSI ÉS KULTURÁLIS MINISZTERIUM
Nemzetiségi Osztálya

SZTE JGYPK Alkalmazott Humántudományi Intézet

SZTE JGYPK Hallgatói Önkormányzat

AGES QUOD AGIS KHT

SZTE JGYPK Alkalmazott Humántudományi Intézet
Modern Nyelvek és Kultúrák Tanszék, Orosz szakcsoport

SZTE JGYPK Szlovák Nyelv és Irodalom Tanszék

СЕГЕДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМ. ДЬЮЛЫ ЮХАСА
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАФЕДРА СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

SLAVICA SZEGEDIENSIA VII.

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Ответственные редакторы
ЗОЛТАН ДЬЁРКЕ
МАРУЖНЕ КАТАЛИН ШЕБО

СЕГЕД
2011-2012

SEGEDÍNSKA UNIVERZITA
PEDAGOGICKÁ FAKULTA GYULU JUHÁSZA
KATEDRA RUSKÉHO JAZYKA A LITERATÚRY
KATEDRA SLOVENSKÉHO JAZYKA A LITERATÚRY

SLAVICA SZEGEDIENSIA VII.

ZBORNÍK STATÍ

Zodpovední redaktori
GYÖRKE ZOLTÁN
MARUZSNÉ SEBŐ KATALIN

SZEGED
2011-2012

Szerkesztők – Редакторы – Redaktori

GYÖRKE Zoltán

MARUZNÉ SEBŐ Katalin

Lektorálták – Рецензенты – Recezenti

MARUZNÉ SEBŐ Katalin, PhD, főiskolai tanár

GYÖRKE Zoltán, PhD, szakcsoporthoz vezető főiskolai tanár

MANOVA N.D., CSc, anyanyelvi lektor

PhDr. JURAJ BRIŠKÁR, PHD

Orosz anyanyelvi lektor – Лектор русского языка

MANOVA N.D., CSc, KADOLO T.A.

Szlovák anyanyelvi lektor – Lektor slovenského jazyka

DR. GYÖRGY LADISLAV

Technikai szerkesztő – Технический редактор – Technická redaktorka

NAGY Éva

A szerkesztőség címe – Адрес редакции – Adresa redakcie

Szegedi Tudományegyetem Juhász Gyula Pedagógusképző Kar

Сегедский университет Педагогический факультет им. Дюлы Юхаса

Pedagógiai fakulta Gyula Juhásza Segedinskej univerzity

Orosz Nyelv és Irodalom Tanszék

Szlovák Nyelv és Irodalom Tanszék

Кафедра русского языка и литературы

Кафедра словацкого языка и литературы

Katedra ruského jazyka a literatúry

Katedra slovenského jazyka a literatúry

H-6725 Szeged, Hattyas sor 10.

H-6725 Szeged, Hattyas sor 10.

H-6701 Szeged. Pf./ 396.

H-6701 Szeged. Pf./ 396.

Tel.: (+36-62) 546-048

Tel.: (+36-62) 546-200

E-mail: russian@jgytf.u-szeged.hu

E-mail: sebok@jgytf.u-szeged.hu

HU ISSN 1786-4151

©A szerzők, 2011

Minden jog fenntartva

Printed in Hungary

Szövegszerkesztés – Редактирование текста – Redigovanie textu

Juhász Gyula Felsőoktatási Kiadó

Nyomdai kivitelezés – Напечатано в типографии –

JATEPRESS, Szeged

INDEX

<i>Атанасова Радка</i> , Концепт «дом» в повести Натальи Соколовской «Дворник Люба»	9
<i>Бондаренко Наталья Александровна</i> , Русская тема в культуре славян (II половина XIX века)	17
<i>Вицаи Петер</i> , «Совесть и память»	26
<i>Ганчева Магдалена</i> , Межъязыковые лексические аналоги: Проблемы их исследования и преподавания (на материале русского и болгарского языков)	36
<i>György Ladislav</i> , Socializácia jazyka a vplyv extralingválnych faktorov na hovorenú podobu slovenčiny (teoretické súvislosti v kontexte výskumu mestskej reči vo Veľkom Krtíši)	48
<i>Жерева Мария Стоилова</i> , Перформативът като показател на адресираност на изказването	60
<i>Злачева-Кондрашова Спаска Илиева</i> , Грамматическая, лексико-грамматическая и функциональная омонимия в современном русском языке в сопоставлении болгарским языком	75
<i>Кадола Татьяна Александровна</i> , Образы животных в наименованиях городских торговых объектов	97
<i>Klincková Jana</i> , Profesionalizmy – dynamické a eko-(nomické) prostriedky v profesijnej komunikácii	105
<i>Kováčová Anna</i> , Predstavitelia slovenského spoločenského života v Budapešti v medzivojnovom období	114
<i>Kováčová Anna, Tušková Tünde, Uhrinová Alžbeta</i> , Jubilujúca slovenská dielňa výskumníkov	126
<i>Кришто Шандор</i> , Двойничество и безумие в творчестве А.П. Чехова по повести «Черный монах»	137
<i>Lidák Ján</i> , K niektorým špecifikám kreovania politických strán v Slovenskej a v Českej republike po roku 1989	151
<i>Maruzs Pál</i> , Slovensko-maďarské historické interferencie (Dejiny v SMS-ke?) ...	162
<i>Maruzs Pál</i> , Formy a možnosti pestovania národnostnej kultúry v Medeši	172
<i>Maruzsová Šebová Katarína</i> , Dolnozemske tradície v románoch Pála Závadu	179
<i>Medňanský Karol</i> , Hudba na území Slovenska v období baroka	189
<i>Молхова Галина</i> , Семантични отношения в невербалните знаци	198
<i>Оксузьян Денис Владимирович</i> , Чехов и детство	210
<i>Očenáš Ivan</i> , K vzťahu zvukovej a grafickej sústavy súčasnej spisovnej slovenčiny	219

<i>Rusnák Juraj</i> , Celebrity na karnevalovom pódiu: úvahy o premenách vo vytváraní slovenskej mediálnej popkultúry	229
<i>Федосов Виктор Александрович</i> , История русского языка: общество и язык	236
<i>Findra Ján</i> , Textové modely: konexia, koherencia, kohézia	249
<i>Hirtlová Petra</i> , Kognitívne funkcie mozgu aktivované pri precvičovaní slovnej zásoby v cudzom jazyku	258
<i>Horváthné Farkas Éva</i> , Dvojazyčnosť žiakov slovenských národnostných škôl	266
<i>Huřková Anita</i> , Expresívnosť výrazu z aspektu prekladu	273
<i>Чайбок-Тверёфу Ильдико</i> , История англицизмов и факторы, влияющие на появление и освоение английских заимствований в русском и венгерском языках	283
<i>Čulenová Eva</i> , Rozdielny prístup k vyučovaniu slovenskej deklinácie Slovanov a Neslovanov	294
<i>Čulenová Eva, György Ladislav, Miškovská Jana, Schwarzová Eva</i> , Čas v slovenkej a nemeckej predložkovej morfológii	302
<i>Šenkár Patrik</i> , Výchovné tendencie v učebnicovom texte M. Ďuričkovej	312
<i>Srb Vladimír</i> , Školství a odraz společenských změn v čsf v letech 1989-1992 v hlavních politických dokumentech	317
<i>Šuša Ivan, Prando Patrizia</i> , Slovanské listy Giuseppe Mazziniho	328

RECENZIO

<i>György Ladislav</i> , Zákony na Slovensku alebo ako sa nimi dorozumievame (Recenzia na publikáciu Eva Čulenová – Jazyk a štýl v slovenských zákonoch. Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 2010)	338
<i>György Ladislav</i> , Slovakistika v medziliterárnych vzťahoch (Recenzia na publikáciu Ivan Šuša – Komparatistické a prekladové aspekty v slovensko-talianskych medziliterárnych vzťahoch. Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 2011)	340
<i>Mandelíková Lenka</i> , Nová publikácia o vývine slovenskej literatúry v posledných dvoch desaťročiach	342
<i>Манова Надежда Дмитриевна, Maria Andrei</i> Вопросы синтаксиса русского языка. Типы синтаксической связи между подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении. Editura MIRTON Timisoara, 2008. 132 p.	345

CHRONICA

<i>Дьёрке Золтан</i> , К 80-летию юбилею профессора-эмеритуса Йожефа Крекича	349
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ:	353

Концепт «дом» в повести Натальи Соколовской

«Дворник Люба»

Радка Атанасова

С древних времен люди желают приобрести свой дом и там создать семью. В ментальности каждого народа дом – это не только здание, а прежде всего уют, счастье, радость.

XXI век тоже уделяет значительное место этому понятию. Демократия и свобода личности и слова выдвинули на передний план новые темы. Изменилась экономическая реальность, а вместе с ней на иной уровень поднялись отношения и коммуникация между людьми.

Русское литературное пространство наполнилось темами современной действительности. Дифференциация коснулась не только образа жизни людей, но и восприятия ими мира. Писатели и поэты начали отражать в своих произведениях трансформацию ценностей в современном обществе. Россия, как и все постсоветские страны, медленно привыкала к новому образу жизни. Стремление к материальному благополучию отодвинуло в сторону духовность и знание. Деньги превратились в центр человеческих взаимоотношений. Они стали формировать новую иерархическую модель общества и постепенно их выдвинули в культ. Человек незаметно потерял свой внутренний мир, свою душу.

Поэтому перед писателями и поэтами современного мира стоит нелегкая задача вернуть людям духовность и прежние ценности. В своих произведениях авторы не только показывают новые типы героев, их внутренний мир и ментальность, но одновременно с этим призывают своих современников задуматься о жизни, опомниться и повериться в себя. Совместные усилия общества помогут людям сохранить и передать следующим поколениям культурное наследие нации.

В русской литературной традиции «Дом» и «Семья» занимают важное место. Они неделимы. В XX веке наступает переосмысление этих двух концептов – «Дом» и «Семья» переходят на другой уровень –

идеологический, и их восприятие постепенно изменяется. Человек чувствует себя заброшенным, одиноким, и это сохраняется до начала XXI века, когда литература очищает концепты от идеологической оболочки, преодолевает множество слоев недоверия и фальши, установившиеся прочно в сознании потомков, пытаясь найти подлинную сущность концептов «Дом» и «Семья».

Современная русская женская проза постепенно занимает свое место в литературе конца XX – начала XXI веков. Благодаря творчеству Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой, В. Токаревой, Н. Соколовской, Е. Донец и др. общество уже понимает переживания женщин, восхищается глубиной их души и объясняет себе, что такое „женская проза”, почему ее нужно выделять из всех произведений в литературном пространстве. В образах женщин писательницы раскрывают океан эмоций и таким образом помогают своим читателям разобраться в сложных житейских ситуациях, так как литература всегда была и есть зеркалом действительности.

Как отмечает исследовательница М. Черняк: «Женская проза простым языком говорит о традиционных ценностях, о высших категориях бытия: семья, дети, любовь» (Черняк М.А. 2008: 187). Поэтому не удивляет факт, что эта проза смотрит пристальным взглядом на жизнь, утверждая в литературе концепты «Дом», «Семья», «Любовь», «Счастье».

Н.Д. Арутюнова (Арутюнова Н.Д.1999) отмечает, что концепты образуют культурный слой, который является мостом между человеком и миром. В круг понятия «концепт» входят также «концептосфера» и «менталитет», которые тесно связаны и активно взаимодействуют с ним. Концептосфера является основным источником формирования концептов, который в определенной степени определяет менталитет народа. Исследователи в настоящее время сходятся во мнении, что концепты являются единицами сознания, отражающими человеческий опыт в форме той или иной информационной структуры.

Человек формирует свое отношение к миру, предметам, явлениям, ориентируясь на ценности. Наличие ценностного элемента отличает концепт от других ментальных единиц.

Структурная организация концепта представлена Ю.С. Степановым (Степанов Ю.С. 2004), который выделяет в нём три слоя. Первый слой составляет его наиболее актуальный компонент, или основной признак в содержании концепта. В этом основном, актуальном признаке концепт и существует для всех пользующихся языком конкретной культуры для взаимопонимания и общения. Вторым слоем составляют его дополнительные признаки, неактуальные компоненты, это «пассивный», или исторический слой концепта. Данное содержание концепта является актуальным лишь для некоторых социальных групп. Третий слой концепта составляет его внутренняя форма, то, что обычно не осознаётся в повседневной жизни, а именно буквальное значение концепта – его этимология. Для носителей языка этот слой существует опосредованно, как основа остальных значений.

З. Д. Попова и И. А. Стернин предполагают, что концепт как единица структурированного знания имеет подвижную полевую структуру и может получить описание в терминах ядра и периферии. «К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удалённости от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» (Попова, Стернин 2001: 67). Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Для носителей языка этот слой существует опосредованно, как основа остальных значений.

В литературе концепт «Дом» часто ассоциируется с Родиной. Он является той невидимой нитью, связывающей человека с его корнями, определяющей его идентичность.

Интересен факт, что в XXI веке у концепта «Дом» появляется ещё одно коннотационное значение, содержащее в себе мысль о том, что Дом находится там, где человек чувствует себя безопаснее и хорошо. То же самое пытается показать в своей повести «Дворник Люба» писательница Наталья

Соколовская. На первый взгляд обыкновенный сюжет, посвященный судьбе уборщицы Любы, которая уезжает в большой город, Санкт-Петербург, найти счастье, ставит довольно крутые проблемы общества XXI века, именно: миграция, одиночество, равнодушие к человеку, который находится рядом с нами.

С помощью реминисценции Н. Соколовская объясняет происхождение Любы. *«Родилась Люба на Псковщине, в маленькой деревне неподалеку от реки Великой».*

Не зря Люба родилась в деревне. В литературном пространстве утверждается факт, что город портит людей, а в деревне все еще хранятся человеческие ценности. Это аллюзия к творчеству новокрестьянских поэтов, которые утверждали возвращение к исконно русским ценностям, сохранившиеся только в деревне. Писательница ставит перед собой задачу разоблачить этот миф в новом XXI веке. Она показывает, что нет разницы между деревней и городом по отношению к ценностям, к пониманию, что такое дом и семья.

В ходе повествования оказывается, что девочка еле-еле заканчивает восьмилетку. После короткого любовного романа с человеком, который бросает ее, когда узнает, что она беременная, она превращается быстро в женщину, сделав подпольный аборт.

Мысль покинуть отчий дом и искать счастье, уют, теплоту в большом городе раскрывает трансформацию, которая происходит в сознании Любы. Концепт «Дом» в представлениях героини теряет свою притягательную силу, и в нем поселяются пустота, холод, непонимание. Счастье и любовь навсегда покидают его. Родина уже становится чужой землей. Поэтому она ищет себе другую Родину. *«Люба вылечилась и вернулась в деревню, но там ей все опостылело еще раньше и к тому же ровным счетом ничего не светило. Тогда она решила податься в большой город, на поиски счастья».*

Интересен факт как осуществляется связь между городом и деревней. С трудом героиня отыскивает адрес материнской двоюродной сестры. Таким образом, имплицитно Соколовская проводит тонкую нить в человеческих взаимоотношениях. Родственники, хотя давно забыли свои деревенские

корни, помогают Любе устроиться в Санкт-Петербурге. Тетя принимает ее в своем доме, предоставляет ей комнату своей дочери, которой уже нет дома, находит ей работу.

Создается новый образ Дома, где Люба мечтает приобрести счастье... Хаос в жизни девушки, который наступает после приезда в город, уже уходит далеко в прошлое. Героиня начинает работать дворником, успокаивая себя единственной мыслью о том, что жилплощадь через десять лет перейдет к ней. Соколовская раскрывает читателю секрет, что профессия дворника избавляет от нищеты также двоюродного прадеда девушки, ведь и тетя работает в сфере коммунального хозяйства.

Писательница показывает, как меняется облик самой Любы в Санкт-Петербурге. Она чувствует себя увереннее, смотря на окна „своего подъезда”. Слово „свой” лишь подтверждает факт о том, как девушка чувствует себя на новом месте, в большом городе. Самостоятельная, хотя и маленькая квартира, становится для героини ее Домом, ее Вселенной. Работа уже приносит удовлетворение. Люба не воспринимает уже себя одинокой, заброшенной в чужом городе, так как у нее уже есть собственный дом. В нем она встречает своих гостей из деревни и свою подругу Люську. Производит впечатление, что героиня не изменяет свое произношение. Это наблюдается в спорах с провинившимися соседями. Как отмечает автор повести: *«Люба из страха перед незнакомыми людьми и новыми для себя обстоятельствами совсем перестала разговаривать на средних регистрах, тут же переходя на верхние. Да еще с деревенской кликушеской оттяжкой»*. Используя речевую характеристику, писательница пытается показать глубину души Любы. Одновременно с этим автор утверждает то, что, хотя героиня мечтает начать новую жизнь, она не может легко уничтожить нить, связывающую ее с традициями, с ценностями, но прежде всего с ее корнями. Деревенские выражения девушки не портят представление о ней, а имплицитно напоминают уникальность фольклора, уже забытого в большом городе. Люба все еще чувствует себя одинокой в Санкт-Петербурге, иногда ей снится Псковщина, хотя и редко, но она возвращается к своим корням, посещая родное место.

На протяжении всей повести дворник Люба стремится показать свою независимость.

Третий подъезд – это не только место работы, но и символ счастья. В нем живет теперь ее новая семья, т.е. все обитатели этого подъезда. Появляется ее новая «родня», с которой героиня начинает творить свои отношения. Здесь, в этом доме, она встречает и хороших, и странных для нее людей. Вместе с ними она стремится выжить в большом городе. Перед глазами героини раскрывается разнообразный мир семей. Любе уже известна судьба каждого соседа. В подъезде соседи по-разному понимают, что такое любовь, семья, дом. Прикасаясь к людям, она понимает, что она не хуже остальных людей.

Как отмечает в эпиграфе к своему романе «Анна Каренина» Л. Толстой: «Все семьи одинаково счастливы, но каждая несчастна по-своему». Наблюдая разные модели семей, героиня все-таки находит работающую для нее модель. В обществе женщина всегда воспринималась как сторож семейных ценностей, воспитывающий детей любить дом, знать своих предков, хранить и передавать потомкам семейную историю.

Люба каждый день усердно смывает грязь из своего дома, со двора. Она оберегает его от чужих взглядов и бережет его обитателей. Героиня мечтает о прекрасном доме, в котором наконец к ней придет счастье.

Подъезд также оказывает благотворное воздействие на Любу. С самого начала она стремится доказать свое место в нем. *«Обойдя кругом дом, завернув на огороженную помойку с двумя полными через край контейнерами для мусора и аккуратно поставив возле кирпичной стенки коробку с дворничьим хламом, Люба вернулась во двор».*

Девушка старается не только изучить границы своего дома, но и полюбить его. Осторожность движений лишь подтверждает факт, что у нее есть желание превратить его в свое родное для души место. Как отмечает Соколовская, Люба продержалась на этой работе больше двадцати лет. Это имплицитно показывает страх девушки не потерять свою «новую родину».

Перелом в душе Любы происходит после рождения ее дочки Зойки. Она уже понимает значение концепта «Дом». Самое главное назначение для себя

женщина находит в материнстве, в продолжении своего бытия. У нее теперь появляется задача воспитать ребенка, передавая ему ценности, которым учили ее родители. Именно тогда героиня разрешает себе проявить свой голос, защитить свой Дом. От постоянного прихода гостей к соседям она решила избавиться: *«хватала первый попавшийся под руку тяжелый предмет и лупила по стояку батарее, заставляя вздрагивать не только верхних любителей изящной словесности, но и всю нечетную сторону своего подъезда»*. Люба воспринимает Дом как свою крепость и бережет его.

Впервые, после своего приезда в большой город, героиня понимает, что такое человеческая забота, когда соседи приходят к ней с подарками для Зойки. Материнское чувство, которое демонстрирует Анна Сергеевна Одинцова, помогает Любе разобраться в своих эмоциях. Она отмечает для себя, что в мире есть такое место, где человек может быть счастливым – это его дом. Много усилий необходимо со стороны другой женщины признаться в том, что не может иметь детей, что всю необходимую одежду для своего ребёнка она дарит чужому ребенку. *«Сколько ж можно хранить это. Родни у нас нет никого, так вышло. А тебе, деточка, пригодится. Я болею, а когда умру, что ж Аркаше возиться со всем этим»*.

Женщина чувствует себя сильной. Она нашла свой дом после множество препятствий в жизни и теперь предъявляет свои претензии на счастье.

В повести «Дворник Люба» Н. Соколовская показывает мир обыкновенной женщины, трудности и радостные мгновения в ее жизни. Одновременно с этим писательница не устает повторять, что люди в XXI веке все еще мечтают сохранить семейные ценности. Общий дом, в котором живет героиня, постепенно наводит порядок в человеческих взаимоотношениях. Посторонние люди превращаются в большую семью, помогают друг другу, когда живут вместе.

Актуальность произведения в том, что оно является продолжением традиций в русской литературе и не исчерпывает все вопросы, волнующие современных людей о том, что означают концепты «Дом», «Любовь», «Счастье» в нынешнем XXI веке.

Литература

АРУТЮНОВА Н. Д.

1999. Язык и мир человека. Москва, изд.: Языки русской культуры.

ПОПОВА, СТЕРНИН,

2001. http://lingvistu.ru/inostrannyiy_yazyik/038597-3.html

СОКОЛОВСКАЯ Н.

Дворник Люба. – журнал „Новый Мир” 2009, №2.

СТЕПАНОВ Ю.С.

2004. Константы: словарь русской культуры. М.

ЧЕРНЯК М.А.

2008. Современная русская литература. 2-е издание, М.: ФОРУМ: САГА.

Русская тема в культуре славян (II половина XIX века)

Наталья Александровна Бондаренко

В истории Европы вторая половина XIX века была насыщена многими историческими явлениями. Среди них особое место занимают революционные события 1848-1849 гг., которые оказали большое влияние на культурно-историческое развитие славянских народов. Несмотря на их зависимое положение в составе империй, славяне стремились к сохранению и защите родного языка и культуры. Так, в Словакии, входившей в состав Австро-Венгерской империи¹, где официальным языком был немецкий, в 50-60 гг. XIX в. окончательно утверждается словацкий язык на народной основе. В 1863г. состоялось открытие Словацкой Матицы – общества, которое поддерживало развитие национальной культуры.

В общем контексте возрождения в Европе развивается украинский национализм, начало которого тесно связано с Кирилло-Мефодиевским обществом (1846-1847 гг.). Среди активных представителей этого кружка следует назвать имена Н.И.Костомарова, П.Кулиша, Т.Шевченко и других. Центром интеллектуальной жизни национально-культурного движения Украины с 40-х годов XIX становится Киев.

1848 год для Чехии прошел под знаком Славянского съезда и восстания, закончившегося разгромом и наступлением реакции. Однако эти события лишь усилили стремление чешской интеллигенции к развитию национальной культуры и языка.

Сербское княжество (при князе Михаиле Обреновиче (1860-1868)) становится центром подготовки и создания блока антитурецких сил на Балканах. После решительного перелома в русско-турецкой войне – взятия Плевны и перехода русской армии через Балканские горы – сербское правительство в декабре 1877 возобновляет войну с Турцией в союзе с Россией.

Такое краткое перечисление исторических событий второй половины XIX века позволяет говорить о многовекторном отношении славян к России.

Ввиду масштабности данной темы мне хотелось бы остановиться на вопросе о влиянии русской культуры на культуру чехов, словаков, хорватов, сербов, входивших в состав Австро-Венгерской империи.

Взаимный интерес России и Австро-Венгрии был связан с революционной ситуацией (1859-1861) в обеих империях. Это событие обусловило перелом и в русско-славянских отношениях.

В рассматриваемый период (вторая половина XIX) единственной независимой страной с огромным славянским населением и господствующим славянским языком была Россия. Большинство передовых представителей славянства не мыслили своей деятельности без знакомства с богатой русской культурой, несмотря на разочарования, возникшие после подавления польского восстания.

Напомним, что в центре большинства национальных программ по культурному возрождению славян остро стоял вопрос о сохранении и развитии родного языка. Неоценимый вклад в научные исследования и в дело просветительства в области славистики наряду с лингвистами (Йозефом Добровским, Йозефом Шафариком, Вуком Караджичем, Людевитом Гаем) внесли и русские ученые И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, П.И.Кеппен, П.И.Прейс, В.И. Григорович и другие.

Это время отмечено небывалым интересом к русскому языку со стороны виднейших ученых Европы. Глубокие исследования в разных областях науки являлись одними из важнейших стимулов в деле изучения русского языка. Хорватская газета «ПОЗОР» писала, что «русскую культуру прославили не только Тургенев, Толстой, Достоевский, но и Менделеев, Пржевальский, Веселовский, Соловьев, труды которых внимательно изучаются во всей образованной Европе» (Сборник 1975: 171).

В конце 60-х гг. в Санкт-Петербурге выходят в свет труды ученых-византологов Н.П. Кондакова, В.Г. Васильевского и других. Знакомство с работами известных ученых побудили крупнейшего немецкого византолога Карла Крumbaхера выучить русский язык, знания которого он требовал и от своих учеников (Острогорский Г. 1940: 234).

Франтишек Таборский – исследователь и популяризатор древнерусского искусства в Чехии – в 1867 г. в Моравии открывает славянскую гимназию, где изучаются славянские языки, в том числе и русский.

Сознание родства по языку и происхождению с русским народом усиливало национальное самосознание славян. Так возник феномен, ставший важным компонентом чешского национально-освободительного движения – русофильство, образующее составную часть чешского мышления нового времени (Лилич Г.А. 1982: 27).

Важнейшим событием второй половины века стал Славянский съезд и Этнографическая выставка, которые прошли в 1867 г. в Москве и Санкт-Петербурге.

Для австрийских славян Габсбургской монархии (чехов, сербов, хорватов, словаков, словенцев) представилась возможность быть услышанными в независимой и великой России.

Общий настрой этих ярких дней выразил в известных строчках Ф.И. Тютчев: Но все же братья мы родные!// Вот, вот что ненавидят в нас!// Вам не прощается Россия,/ России – не прощают вас!

Накануне съезда в Москве в журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских» был опубликован трактат словацкого общественного деятеля Людовита Штура «Славянство и мир будущего».(Штур Л. 1867). В нем автор подчеркивал, что одной из причин раздоров славян является то, что они забыли о своем общем происхождении и погрузили в глубокую тьму забвенья все узы родства,.. исключение составляют русские, основными чертами которых, по мнению Штура, являются благородство и гуманизм, «только творческая и охранительная русская сила может возродить обломки нашей народности», – писал словацкий ученый. (Штур Л., 1867: 159).

При выборе общего языка речь, как полагал Л.Штур, может идти только о русском языке – языке самого большого и единственного самостоятельного славянского племени. Эти аргументы обуславливались современной ему действительностью, где главенствующее место принадлежит русской культуре. Заканчивалась работа обращением к России осознать свое призвание и

приняться за славянскую идею: ибо промедление может иметь дурные последствия» (Там же; 164).

Интерес ко всему русскому поддерживала и периодическая печать, публикуя на своих страницах яркие впечатления участников Славянского съезда, а также деятелей науки, побывавших в разных городах России. Так, Президент Югославянской АН д-р Франьо Рачки (1818-1894), известный своей работой о святых равноапостольных Кирилле и Мефодии, Почетный член Одесского и Санкт-Петербургского университетов, с восторгом вспоминал пребывание в России: «Я только что вернулся из Кремля, который осмотрел на скорую руку. Оттуда чудесный вид на город: купола за куполами, колокольни за колокольнями поднимаются над крышами. Россию стоит посмотреть! От России я в восторге!» (Сборник 1975: 169).

Словацкие деятели Йозеф Шкультеты и Светозар Гурбан Ваянский, вспоминая пребывание в Киеве, искренне отзывались о русских, осознавая близкое родство с ними (Сборник 2007: 83).

Вот какие мысли рождались в душе словацкого писателя Светозара Гурбана Ваянского, путешествовавшего по России: «...бесконечная равнина, белые березы, тишина, покой.Мальчики едут на конях..., вспоминаются Лермонтовские казаки. Придет час, помашешь ты рукой своей матери и полетишь искать славу или смерть. Как течет река, как веет ветер, как разливается воздух, так и в русском человеке пробуждается симпатия к далеким братьям» (Сборник 2007: 84).

Существенное значение в развитии русско-славянских связей имели личные контакты русских деятелей культуры с учеными чехами, словаками, хорватами и другими. В Чехии в разное время в течение всего века гостили Н.В. Гоголь, Н. Веселовский, П.А. Вяземский, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, И.И. Срезневский, Ф.И.Тютчев, М. Балакирев, П.И.Чайковский, А.Рубинштейн, И. Е. Репин и многие другие.

Развитию дружеских связей с деятелями австрийских славян содействовал Михаил Федорович Раевский (1811-1884) – настоятель русско-посольской церкви в Вене (1842 г до конца). Осознавая значение славянского вопроса для России и России для славян, он не только вел переписку с Ф. Палацким,

С. Милетичем, Л. Штуром, В. Караджичем, В. Якшичем, В.Я. Эрбеном и др., но и оказывал реальную помощь (Сборник 1975: 11).

Так постепенно русская тема органично входит в культуру австрийских славян.

Вселенская отзывчивость русского человека нашла отклик у славян. Примечательно, что вхождение русской культуры в славянскую среду началось с народной песни, которая со всеми характерными ее типическими особенностями включилась в развитие поэзии чехов анонимно и стала органической частью новой литературы.

Известно, что в начале XIX века Франтишек Ладислав Челаковский, ученый и переводчик, издает три тома «Славянских народных песен» (1822-1827), которые ярко иллюстрировали самобытность и богатство славянской культуры. Два года спустя появился новый сборник, открывавшийся строками:

А из-за леса, леса дремучего
Конь нежданно – негаданно выскочил.
Он не выскочил, вихрем вылетел,
А на том коне – богатырь Муромец,

Что из славного города Муром...— так с первых строк стихотворения «Илья Муромец» из сборника «Отзвука русских песен» (1829) чешский читатель знакомился с героем русских былин – поборником справедливости. За ним следовали "Илья Волжанин", "Великая панихида" и другие оригинальные произведения.

Иллюстрации к сборнику Миколаша Алеша вместе с текстами создавали яркую картину русского мира.

Русская народная словесность и былины до конца XIX века вдохновляли чешских писателей и поэтов: так были созданы «Княжеские песни» (1883, 1897) Франтишека Квапила и произведения Юлиуса Зейера «Песня о мести за Игоря» (1882), «Песнь о горе доброго молодца Романа Васильевича» (1889), «Алексей человек божий» (1899), «Сказка о добром царевиче Евстафии» (1900).

Бесспорно, что поэзия «откликов» искала новые художественные пути, стремясь сообразовываться с новыми художественными направлениями в культуре чехов (школы люмировцев). Вследствие этого она изменяла

типические образы народных русских богатырей, придавая им иной характер, углубляя психологическую наполненность.

Среди многих имен, оказавших влияние на становление национальной литературы, хотелось бы упомянуть имя Н.В. Гоголя, произведения которого пользовались большим успехом.

Когда в 1862 году в Праге появился Национальный театр, то первой русской пьесой, которой открывался сезон, был «Ревизор» (премьера состоялась в 1862 году). За 20 лет она была поставлена 15 раз и пользовалась небывалым успехом. Эта пьеса была популярна и в Сербии. Как заметил сербский драматург Бранислав Нушич, «Наше общество того времени и особенно бюрократия были настолько схожи с теми сценами из «Ревизора», что Гоголь едва не считался нашим отечественным писателем» (Сборник 1988: 110).

Широко известно влияние русского писателя на творчество словацкого писателя Мартина Кукучина (1860-1928), которого называли «словацким Гоголем». Сербских читателей покоряли «Вечера на хуторе...» атмосферой «узнаваемости»: вниманием к маленькому человеку, обращением к народной жизни.

Популярной в то время была повесть «Тарас Бульба» – произведение, созвучное историческому опыту южных славян с их героической борьбой, а образ Тараса ассоциировался у сербов с Королевичем Марко.

Ян Неруда – автор «Малостранских повестей» – в своей публицистике не раз отмечал основополагающую черту русской культуры: во всех деяниях человека, даже в злых его поступках увидеть и показать подлинную человечность. Эти размышления близки нашему современнику композитору Георгию Свиридову: «Русская душа всегда хотела верить в лучшее в человеке... Тысячи раз ошибаясь, заблуждаясь, разочаровываясь, – она не устает верить... Отними у нее эту веру – русского человека нет. Будет другой человек... среднеевропеец, но уже совсем, раб...» (Свиридов Г. 2002: 96).

Несомненно, знакомство с произведениями русских классиков: А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Н.В. Гоголем, Ф.И. Тютчевым, Л.Н. Толстым и других – значительно обогащало национальные литературы, что объяснялось родством эстетических идеалов и художественным талантом писателей.

Важную роль в развитии интереса к русской культуре сыграл клуб «Умелецка беседа». В Праге с большим успехом прошли оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила», «Жизнь за царя», поставленные М.А. Балакиревым (1867). После премьеры «Ивана Сусанина» критики отмечали, что это произведение сделало Глинку великим основателем славянской оперы, доказавшим, что и славяне имеют свою собственную музыкальную речь» (В Стасов 1950: 57).

По приглашению деятелей чешской музыкальной культуры Прагу посетил П.И. Чайковский. Настоящим триумфом русской музыки стала премьера оперы «Евгений Онегин» (1888), которой дирижировал сам композитор.

Чешские газеты, откликнувшись на концерты П.И. Чайковского, подчеркивали, что волшебство его музыки... заставило пережить мгновенья чистого, ничем не нарушаемого спокойствия (Сборник 1970: 179).

Русский композитор, в свою очередь, вспоминая теплый прием в Праге, отмечал в дневнике, что дни, проведенные в Чехии, были самыми радостными в его жизни.

Ярким примером взаимовлияния русской и чешской музыки является творчество Леоша Яначека, посетившего Москву, Новгород, Петербург и написавшего несколько самобытных произведений на сюжеты русской классики, например, трагическую поэму «Тарас Бульба», оперы «Из мертвого дома», «Катя Кабанова».

Среди художников большой популярностью пользовались произведения Василия Верещагина. Его выставку, проходившую в Праге в 1886 г., посетило более 20 тысяч человек. В его произведениях чешские зрители увидели любовь к простому солдату и миролюбивый характер русского народа.

Таким образом, русская культура оказала неоценимое влияние на развитие национальных культур славян.

Следует отметить, что многие деятели культуры XIX века высказывали обеспокоенность по поводу того, сможет ли Россия устоять в непростое время, сохранив свою самобытность. В частности, словенский литератор, историк русской литературы Франё Целестин (1843-1895), несколько лет

проведший в России, в одном из своих писем к Михаилу Раевскому размышлял: «Я в русском мире вижу фундамент, на котором должно развиваться и далее самобытная жизнь. Я боюсь, что великую Россию, как и славян, ждет то же самое НЕсамобытное развитие. ...это – жизненный вопрос не в смысле, что Россия пропадет, если разовьется по западному. Нет, она не пропадет, но будет испытывать лишние терзания. Это есть жизненный вопрос для России и славянства вообще» (Сборник 1975: 460).

В ответ на эти размышления хотелось бы привести слова директора Института Этнологии и Антропологии Российской АН, члена-корреспондента АН В.А. Тишкова. В статье "Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия" ученый подчеркивал: "...российская нация остается единственным хранителем до сих пор значимой для Евразии культурно-ценностной системы на основе русского языка, кириллического письма и христианского православия... забвение этой части цивилизационной миссии означало бы утрату собственной отличительности и огромный ущерб для мировой культуры» (Сборник 2007: 36).

Литература

Лилич Г.А.

- 1982 Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (начало XVIII – XIX в). Изд-во Ленинградского ун-иверситета, Ленинград.

Острогорский Г.

- 1940 Анналы Института им. Н.П. Кондакова, Белград.

Свиридов Г.

2002. Музыка как судьба. М., Молодая гвардия.

Стасов В.

- 1950 Русская опера за рубежом М.

Штур Л.

- 1867 Славянство и мир будущего» (первое издание в русском переводе в журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских Материалы славянские», книги 1-3, Москва.

СБОРНИК

- 1970 Пути развития и взаимодействия чешского и русского искусства. М.

СБОРНИК

1975. Зарубежные славяне и Россия. Документы, архив М.Ф. Раевского 40–80 XIX. Наука, М.

СБОРНИК

- 1988 Н.В. Гоголь и мировая литература М.

СБОРНИК

2001. История южных и западных славян: В 2 т, Т.1. Средние века и Новое время, 2 издание, М.: Изд-во МГУ.

СБОРНИК

- 2007 Русские и словаки в XIX – XX вв: конфликты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции (2007г), Москва – Йошкар-Ола.

¹ заключение в 1867г. австро-венгерского соглашения, привело к образованию дуалистической монархии Австро-Венгрии

«Совесьть и память»

Вицци Петер

Как правило, темы произведений Владимира Высоцкого остались в советской парадигме, совсем не или только в какой-то мере переступив её границы, поэтому многие считают, что песни и стихи поэта адресованы и обращены исключительно к русским людям и могут быть восприняты только ими. Но эта теория в наше время очень легко опровергается: достаточно лишь упомянуть о том, что неординарное творческое наследие поэта-песенника, для которого характерна литературная и культурная взаимосвязь с традициями других культур и народов, все больше становится известно и за пределами России. Его произведения переведены на многие иностранные языки, и число переводов растёт с каждым днём. Переведённые песни исполняются певцами-исполнителями, в том числе и венгерскими, записываются на компакт-диски и выходят в продажу или распространяются по разным сайтам мировой сети. Высоцковедение постепенно становится одним из ведущих и перспективных направлений не только в русском, но и в мировом литературоведении. И чем дальше по времени отстоит от нас творчество Владимира Высоцкого, тем ярче становится истинный масштаб и значение его творческого наследия в заграничном, а также международном интерьере. Роль вечно актуальных произведений поэта-песенника, а также значимость языка его художественных текстов в интернациональной ценностной системе, постепенно усиливается. Своеобразное творческое наследие Владимира Семёновича в новом тысячелетии постепенно становится всемирным явлением и прочно занимает определённое место в культурной жизни разных стран, в том числе и в Венгрии, где множество работ посвящено жизни и творчеству легендарного барда.

Ласло Халлер в своей статье «Размышления о диссертации Валерия Комарова «Жжёт нас память и мучает совесть» отмечает, что диссертация, написанная в Печском университете в 1986 году, несомненно, является интересной работой научно-популярного, а также публицистического

характера, актуальность которой и через тридцать лет после смерти поэта не потеряла своей силы. Подтверждению этому может послужить непреходящая актуальность песенного творчества Владимира Высоцкого, например, те произведения, в которых поэт прослеживает и описывает изменения состояния души человека. Ведь познание человеческой души – это вечная проблематика общечеловеческого характера, которая занимает не только Высоцкого, но и многих художников двадцатого века.

Как показывает наш опыт, неординарное, вечно актуальное песенное творчество барда объединяет любую аудиторию, даже людей, говорящих на разных языках, поскольку многие темы его стихов и песен общечеловеческого, интернационального характера. Продолжая эту мысль, уместно обратиться к произведению известного современного русского поэта Леонида Володарского о международной роли деятельности Высоцкого, а также о значимости языка его художественных текстов в интернациональной ценностной системе. В стихотворении Володарского о метафорическом «высоцком языке», которое так и называется *«Высоцкий язык»*, замечательно сказано о значимости творческого наследия русского барда для мировой культуры, о его интернациональном характере, в котором и мы неоднократно могли убедиться, в том числе и в Африке, в Университете Ганы, где недавно состоялся вечер памяти, организованный в рамках 30-летнего юбилея со дня кончины Владимира Высоцкого.

Леонид Володарский
ВЫСОЦКИЙ ЯЗЫК

Скажите «Высоцкий» на всех языках,
И все языки отзовутся гитарой.
Не знаю, как будет там дальше, в веках,
А нашей эпохе он сделался парой.
Он с ней повенчался не в церкви, зато
Сам Бог приходил на венчание это.
На всех языках его песни про то,
Что всякому близко.

Так слушай, планета!
Уж если и впрямь есть висоцкий язык,
Найди для себя день, а, может быть, миг
И слейся в порыве одном благородном,
Пошли все дела, даже главные – вон!
Всем миром отправь предложение в ООН:
Высоцкий язык сделать международным.

В своих своеобразных и вечно актуальных произведениях Высоцкий обращается ко всем, следовательно, его творческое наследие мало кого оставляет равнодушным. Поэтому каждый, кто прикоснётся к стихам и песням Владимира Семёновича, обязательно найдёт в них то, что созвучно его душе, прочтёт, прослушает и воспримет их по-своему, пропустив через личный, духовный опыт. Также делал и известный русский висоцковед Валерий Комаров, который затронул все эти и другие вопросы в своей университетской докторской диссертации о Высоцком под названием «Жжёт нас память и мучает совесть». Он попытался ответить на целый ряд вопросов, связанных с творчеством Владимира Высоцкого, которые поэт оставил в наследие грядущим поколениям, уйдя из жизни в 1980 году. Каков вектор его творческого и жизненного пути? Кто его герои? В каком жанре созданы его произведения? Какова хронология его творчества? Как издавать его сборники?

Анализ и обзор творчества в диссертации начинается с 1966 года, с выхода фильма В. Турова «Я родом из детства». Как отмечает Валерий Комаров, именно этот год можно считать годом рождения Высоцкого как поэта и барда. Что поразило тогда больше слушателей-зрителей: сам фильм или звучащие песни Высоцкого – неизвестно. Но сразу же Высоцкий становится известен. Голоса его слушателей разделяются на почитающих, отрицающих и занимающих нейтральную позицию, хотя последних было, наверно, меньше всех. В диссертации через отзывы современников (В. Толстых, С. Куняева, А. Вознесенского), письма читателей в СМИ, через полемику в журналах и газетах, представлен путь принятия Высоцкого, его становление как одной из ключевых фигур эпохи в народном сознании,

сознании неоднородном. Тематика его произведений разнообразна: спортивные и альпинистские песни, антиалкогольные и космические, морские и исторические, цикл песен для кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли», тексты к детскому радиоспектаклю «Алиса в стране чудес», множество песен-сказок и так далее. Всего около 600 песен и стихотворений. Для рассмотрения и анализа в данной диссертации выбраны три группы песен и стихотворений: так называемые «уличные», о войне и песни, построенные на олицетворении. Такой выбор может показаться несколько странным на первый взгляд. Что же может объединять эти три таких разных цикла? Ответ на этот вопрос заключается в словах самого Высоцкого: «Там люди находятся в крайней ситуации, в момент риска, на грани смерти». Именно на такой опасной грани раскрывается человек и вскрывается все самое сокровенное в нем. Именно такие моменты дают возможность увидеть «вещество существования». Его герои внешне неоднородны (шахтеры, академики, студенты, космонавты, генералы и шоферы, чемпионы мира и ночные сторожа), но едины в своей внутренней силе и стремлении слиться в единое общее русское целое (Помните, как у Л. Толстого в «Войне и мире»: это и уголовники, и военные, штрафники, и дети, и врачи и так далее). Многие обвиняли Высоцкого в такой узости выбора героев, но цель была простой: ему нужны были герои в критической ситуации, в момент кризиса, когда проявляется вся сила человеческого духа. Валерий Комаров в своей диссертации следует вектору Владимира Высоцкого. Этим и объясняется такой выбор песен. Кто-то скажет, что это опять некий неоромантизм. И будет тоже прав (Достаточно вспомнить историю мировой литературы. Всегда смена одной эпохи другой сопровождается кризисом сознания, концентрацией зла, осознанием необходимости изменения человеческой природы. А для этого нужна исключительная личность в исключительных обстоятельствах, в которых она с наибольшей силой сможет проявить себя). И всё ведь в истории повторяется. И Высоцкий тонко чувствует эту неразрывную связь времен, когда «тронешь за один конец, отзовется другой». Прошлое, настоящее и будущее синтезируются в его творчестве. И многие его стихотворения напоминают по принципу написания форму сонета: теза, антитеза, синтез, – что неизбежно влечет за собой идею

возрождения, возрождения души человека. Через сочувствие, через сострадание. Цель творчества Высоцкого – дать надежду (отсюда вечное стремление лирических героев увидеть восход, ведь для Высоцкого надежда и восход две вещи неразрывные), протянуть руку помощи тем, кто падает в бездну, на дно, тому самому потерянному поколению, протянуть руку помощи, чтобы хотя бы не пасть еще ниже, достать человека со дна существования. Помните пушкинского Петрушу Гринёва, обратившегося к Пугачёву с фразой «Ну, что, брат, прозяб?» при первой их встрече. Это слово «брат» больше, чем просто обращение. Это духовное единение русского народа, где не имеет значения твое социальное происхождение, главное, что ты русский, и ты брат. Валерий Комаров говорит о творчестве поэта как о живописании. Высоцкий подобен иконописцу. Его рукой водит Бог. Его песни не утешают, а спасают. «Спасите наши души!» – молчаливо просят люди вокруг. Он спасает. Провоцируя, преодолевая все преграды на своем пути. И всё это говорится и поется для читателя и слушателя на его языке, языке полном метафор и олицетворений (в диссертации содержится много примеров стихотворений из разных циклов). Комаров пытается также определить и жанр творчества. Поющий поэт? Бард? Поэт-исполнитель? Сам Высоцкий называл жанр своего творчества как «авторская песня». И здесь важно исполнение. Живое. Глаза в глаза. Пожалуй, его творческий дар настолько велик, что нельзя дать четкого определения. Это музыкальная иконопись. И вектор его творчества – это путь на Восход (к Богу) через сочувствие, сострадание, через творчество не только глаголом жечь сердца людей, но и спасать человеческие души от омертвения.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые уделено большое внимание военным песням Высоцкого, более детально проработаны его «уличные» и «лагерные» песни, найден вектор его творческого и жизненного пути.

Цель написания диссертации – доказать прирожденность Высоцкого для поэтического творчества, показать роль личности поэта в становлении России, внести свой вклад в развитие высокоцковедения.

В качестве материала были выбраны такие тексты Высоцкого, как «В тот вечер я не пил, не пел...», «Баллада о детстве», «Нинка», «Вот главный вход...», «Формулировка», «Рецидивист», «ЗК Васильев и Петров ЗК», «Я был душой дурного общества», «Так оно и есть...», «Банька по-белому», «И вкусы и запросы мои странны», «Случай в ресторане», «Сыновья уходят в бой», «Баллада о погибшем летчике», «Песня летчика», «Черные бушлаты», «Спасите наши души», «Бросьте скуку, как корку арбузную», «В темноте», «Мы вращаем землю», «Песня о Земле», «Все ушли на фронт», «Штрафные батальоны», «Я полмира почти через злые бои...», «Песня о госпитале», «Расстрел горного эха», «Нежная Правда в красивых одеждах ходила...», «Песня про мангустов», «Бегают по лесу стаи зверей...», «Песня самолета-истребителя», «Микрофон», «Кони привередливые», «Мы верные испытанные кони...», «Погоня», «Бег иноходца», «Охота на волков», «Охота с вертолетов».

Теоретическое значение диссертационной работы заключается в том вкладе, который она вносит в изучение творчества Владимира Высоцкого в целом и в военных, «уличных», «лагерных» песен-стихотворений в частности. Ведь несмотря на большое количество книг и диссертаций, остается множество нерешенных проблем и вопросов в данной области.

Практическая ценность исследования состоит в том, что теоретические положения, материалы могут быть использованы для дальнейшего изучения этой темы. Собственно, это во многом и являлось целью написания данной диссертации.

Диссертация состоит из трех частей: вступления «Может кто-то когда-то поставит свечу...», главной части и заключения «Ни единой буквой не лгу, не лгу...». Главная часть в свою очередь состоит из трех частей.

I часть «Чтоб он слышал, как рвутся сердца», в которой рассматриваются:

1) причины обращения Высоцкого к темам «уличных» и «лагерных» песен (образ преступившего закон в авторском видении на примере текстов «В тот вечер я не пил, не пел...», «Баллада о детстве», «Нинка»);

2) многоярусность «дна» общества в песнях Высоцкого на примерах текстов «Вот главный вход...», «Формулировка», «Рецидивист»;

3) особенности юмора творчества Высоцкого (в поисках живой души у лирических героев «уличных» песен на примере текстов «ЗК Васильев и Петров ЗК», «Я был душой дурного общества», «Так оно и есть...»;

4) «Банька по-белому» как вершина цикла «уличных» песен и «лагерных» песен;

5) ответ Высоцкого критикам стихотворением «И вкусы и запросы мои странны».

II часть «Сапогами не вытоптать душу», в которой рассматриваются:

1) проблема «отцов и детей» в военной тематике Высоцкого («Случай в ресторане», «Сыновья уходят в бой»);

2) песни о военных летчиках («Баллада о погибшем летчике», «Песня летчика»);

3) образ надежды («Черные бушлаты», «Спасите наши души», «Бросьте скуку, как корку арбузную», «В темноте»);

4) «Мы возвращаем землю»;

5) война и ее последствия с разных точек зрения («Песня о Земле», «Все ушли на фронт», «Штрафные батальоны», «Я полмира почти через злые бои...», «Песня о госпитале»);

6) сложность и стройность ассоциативных построений «Из дорожного дневника».

III часть «Оградив нам свободу флажками», в которой рассматриваются:

1) краткий обзор применения олицетворений в русской поэзии;

2) особенности олицетворений, персонификации и антропоморфизмов у Высоцкого («Расстрел горного эха», «Нежная Правда в красивых одеждах ходила...», «Песня про мангустов», «Бегают по лесу стаи зверей...», «Песня самолета-истребителя», «Микрофон»);

3) образ коней в творчестве Высоцкого («Кони привередливые», «Мы верные испытанные кони...», «Погоня», «Бег иноходца»);

4) песни о волках как высшая степень антропоморфизма в поэзии Высоцкого («Охота на волков», «Охота с вертолетов»).

Работа посвящена читателю Высоцкого, который в своих оценках может его и принимать, и не принимать. Читатель-слушатель проделывает свой путь к Владимиру Высоцкому.

В работе рассматриваются три аспекта в творчестве Высоцкого: как и для чего он пробуждал совесть, о чем заставлял помнить и болеть памятью.

Метод исследования – пройти, увидеть анализируемое, найти «вещество существования», что и является ключом к пониманию Поэта. Приближается звук. И покорная щемящему звуку, молодеет душа. Комаров говорит о своей диссертации так: «Пусть это будет моей маленькой свечкой Поэту».

Соответственно этому в 2003 году в Абакане выходит уже книга Валерия Комарова «Моя свеча поэту». Это фундаментальный труд, посвященный творчеству Владимира Высоцкого. Во вступительной статье Валерий Комаров рассказывает о пути, которым он шел к Высоцкому, вспоминает он и о своей университетской докторской диссертации, понимая, что актуальность темы нисколько не потеряла своей силы. Книга явилась результатом многолетней работы Комарова над творчеством Высоцкого. Изменению подверглись примерно десять процентов текста, сверены были цитаты, так как во времена работы над диссертацией официальным источником был только сборник «Нерв» и двухтомное американское издание. Приходилось транскрибировать магнитофонные записи, пользоваться непроверенным самиздатом. Метод сравнения различных вариантов песен дал свои любопытные результаты: редакторы не всегда были правы в своем рвении в замене строк, знаков препинания, что в свою очередь открывает новые возможности для исследования творчества Высоцкого в области текстов и музыки.

Валерий Комаров в своей книге обращается и к прозе Высоцкого. Это само по себе уже необычно и ново, так как Высоцкий известен как бард, поэт, но как писатель – нет. Высоцкий не оставил завершенных прозаических работ, всего два произведения: повесть «Жизнь без сна» и незаконченный «Роман о девочках». Впервые они были опубликованы в издательстве «Литературное зарубежье» во втором томе собрания сочинений. Реальное и ирреальное переплетены и сосуществуют в этих произведениях. Двоемирие произведений сопрягается с двоемирием самого

Высоцкого. Сумасшествие становится одной из базовых категорий для созерцания и созидания и единственным выходом для возможности творить и жить. Сумасшедший имеет право на свободу слова. Вначале было Слово. И для тех, для кого Слово – это Жизнь, сумасшествие становится единственно верным способом пребывания в этом мире. Комаров считает, что именно прозаические произведения Высоцкого помогают решить, казалось бы, неразрешимые вопросы о жизни и смерти легендарного поэта-песенника.

В заключительной части книги помещены воспоминания людей, хорошо знавших Высоцкого: Всеволода Абдулова, Виталия Шаповалова, О. В. Баландяна.

Эту книгу Валерий Комаров посвятил Всеволоду Осиповичу Абдулову, своему доброму приятелю и одному из двух самых близких друзей Высоцкого, а также друзьям автора: Евгению Гусеву, Вячеславу Попову, Александру Кутикову, С. Постригалю, И. Щербакову, А. Кузоватову и – в конце, но не в последнюю очередь – всем хранителям памяти и вечно актуального творческого наследия Владимира Высоцкого.

Свеча – христианский и мировой символ веры и надежды. Свеча – свет, для всех заблудших душ в этом мире. «Свеча горела на столе, свеча горела...» Высоцкий не успел испить свою чашу жизни до дна, но его миссия была быть ориентиром, маяком для современного ему поколения и для последующего. И всё, в чем его всегда обвиняли: уголовщина, лагерщина, блатные песни – это всё лишь форма (может быть, слишком резкая, может быть, необычная, но такая была избрана им) для проповедования общечеловеческих ценностей доброты, красоты, лада, а на такое способен только ЧЕЛОВЕК.

Литература

ВАЛЕРИЙ КОМАРОВ

1986. Жжёт нас память и мучает совесть. Малая докторская диссертация. Печ.

Вицаи П.

2006. Венгерские страницы жизни и творчества Владимира Высоцкого. Эгер, Гонда Кёньвкиадо.

ВИЦАИ ПЕТЕР

2003. (сост.) Книга в память о Владимире Высоцком, посвящённая 65-летию со дня его рождения. Будапешт-Дьёр: Holdudvar Társulás.

ВЛАДИМИР НОВИКОВ

1995. Высоцкий есть Высоцкий Вагант (приложение).

КОМАРОВ В. Г.

2003. Моя свеча поэту. Абакан. Типогр. Фирмы «Март».

ПЕТЕР ВИЦАИ

2010. Высоцкий – он и в Африке Высоцкий. Газета Российский Курьер, онлайн. www.kurier.hu 16. 11.

ПЕТЕР ВИЦАИ

2009. «Высоцкий язык». Газета Российский Курьер. 2009. 16-30 апреля.

**Межъязыковые лексические аналоги:
Проблемы их исследования и преподавания
(на материале русского и болгарского языков)**

Ганчева Магдалена

В процессе сопоставительного изучения лексики разных языков выделяются пары слов, для которых характерна очень высокая степень внешнего, формального, сходства. Лексические соответствия такого типа обнаруживаются при сравнении языков разной генетической близости, но в наибольшей степени свойственны родственным языкам, какими являются русский и болгарский языки.

Изучение фактов внешнего межъязыкового сходства представляет интерес с точки зрения природы языкового знака, так как показывает возможные проявления асимметрии в знаке. Формальное сходство лексических единиц может сопровождаться и не сопровождаться сходством в их содержании, т.е. формально сходные лексические единицы не одинаковы с точки зрения степени их семантического сходства.

В лингвистической литературе для обозначения формально сходных лексических пар двух сопоставляемых языков применяются разные термины: формальные корреляты (Московская М. 1981: 223-236), слова-аналоги (Червенкова И. 1992: 151-156) (обозначение формально сходных слов вне зависимости от характера их семантического сходства); межъязыковые омонимы и паронимы (Грабчиков С.М. 1980), квазипараллели (Ивашина Н., Руденка А. 2006: 357-371), аппроксиматы (Карпачева М. 1991: 379-389) (при семантической нетождественности слов, полной или частичной), паралексы (Михневич А.Е. 1985) (охватывает только факты семантического тождества), “ложные друзья переводчика” (Акуленко В.В. 1969) (акцентируется на употреблении сходно звучащих слов в практике перевода) и т.п.

Каждый из перечисленных выше терминов охватывает лишь часть множества формально сходных слов, оставляя при этом в стороне остальные случаи. То, что объединяет их, – это формальная эквивалентность лексических соответствий. Поэтому при их исследовании необходимо в первую

очередь определить степень формальной близости слов, подвергая их формальному анализу. Таким образом выявляются типы формальных соответствий сопоставляемых единиц. На следующем этапе исследования уже необходимо провести семантический анализ и определить типы их семантических соответствий. В результате такого анализа выделяются основные типы межъязыковых лексических соответствий.

Наблюдения над формально сходными словами в русском и болгарском языках привела нас к выявлению следующих типов соответствий:

1. Типы формальных соответствий.

1.1. Слова, полностью совпадающие в форме (по крайней мере в основной ее части).

Если имеются расхождения в форме, то это закономерные расхождения, мотивированные фонетической, графической и морфемно-словообразовательной системой каждого языка. Например, сравним русское слово *истина* и болгарское *истина*, *р. ягода* – *б. ягода*, *р. источник* – *б. източник*, *р. пустой* – *б. пуст*, *р. важный* – *б. важен*, *р. знать* – *б. зная*, *р. говорить* – *б. говоря*, *р. опухать* – *б. опухам*.

1.2. Слова с частичным совпадением формы. Например: *р. крест* – *б. кръст*, *р. стройка* – *б. строеж*, *р. заниматься* – *б. занимавам се*, *р. терпеть* – *б. търпя*, *р. молодой* – *б. млад*, *р. напоследок* – *б. напоследък*.

Нужно отметить, что совпадение в форме может быть случайным (напр., *р. тряпка* – *б. тръпка*, *р. шест* – *б. шест*, *р. трус* – *б. трус*) или обусловленным общим происхождением слов (напр., *р. ступень* – *б. степен*, *р. небо* – *б. небе*, *р. придумать* – *б. придумам*, *р. абонент* – *б. абонат*).

Для разграничения фактов случайного совпадения от обусловленного, мы используем термин **межъязыковая аналогия**, которым называем существование в разных языках сходных по форме однокоренных лексических единиц. Сами лексические единицы называем **межъязыковыми аналогами** и определяем как однокоренные слова разных языков, возникших либо в результате развития из одного источника, либо в результате заимствования из одного языка (Вилюман В.Г., Соболева П.А.1981: 68-83). Таким образом учитывается характер и степень их

формальной близости. Такое понимание термина позволяет объединить формально сходные слова с разным типом семантического соответствия.

2. Типы семантических соответствий.

В содержательном плане отношения между формально сходными словами могут быть охарактеризованы как отношения семантического совпадения и различия (полного и частичного).

2.1. Слова с совпадающим значением (с тождеством семантики – $P \equiv B$).

Например:

р. сестра – б. сестра (1) 'Дочь одних и тех же родителей по отношению к другим их детям', (2) 'Лицо среднего медицинского персонала в лечебных учреждениях';

р. желток – б. жълтък 'Густое желтое вещество в птичьем яйце';

р. дополнить – б. допълня (1) 'Сделать что-н. более полным, прибавив к нему', (2) 'Добавить к сказанному новое';

р. зеленый – б. зелен (1) 'Имеющий цвет травы, листвы', (2) 'Состоящий, сделанный из зелени, покрытый зеленью (о растительности)', (3) 'Недозрелый (о плодах)', (4) 'Неопытный по молодости', (5) *мн.* 'Сторонники партий и движений, борющихся за сохранение окружающей среды'.

2.2. Слова с семантическим различием.

В зависимости от степени различия в значениях слов выделяем случаи частичного и полного различия.

2.2.1. Полное семантическое различие (непересечение семантики – $P \neq B$) отмечаем в случаях отсутствия общей части в семантике слов. Например:

р. исток (1) 'Место, где начинается водный источник', (2) 'То, из чего возникает что-н.' (= **б1. извор, б2. источник**) $\neq$ **б. ѝсток** (1) 'Одна из четырех стран света', (2) 'То, что расположено там' (= **р. восток**);

р. напоследок 'В завершение чего-н.' (**б. накрая**) $\neq$ **б. напоследък** 'В последнее время'.

2.2.2. При частичном семантическом различии отношения между лексическими единицами можно определить как отношения семантического включения и пересечения в зависимости от характера семантического соответствия.

2.2.2.1. Семантическое включение отмечаем в случаях, когда один член лексической пары шире второго ($P \supset B$ или $P \subset B$). Например:

р. измена $\supset$ **б. измяна**. Общими для русского и для болгарского слова являются значения (1) 'Предательство интересов родины' (**измена родине – измяна на родината**), (2) 'Нарушение верности чему-л' (**измена другу – измяна на приятеля си**). У русского **измена** однако есть еще одно значение : (3) 'Нарушение супружеской верности' (= **б. изневяра**) (**супружеская измена – съпружеска изневяра**);

р. абонент $\subset$ **б. абонат**. Значение (1) 'Тот, кто пользуется правом на что-н.' является общим (**абонент телефонной сети – телефонен абонат**), а у **б. абонат** зафиксировано еще значение (2) 'Тот, кто пользуется подпиской на печатное издание' (= **р. подписчик**) (**абонат на вестник – подписчик газеты**).

2.2.2.2. Если у каждого члена лексической пары кроме общих значений есть и значения, свойственные только ему, то говорим о семантическом пересечении ($P \cap B$). Например: **р. жадный** – **б. жаден** совпадают в значениях (1) 'Сильно желающий чего-н.' (**жадный к знаниям – жаден за знания**) и (2) 'Выражающий сильное желание' (**жадный взгляд – жаден поглед**), но различаются в значениях: **р. жадный** 'Сильно желающий приобрести то, чего у него нет' (**жадный человек**) (= **б. алчен, лаком**) и **б. жаден** 'Испытывающий сильное желание пить' (**жаден съм**) (= **р. хочется пить**). **Р. жадный** $\cap$ **б. жаден**.

Если исходить из вышесказанного, можно согласиться с утверждением, что в плане содержания отношения между формально сходными словами разных языков могут иметь, в частности, паронимический или омонимический характер, напоминая соответствующие отношения между единицами одной лексической системы. При этом некоторые (межъязыковые паронимы) сохраняют частично общие элементы значения благодаря общему происхождению, но приобрели дополнительные компоненты, разные для сопоставляемых языков, другие же (межъязыковые омонимы) получили различные значения, иногда противоположные. Например:

р. невеста – **б. невеста**. При наличии общего компонента 'молодая женщина' развились противоположные значения: у **р. невеста** 'Молодая

женщина до брака' (= **б.** *годеница, булка, мома за женене*), у **б.** *невеста* 'Молодая женщина после брака' (= **р.** *замужняя женщина*);

р. *ягода* – **б.** *ягода*. Для **р.** *ягода* характерно значение 'Плод многих кустарников и трав со сладким вкусом' (= **б.** *ягода, малина, къпина, боровинка и др.*), а для **б.** *ягода* – 'Плод одного вида травянистого растения, а также само растение' (= **р.** *клубника, земляника*), то есть общим компонентом является 'плод растения'.

За рамками групп “межъязыковых омонимов и паронимов”, однако, остаются формально сходные слова, которые семантически тождественны. Это дает нам основание объединить все названные типы семантических соответствий и отнести их к аналогам. Следовательно, термин “межъязыковая лексическая аналогия” является шире терминов “межъязыковая омонимия” и “межъязыковая паронимия”, так как охватывает формально сходные слова разных языков независимо от характера их семантического соответствия.

Применительно к русскому и болгарскому языкам (как близкородственным) следует уточнить границы лексической аналогии, определив, в чем должно состоять формальное сходство и какова должна быть его степень.

Аналогами мы считаем русские и болгарские лексические единицы, обладающие максимальной степенью формальной близости корней. Полное формальное совпадение в русской и болгарской лексике встречается сравнительно редко (типа *не* – *не*, *как* – *как*), что объясняется разным оформлением слов в соответствии с грамматическими системами русского и болгарского языков, а также различиями в их фонологических системах. Поэтому следует говорить лишь о максимальной степени формальной близости единиц.

Аналоги могут различаться грамматическим оформлением, но определяющим признаком формального сходства является морфемный состав слов. Сравним: **р.** *брат* – **б.** *брат*, **р.** *терпеть* – **б.** *търпя*, **р.** *шесть* – **б.** *шест*, **р.** *напоследок* – **б.** *напоследък*.

Слова с тождественным морфемным составом называем полными аналогами: **р.** *жена* – **б.** *жена*, **р.** *дом* – **б.** *дом*, **р.** *синий* – **б.** *син*, **р.** *знать* – **б.** *зная*.

Слова с расхождением в морфемном составе относим к неполным аналогам (квазианалогам): р. *правление* – б. *управление*, р. *стройка* – б. *строеж*, р. *крест* – б. *крѣст*, р. *манера* – б. *маниер*. При этом расхождение может проявляться как в количестве морфем, так и в их фонемном составе.

Внутри каждой группы могут быть разновидности в зависимости от наличия или отсутствия расхождений в аффиксальной части. Например: 1) р. *девушка* – б. *девойка*, р. *правление* – б. *управление* (тождество корней сопровождается пересечением в суффиксальной или префиксальной частях); 2) р. *похвальба* – б. *хвалба*, р. *стройка* – б. *строеж*, р. *воспоминание* – б. *спомен* (пересечение как в корнях, так и в суффиксальной и/или префиксальной частях).

Приведенные примеры показывают, что различия в форме русских и болгарских слов разнородны. Самыми существенными при сопоставлении оказываются различия в морфемном составе, но при изучении аналогов необходимо иметь в виду и различия фонетического, графического и акцентологического характера.

Нужно подчеркнуть, что различия в форме лексических единиц обязательно имеют регулярный характер и закономерную обусловленность особенностями каждой языковой системы. Например, р. *сторона* – б. *страна* (наличие полногласия/неполногласия), р. *советник* – б. *съветник* (р. *о* / б. *ѡ*), р. *терпеть* – б. *тѣрпя* (р. *е* / б. *ѣ*), р. *писать* – б. *пиша* (*с* // *ш*) являются бесспорными аналогами.

С точки зрения фонемного состава регулярными являются следующие различия:

- русское полногласие (*голова*) – болгарское неполногласие (*глава*);
- русское [’ѐ] (*крест*) – болгарское [ѣ] (*крѣст*);
- рус. [’ѐ] (*отчѣт*) – болг. [’ѐ] (*отчет*);
- рус. [’ѐ] (*вера*) – болг. [’а] (*вяра*);
- рус. [ý] (*орудие*) – болг. [ѣ] (*орѣдие*);
- рус. [ѐ] (*горло*) – болг. [ѣ] (*гѣрло*);

- в рус. *j* перед *e* (*единый*) – в болг. отсутствие *j* (*единен*);
- в рус. мягкий согласный в конце слова (*житель*) – в болг. отсутствие мягкости в конце слова (*жител*) и т.д.

Регулярные различия с точки зрения графики это: употребление разделительных *ъ* и *ѣ* в русском языке (*р. объект* – *б. обект*), написание приставок на *з/с* (*р. источник* – *б. източник*, *р. воскресение* – *б. възкресение*), отражение мягкости русских согласных (*р. деятель* – *б. деятел*) и т.д.

При сопоставлении слов-аналогов необходимо учитывать и акцентологический параметр. Как акцентологически тождественные определяются слова с одним и тем же ударным слогом независимо от количества слогов и их фонемного состава. Например: *р. совет* – *б. съвет*, *р. правление* – *б. управлѣние*, *р. похвальба* – *б. хвалба*.

Но, конечно, главным признаком тождества или пересечения форм является их морфемный состав. Поэтому различия в ударении или написании при тождественном морфемном составе не влияют на характер формального соответствия, например, *р. исто́чник* – *б. ѝзточник* определяем как формально тождественные слова, т.е. полные аналоги.

Наряду с бесспорными аналогами существуют и русско-болгарские лексические пары с заметными нерегулярными различиями в морфемном составе, при сопоставлении которых возникает вопрос – это аналоги или нет. Например: *р. тяжелый* – *б. тежък*, *р. наверняка* – *б. навярно*, *р. возвращаться* – *б. връщам се*, *р. ступень* – *б. стъпало*. Подобные пары находятся на периферии, но мы считаем, что все-таки следует отнести их к неполным аналогам в силу сходства прежде всего в корне. Если же имеются нерегулярные различия и в корне, то такие слова нельзя причислять к аналогам. Напр.: *р. французский* – *б. френски*, *р. сентябрь* – *б. септември*. Аналогами нельзя считать и такие формально сходные слова, которые не являются однокоренными, например:

р. ласка2 'Небольшое хищное животное' (= *б. невестулка*) – *б. ласка* 'Проявление нежности' (= *р. ласка1*);

р. запла́та 'Кусок ткани, нашиваемый на дырку' (= **б. крѣпка**) и **б. запла́та** 'Денежное вознаграждение, выплачиваемое за труд, услуги и др.' (= **р. зарпла́та**);

р. шест 'Длинная палка' (= **б. върлина**) – **б. шест** 'Число 6' (= **р. шесть**).

Здесь можно видеть лишь проявление межъязыковой омонимии, возникшей либо за счет омонимии в одном из языков (**р. ласка1** и **ласка2**), либо в результате случайного формального сходства слов (**р. шест** – **б. шест**) и их производных (**р. запла́татъ** → **запла́та** и **запла́титъ** → **зарпла́та** = **б. запла́та**).

Нужно отметить, что наблюдения над русско-болгарскими аналогами и их семантический анализ показывают, что значительное место среди них занимают семантически тождественные лексические пары, при этом преобладают полные аналоги. Частичное семантическое совпадение характерно прежде всего для лексических пар – неполных аналогов (квазианалогов).

В практике преподавания русского языка особый интерес вызывают русско-болгарские формальные эквиваленты с семантическим непересечением. Чтобы избежать интерференции у болгарских учащихся, необходимо обособлять такие слова в особую группу и обращать на них внимание в процессе обучения.

Информацию о семантических различиях полезно давать вместе с минимальным контекстом, который позволяет выявить эти различия. Покажем это на примере лексической пары **р. невежа** – **б. невежа**. Объясняя значения обоих слов (**р.** 'Трубый, невоспитанный человек' и **б.** (1) 'Необразованный человек', (2) 'Человек, несведующий в какой-л. области знания'), указываем с каким словом соотносится каждое из них: **р. невежа** = **невежливый**, **б. невежа** = **невеж**, **неграмотен**. Далее приводим их семантические эквиваленты в другом языке: **р. невежа** = **б. невъзпитан човек** и **б. невежа** = **р. невежда, невежественный человек**.

Иногда полезны этимологические справки и комментарии. Например, при объяснении пары **р. ярка** – **б. ярка** можно вычленить общий компонент 'молодость' (**р. ярка** – 'Молодая овца' и **б. ярка** – 'Молодая курица') и связать с праславянским словом **яро** (весна), т.е. 'молодые, родившиеся этой весной'.

В сопровождающую объяснение информацию должны войти также и все сведения о трудностях усвоения русского слова – от различий в ударении и написании до семантических особенностей.

Формальные эквиваленты с семантическим тождеством усваиваются учащимися легко. Здесь необходимо только направить их внимание на фонетические или графические различия, если такие есть. Сравним: **р. договор** – **б. дѳговор**, **р. таблица** – **б. тѳблица** или **р. процесс** – **б. процес**, **р. экспонат** – **б. експонат**, **р. эффект** – **б. ефект**.

Наиболее трудными для усвоения, однако, оказываются случаи с частичным семантическим сходством. Формальная и семантическая близость русских и болгарских слов является источником неизменных ошибок в речи болгар. С одной стороны, наличие общих элементов в значении слов, а с другой – сходство в форме, становятся причиной их ошибочного употребления.

В качестве примера рассмотрим пары **р. основание** – **б. основание** и **р. основание** – **б. основа**.

Лексическая пара **р. основание** – **б. основание** характеризуется формальным тождеством. У членов этой пары одно общее значение: 'То, что оправдывает или объясняет какое-л. действие или поступок'. Сравним: **р. основание сделать что-н., основание для страха** – **б. имам основание за нещо, основание за притеснение**.

У **р. основание** отмечаем еще несколько значений: (1) 'Часть грунта, на которой постоит сооружение' (**основание дома, заложить основания**); (2) 'Нижняя часть предмета, на которой держатся его части' (**основание купола, что-н. служит основанием чего-н.**); (3) 'Главное, на чем строится действие' (**основание преступления, подорвать основания системы**); (4) 'То, что составляет ядро предмета' (**быть основанием для чего-н.**); (5) **мат.** 'Страна геометрической фигуры' (**основание треугольника**); (6) **хим.** 'Химическое соединение металла' (**основание натрия**).

Во всех этих значениях в болгарском языке употребляется **основа**: **основа на сграда, полагам основите на нещо, служба за основа на нещо, основа на триъгълника, натриева основа** и т.п.

Таким образом, семантическое соответствие *р. основание* – *б. основание* можно определить как семантическое включение ($P \supset B$).

С другой стороны, *б. основа* имеет своим соответствием еще *р. основа* в значениях 'Внутренняя опорная часть предмета' (*б. основа на конструкцията* – *р. основа конструкции*) и 'Часть слова, состоящая из корня и аффиксов' (*б. основа на думата* – *р. основа слова*), т.е. *р. основание* $\cap$ *б. основа*.

Нужно учитывать еще факт наличия лексической пары *р. основание* – *б. основаване* с общим значением 'Создание, образование чего-н', характеризующейся формальным пересечением и семантическим включением. Ср.: *р. основание города* – *б. основаване на града*.

Это переплетение сходных форм и близкой семантики может привести к образованию ошибочных сочетаний типа **основа здания, *основа треугольника, *основа натрия*. Поэтому необходимо выяснить все значения русских слов и их болгарских соответствий, дать словосочетания, в которых проявляются эти значения, подчеркнуть различия. В таких случаях уместно составить примеры, в которых одно и то же слово представлено в одном контексте в разных значениях, типа: *Нет основания считать, что основания нового дома ненадежны*, и сравнить с болгарским: *Няма никакви основания да смятаме, че основите на сградата не са надеждни*. Такие примеры позволят учащимся сравнить употребление русских и болгарских формально эквивалентных слов в контексте.

Интерес вызывают также некоторые примеры из речи болгар, говорящих на русском языке, которые приводят к комичным ситуациям или недоразумениям. Так, объясняя слова *р. простой* 'Ничем не выделяющийся' (= *б. обикновен*) – *б. прост* (= *р. глупый*), можем привести пример: *Он – простой человек* и *Той е прост човек* (вм. *обикновен*). В таких случаях следует направлять внимание учащихся на то, к чему может привести неправильное употребление таких слов.

С целью облегчить усвоение формально эквивалентных слов следует определить их место среди других подобных им слов с близкой семантикой – синонимов и антонимов, а также среди других формально близких им

слов. Ср: **р. простой человек** – **syn. обыкновенный, заурядный; б. прост человек** – **syn. глупав** (= **р. глупый**).

В конце необходимо закрепить усвоенную информацию при помощи заданий разного типа (Ганчева М. 2002: 462).

Практически эта цель может быть достигнута путем подачи лексического материала в виде комментариев, иллюстративных примеров и тренировочных заданий. Задания могут быть рассчитаны как на аудиторную работу под руководством преподавателя, так и на самостоятельную работу и самопроверку практических языковых действий. С их помощью можно проверить, насколько правильно понято содержание комментария. Это могут быть:

1) Задания на наблюдение над языковыми фактами и на употребление и анализ этих фактов. Например: а) определить, в каком значении употреблены данные слова, возможна ли их взаимозамена; б) вставить вместо точек слова, обратить внимание на различия между вариантами, заменить слова синонимами.

2) Задания на анализ ошибок. Например: исправить ошибки, дать правильный вариант, объяснить исправление.

3) Задания на учебный перевод с болгарского на русский и с русского на болгарский.

4) Задания творческого характера. Например: составить словосочетания и предложения, включить слова в диалог.

Задания обязательно должны иметь аналитический характер, чтобы содействовать формированию у учащегося навыков анализа фактов изучаемого и родного языков в сопоставительном плане и развитию навыков речи.

Такой подход в изучении лексических аналогов должен способствовать усилению положительной интерференции и ограничению (преодолению) отрицательной интерференции родного языка на изучаемый.

Литература

- ВИЛЮМАН В.Г., СОБОЛЕВА П.А.
1981. Семантико-синтаксические проблемы в контрастивной лингвистике. – Проблемы структурной лингвистики 1978; 1981, М.
- ГАНЧЕВА М.
2002. Особенности изучения русско-болгарских лексических аналогов. – Восьмой международный симпозиум. МАПРЯЛ' 2002. Доклады и сообщения. Велико-Тырново.
- ГРАБЧИКОВ С.М.
1980. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря. Минск.
- ИВАШИНА Н., РУДЕНКА А.
2006. Чешско-белорусские квазипараллели (проблемы межъязыковой омонимии). – Минск: Die Welt der Slaven LI. http://kateosia.com/texty/ivashina_rudenko_kvaziparalleli.pdf.
- КАРПАЧЕВА М.
1991. Апроксимация и апроксиматични речници – Български език, № 4.
- МОСКОВСКА М.
1981. Формално сходни двойки думи в английски и български език (семантични и функционални характеристики) – Съпоставително езикознание и чуждоезиково обучение. Велико Търново.
- ХУЦИШВИЛИ С.
2006. Типы семантических отношений в сфере межъязыковой омонимии и паронимии. Дата создания оригинала документа: 21.06.2006. <http://www.slavcenter.ge/art/>.
- ЧЕРВЕНКОВА И.
1992. Русско-болгарские лексические аналоги (некоторые наблюдения на базе словарных данных) – Съпоставително езикознание, XVII, №3.
- АНГЛО-РУССКИЙ И РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ “ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА”
1969. (под общим руководством В.В. Акуленко). Москва.
- БЕЛОРУССКО-РУССКИЙ ПАРАЛЕКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.
1985. Под ред. А.Е. Михневича. Минск.

**Socializácia jazyka a vplyv extralingválnych faktorov
na hovorenú podobu slovenčiny
(teoretické súvislosti v kontexte výskumu mestskej reči vo
Veľkom Krtíši)**

Ladislav György

Príspevok má teoretický charakter a primárne sa v ňom odrážajú pohľady na konkrétnu problematiku v rámci interdisciplinárnych výskumov hovorenej komunikácie v mestskom prostredí. Pozornosť sa sústreďuje na vymedzenie charakteristiky socializácia jazyka – na načrtnutie zovšeobecňujúcich úvah o vplyve mimojazykových faktorov kontextovo podmieňujúcich a reflektujúcich status mestskej reči práve na základe poznatkov z výskumu hovorenej podoby jazyka v meste Veľký Krtíš.

Človek je sociálny typ a žije v spoločnosti. V procese socializácie si osvojuje skúsenosti, správanie, očakávania, presvedčenia, hodnoty určitého kultúrneho spoločenstva. Osvojuje si jazykové normy, učí sa ich primerane uplatniť pri komunikácii. Socializácia jazyka preto predstavuje jeden zo základných pilierov dopomáhajúcich k nášmu zaradeniu sa do spoločnosti. Jazyk a spoločnosť vystupujú v symbióze, vytvárajú vzájomný vzťah. Ak chýba vhodné spoločenské prostredie, negatívne sa vyvíja aj socializácia jazyka.

Osvojovaním si jazyka získavame nielen komunikačný prostriedok, ale aj schopnosť správne používať jazyk v závislosti od rôznych každodenných komunikačných situácií. Dochádza k vzájomnému nadobudnutiu jazykových a komunikačných noriem¹. Učiť sa jazyk – učiť sa hovoriť, používať jazyk znamená stať sa členom nejakého jazykového a kultúrneho celku.

Na socializáciu jazyka má veľký vplyv rôznorodé spoločenské prostredie a v ňom sa formujúce heterogénne spoločenstvo². Aj mesto predstavuje zo sociologického hľadiska určitý typ priestoru – územného celku, v ktorom žije výraznejšie sociálne diferencované obyvateľstvo. Je to ľudské sídlo vytvárané určitými ľuďmi v konkrétnom čase na konkrétnom území, charakteristické svojím konkrétnym jazykom – osobitou mestskou rečou. Na jej hovorenú podobu majú

vplyv biologické, psychologické a sociálne činitele. Dominancia jednotlivých mimojazykových faktorov výrazne predurčuje status používateľov jazyka.

Pri vymedzení sociodemografických parametrov zohľadňujeme mimojazykové determinanty: pohlavie a vek (biologické činitele), temperament (psychické činitele), sociálny a regionálny pôvod, bydlisko, vzdelanie, sociálne zaradenie, zamestnanie (sociálne činitele). Bližšie definujeme vekovo-generačný faktor v priestore slovenských výskumov a podrobnejšie sa zameriavame na charakteristiku mestského prostredia v procese urbanizácie.

Jednoduchú a jednoznačnú diferenciaciu vidíme pri vymedzovaní kategórie pohlavia. Pokiaľ ide o biologické pohlavie (angl. *sex*, nem. *Sex*, *Geschlecht*), je to rozlíšenie komunikantov na mužov a ženy podľa daných biologických rozdielov. Ak však máme na mysli rod, resp. sociálne pohlavie – sociálne pohlavia (angl. *gender*, nem. *soziales Geschlecht*), definícia je trochu zložitejšia. Ide o súhrn viacerých spoločenských faktorov, ktoré v rôznej podobe a v rozličnej miere prináležia obom pohlaviu, a prostredníctvom ktorých sa potom inak prejavujú aj spoločenské rozdiely (vrátane verbálneho správania) medzi mužmi a ženami. Pri výskumoch, ktoré berú do úvahy kategóriu pohlavia a orientujú sa na jej analýzu, je tak možné pozorovať špecifické črty mužského a ženského typu komunikácie. V našom výskume sa nevenujeme osobitne a cielene charakteristike mestskej reči na základe pohlavia, keďže túto kategóriu považujeme za nepodstatnú, najmä ak ide o analýzu a vyhodnotenie dotazníkového materiálu.

Vekovo-generačný parameter je ďalším mimojazykovým faktorom, na ktorý sa prihliada pri sociolingvistických výskumoch. Vek je na jednej strane vrozený činiteľ, na strane druhej sa v nej jasne odrážajú sociálne pomery, spoločenské zvyky, očakávania, skúsenosti. Je nielen biologickým determinantom ohraničujúcim fázy ľudského života (detstvo, adolescencia, dospelosť, staroba), ale aj sociálnou charakteristikou istých foriem spoločenských činností viažucich sa na vek. Svoju hodnotu nadobúda v kontexte, keď sa spája so sociálnymi faktormi a vystupuje ako odrazová kategória (porov. Kiss, 2002, s. 91-92).

Vo všeobecnosti sa vychádza z členenia na tri generačné skupiny (mladšia, stredná a staršia generácia)³ s pomerne veľkým vekovým rozpätím, pričom v každej generačnej fáze sa obyčajne vyčleňujú dve vrstvy – mladšia a staršia. Je však potrebné zdôrazniť, že nie všetky sociolingvistické výskumy uvádzajú

rovnaké ohraničenie generačných skupín. Svedčia o tom aj výskumné práce mnohých slovenských lingvistov.

Projekt *Výskum hovorenej podoby spisovnej slovenčiny*, realizovaný pod vedením E. Paulinyho v 60. rokoch minulého storočia, tiež počítal s kategóriou biologického veku. Výskumný program sa však neorientoval na všetky generačné skupiny. Skúmala sa hovorená podoba spisovnej slovenčiny na základe rozlíšenia vzdelanostného parametra medzi hovoriacimi vo veku 30-40 rokov, keďže komunikanti v tomto období sú najviac jazykovo ustálení (porov. Pauliny, 2007, s. 19 a s. 25).⁴

Pri výskume hovorenej podoby jazyka v meste Banská Bystrica V. Patráš pracuje s piatimi vekovými stupňami (9-14-roční, 15-23-roční, 24-39-roční, 40-59-roční, 60 a viacroční informátori) [pozri Patráš, 1990]. V štúdii *Metodologické špecifiká pri výskumoch živej komunikácie v (slovenských) mestách* (1999, s. 167) uvádza delenie na školskú, produktívnu a najstaršiu generáciu (generáciu „tretieho veku“). Konštatuje, že sociolingvistický výskum treba realizovať vo všetkých vekových skupinách obyvateľov mesta, aj keď najbohatší a systémovo najucelenejší výskyt funkčných variet predstavuje práve stredná generácia. 30-40-roční komunikanti podľa neho využívajú progresívnejší, dynamickejší komunikačný materiál, čím vytvárajú akýsi nivelizovaný štandard (Patráš, 1998, s. 104; 2002, s. 68).

V rámci anketového prieskumu postojov k jazyku D. Slančová (1990) vychádza z podrobnejšieho členenia na vekové skupiny: a) 15-20 rokov; b) 21-30 rokov; c) 31-40 rokov; d) 41-50 rokov; e) 51-60 rokov; f) 60 rokov a viac. Pri ďalšom výskume podoby hovorenej komunikácie na východnom Slovensku (v meste Prešov) si spolu s M. Sokolovou rozdelili respondentov do troch vekovo-generačných vrstiev: I. do 24 rokov, II. 25-50 rokov, III. nad 50 rokov (pozri Slančová – Sokolová, 1995, s. 139).

Pohľad na súčasnú jazykovú situáciu v Rajci priblížil M. Smatana, podľa ktorého sa jazyk formuje (z generačného aspektu) interferenciou jazykových prejavov troch generačných vrstiev. Vymedzuje: najstaršiu generačnú vrstvu (60 rokov a viac), strednú (35-59 rokov) a mladú generačnú vrstvu (10-34 rokov) [Smatana, 1995, s. 145].

Zaujímavé vekové rozvrstvenie ponúka G. Múcsková (2000, s. 185), ktorá pri výskume mestskej reči v Gelnici delí svojich respondentov na tri generácie tvoriace rodinu: generáciu starých rodičov (roky narodenia 1910-1953), generáciu rodičov (1946-1972) a generáciu detí (1975-1997).

S odlišným generačným rozlíšením pracujú aj mladšie autorky: L. Urbancová a V. Luptáková. Pri charakteristike mestskej reči vo Zvolene L. Urbancová (2006) vymedzuje päť vekových kategórií: a) informátori do 15 rokov; b) 16-23 rokov; c) 24-39 rokov; d) 40-60 rokov; e) nad 61 rokov. V. Luptáková (2009) sa zamerala na strednú generačnú vrstvu, ktorú ďalej členila na mladšiu strednú generáciu (30-45 rokov) a staršiu strednú generáciu (46-60 rokov).

Jednotlivé sociolingvistické výskumy uvádzajú rôzne vekovo-generačné štruktúry. Náš výskum sa orientuje na všetkých obyvateľov mesta a v práci vychádzame z diferenciacie na štyri vekové stupne podľa projektu VEGA 1/4713/07 *Dynamika spoločenských zmien a stratifikácia slovenčiny*: a) 15-20 rokov; b) 21-40 rokov; c) 41-60 rokov; d) 60 rokov a viac.

Pre sociolingvisticky orientované výskumy má popri vrodenných biologických činiteľoch veľký význam prihliadať aj na sociálne aspekty komunikácie, vyvolané rôznymi sociálnymi determinantmi.

Kategóriu dosiahnutého vzdelania⁵ považujeme (vrátane veku) za jeden z najdôležitejších sociokomunikačných faktorov. Väčšina výskumov (zahŕňajúc skúmanie hovorenej podoby jazyka v meste) počíta s klasickým (tradičným) delením na komunikantov so základným stupňom vzdelania, stredoškolským vzdelaním bez maturity (stredné odborné učilišťa), úplným stredoškolským vzdelaním s maturitou (gymnázia a stredné odborné školy) a s vysokoškolským vzdelaním (vyššie odborné školy, vysoké školy, univerzity). Niektorí výskumníci za účelom presnejšej analýzy a dosiahnutia objektívnejších výsledkov ešte podrobnejšie diferencujú parameter vzdelania, v rámci ktorého rozlišujú napríklad medzi humanitnými, prírodovedeckými, technickými, ekonomickými vedami – zameraniami atď.

Pokiaľ ide vzdelanostnú úroveň informátorov – respondentov nášho výskumu, pridržiavame sa rozvrstvenia: a) základné vzdelanie; b) stredoškolské vzdelanie bez maturity; c) stredoškolské vzdelanie s maturitou; d) vysokoškolské vzdelanie. Prihliadame aj na socioprofesionálny status komunikantov, aj keď sme výskum

neuskutočňovali na základe vopred vybratého a špecificky diferencovaného socioprofesionálneho prostredia – prostredí.

Dôležitým sociodemografickým – sociokomunikačným aspektom sa javí sociálny pôvod a sociálne zaradenie, sociálna príslušnosť skúmaných komunikantov, resp. samotné sociálne prostredie ovplyvňujúce sociálnu podmienenosť komunikácie. V rámci sociálnej interakcie s prostredím môžeme potom hovoriť nielen o sociálnej kompetencii osobnosti, ale aj z toho vyplývajúcej komunikačnej kompetencii (pozri tiež Kollárik, 1993, s. 48).

Súhlasíme s názorom Ľ. Kralčáka, ktorý chápe komunikačnú kompetenciu ako schopnosť úspešne a efektívne komunikovať v sociálnej interakcii s prostredím a konštatuje, že „sociálnofunkčný aspekt komunikačných aktivít používateľov jazyka je vhodné premietnuť aj do sociologického pojmu sociálna rola“⁶ (Kralčák, 2009, s. 58-59).

V spletej sociálnej štruktúre zastáva každý človek rôzne sociálne roly, nadobúda osobitý sociálny status – pozíciu. Ľ. Kralčák vychádza z úvah I. Nebeskej (porov. Nebeská, 2003) a poznamenáva, že so sociálnymi rolami sú previazané normy sociálneho (aj verbálneho) správania. Podľa neho je verbálne správanie založené na sociálno-komunikačných expektáciách a plní dve primárne funkcie: zabezpečiť sociálnu akceptáciu a deklarovať sociálnu príslušnosť, resp. rolu (Kralčák, 2009, s. 59).⁷

V rámci utvárania sa sociálnej akceptácie si nepochybne nachádza svoje miesto sociálny pôvod a odzrkadľuje sa sociálne zaradenie. Naša práca neodráža výskum špecificky vybratého – konkrétneho typu sociálneho zaradenia. Medzi informátormi sa nachádzajú komunikanti s rozličným sociálnym pôvodom a sociálnym zaradením; pracujúci ľudia (zamestnanci i samostatne zárobkovo činné osoby), nezamestnaní, dôchodcovia, ženy na materskej dovolenke atď.

Prostredie ako extrakomunikačný parameter v procese urbanizácie

Neprehliadnuteľným a kľúčovým ukazovateľom pri výskume hovorenej komunikácie je prostredie. Vystupuje ako extrakomunikačný parameter determinujúci výber jazykových prvkov, prostriedkov a ovplyvňujúci ich samotný spôsob používania v ústnych prejavoch. Má svoje miesto tak v dialektológii, ako aj v rámci sociolingvistických bádání.

Zatiaľ čo sa dialektologické výskumy orientujú prevažne na zisťovanie stavu teritoriálnych nárečí v homogénnom – vidieckom prostredí, sociolingvistika, vychádzajúc z kontextového porovnania dedina – mesto, prejavuje väčší záujem o heterogénne spoločenstvá urbánneho charakteru a ich jazyk.

Ako naznačil S. Ondrejovič (2000, s. 14): „Nový stimul k výskumu jazyka mesta vyplynul aj zo stúpajúceho záujmu o mestský spôsob života a renesancie mestskej kultúry.“ Podľa neho sa sociolingvistika nevyhýba ani otázkam, ako sa vníma mesto, mestské prostredie a ako sa s ním identifikuje príslušné obyvateľstvo. Odvolávajú sa na Radovanovičov štúdiu (porov. Radovanovič, 1997), píše, že aj pri výskume mestskej reči „sa odlišujú od seba v zásade európsky dialektologický („horizontálny“) prístup, v rámci ktorého sa urbánne dialekty opisovali prevažne, aspoň na začiatku, vo vzťahu k rurálnym dialektom, a americký prístup v rámci tzv. sociálnej dialektológie, ktorá si jazyk mesta všimla skôr „vertikálne“, cez sociolekty“ (Ondrejovič, 2000, s. 15).

Či už horizontálny alebo vertikálny prístup, v oboch prípadoch sa skúmala mestská reč – jazyk mestského prostredia pôsobiaceho ako ohnisko novôt a zmien (pozri tiež Brang, 1990, s. 190).

V intenciách výskumu mestskej reči v slovenskom prostredí preto stručne charakterizujeme pojem mesto a zmiňujeme sa o vývine urbanizácie na Slovensku.

Mesto vystupuje ako zložitý, sociálne diferencovaný organizmus. Jandourek (2003, s. 197) ho definuje ako „ľudské sídlo s vysokou hustotou obyvateľstva a komunikácií, s rozvinutou dēlbou práce a poskytovaním služieb uspokojujúcich prevážnu väčšinu potrieb obyvateľ a s vysokou mierou kultúrnej a hmotnej zmeny.“

Podľa P. Salnera (1990, s. 7) predstavuje mesto „ucelený otvorený kultúrny systém, ktorého zložky vo vzájomných interakciách saturujú základné potreby spoločenstva a jej členov.“

Zosúladením niektorých pohľadov, myšlienok vzniká napokon súhrnná charakteristika, podľa ktorej vystupuje mesto ako sociálne a kultúrne heterogénne a diferencované spoločenstvo vyznačujúce sa vo väčšine prípadov početnosťou a veľkou hustotou obyvateľstva.

Oneskorený vývoj výskumu hovorenej komunikácie v mestskom prostredí úzko súvisí s urbanizačným procesom na Slovensku, ktorý v porovnaní

s ostatnými krajinami sveta prebiehal omnoho pomalšie a výraznejšie sa začal prejavovať až od 80. rokov minulého storočia.

Ako píše S. Ondrejovič: „Urbanizačný a industrializačný proces je civilizačným procesom, ktorému sa nevyhne ani jedna krajina sveta, aj keď nenesie so sebou, pravdaže, len priaznivé konzekvencie. Výnimkou nie je ani Slovensko, ktoré vo všeobecnosti patrí medzi krajiny, kde sa tieto procesy vyznačujú istou oneskorenosťou. V porovnaní so západoeurópskymi krajinami územie Slovenska bolo tak v rámci Rakúsko-Uhorska ako aj v rámci Československa charakteristické tým, že sa tu nerozvinul tzv. klasický urbanizačný a industrializačný proces. Oprávnené sa v tejto súvislosti namiesto univerbizácie hovorí o sústreďovaní obyvateľstva do miest, o ich koncentrovaní“ (Ondrejovič, 2000, s. 18).

Podľa I. Chorváta mal urbanizačný proces na Slovensku mnoho spoločných črt s urbanizačným procesom v iných krajinách stredoeurópskeho regiónu, keďže k nemu dochádzalo v rovnakom čase a pod vplyvom podobných spoločensko-politických podmienok. Odvoláva sa na I. Szelényiho, ktorý hovorí o špecifickom type socialistickej urbanizácie a pod urbanizáciou rozumie aj určitú kvalitu sociálnych vzťahov, alebo spôsob života, pre ktorý navrhuje používať výraz urbanizmus (Chorvát, 1999, s. 62-74).

J. Zemko a kol. (1984, s. 97 -99) uvádzajú 4 fázy urbanizácie na Slovensku:

1. 1869-1914: Slovensko ako súčasť Rakúsko-Uhorska bolo prevažne agrárnou krajinou. Mestá boli malé a podiel mestského obyvateľstva predstavoval veľmi nízke percento.
2. 1921-1950: Slovensko malo naďalej agrárny charakter so slabou industrializáciou. Počet mestského obyvateľstva dosiahol 25%. V tomto období mala Bratislava okolo 100 000 a Košice 50 000 obyvateľov.
3. 1950-1970: Začal sa vyľudňovať vidiek, došlo k rozvoju priemyslu a počet obyvateľov v slovenských mestách vzrástol na 36%.
4. 1970-1984: Pod vplyvom narastajúcej industrializácie a dynamických procesov v hospodárstve sa začali formovať mestské sídla, došlo k miernej urbanizácii krajiny.

V novších štúdiách sa sociológovia P. Gajdoš a J. Pašiak (1995, s. 73) zaoberajú urbanizačným procesom aj v 90. rokoch a rozdeľujú urbánny vývoj slovenskej spoločnosti na 5 období:

1. obdobie výraznej rurálnosti (1848-1920);
2. obdobie prevažnej rurálnosti (1921-1950);
3. obdobie intenzívnejšieho rastu počtu mestského obyvateľstva – urbánnosti (1951-1980);
4. obdobie stabilizácie rastu mestského obyvateľstva – urbánnosti (1981 – 1990);
5. obdobie kvalitatívnych zmien v priestorovom vývoji Slovenska (od roku 1991).

Podľa niektorých autorov premeny po roku 1990 znamenali obrat aj vo vývoji kvality samotnej sídelnej štruktúry a na Slovensku pozorujeme osobitný vývoj, ktorý možno charakterizovať ako selektívna reurbanizácia. Ide o transformačný proces, v rámci ktorého dochádza k prehlbovaniu rozdielov medzi urbánnym a rurálnym prostredím, k prejavom trendov suburbanizácie a decentralizácie, k stabilizácii mestského obyvateľstva, k vnútro sídelným diferenciačným procesom, k stagnujúcej úrovni kultúrneho kapitálu, k slabnutiu a deformácii sociálneho kapitálu a podobne (Falt'an – Pašiak, 2004, s. 21-24).

Vychádzajúc z prezentovaných úvah, od 90. rokov 20. storočia nastupuje postupný rozvoj mestských aglomerácií a i keď v súčasnosti zaznamenávame isté tendencie sťahovať sa z mesta na vidiek, pod vplyvom neustálej kyvadlovej migrácie (dochádzanie do mesta za prácou, za účelom štúdia, spoločensko-kultúrneho vyžitia) mestá nadobúdajú nové hodnoty, stávajú sa heterogénnejšími a ich obyvatelia sa ešte výraznejšie sociálne diferencujú. Logicky potom usudzujeme, že aj samotná komunikácia mestských obyvateľov je veľmi pestrá, dynamická, viacrozmerná, čo len zvyšuje potrebu preskúmať ponúkaný stav, analyzovať a opísať jazyk mesta, priniesť o ňom nové syntetizujúce závery.

Použitá literatúra

BĚLIČ, JAROMÍR.

1962. Ke zkoumání městské mluvy. In: *Acta Universitatis Carolinae – Philologica*. Slavica Pragensia IV. Praha : Universita Karlova, 1962, s. 569-575.

- BRANG, PETER.
1990. K rozvoji metod v slavjanskej sociolingvistike. In: *Problems of Sociolinguistics 1*. Sofia : 1990, s. 190-201.
- FALŤAN, ĽUBOMÍR – PAŠIAK, JÁN.
2004. *Regionálny rozvoj Slovenska. Východiská a súčasný stav*. Bratislava : Sociologický ústav Slovenskej akadémie vied, 2004. ISBN 80-85544-35-0.
- GAJDOŠ, PETER – PAŠIAK, JÁN.
1995. Vývoj sociálno-ekologickej situácie slovenskej spoločnosti. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1995.
- GÁL, FEDOR – ALAN, JOSEF.
1987. *Spoločnosť vo svetle sociológie*. Bratislava : SMENA, 1987. 240 s.
- CHORVÁT, IVAN.
1999. Urbanizácia ako faktor premeny mesta a spoločnosti. In: *Banská Bystrica. Premeny mesta a spoločnosti (Štúdie k antropológii mesta a spoločnosti)*. Banská Bystrica : Inštitút sociálnych a kultúrnych štúdií, Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 1999, s. 60 – 81. ISBN 80-8055-329-7
- JANDOUREK, JAN.
2003. *Úvod do sociologie*. Praha : Portál, 2003. 232 s. ISBN 80-7178-749-3
- JEDLIČKA, ALOIS.
1980. Jazyková kultura. In: Kubík, Miloslav – Schmidt, Wilhelm a kol. *Jazykověda a příprava učitelů jazyků*, I. Praha : Univerzita Karlova, 1980, s. 167-192.
- KATRIAK, MARTIN.
1975. *Metódy a techniky sociologického výskumu*. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1975. 272 s.
- KISS, JENŐ.
2002. *Társadalom és nyelvhasználat*. Budapest : Nemzeti Tankönyvkiadó Rt., 2002. 318 s. ISBN 963-19-2789-X
- KOLLÁRIK, TEODOR.
1993. *Sociálna psychológia*. Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1993. 194 s.
- KRALČÁK, ĽUBOMÍR.
2009. *Dynamika súčasnej slovenčiny (Sociolingvistické aspekty dynamiky jazyka)*. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa, 2009. 144 s. ISBN 978-80-8094-665-4
- LUPTÁKOVÁ, VIERA.
2009. *Interdisciplinárny výskum hovorenej komunikácie v strednej generácii obyvateľov Liptovského Mikuláša*. [Rukopis dizertačnej práce.] Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela, 2009. 255 s.

MESTO A JEHO JAZYK.

2000. Sociolinguistica Slovaca 5. Ed. S. Ondrejovič. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2000. 300 s. ISBN 80-224-0605-8

MÚČSKOVÁ, GABRIELA.

2000. Mesto Gelnica a jeho jazyk. (Poznámky o bidiglosnej jazykovej situácii starého banického mesta). In: *Mesto a jeho jazyk*. Sociolinguistica Slovaca 5. Ed. S. Ondrejovič. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2000, s. 184-193.

NEBESKÁ, IVA.

2003. *Jazyk, norma, spisovnosť*. Praha : Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum, 2003. 160 s.

ONDREJOVIČ, SLAVOMÍR.

2000. Výskum mestského jazyka – tradície, stav, perspektívy. In: *Mesto a jeho jazyk*. Sociolinguistica Slovaca 5. Ed. S. Ondrejovič. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2000, s. 13 – 27.

PATRÁŠ, VLADIMÍR.

1990. *Hovorená podoba slovenčiny v Banskej Bystrici*. [Rukopis kandidátskej dizertačnej práce.] Bratislava : Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 1990. 274 s.

PATRÁŠ, VLADIMÍR.

1995. Sociálne vektory a dynamika variet v komunikácii obyvateľov miest. In: *Wielkie miasto: Czynniki integrujące i dezintegrujące II*. Łódź, 17 – 19 maja 1994 r. Red. D. Bieńkowska. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1995, s. 179- 185.

PATRÁŠ, VLADIMÍR.

1996. Generačno-sociálne súvislosti a hovorená komunikácia v Banskej Bystrici (fonická zložka). In: *Banská Bystrica: Sociokultúrne obrazy a portréty*. Zborník príspevkov z odbornej konferencie Taká bola Banská Bystrica. Ed. J. Darulová. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela, 1996, s. 125 – 135.

PATRÁŠ, VLADIMÍR.

1998. Bežná komunikácia obyvateľov súčasných miest vo svetle slovenských sociolingvistických výskumov. In: *Acta Universitatis Lodziensis, Łódź : Folia Linguistica*, 37, 1998, s. 101 – 107.

PATRÁŠ, VLADIMÍR.

1999. Metodologické špecifiká pri výskumoch živej komunikácie v (slovenských) mestách. In: *Miasto – teren koegzystencji pokoleń*. Ed. Z. Staszewska. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1999, s. 163 – 169.

PATRÁŠ, VLADIMÍR.

2002. „Prepínanie kódu“ v hovorenej komunikácii mestského obyvateľstva. In: *Interdisciplinárne kooperácie*. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela, 2002, s. 64 – 71. ISBN 80-8055-684-9

PAULINY, EUGEN.

2007. Úvodné slovo. In: *Hovorená podoba spisovnej slovenčiny*. Sociolinguistica Slovaca 6. Ed. S. Ondrejovič. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2007, s. 18-23.

RADOVANOVIČ, MILORAD.

1997. Jezički paradox grada. In: Radovanović, M. In: *Spisi iz kontekstualne lingvistike*. Novi Sad : Izdavacka knjižarnica Z. Stojanovića, 1997, s. 69-76.

SALNER, PETER.

1990. Perspektívy etnografie mesta. In: *Národopisné informácie*, 2, 1990, s. 7-13.

SLANČOVÁ, DANA.

1990. Anketový prieskum postojov k jazyku. In: *Slovenská reč*, 55, 1990, č. 1, s. 3-9.

SLANČOVÁ, DANA. – SOKOLOVÁ, MILOSLAVA.

1995. Výskum podoby hovorenej komunikácie na východnom Slovensku. In: *Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny*. Sociolinguistica Slovaca 1. Ed. S. Ondrejovič – M. Šimková. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1995, s. 132 -143.

SMATANA, MILOSLAV.

1995. Jazyková situácia rajeckého regiónu. In: *Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny*. Sociolinguistica Slovaca 1. Ed. S. Ondrejovič – M. Šimková. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1995, s. 144 -160.

URBANCOVÁ, LUJZA.

2006. *Mestská reč vo Zvolene*. [Rukopis dizertačnej práce.] Brno : Filozofická fakulta, 2006. 232 s.

ZEMKO, JÁN A KOL.

1984. *Územný a sociálny rozvoj sídel*. Bratislava : VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1984. 308 s.

Elektronické zdroje

FINDRA, JÁN.

2005. *Jazyk náš každodenný. Normy v medziľudskej komunikácii*. [online] 2005. [cit. 2010-01-15]. Dostupné na internete: <http://www.civil.gov.sk/archiv/casopis/2005/17/1721ho.htm>

1 Podľa J. Findru „V jazykovej norme sú ukotvené zákonitosti jazyka platné v istom konkrétnom období vývinu jazyka a spoločnosti. Ak sú kodifikované, stávajú sa spoločensky záväznými. Používateľ jazyka sa potom rozhoduje na osi správne – nesprávne. Komunikačná

norma predstavuje súbor štandardizovaných pravidiel, ktoré sa ustálili opakovaným uplatňovaním istých textotvorných postupov v diferencovaných sférach spoločenského styku a práce a v relatívne podobných komunikačných situáciách. Komunikačná norma teda ráta s uplatňovaním gramatickej a štýlovej normy, no zároveň je zviazaná aj s normou spoločenského správania “ (pozri Findra, 2005).

2 „V našej jazykovede bolo zvykom skúmať jazyk akoby v homogénnych spoločenstvách, čo je určite jednoduchšie ako sa zaoberať výskumom heterogénnych spoločenstiev, ale triafa sa pritom menej do čierneho, lebo spoločenstvá sú obvykle heterogénne a dnes už vlastne väčšie homogénne spoločenstvá v striktnom zmysle ani neexistujú.“ (Ondrejovič, 2000, s. 13)

3 A. Jedlička konštatuje, že používatelia spisovného jazyka v určitom časovom období sú z generačného hľadiska rozdelení na tri skupiny: základnú skupinu tvoria komunikanti stredného veku, ďalej je potom staršia a mladšia generácia. A ak sa považuje za meradlo príslušnosti k tej istej generačnej skupine približne rozdiel 20 rokov, potom dospievame k rozpätiu 50-60 rokov, ktoré sa spravidla prijíma ako určujúci aj pre vymedzenie súčasného spisovného jazyka. Rozdiely v generačnej príslušnosti nositeľ a používateľov jazyka sa podľa neho prejavujú aj v prijímaní a hodnotení variantných prostriedkov súdobej spisovnej normy; prvky novo prenikajúce do spisovnej normy sú spravidla viazané na mladšiu generáciu, prvky ustupujúce na staršiu generáciu (Jedlička, 1980, s. 176).

4 Aj v českom prostredí už v štúdiu *Ke zkoumání městské mluvy* (1962, s. 572) J. Bělič navrhuje za účelom zachytenia jazykovej situácie v istom meste a dosiahnutia objektívnych výsledkov z výskumného materiálu analyzovať jazyk všetkých obyvateľov mesta, vytvoriť si komplexnú výskumnú vzorku, zahrňujúcu určité vekové rozvrstvenie.

5 Práve vzdelanie bolo základným diferenciačným parametrom aj pri výskume hovorenej podoby spisovnej slovenčiny, ktorý viedol E. Paulíny.

6 Sociálnu rolu chápeme ako spoločnosťou definovaný súbor práv, povinností, očakávaní, resp. ako očakávaný spôsob správania (pozri Gál – Alan, 1987). V. Patráš (1995, s. 182) považuje sociálne roly za variabilné jednotky, ktoré spolu s konštantnými jednotkami pôsobia v bežnej spontánnej mestskej komunikácii ako dva odlišné typy kompozično-komunikačných prostriedkov.

7 L. Kralčák ďalej pokračuje: „Na deklarovanie sociálnej príslušnosti prostredníctvom jazyka, ako aj na získavanie sociálnej akceptácie, príp. sociálnej prestíže je pre komunikanta dôležité, okrem iného, rozlišovať vyhradené formy národného jazyka a zároveň poznať ich sociálno-komunikačné funkcie. Navyše sa tu predpokladá jazyková kompetencia v príslušnej jazykovej variete či varietách“ (Kralčák, 2009, s. 59).

Перформативът като показател на адресираност на изказването

Доц.д-р Жерева Мария Стоилова

Речевият акт винаги е отправен към определен получател на изказването, който може да възприеме и интерпретира мотивите и интенционалните постановки на говорещия. Следователно, всяко изказване винаги съзнателно е насочено към дадено лице, което има определени комуникативно-прагматични характеристики.

Всеки акт на изказване е експлицитно или имплицитно обръщение към някого.

Разработката на проблема за реализация на взаимодействието между говорещия и слушащия, ориентацията на изказването към адресата, моделирането на реакцията на слушащия от страна на говорещия привлича вниманието на много учени (Арутюнова Н.Д., Лотман Ю.М., Падучева Е.В., Арнольд И.В. и др.). В съвременната лингвистика са представени различни подходи към определението на понятията **адресираност/адресантност** в зависимост от направлението, в чиито рамки се прави изследването.

В семиотичното направление адресираността се смята за конститутивен признак на изказването, който се заключава в отношението на изказването към самия говорещ и към другите участници в речевото общуване (Арутюнова Н.Д. 1988).

В рамките на лингвистичното и социолингвистичното направление адресираността се разбира като комуникативно-прагматична текстова категория. Ю.М.Лотман твърди, че „адресираността – това е свойство на текста, като вербален обект, посредством който се предметява представата за предполагаемия адресат на текста и особеностите на неговата интерпретативна дейност” (Лотман Ю.М. 1996:9). Падучева пише: „битийната опозиция **ти-аз/той** е формираща база на текстовата категория адресираност: **ти** като адресат е противопоставен на **аз** и **той** като неадресати, при това **аз** се явява творческата същност, която транслира субективния процес на познанието посредством създаването на текстове,

разчетени на ответната реакция от страна на своя конкретен адресат...” (Падучева Е.В. 1996:74).

Арнолд твърди, че „адресираността като текстова категория отразява взаимодействието на двамата участници във вербалната комуникация – адресант и адресат – по пътя на моделирането на техните комуникативни роли в текста, а също включва в себе си и интертекстуална адресираност” (Арнолд И.В. 1984:6).

Представителите на херменевтичното направление отнасят адресираността към функциите на текстовите произведения, като я свързват с понятието интерпретатор на текста: „под адресираност най-добре е да се разбира предназначениостта на текста за адресата (Бахтин М.М. 1998:59); „под адресираност се разбира иманентното свойство на текста да определя представата за прогнозируемия адресат и свързаната с това специфика на програмата за интерпретация на текста” (Шмелева Т.В. 1984:89).

От гледна точка на теорията за функционално-семантичното поле ТИ-категорията, адресираността се разбира като **значение на изказването**: „Значението адресираност имат изказвания, обединени от общо прагматично значение и обща функция – насоченост на изказването към събеседника с цел да го подбуди към ответна реакция , вербална или не вербална (Апресян Ю.Д. 1986: 39).

Или, ако обобщим всичко казано дотук, адресираността е изразяване на насочеността на изказването към субекта на неговото възприемане в рамките на **адресатната ситуация**, т.е. ситуацията на речево взаимодействие на говорещия и слушащия, в която се реализират адресатните отношения (установява се речеви контакт, до събеседника достига определена информация, говорещият въздейства с различни средства на емоциите и чувствата на събеседника, подбужда го към ответна реакция и т.н.). Значението адресираност се реализира в рамките на дискурса, който отразява непосредственото общуване, речевото въздействие и взаимодействието на адресанта и адресата.

Адресираността се реализира в речта с помощта на специални средства, съдържащи в своята семантика значението адресираност или актуализиращи това значение в изказването.

Тъй като семантично перформативите са обединени не само от това, че са равни на действието, но и от това, че назованото с тях действие винаги е насочено към слушащия, то може да се смята, че адресираността е още едно от свойствата на перформативното изказване, заедно с еквивалентността, неверифицираността, автореферентността и др. Например, *Умолявам Ви, кажете ми истината! Как е той? Зле ли е?* (Константинов Петър, 1984). Самата глаголна форма *умолявам* има значение на адресирана единица, въпреки че в семантиката на перформативния глагол няма формално (граматическо) указание за второ лице.

Прагматичното значение на всеки речеви акт зависи от редица показатели: намерението на говорещия по определен начин въздейства на слушащия, социалната ситуация, в която речевото взаимодействие се осъществява, възприемането на изказването от събеседника, за когото е предназначено.

Перформативите носят значителна комуникативна натовареност, която регулира различните аспекти на процеса на социалното и междуличностното взаимодействие между комуникантите.

Уверявам те, честна дума, аз не съм герой. Не съм и подлец. Просто хората ми вярват... (Райнов Богомил, 1989). Тук адресатът встъпва в междуличностно общуване със събеседника като доказва своята гледна точка и се опитва да го убеди в своята правота, използвайки перформатив */уверявам те, честна дума/*.

Перформативите (*благодаря, умолявам, обявявам, кълна се, обещавам, изисквам* и др.) означават действия-постъпки, адресирани към събеседника, а речевото действие, назовано с тях, установява и регулира отношенията между адресанта и адресата.

В някои случаи използването на перформатив от говорещия свидетелства за завоалираната илокутивна функция на изказването и скритите допълнителни интенции на адресата. Например, *Разбира се, аз **благодаря** за комплимента, но не затова съм дошъл. Това е само началото на нашия разговор. Има да съжалявате за Вашата любезност!* (П.Константинов, Синият аметист). Т.е. можем да твърдим, че с перформативните изказвания

се предава различна информация, която в процеса на комуникацията е обща за адресанта и адресата, но и индивидуална за всеки един от тях.

Всяко перформативно изказване може да се разглежда като изразяване на определена позиция от говорещия по отношение на други лица като естествена речева егоцентричност.

Аз много те моля, дай на момчето да прояви таланта си и ще говорим след това... (Константинов Петър, 1984). Говорещият е представен експлицитно чрез местоимението *аз*, той е субект на молбата, която касае друг човек и е насочена към изменение на неговата съдба (да прояви таланта си) и прави молбата много лична, изключваща отказ.

...който е съгласен, моля да вдигне ръка! – тук субективността е изразена имплицитно, тъй като личностния характер на изказването е снижен. Говорещият изразява не лична молба, а мнението на човек или група хора, които са формулирали и подложили на гласуване някакъв въпрос.

Употребата на перформатив е показател за субективността на изказването, за стремежа на говорещия да предаде на адресата своето субективно отношение към действителността или към личността и поведението на адресата. Подобни изказвания придават на последващото твърдение определен субективен контекст – съмнение, предположение, заключение и т.н., който характеризира отношението на говорещия към това, което казва.

Перформативът експлицира илокутивната сила на изказването, встъпвайки в ролята на номинатор (в случай на експлицитно представяне на перформативността) или в ролята на показател (в случай на имплицитно представяне на перформативността) на основните интенционални типове речеви актове: съобщения, твърдения, потвърждения, молби, съвети, обещания, одобрения, осъждане, изисквания и др. Илокутивната сила винаги е насочена към получателя на изказването, адресантът на изказването разчита на определен перлокутивен ефект – реакцията на адресата на експлицираното с перформатива речево действие.

Адресантът може да използва перформативно изказване за регулиране на комуникативното взаимодействие, за създаване на приятен за адресата тон на общуване: *Благодаря ти, приятелю! Подкрепи ме в тежък момент,*

върна ми вярата в приятелството...Далече ще стигнеш с това твое огромно състрадателно сърце! Аз, твоят приятел ти го предсказвам... (Райнов Богомил, 1989/а) – изразяването на благодарност е като резултат от одобрителното отношение към определени действия на адресата, като похвала по негов адрес. Адресантът се опитва да прогнозира (*аз ти го предсказвам*) благоприятно бъдеще на адресата, изразявайки своя възторг от станалите в дадения момент събития.

Прагматичните координати на перформативното изказване предопределят задължителното наличие на адресата на изказването: адресатът не може да извърши речевите действия-постъпки (да обещае, да благодари, да моли, да се закълне, да одобри, да забрани и т.н.) за самия себе си, без да ги адресира към събеседник. Интерпретацията на перформативното изказване зависи от това, как се възприема едно или друго изказване от събеседника и от това, за кого е предназначено. Точно адресатът е посредник между комуникативната интенция на адресанта, илокутивната сила на избраните от него езикови средства за реализацията на дадената интенция и резултата (с перлокутивен ефект), който той очаква. Възприемането на изказването от събеседника, неговата реакция, продължението или прекъсването на речевия контакт помагат на говорещия да реализира своите желания и потребности в комуникативния акт, способстват за ефективността на общуването. *Моля те, Михаил, за Бога, заради общото ни минало, заради старата ни дружба, заради любовта ни към една и съща жена...умолявам те...кажи ми истината!* (Константинов Петър, 1984). Настоятелната молба на адресанта е насочена към конкретен, непосредствен адресат (Михаил), адресантът апелира към това, което е добре известно на адресата (заради общото минало, старата дружба, любовта към една и съща жена), той смята, че може да повлияе на адресата за изпълнението на молбата.

Средствата на адресираността са важни организационни елементи на комуникацията и определят нейната успешност. Познаването на особеностите при изразяване на адресираност в различни дискурси позволява да се избегнат комуникативни неудачи, които биха довели до прекратяване на комуникативното взаимодействие.

В съвременната лингвистика има различни подходи за класифициране на езиковите средства на адресираността. Опити за характеристика на основните средства на речевия контакт и средствата на адресираността, основанията за отнасянето им към средствата за адресираност, описание на техните функции и възможности за реализация на значението адресираност са правени от Гайсина Р.М. (1996), Голдин В.Е.(1987), Почепцов Г.Г. (1998), Воробьева О.П. (1993), Шмелева Т.В. (1995), Чаплыгина И.Д. (2008) и др.

В повечето трудове определението и класификацията на средствата за адресираност са ориентирани към формалното изразяване (указание за 2-ро лице) на значението адресираност с морфологични и синтактични единици (Гайсина, Голдин, Шмелёва). В трудовете на някои лингвисти (Почепцов, Воробьева) се споменава за наличието на периферни средства, които имплицитно съдържат компонент адресираност, но включването на подобни единици в системата от средства за адресираност е непоследователно. Според Г.Г.Почепцов, това са метатекстови елементи, без да се споменава за подробности. О.П.Воробьева отбелязва като периферни средства междуметията, конкретни лексеми и ритмико-интонационното оформление на изказването.

Най-последователна е характеристиката на ядрените и периферните средства на адресираността в трудовете на И.Д.Чаплыгина, в които се обосновава необходимостта от подробно разглеждане на периферните средства, които „самостоятелно или заедно с адресатори и други адресатотиви в състава на изказването оформят значението адресираност...и участват в оформянето на адресатните отношения в адресатни ситуации” (Чаплыгина И.Д., 2008: 148).

Съгласно теорията на функционално-семантичното поле на Ти-категорията, структурата на Ти-категорията по отношение на центъра и периферията като системно организирани средства на различни нива за изразяване на значението адресираност се характеризира като силно централизирано поле, което има сложна структура. Ядрото е съставено от тези лексикални, морфологични и синтактични средства на езика, които специално са предназначени за формиране и реализация на значението адресираност в речта. Това са специализирани средства, които съдържат

семата адресираност, например, лексикалният център на полето е лексемата **ти**, която показва към кого е адресирано изказването, морфологични ядрени средства (лични местоимения, глаголни форми във второ лице, форми на императива) или морфологични ядрени средства, в които формално е представено граматичното значение на второ лице; синтактичните ядрени средства (изречения, чийто предикативен център съдържа формално указание за второ лице като адресат на съобщението, въпросителни и побудителни изречения). Лексикалните, морфологическите и синтактичните ядрени средства за изразяване на Ти-категорията са така наречените **адресатори**.

Можем да говорим също и за други периферни средства – **адресатотиви**, които самостоятелно или в съчетание с ядрени лексикални и морфологични средства или с други периферийни показатели за адресираност оформят значението адресираност в състава на изказването. Техните граматични показатели свидетелстват за прагматично родство – всички „периферни средства съдържат информация с интенционален характер и привеждат в действие илокутивния механизъм – създават адресатни ситуации в речевата комуникация” (Чаплыгина И.Д. 2008:127).

Адресатотивите, които са близки до центъра и формират зоната на преход от центъра към периферията, са **адресатотиви от активен тип** (например, обръщения, уводно-контактни компоненти, в чиято семантика е включено второ лице). По-отдалечените от центъра адресатотиви са **адресатотиви от неактивен тип** (перформативи, междуметия, частици, уводно-модални компоненти и други, които носят значението адресираност в адресатна ситуация).

Изследваните от нас перформативи се смятат за формално не представени средства за изразяване на адресираност, тъй като в тяхната граматична форма те не проявяват значението на второ лице. Но, обозначаващото с тях действие преди всичко е насочено към адресата, което се проявява в контекста при обръщение на говорещия към събеседника в ситуация на адресираност. Например: ***Благодаря** ви за всичко, което направихте за мене*. Изразяването на благодарност като етикетна реакция на действие от страна на конкретен събеседник в рамките на конвенционалното

речево поведение означава, че говорещият знае, че събеседникът е направил за него нещо добро и иска да покаже, че цени това, използвайки речевата формула, характерна за ситуацията на благодарност.

Перформативите като средство за адресираност заемат различни по отдалеченост от центъра участъци от периферната зона на функционално-семантичното поле на Ти-категорията. Това положение дава основание да се предположи, че: **първо**, като функционират в качеството на средство за изразяване на адресираност, някои перформативи се намират по-близо до центъра на функционално-семантичното поле, заемайки преходната зона между адресатотивите от активен и неактивен тип, а някои – по-далече от центъра и са адресатотиви от неактивен тип. Това може да бъде обусловено от семантичните особености на перформатива, наличието на необходимите компоненти-актанти, които помагат да се реализират прагматичните координати на перформативността в изказването, употребата (или неупотребата) в изказването на ядрени и други периферни средства за изразяване на адресираност, съвместно с които перформативът функционира, формирайки адресираността на изказването. **Второ**, наличието или отсъствието в перформативното изказване на други средства за адресираност (адресатори и адресатотиви) може да изменя интензивността на реализацията на значението адресираност на изказването.

По такъв начин, от гледна точка на реализацията на значението адресираност в изказването, всички перформативи може да бъдат разделени в следните групи: 1. перформативи, които реализират в изказването значението адресираност самостоятелно, без поддръжката на други средства за адресираност (те се намират в периферията, близка до центъра на функционално-семантичното поле на Ти-категорията – **адресатотиви от активен тип в близката периферия**). Перформативите-адресатотиви от близката периферия, които функционират в изказването в съчетание с други адресатотиви и адресатори се преместват в зоната на по-далечната периферия и заемат промеждутъчно положение между адресатотивите от близката и отдалечената периферия – **адресатотиви от неактивен тип в близката периферия**. 2. Перформативите, които не се употребяват самостоятелно и които реализират значението адресираност само в

съчетание с други средства за адресираност са **адресатотиви от неактивен тип в отдалечената периферия**.

Към перформативите-адресатотиви от активен тип в близката периферия следва да бъдат отнесени тези перформативи, в чиято семантика имплицитно е включено значението адресираност, те формират в изказването това значение самостоятелно, без помощта на други средства. Например, *предупреждавам, уверявам, напомням, разкайвам се, обещавам, кълна се, моля, умолявам, изисквам* –

Предупреждавам, играеш си с огъня! Ще загазиш!; Напомням, че часът е точно 6. Ще закъснеее за църква, а баща ти никак не обича това /Св.Бъчварова, Земя за прицел; Обещавам, ще започна да рисувам за вехтошарите, ще рисувам по тротоара или скици на глупаци по кафенетата. Ще започна с какво да е, но ще спечеля пари и ще ти ги върна... (Райнов Богомил 1989/а).

При употребата на някои перформативи в съчетание с други средства за адресираност се засилва интензивността на насоченост на изказването към адресата, актуализира се адресатната валентност на перформатива (при употреба в съчетание с местоимения от второ лице), при функциониране в съчетание с обръщения или императив, перформативът става спомагателно средство за изразяване на адресираност като не реализира, а актуализира даденото значение.

Различна би могла да е и реакцията на адресата – при самостоятелно функциониране на перформатива адресатът може да предприеме или да не предприеме речево действие (реакция от негова страна може и да не се появи) или можем да говорим за обобщена адресираност. При употреба в съчетание с други единици за адресираност, апелването към конкретното лице се маркира най-отчетливо.

Скъпи господине, кълна Ви се съжалявам за недоразумението. Аз съм виновен, не внимавах, не исках..аз..аз..Умолявам Ви, господарю, пожалете ме. Имам семейство, деца, любовница...Ще възстановя цялата сума до стотинка, умолявам Ви... (Бъчварова Свобода, 1999). В дадения пример перформативът *кълна се* функционира с адресатотив от активен тип (обръщението *скъпи господине*), непосредствено назоваващ този, за когото е

предназначен и адресатор (местоимението във второ лице *Ви*), реализиращ валентността на адресата на перформативния глагол (аз се кълна, само на Вас, а не на някой друг). Перформативът *умолявам* реализира адресираност в съчетание с адресатори (императив *пожалете* и местоимение във второ лице *Ви*).

Като се употребяват в съчетание с адресатори и адресатотиви от активен или неактивен тип, перформативите преминават от зоната на близката периферия на функционално-семантичното поле на Ти-категорията в зоната на отдалечената периферия, заемайки промеждутъчно положение между адресатотивите от активната близка периферия и адресатотивите от неактивен тип от отдалечената периферия. При подобно функциониране в изказването тези перформативи, вероятно може да се класифицират като преходен тип между перформативите адресатотиви от близката и отдалечената периферия – *перформативи адресатотиви от неактивен тип от близката периферия*.

Перформативите адресатотиви от неактивен тип от отдалечената периферия (например, **заклинам, обвинявам, осъждам, порицавам, проклинам, предпазвам, предписвам, известявам, предричам, уведомявам** и други) могат да оформят в речта значението адресираност само в съчетание с други средства на Ти-категорията.

*Аз сгреших – **ти** си бог на злото, **ти** си черен бог, дявол. Проклинам те, бог на разбойниците, техен покровител и вдъхновител!* (Константинов Петър, 1985). В дадения контекст перформативът **проклинам** функционира едновременно с адресатор (местоимението **ти, тебе**) и адресатотив от активен тип (**бог на разбойниците**), оформяйки речева ситуация на осъждане, която се съпровожда с изразяване на отрицателни емоции и злоба от адресата на речта.

*И така, **госпожо**,верявам в ръцете Ви моето съкровище – единственото ми дете. Бъдете снизходителна към нея. Искам да Ви предупредя, че тя е малко странно, но изключително чувствително дете...* (Константинов Петър, 1985). Значението адресираност се оформя от адресатотив от активен тип (обръщението **госпожо**), императива (*бъдете снизходителна*), адресатор-актант на перформативния глагол (**предуп-**

реждавам Ви) и косвения перформатив (**искам да Ви предупредя**). Употребата на косвения перформатив намалява настоятелността и подчертава доброжелателността на адресанта, неговата почит към адресата.

По такъв начин перформативите, независимо от формалното отсъствие на адресатосеми, актуализират значението адресираност в перформативното изказнаве. В семантиката на перформативите-адресатотиви от активен тип от близката периферия на функционално-семантичното поле на Ти-категорията имплицитно е включен адресат. Те самостоятелно изразяват значението адресираност, тъй като адресатът в такива изказвания е еднозначно определен.

В съчетание с други средства за адресираност (местоимения във второ лице, единствено и множествено число, обръщения, императиви или уводни конструкции) перформативите-адресатотиви от неактивен тип от близката периферия на функционално-семантичното поле на Ти-категорията са спомагателни средства за изразяване на адресираност – те засилват или уточняват значението адресираност, репрезентирано в изказването с адресатори или други адресатотиви.

В условията на комуникация някои перформативи само в съчетание с други средства за адресираност (адресатори, адресатотиви от активен и неактивен тип) експлицират значението насоченост на изказването към адресата – това са перформативите-адресатотиви от неактивен тип от отдалечената периферия на функционално-семантичното поле на Ти-категорията.

От всичко казано дотук можем да направим следните изводи:

В рамките на теорията на речевите актове в центъра на вниманието на изследователите стои субектът на речевото действие, който определя някакво прагматично пространство на комуникативно взаимодействие **АЗ – ТИ – ТУК – СЕГА**, извършва избора на определени езикови средства за осъществяването на това взаимодействие, ръководи се от интенцията и избира определена стратегия за реализацията на комуникативните намерения.

В съвременната лингвистика понятието и терминът **перформативност** се определя от различните изследователи по различен начин, няма единство и по въпроса за определяне границите на понятието **перформатив**.

Ние разглеждаме перформативността като свойство на езиковия знак, което представя прагматически значимо речево действие (не съобщение за него, а самото извършване на действието), което се реализира в определена комуникативна ситуация и е предназначено за въздействие върху адресата.

Правени са редица опити за класификация на перформативите, но няма единно мнение по количеството и качеството на отделените елементи. Наличието на различни основания за класификация на перформативите е свързано с многостранността на явлениято перформативност, с възможността за различни интерпретации на перформативните изказвания. Мненията на изследователите се срещат и съвпадат само във факта за прагматичната същност на перформативните изказвания, която е осъществяването на действието, илокутивната цел на адресанта се реализира от перформативното изказване в хода на ситуацията на общуване.

Перформативно е изказване, чието значение е извършване на речеви акт или речево действие от адресанта, което е насочено към адресата в определен момент в сегашно време.

Анализът на перформативните изказвания позволява да се отделят различни начини за изразяване перформативността на изказването, обединени от общото за тях значение на адресираност. Тези начини могат да бъдат *експлицитен, семантичен, модално-семантичен, девербативен, ситуативно-имплицитен* и *контекстуално-имплицитен*.

По силата на своята интенционална природа перформативните изказвания имат многочислени синонимични еквиваленти: *граматични, семантични, модално-семантични, ситуативно-контекстуални*.

Функционирането на подобни еквивалентни изказвания със значение на перформативност, а също и интерпретацията им от адресата е обусловено от цялата съвкупност на пресупозиционните фактори, наличието на общи фонові знания и комуникативна компетенция на участниците в общуването, тъй като при възприемането на имплицитните и синонимичните перформативни изказвания могат да възникнат някои несъответствия между буквалното значение и реалния смисъл, обусловен от намерението на говорещия.

Пресупозициите и параметрите на достатъчно широк контекст остават единствените актуализатори на истинската интенция на говорещия, на истинската целева задача на изказването, тъй като при използване на синонимични или имплицитни изказвания, се реализира и невербализиран смисъл, допълнителни интенции и само заедно с тях се получава смислова завършеност.

Едно от условията за формиране на перформативното изказване е наличието на адресант и адресат. Перформативът не се употребява, ако няма към кого да е насочена реализацията на намеренията на адресанта. Адресираността е едно от комуникативно-прагматичните конститутивни свойства на перформативното изказване, тъй като перформативът е винаги насочено речево действие и главното му условие е апелация към събеседника. Адресираността на перформативното изказване се създава от илокутивната функция на перформатива и от прагматичното значение адресираност, включени в семантиката на перформативния глагол или на неговия еквивалент.

Анализът на функционирането на перформативите в изказването показва, че те имат различни възможности за реализация на значението адресираност.

В условията на реална комуникация перформативите, в съчетание с други средства за адресираност засилват или уточняват значението адресираност, заемайки различни по отдалеченост от центъра участъци от периферната зона на функционално-семантичната поле на Ти-категорията. Периферията, близка до центъра на функционално-семантичното поле заемат перформативи от активен и неактивен тип, които в изказването реализират значението адресираност самостоятелно, без поддръжката на други средства. Отдалечената периферия на функционално-семантичната поле на Ти-категорията заемат перформативи, които не се употребяват самостоятелно в изказването и реализират значението адресираност само в съчетание с други средства за адресираност.

По такъв начин, семантико-прагматичното значение на перформатива е осъществяване на речевото действие, насочено към слушателя. Съществуват многочислени еквиваленти на перформативните изказвания, които по компонентния състав на образуващите ги средства и оттенъците на

значения. Следовательно, объединяющая функция на перформативные изказвания може да бъде координацията на комуникативното взаимодействие между адресанта и адресата.

Литература

АПРЕСЯН Ю.Д.

1986. Перформативы в грамматике и словаре. Известия Академии наук СССР // Серия литературы и языка, №3, т.45.

АРНОЛЬД И.В.

1984. Лексико-семантическое поле и тематическая сета текста// Текст как объект комплексного анализа в ВУЗе, Ленинград.

АРУТЮНОВА Н.Д.

1988. Типы языковых значений.Оценка, событие, факт. Москва. Наука.

БАХТИН М.М.

1998. Тетралогия. Москва.

ВОРОБЕВА О.П.

1993. Взаимодействия единиц разных уровней в системе языков, Киев.

ГАЙСИНА Р.М.

1996. Семантическая категория отношения// Исследования по семантике: семантические категории в русском языке. Сб. Науч.статии, Уфа.

ГОЛДИН В.Е.

1989. Обращение: теоретические проблемы, Саратов.

ЛОТМАН Ю.М.

1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва.

ПАДУЧЕВА Е.В.

1996. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. Москва.

ПОЧЕПЦОВ Г.Г.

1998. Теория коммуникаций. Москва, изд.Ваклер.

ЧАПЛЫГИНА И.Д.

2008. Развитие теории ты-категории: некоторые итоги и перспективы// Balkan Rusistics.

ШМЕЛЕВА Т.В.

1984. Смысловая организация предложения и проблема модальности// Актуальные проблемы русского синтаксиса. Москва.

ШМЕЛЕВА Т.В.

1995. Субъективные аспекты русского высказывания. Дисс.доктора филологических наук, Москва.

Източници

БЪЧВАРОВА СВОБОДА,

1999. Земя за прицел. София, изд. Изкуство.

РАЙНОВ БОГОМИЛ,

1989. Не ми размивай, София, изд. Изкуство.

РАЙНОВ БОГОМИЛ,

- 1989/а. Юнгфрау, София, изд.Изкуство.

КОНСТАНТИНОВ ПЕТЪР,

1984. Прощаване с пролетта, изд.Петър Берон, София.

КОНСТАНТИНОВ ПЕТЪР,

1985. Синият аметист, изд. Петър Берон, София.

Грамматическая, лексико-грамматическая и функциональная омонимия в современном русском языке в сопоставлении болгарским языком

Спаска Илиева Злачева-Кондрашова

Омонимия определяется в ряде трудов как звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом. Отдельные различия в деталях указанной дефиниции не меняют сути толкования понятия и термина. Наше внимание останавливается на следующих постановках: „Омонимы – это слова, совпадающие по звучанию, одинаковые по своей форме, но значения которых никак не связаны друг с другом...” (Шмелев Д.Н. 1977:77). „Омонимия – это совпадение разных слов или форм по своему внешнему звуковому облику” (Виноградов В.В. 1975б: 13).

Внимание к омонимии было привлечено в 20-50 гг. XX-ого века широко известными работами Л. А. Булаховского (Булаховский Л.А. 1928: 14-22), В. В. Виноградова (Виноградов В.В. 1940: 12-15), Е. С. Истринов (Истрина Е.С. 1944: 2-3), Н. С. Поспелова (Поспелов Н.С. 1955), А. И. Смирницкого (Смирницкий А.И. 1948: 22-28), Л. В. Щербы (Щерба Л.В. 1939, 1940) и др.

В русской лингвистической литературе после 50-ых годов XX в. исследования омонимии посвящены главным образом лексической омонимии в русском языке.

Предложена классификация основных типов лексических омонимов (Ахманова О.С. 1974, Рихтер Г.И. 1961: 24-31, Шайкевич А.Я. 1961: 60-70 и др.). Разграничены полная и частичная омонимия, омографы (*стих – глагол, стих – существительное*), омографы (*мука’ и му’ка*) и омофоны (*лук и луг*) (Апресян Ю.Д. 1974, Виноградов В.В. 1977: 288-296; Лайонс Джю. 1978; Смирницкий А.И. 1954: 13-17 и др.).

Предметом изучения была и лексическая омонимия в болгарском языке (Балкански Т. 1979: 65-73; Бояджиев Т. 1986; Георгиев Ст., Русинов 1983; Любенова Е. 1996; Парзулова М. 1993-1994; Чолакова Кр. 1959 и др.).

В рамках лексической омонимии слабо разработанными остаются вопросы, относящиеся к развитию омонимии в различных функциональных

сферах русского языка; литературной, специальной (научной, технической, военной и т.н.), просторечной, жаргонной, диалектной, например: *травить* (*мышей – общеупотр*) и *травить* (*якорь, цепь – спец.*), *больно* (*удариться – лит*) и *больно* (*умен – прост.*). Это относится и к болгарскому языку.

Недостаточно разработаны и проблемы, связанные с грамматической, лексико-грамматической и функциональной омонимией как в русском, так и в болгарском языке, особенно в сопоставительном плане. В 1940 г. В. В. Виноградов писал: „Вопрос об омонимии в русском языкознании почти не разработан. Между тем он имеет очень большое значение для грамматики, лексикологии и семантики” (Виноградов В.В. 1975: 14). Позже к подобной констатации присоединилась и О. С. Ахманова, которая подчеркивает: „... вследствие большой сложности и малой разработанности данной проблематики область исследований оказались ограниченной в рамках лексической омонимии” (Ахманова О.С. 1957: 107).

Указанная недостаточная разработанность проблем, связанных с грамматической, лексико-грамматической и функциональной омонимией в русском языке, а также и в болгарском языке, и в сопоставительном плане, обусловили выбор предмета данного исследования и интерес к этой проблематике.

При анализе видов омонимии использованы следующие методы: сопоставительно-типологический, структурно-системный метод, контекстно ситуативный, дистрибутивный, трансформационный метод, функционально семантический подход на основе единства лексико-семантической структуры и грамматической стороны слова – омонима.

Отдельные частные вопросы, относящиеся к грамматической, лексико-грамматической и функциональной омонимии, рассматривались только в нескольких трудах русских и болгарских авторов, например, формы флексийной омонимии (омоформия) в системе имен, омонимия окончаний в системе глагола; суффиксальная омонимия в классе имен существительных и суффиксальная и префиксальная омонимия в системе глагола в русском языке (Виноградов В.В. 1940, 1960, 1968, 1969, 1975а); транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии (Ким О.М. 1978); функциональная омонимия (Ахманова О.С. 1974).

Работы болгарских авторов тоже представлены в незначительном количестве: словообразовательные омонимы в болгарском языке (Балкански Т.1979); синтагматические особенности энантиосемии (Гочев Г. 1980: 137-165); части речи (Москов 1986); омонимы, омографы и омофоны и их соотношение в болгарском языке (Пашов П.1979) и др.

В информативном виде некоторые отдельные аспекты изучаемой проблематики рассматриваются в монографиях и грамматиках русского и болгарского языков (Виноградов В.В. 1972; Куцаров Ив. 1985; Ломтев Т.П. 1976; Мещанинов И.И. 1945; Пашов П. 1994).

В работе о видах грамматической омонимии приняты во внимание исследованные аспекты и рассматриваются нами только слабо разработанные вопросы, связанные с ними.

В работе воспринято следующее понимание понятий и терминов.

Грамматическая омонимия воспринимается как звуковое совпадение разных грамматических форм, значения которых не связаны друг с другом, например, в русском языке: „*молодой человек* (*молодой* – форма прилагательного в *Им.п., ед.ч., м.р.*) и „*к молодой жене*” (*молодой* – форма прилагательного в *Д.п., ед.ч., ж.р.*). Основанием для признания указанных форм разными, не связанными грамматически при их лексической общности и звучании, служит то, что они согласуются с существительными, выступающими в различных падежах (Шмелев Д.Н. 1990: 345). Грамматическая омонимия имеется между формами одной части речи и разных частей речи, т.е. „омоформия – это совпадение одного и того же слова и форм разных слов” (Виноградов В.В. 1968: 59), например, *трём* – числ.имя в *Д.п.* и *трём* – глагол *тереть* в *1 л.мн.ч.*; *наст.вр.*: *мыло* – сущ. имя, *ср.р., ед.ч.* и *мыло* – форма *прош.вр., ср.р., глагола мыть*. По мнению О. Ахмановой, омонимия имеется между формами одного слова, например, у существительных III-го склонения: *степи* – *Р=Д=П.п., ед.ч.*; при прилагательных *м.р.* и *ж.р.* имеется межродовая омонимия: *простой костюм* и *простой юбки*.

Лексико-грамматическая омонимия воспринимается как звуковое совпадение словарных форм слов, относящихся к разным частям речи, например, *весь* (в знач. целый, полный – опредмест.) и *весь* (в знач. село,

деревня – сущ.имя), знать (в знач. иметь сведения о ком-н., о чем-н. – глагол) и знать (в знач. аристократия – сущ. имя) (Ахманова О.С. 1957: 107).

Есть и другая точка зрения, согласно которой омонимичные слова, принадлежащие к разным частям речи, относятся к лексико-грамматическим омонимам, полученным в результате морфологической транспозиции или морфолого-синтаксического словообразования – конверсии. Они называются лексико-грамматическими (межчастеречными) омонимами или неполными (частичными) омонимами, например, смерть, страх – сущ. в Им.п. и смерть, страх 9 слова категории состояния; молча – наречие и молча – деепричастие (Арнольд И.В. 1959; Балли Ш. 1955; Виноградов В.В. 1968: 53-119; Смирницкий А.И. 1956; Супрун Л.Е. 1969; Теньер Л. 1988). Эти омонимы приобретают морфологические и синтаксические признаки новой части речи. Разновидности морфолого-синтаксического словообразования – это субстантивация, адъективация, адverbиализация, прономинализация, нумерализация в русском и болгарском языках. Продукты этих процессов – лексико-грамматические омонимы – дериваты (ЛГО – д) или межчастеречные омонимы – дериваты (ЛЧО-д): субстантиваты, адъективаты, адverbбаты, прономинализованные и нумерализованные слова. Они являются словами новой части речи и выполняют ее синтаксическую роль в предложении. Некоторые части речи сохраняют некоторые признаки старой части речи (субст.прилаг.). Есть и такие, которые приобретают новые морфологические показатели, позволяющие им выступать в функции новой части речи, например, слова охота, пора, страх (сущ.), переходя в категорию состояния, теряют способность изменяться по падежам, т.е. склоняться, и в этой же форме выполняют роль предиката в безличной конструкции: Мне пора читать.

Грамматическая и лексико-грамматическая омонимия предопределяются процессами аналогии, супплетивизма, перехода из одной части речи в другую. Эти виды омонимии являются элементами языкового аналитизма и асимметрии. Асимметрия есть неотъемлемая характерная черта языковой системы.

Функциональная омонимия воспринимается как звуковое совпадение языковых единиц, выступающих в контексте в синтаксической функции

(роли) различных частей речи (Высоцкая И.В. 1999: 71-77), например: Положение безвыходно (*каково? – безвыходно – краткое прилаг. В значении „такое положение, при котором нет выхода“*); *Безвыходно* сидеть дома (*безвыходно – наречие в значении „безотлучно“*).

По этому вопросу В. Г. Гак отмечает, что „части речи могут выступать и в других функциях, которые для них являются вторичными...” (Гак В.Г. 1986: 62). Этой точкой зрения придерживаются Ш. Балли (Балли Ш. 1955) и Л. Теньер (Теньер Л. 1988), например: *Читать – полезно (читать – инфинитив в роли подлежащего)*. Точнее синтаксическая (функциональная) транспозиция „называется приспособление слова для выполнения функции иной части речи...” (Гак В.Г. 1986: 63). Инфинитив, выполняя функцию подлежащего, которая является для него вторичной (а она первичная для существительного), выступает как функциональный омоним существительного. Синтаксическая транспозиция широко исследовалась во французской грамматике Ш. Балли, Фреем, Л. Терьером, Ж. Дюбуа и др. При этой транспозиции имеются функциональные омонимы.

Служебные слова как несамостоятельные, незначащие слова тоже являются функциональными омонимами вследствие функционального преобразования значащих слов. Семантика последних подвергается опрощению и абстрагированию и связывается с опрощенным морфемным составом. При синтаксической транспозиции лексико-грамматическое слово – значащее переходит в служебное слово – слово абстрактного и реляционного характера.

Служебные слова используются как формально-грамматические средства и имеют общую функциональную особенность: выступают в качестве вспомогательных (служебных) средств при значащих (полнозначных) словах. Служебные части речи классифицируются на предлоги, союзы, частицы в зависимости от установления синтаксических отношений между значащими словами, предложениями или элементами предложения. Эти синтаксические отношения своеобразно специализированы.

Переход слов из одной части речи в другую (о значащих словах при морфолого-синтаксическом способе частей речи) и переход значащих слов и словоформы в служебные слова являются источником для

осуществления различных видов транспозиции. Очень точно В. В. Лопатин отмечает, что „широко распространен переход знаменательных слов и словоформ в служебные слова. Функционально преобразуясь, знаменательные слова, их словоформы и предложно-падежные сочетания приобретают различные служебные функции – становятся предлогами, союзами, частицами. Такие словоформы обособляются от парадигм соответствующих знаменательных слов” (Лопатин В.В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. 1989: 251).

Переход знаменательных слов в служебные осуществляется в следующих направлениях: существительное предлог; существительное союз; наречие предлог; наречие союз; наречие частица; глагол (форма деепричастия) предлог; глагол (в форме повелительного наклонения) частица; местоимение союз; местоимение частица; различные знаменательные части речи переходят в междометия и модальные слова.

Десемантизация знаменательного слова и соответствующая синтаксическая функция преобразуют его в служебное, т.е. знаменательные части речи являются исходным объектом для создания служебных слов. При представленных автором направлениях омонимии знаменательные части речи расположены слева, служебные слова, употребляющиеся в новой функции, являются омонимами исходных знаменательных слов. Взаимопроницаемость частей речи способствует обогащению частеречной системы русского языка, а, следовательно, и его словарного состава. Можно представить следующие омонимические направления:

Существительное предлог. В современном русском языке формируются отыменные предлоги в результате функционально-семантических изменений существительных, типа: *в области*, *с помощью*, *в деле*, *в пользу* и др., т.е. существительного с предлогом.

Новый отыменный предлог оформляется, когда у него есть синоним и он вступает в омонимический ряд с исходным именем существительным: *Сотрудничество государств в пользу* сохранения мира – для сохранения мира; *с целью* оформления документов – для оформления документов; *в плане* усиления производства – для усиления производства. У отыменного предлога налицо отрыв от системы словоизменения у существительного, т.е.

выпадение из морфологической парадигмы, сопровождаемое изменением морфемного состава.

В последнее время количество отыменных предлогов постоянно увеличивается, т.е. предложно-падежная форма переходит в предлог, происходит семантическое и морфемное оформление предлога: *в виде, в духе, в заключение, в качестве, в конце, в начале, во время, во главе, во имя, в отношении, в плане, в порядке, в продолжение, в результате, в роли, в ходе, в честь, за исключением, на основании, под предлогом, по линии, по направлению, по поводу, по причине, по случаю, при помощи, с целью* и др. Производный отыменный предлог омонимичен предложно-падежной форме.

Существительное союз. Это слова *благо, добро, правда, раз*. На первый взгляд полученные союзы оказываются омонимичными существительному, но скорее они претерпели метаморфозы – из существительного через предикатив и модальное слово в союз: Желать всяких *благ* (существительное) – *Благо* ему (хорошо), родители и дети ему помогают (предикатив) – Ему, *благо* (к счастью) награду дали (модальное слово) – Бери, *благо* дают (союз). Ощущается более отдаленная связь союза с существительным, которая идет через другие части речи: То же самое наблюдается и у остальных этих союзов: *Правда* глаза колет (существительное) – *Правда*, он уезжает (модальное слово) – Дача хорошая, *правда* от станции далеко (союз).

Существительное частица. Эта онопара тоже очень спорная. Образование новых частиц, омонимичных полнозначным словам, непосредственно связано с категорией модальности, т.е. транспозиция идет через модальные слова. Об этом В. В. Виноградов писал: „Преобладающее большинство частиц в русском языке обнаруживает в своем значении модальные оттенки и тяготеет к категории модальных слов” (Виноградов В.В. 1972: 551). Выходит, что частицы связаны с модальными словами. Это частицы *факт, правда*: Сказать *правду* (существительное) – *Правда*, все давно встречались (модальное слово) – Вы встретились, *правда?* (частица); *Факт* говорит за себя (существительное) – Он, *факт*, приехал, но ничего не сделал (модальное слово) – Неужели мы приехали? *Факт!* (частица). Эти частицы имеют модальные оттенки и идут от модальных слов – они функционально-

семантические омонимы или ЛГО-ф. В семантическом отношении эти частицы очень далеки от существительных, но модальные слова тоже омонимичны существительным.

Существительномодальное слово. Когда говорим об омонимии существительного и модального слова, имеется в виду, что это направление идет через предикатив. Оно стоит в именительном падеже, парадигматически не изменяется, выражает какое-то отношение и состояние, и транспозиция, кажется, идет не от существительного, а от предикатива: *Правда* глаза колет (существительное) – *Правда*, что люди на ошибках учатся (предикатив) – Он, *правда*, ничего не делал, но и не возмущался (модальное слово). Со словом *факт* произошло такое же преобразование: существительное предикатив модальное слово: Человек изложил в суде существующий *факт* (существительное) – *Факт*, что наши знакомые уехали за границу (предикатив) – Она расстроилась, но, *факт*, ничего больше не сделала (модальное слово). Семантическое преобразование представляется в следующей последовательности: реальность – несомненно – конечно.

Существительное междометие. Эти междометия являются результатом семантического переосмысления существительных. Они становятся выразителями выкриков и эмоциональных состояний: *Смерть! Ужас! Страх! Горе! Беда!*

Имя прилагательное может перейти в другую часть речи, которая является исходной (базовой, мотивирующей) для предлогов, союзов, частиц, модальных слов, междометий.

Прилагательное предлог. Предлоги на –о омонимичны кратким прилагательным на –о. Краткие прилагательные на –о выступают в функции предлога с измененной семантикой – есть утрата значения качества, предлог в препозиции к имени: *подобно, противоположно, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно, относительно* и т.п. Ср. Его желание *противно* моему намерению (краткое прилагательное) – *Противно* желанию отца дочка продолжала рисовать (предлог); Мое семейство *согласно* отдыхать в горах (краткое прилагательное) – Поезда шли *согласно* предписанию (предлог).

Прилагательное союз. Союзы на –о: *равно, чисто, просто, точно, благо, добро* омонимичны кратким прилагательным на –о, но идут словообразовательным путем из наречия на –о, т.е. более близкая семантическая связь с наречием на –о. Эти слова на –о выступают в функции союзов. Эти союзы входят в состав многочленных комплексов: равно (Ожегов С.И. 1984: 533): 1) наречие: *Равно* красивые горы и леса, поля и луга; 2) краткое прилагательное в значении сказуемого: Это пространство равняется (*равно*) квадратному километру; 3) союз – *равно* и, как и. Кирпич, *равно* и многие другие строительные материалы, изготавливается местной промышленностью. В этом значении „как и” союз *равно* не соотносится семантически с прилагательным, это лексический омоним.

Союз *ровно* входит в комплекс: прилагательное – наречие – союз – частица. Союз *ровно* просторечный = словно, будто (Ожегов С.И. 1984: 591): Место *ровно* (прилагательное) – Дорога идет *ровно* (наречие) – Рычит, *ровно* зверь (союз) – Ровно кто стучится? (частица = как будто). Союз *ровно* не соотносится семантически ни с прилагательным, ни с наречием, он тоже является лексическим омонимом.

Прилагательное частица. Частицы на –о омонимичны кратким прилагательным на –о, но в словообразовательном отношении направление идет от наречия к союзу: *исключительно, решительно, просто, положительно, приблизительно*. Следовательно, частицы омонимичны прилагательным через наречие.

При рассмотрении семантики частицы, наречия и прилагательного устанавливается, что нет семантической соотносительности, например: *решительно* (Ожегов С.И. 1984: 590): 1) наречие. Твердо, непреклонно. Действовать *решительно*. 2) усилит. частица. Без исключения. Этот человек нужен *решительно* всем. 3) наречие. Вовсе, совсем. *Решительно* ничего не понял.

Прилагательное *решительный* имеет следующие значения: 1) Твердый в поступках – Решительный человек; 2) Исполненный твердости. Решительный ответ. 3) Окончательный, самый важный. Решительный момент. Семантический анализ предоставляет возможность увидеть семантические связи

между словами, а также установить омонимию между ними. При переходе наречия в частицу значение частицы (2) отсутствует у прилагательного и у наречия. Следовательно, между прилагательным и частицей есть лексическая омонимия (т.е. полная омонимия).

Совсем другой случай наблюдается при прилагательном *прямой*, наречии *прямо* и частице *прямо*. *Прямой* (Ожегов С.И. 1984: 546): Прямой (прилагательное). 1) Ровно идущий в каком-нибудь направлении. *Прямая линия*; 2) Непосредственно следующий куда-нибудь. *Прямое сообщение*; 3) Явный, открытый. *Прямой вызов*; 4) Действительный, безусловный. *Прямой смысл*; 5) Полный, совершенный. *Прямая противоположность*.

Прямо: 1) наречие. По прямой линии. Идти прямо; 2) Откровенно, без задних мыслей. Говорить прямо; 3) Частица. Подлинно, действительно. Он прямо герой.

Значение (4) прилагательного соотносится с семантикой частицы (3). Преемственная связь между прилагательным и частицей не нарушена, наблюдается лексико-грамматическая функциональная омонимия.

Прилагательное модальное слово. Среди модальных слов в русском языке наблюдается соотносительность с краткими прилагательными, наречиями и предикативами на –о: Это решение собрания *действительно* на два года (краткое прилагательное) – *Действительно*, он участвовал в этой работе (модальное слово). Это слова: *действительно, безусловно, бесспорно, верно, вероятно, видно, возможно, действительно, естественно, известно, истинно, понятно, решительно, ясно* и т.п. В зависимости от семантики этих слово они вступают в различные соотношения: *краткое прилагательное* – *модальное слово* – *действительно*; *краткое прилагательное* – *категория состояния (предикатив)* – *модальное слово (видно)*. [Ее дело *видно* (краткое прилагательное) – *Видно* в комнате, что бабушка приехала (предикатив) – *Видно*, сестра не интересовалась проблемами брата (модальное слово)].

Большинство модальных слов не теряет семантической соотносительности с прилагательными. Налицо функционально-грамматическая омонимия.

Прилагательное междометие. Это междометия *здорово, прямо, ясно*. Они омонимичны кратким прилагательным. *Здорово* входит в омокомплекс: *прилагательное* – *наречие* – *категория состояния* – *междометие* (Его тело

здорово (прилагательное) – Эта машина *здорово* сделана (наречие) – Родители уехали на дачу, и ему сейчас *здорово* (категория состояния) – *Здорово*, парнишка! (Н. Некрасов) (приветствие – междометие). Семантика междометия оторвана от семантики прилагательного – это лексическая омонимия, т.е. полная или лексический омоним.

Слово *ясно* входит в комплекс: *прилагательное – наречие – категория состояния – междометия* (Его намерение *ясно* (краткое прилагательное) – *Ясно* говорил (наречие) – Ему все *ясно* (категория состояния) – Ученик выкрикнул в строю: - *Ясно!* (междометие). Междометие *ясно* семантически соотносится с прилагательным, это функционально-семантическая омонимия.

Числительное частица. Числительное *один* (во всех своих формах) может употребляться как частица. Нет соотносительности в семантике – это ограничительная частица и наблюдается лексическая омонимия: В футбольной команде отсутствовал *один* Иванов (только); У тебя в сумке *одни* тетради (только).

Местоимение частица. В превосходной степени элемент *самый* – это частица: *Самый* трудный, *самый* интересный. Как частица в смысле „именно”, *самый* употребляется с личными местоимениями: Так это вы и есть Петров? – Я *самый* (Ожегов С.И. 1984: 695) – частица. В более позднее время местоимение *сам* тоже употребляется как частица – уточнительная – в смысле именно – рядом с местоимениями и собственными именами: *Сам* Иванов присутствовал на операции (в смысле именно, точно). Наблюдается полная (лексическая омонимия). Некоторые формы местоимений омонимичны производным частицам *оно, себе, то-то, ты, что, все, это, всего* и др. Описание машины подробно. *Оно* объясняет все процедуры (местоимение) – Жил этот человек своеобразно. Так *оно* и есть (частица). Он знал, что *все* его волнение было напрасно (местоимение) – В комнате стало *все* теплей (частица).

Между местоимениями и частицами нет семантической соотносительности. Это лексические омонимы.

Местоимение междометие. Эти омонимичные пары не фреквентны. Это звуковое совпадение: *ей* (форма дательного падежа местоимения *она*) и *ей* (междометие /прост./ – в форме *ей-ей*); *их* (притяжательное местоимение) и

их (междометие): Кто *ей* сообщил новость (местоимение) – В лесу послышался крик *ей-ей!* (междометие); *Их* интересы разнообразны (местоимение) – *Их!* – промолвила бабушка. – Кости болят (междометие).

Местоимение союзное слово. Многие производные союзы и союзные слова находятся в отношении полной или частичной омонимии с местоимениями: *который, какой, чей, чем, кто, что, где, куда, откуда, когда, зачем, почему, отчего* и др.: *Кто* не волнуется, когда читает Пушкина? (местоимение) – *Кто* читает, тот знает (союзное слово); *Что* же ты, моя старушка, примолкла у окна? (Пушкин) (местоимение) – Он же тогда начал постигать, *что* между лицом и характером существует непростая, но жесткая связь (О. Михайлов, Запятая) (союзное слово); *Которое* действие пьесы сейчас идет? (местоимение) – То сердце не научится любить, *Которое* устало ненавидеть (союзное слово); *Когда* приезжают родные? (местоименное наречие) – Ты говорил со мной в тиши, *Когда* я бедным помогала (Пушкин, Евгений Онегин) (союзное слово).

Глагол предлог. Предпосылкой преобразования деепричастий в предлоги является их семантика релятивности.

Деепричастные формы, которые преобразовались в предлоги, свидетельствуют о семантической редукции глагольных форм – это явление не фреквентно. Это деепричастия *включая, исключая, кончая, не считая, благодаря*. *Благодаря* – самый частотный отдеепричастный предлог. С синхронной точки зрения, они омонимы. „Благодаря” – по происхождению деепричастие несовершенного вида от глагола «благодарить»; в современном языке образовалась омонимия; *благодаря* употребляется в значении и деепричастия, и предлога. В связи с тем, что в обоих случаях смысловая связь с глаголом благодарить не потеряна, рекомендуется предлог *благодаря* (с дательным падежом) употреблять только в тех случаях, когда речь идет о положительных, желательных результатах, например: *Благодаря* (кому? Чему? героизму рабочих катастрофа была предотвращена. Предлог и деепричастие находятся в отношениях транспозиционной производности. Продемонстрируем переход деепричастия в предлог на примерах: *Девочка* шла по улице, *благодаря* подруг за подаренную книгу (деепричастие) – Она решила задачи *благодаря* своим подругам (предлог); *не считая*: *Девочка*

смотрела на утят и цыплят, *не считая* их (деепричастие) – Он говорил на многих языках, *не считая* испанского (предлог).

Кроме того есть и сложносоставные предлоги: *судя по, смотря по, говоря о* и т.п.

Глагол союз. Многие союзы являются результатом преобразования лексико-семантического значения в функционально-синтаксическое. Они потеряли свое значение и получили служебную роль. Например, союз *если* образовался от глагола *есть* и частицы *ли* (первоначально: *естьли*). Подобные союзы: *если, хотя, разве, пока* (*Если* друг тебя обманет, не печалься, не сердись). *Хотя* – по происхождению краткое действительное причастие настоящего времени от глагола *хътиети* – „хотеть” (XIII в), употребляется как союз. Союз *хоть* – это преобразование формы глагола – *хоти* (Мамина хата *хоть* мала, да мила).

Глагол частица. Многие частицы глагольного происхождения: *дай, давай, давай (-ка), знай, гляди (-те), смотри (-те), пускай*: *Дай* мне воды, жарко (глагол) – Ну, *дай* я попытаюсь решить задачу (частица); *Смотри* и читай правильно (глагол) – *Смотри* не простудись (частица); После собрания *бывало* (глагол) интересное сообщение. – *Бывало*, часто ходил на охоту (частица).

Глагольные формы преобразовались в частицы. „Употребляясь при глаголе (или другом предикатном знаке), частицы-транспозитивы выражают побуждение к действию (*дай, давай*), предостережение (*смотри, гляди*), ирреальность (*было*), реальность в отдаленном прошлом (*бывало*)... Таким образом, семантика отглагольных частиц эквивалентна значениям форм наклонения и их модификациям” (Ким О.М. 1978: 69). Эмоционально экспрессивные частицы – результат функционально-семантического преобразования глагольной формы 2л. ед.ч.: *скажи, подумаешь*: *Скажи* сестре уехать на дачу (глагол) – *Скажи*, какие волны были, какое небо! (частица); *Подумаешь* и скажешь, как сделать этот элемент (глагол) – *Подумаешь*, как устал он! (частица).

Глагол модальное слово. Это функциональные омонимы. Модальные слова омонимичны глагольным формам со значением возможности, способности, обязанности, необходимости, волеизъявления и др.: Люди

говорят о небольших вопросах (глагол) – *Говорят*, он странный человек (модальное слово). Меняется и синтаксическая позиция модальных слов: *видишь, знаешь, извините, кажется, казалось, признаюсь, разумеется; признаться, видать*: Задача *кажется* мне трудной (глагол) – *Кажется*, не все фильмы на этой неделе интересны (модальное слово); Он хотел *признаться* товарищу во всем (глагол) – *Признаться*, он не волновался (модальное слово). Модальное слово – продукт транспозиции глагольного слова.

Глагол междометие. Многие междометия выражают волеизъявление, т.е. они семантически соотносительны с глагольным императивом: *брось, валяй, прощай (-те)*. При транспозиции глагольный императив преобразуется в междометие с общим значением побуждения к действию: *Брось* камушек в реку! (повелительное наклонение) – *Ей! Брось!* Не горюй! (междометие).

Наречие предлог. В предлоги транспонируются наречия, имеющие отношение к релятивности. Это наречия пространственного значения, которые допускают и переносные значения, и функции: *вблизи, вглубь, вдоль, внизу, внутри, возле, вокруг, вперед, впереди, кругом, мило, навстречу, напротив, подле, позади, посередине, посреди, сбоку, сверху, сзади, свыше, снаружи, снизу, спереди*. Релятивное отношение наречия появляется и под влиянием глагола: Мальчик бегал *вокруг* (наречие) – Мальчик бегал *вокруг* дома (предлог); Туристы поднимались *наверх*, в гору (наречие) – Рабочий посмотрел *наверх* столба (предлог); Дедушка сидел несколько *сзади* (наречие) – Дедушка сидел несколько *сзади* Петра (предлог); Поезд идет *навстречу* (наречие) – Поезд идет *навстречу* ветру (предлог).

Кроме этих предлогов, есть и предлоги, соотносительные с определительными наречиями: *относительно, согласно, сообразно, соответственно, противно, касательно, соразмерно*: По важным вопросам комиссия высказалась *соответственно* (наречие) – Директор руководил заводом *соответственно* всем производственным условиям (предлог).

Обстоятельственные предлоги являются функционально-семантическими омонимами наречий. Вторая группа предлогов, соотносительных с качест-

венными наречиями, являются их лексическими омонимами, они семантически расходятся с наречиями.

Наречие союз. При транспозиции наречия в союз редуцируется (преобразуется) их семантика, они указывают на синтаксические отношения между отдельными частями высказывания. Это функционально-семантические омонимы: Девочка *пока* подождет (наречие) – Пока я приготовлюсь, *пока* доеду до назначенного места, друзья беспокоятся (союз); *Едва* послышался шум, и заяц выскочил из-за кустов (союз) – Черепаха *едва* двигалась по зеленому мху (наречие). Наречия являются богатой базой для пополнения состава союзов. По этому поводу и В. В. Виноградов отмечает: „Наречия играют громадную роль в образовании союзов...” (Виноградов В. В. 1977: 316).

Наречие частица. Это довольно продуктивная группа омонимичных пар, базирующихся на транспозиции лексико-синтаксического типа. Частицы и их омонимы-наречия выявляются в контексте на базе противопоставления: *все, вокруг, вон, вот, еще, исключительно, единственно, положительно, просто, прямо, решительно, точно, ясно* и др.: Солнце *уже* поднялось из-за гор (наречие) – Глаза не так *уже* ярко светились (Н. Некрасов) (частица); Он был *исключительно* умным человеком (наречие) – Директор института занимался *исключительно* важными вопросами (частица). Она разговаривала со знакомыми *просто* и ясно (наречие) – *Просто* я сегодня тебя не узнаю! (частица); В работе надо действовать *решительно* и смело (наречие) – Этот человек *решительно* нужен всем (частица).

Качественные наречия транспонируются в частицы в результате ослабления в них качественного значения и „за счет приобретения ими оттенка количественной характеристики процесса” (Ахманова О. С. 1957: 131–143). Синтаксическая позиция тоже является предопределяющим средством – в постпозиции стоят качественные наречия, а в препозиции – частицы, но это не всегда является константным признаком: Вел себя *ровно* (наречие); *Ровно* ничего не понял (наречие) – в этих примерах наречие *ровно* стоит в различной позиции по отношению к глаголу – *Ровно* кто стучится? (= как будто; частица) (Ожегов С. И. 1984: 591); Частицы-омонимы не имеют степеней сравнения и нечленимы.

Наречие модальное слово. Условием преобразования наречия в модальное слово является изменение атрибутивной функции в функцию введения (интродуктивную). Это выражается в ослаблении синтаксической связи между наречием и тем словом, к которому оно примыкало. В модальные слова транспонируются наречия с модальными значениями. И они становятся функционально-семантическими омонимами: *никак, наоборот, буквально, действительно, верно, решительно, подлинно, безусловно, понятно*: Человек *действительно* был занят (наречие) – *Действительно*, Нина пришла на вокзал в шесть часов (модальное слово). Если наречия и модальные слова соотносятся семантически, то это лексико-синтаксические или лексико-грамматические функциональные омонимы, если не соотносятся, то это лексические омонимы. Значение предположения характерно для модальных слов, а не для наречий. Наречия отличаются членимостью морфем и наличием степеней сравнения, а модальные слова – нечленимостью и отсутствием степеней сравнения.

Наречие междометие. Единичные наречия омонимичны междометиям: *полно, вон, здорово*. *Полно* – наречие и *полно* – междометие не соотносятся семантически, это лексические омонимы: *Полно* тебе заниматься этими делами (предикативное наречие) – *Хорошо* поработали сегодня, ребята! *Полно!* (междометие). Остальные являются транспозиционными омонимами, отличаются синтаксической позицией, функцией, наличием синонимов и антонимов у наречий: Мастер *здорово* делал вещи (наречие) – *Здорово*, друг, как дела? (междометие); Иди *вон!* (наречие) – *Вон* отсюда! (междометие).

Категория состояния частица. Категория состояния является исходной базой для формирования омонимичных частиц: *хорошо, угодно, прекрасно, чудно, ясно, ладно, все*: Ей *угодно* делать это (категория состояния) – Иди куда *угодно* (частица); Собаке стало *лучше* (категория состояния) – Вы бы *лучше* посидели! (частица) *Ладно* тебе в другой стране? (Фет) (категория состояния) – *Ладно, ладно*, дети идите играйте! (частица).

Категория состояния и частицы отличаются лексическим значением, дистрибуцией, синтаксической позицией. Они лексические омонимы.

Категория состояния модальное слово. Модальные слова – продукт транспозиции, являются омонимами слов категории состояния: *правда*,

хорошо, вероятно, видно, верно, очевидно, ясно, лучше, возможно: Правда, что она поступила на работу в редакцию? (категория состояния) – Правда, резковат, зато мысли у него (Лобанова) свои, свежие (Д. Гранин, Искатели) (модальное слово); Было очевидно, что девушка привязалась к бабушке (категория состояния) – Рабочим, очевидно, не сообщили об аварии станции (модальное слово).

Модальные слова выражают модальные отношения, организуя речь. Слова категории состояния выступают в функции главного члена – сказуемого – в предложении.

Омонимичность наблюдается среди слов не с модальным значением: *слышно, видно, очевидно, понятно, ясно.*

Среди слов категории состояния с модальным значением (*желательно, угодно, надо, необходимо*, и т.д.) нет форм, омонимичных модальным словам. Таким образом, модальные слова омонимичны словам категории состояния не со значением желания, необходимости, надобности.

Категория состояния союз. Не фреквентны случаи омонимии категории состояния и союзов: *правда, было, хорошо, добро, нет.*

Тип функции, синтаксическая позиция и отношения дифференцируют их, деомонимизируют: *Правда, что он уезжает (категория состояния) – Книга хорошая, правда читать ее надо быстро – надо вернуть (союз); Благо Нине, что она устроилась в этом месте и работает (категория состояния) – Бери, благо дают (союз).* Слова категории состояния и союзы расходятся в семантике – это лексические омонимы.

Категория состояния междометие. Сюда относится омонимия некоторых слов, которые через наречия и слова категории состояния транспонируются в междометия. Например: *Ужасно! Страшно!* Они семантически соотносятся, поэтому это функциональные омонимы. Слово „здорово” выступает и как слово категории состояния, и как междометие: В лесу охотникам *здорово* спать (категория состояния) – *Здорово*, мальчик! (междометие – приветствие). В этом случае слово категории состояния и междометие не соотносятся ни семантически, ни функционально. Это лексические омонимы.

Указанными случаями транспозиции подчеркивается то, что знаменательные слова являются фундаментом, источником формирования служебных слов и омонимии со служебными словами.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Знаменательные слова могут выступать в функции служебных, становясь при этом источником выражения богатой гаммы отношений между словами.
2. Десемантизация знаменательного слова является предпосылкой его перехода в служебное.
3. При синтаксической транспозиции знаменательных слов в служебные последние становятся функциональными омонимами знаменательных слов при сохранении семантической соотносительности с ними. В противном случае имеют место лексические омонимы.
4. Представленные направления омонимии частей речи (знаменательных и служебных) благоприятствуют одновременно их усвоению и дифференциации в системе языка.
5. Самые широкие размеры в языке имеет синтаксическая транспозиция знаменательных слов в служебные, являющаяся доказательством эволюции языка еще с древности.
6. Выявление омонимии всегда связано с лингвистическим анализом слов и конструкций, и этот анализ способствует повышению качества лингвистических знаний и лингвистической культуры интересующихся языком, а слово – единица языка, находящаяся во взаимосвязи со всеми языковыми уровнями и являющаяся точкой пересечения всех уровней.
7. Виды грамматической омонимии нуждаются в дальнейших исследованиях.

Литература

АПРЕСЯН Ю. Д.

1974. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Москва: „Просвещение”.

АРНОЛЬД И. В.

1959. Лексикология английского языка. – Москва: „Просвещение”.

- АХМАНОВА О. С.
1957. Очерки по общей и русской лексикологии. – Москва: „Просвещение”.
- АХМАНОВА О. С.
1974. Словарь омонимов русского языка. – Москва: „Просвещение”.
- БАБОВ К.
1974. Проблемы интерференции. – София: „Народна просвета”.
- БАЛКАНСКИ Т.
1979. Словообразователни омоними с омонимни основи и омонимни афиси. – Език и литература. София: кн. 6.
- БАЛЛИ Ш.
1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва.
- БОНЕВ В.
1993. Приложният аспект на взаимовръзката на междуезиковата омонимия и паронимия с явленията на интерференция. – Чуждоезиково обучение. София: кн. 2.
- БОЯДЖИЕВ Т.
1986. Българска лексикология. – София: „Народна просвета”.
- БУЖОРЕЛ ИСПАС
1979. Относно критериите за разграничаване на омонимия от полисемия в различните езици . Прев.от руски Олга Младенова. – Съпоставително езикознание. София: кн. 6, 35-42.
- БУЛАХОВСКИЙ Л. А.
1928. Из жизни омонимов. – Русская речь. Москва,. 2/1.
- ВИНОГРАДОВ В. В.
1940. О грамматической омонимии в современном русском языке. – Русский язык в школе. Москва: № 1.
- ВИНОГРАДОВ В. В.
1960. Об омонимии и смежных явлениях. – Вопросы языкознания. Москва: кн. 5.
- ВИНОГРАДОВ В. В.
1968. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках. – Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага. Доклады советской делегации. Москва.
- ВИНОГРАДОВ В. В.
1972. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Москва: „Высшая школа”, 2 изд.
- ВИНОГРАДОВ В. В.
1975а. О формах слова – В. В. Виноградов. Избранные работы. Исследования по русской грамматике. Москва: „Просвещение”.

Виноградов В. В.

- 1975б. О грамматической омонимии в современном русском языке – В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва: „Наука”.

Виноградов В. В.

1977. Об омонимии в русской лексикографической традиции. – В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: „Наука”.

Высоцкая И. В.

1999. Лексико-грамматическое описание омокомплекса „просто”. – Филологические науки. Москва, кн. 2.

Гак В. Г.

1986. Теоретическая грамматика французского языка. – Москва: „Высшая школа”.

Георгиев Ст.

1983. Учебник по лексикологии на българския език. – София: „Народна просвета”.

Гочев Г.

1980. К вопросу о некоторых синтагматических особенностях энантиосемии – Трудове на ВТУ „Кирил и Методий”, София, т. 15, кн. 2.

Димитров Л.

1976. Руско-българска омонимия в техническата терминология – Известия на ВМЕИ и Съюза на науч.работници. София № 7.

Иванова Ц.

1995. Славянската междуезикова омонимия и приложната лингвистика. – Проглас, IV, кн. 1.

Исаченко А. В.

1955. О категории состояния в славянских языках. – Вопросы языкознания. Москва, кн. 6.

Истрина Е. С.

1944. Заметки по двуязычным словарям. – Известия АН СССР, ОЛЯ, 3.

Карпов В.

1983. Явление межъязыковой омонимии в условиях русско-болгарского билингвизма – Съпоставително езикознание. София, кн. 5.

Ким О. М.

1978. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент.

Куцаров Ив.

1985. Очерк по функционално-семантична граматика на българския език. – „Пловдивски университет”. – цит. Ал. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. – София.

1940. 43-49; Българско склонение – български език. 1954, кн. 1, 40-61; Е. В. Чешко. Падежи и предлоги в современном болгарском языке. – Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва, 1959, 10.
- ЛАЙОНС Дж.
1978. Введение в теоретическую лингвистику. – Москва: „Наука”.
- ЛОМТЕВ Т. П.
1976. Язык и реч. – Вестник МГУ. Сер. 7. Филолог. Журналист, № 4.
- ЛОПАТИН В. В., И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ И. Г., М. А. ШЕЛЯКИН М. А.
1989. Современный русский язык. – Москва: „Русский язык”.
- ЛЮБЕНОВА Е.
1996. Лексическая омонимия и полисемия – Научни трудове ПУ „Паисий Хилендарски”, 34, № 1.
- МЕЩАНИНОВ И. И.
1945. Члены предложения и части речи. – Москва: „Русский язык”.
- МОСКОВ М.
1986. Проблемът за частите на речта // Български език и литература. Кн. 2.
- НОВИКОВ Л. А.
1960. Об одном из способов разграничения омонимии и полисемии. – Русский язык в школе, кн. 3.
- ОЖЕГОВ С. И.
1984. Словарь русского языка. – Москва: „Русский язык”, 16 изд.
- ПАШОВ П.
1979. Омоними, омографи и омофони в съвременния български език. – Помагало по българска лексикология. – София: „Народна просвета”.
- ПАШОВ П.
1994. Практическа граматика. – София: „Народна просвета”.
- ПАРЗУЛОВА М.
1993–1994. Семантични омоними, получени вследствие терминологизация на общоупотребими думи – Български език. София, XLIII/XLIV, кн. 3, 174-182.
- ПОСПЕЛОВ Н. С.
1955. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи (на материале современного русского языка. – Сборник „Вопросы грамматического строя”. Москва.
- РИХТЕР Г. И.
1961. Вопросы классификации омонимов в русском языке – Филологические науки, кн. 1.

Смирницкий А. И.

1948. Некоторые замечания по английской омонимике. – Иностранные языки в школе. София, № 5.

Смирницкий А. И.

1954. По поводу конверсии в английском языке. – Иностранные языки в школе. София, № 3.

Смирницкий А. И.

1956. Лексикология английского языка. – Москва: „Русский язык”.

Смолска А.

1972. Наблюдения над междуязыковата омонимия в руския и българския език (прев. от рус) – Език и литература, кн. 6.

СУПРУН Л. Е.

1969. Русский язык советской эпохи. – Москва: „Русский язык”.

ТЕНЬЕР Л.

1988. Основы структурного синтаксиса (пер. с франц.). – Москва: „Русский язык”.

Чолакова Кр.

1959. Омоними в съвременния книжовен български език. – Известия на Института по български език, кн. VI.

Чолакова Кр.

1960. Руско-българска омонимика – Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София.

ЧОНГАРОВА И.

1991. Русско-болгарские апроксиматы; Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера. – Болгарская русистика, кн. 4.

ШАЙКЕВИЧ А. Я.

1961. Источники лексической омонимии в германских языках – Филологические науки. Москва, кн. 2.

ШМЕЛЕВ Д. Н.

1977. Современный русский язык. Лексика. – Москва: „Русский язык”.

ШМЕЛЕВ Д. Н.

1990. Омонимия – Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: „Русский язык”.

ЩЕРБА Л. В.

1939. Современный русский язык – Русский язык в школе. Москва, № 4.

Образы животных в наименованиях городских торговых объектов

Т.А. Кадола

Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

Анализ культурных инвариантов в преломлении различных культур предполагает обращение к своего рода сквозным образам, являющимся координатами, определяющими своеобразие той или иной культуры. Подобными константами выступают миромоделирующие концепты, например, *дом, семья, вера/неверие, душа, разум* и другие ментальные конструкты, наполнение которых обусловлено спецификой этнической культуры. Относятся к ним и образы животных, составляющие важную часть любой культуры. Именно животные в фольклорных произведениях любого народа олицетворяют те или иные человеческие качества, транслируя тем самым нравственные нормы, характерные для данной культуры.

Существующее устойчивое символическое наполнение образов животных позволяет использовать их в геральдике, литературе, рекламных текстах. В представленном исследовании мы обращаемся к области урбонимики, объектом анализа являются наименования городских торговых объектов – эмпоронимы. Эмпоронимы интересны тем, что, с одной стороны, представляют собой акт индивидуального языкового сознания, с другой стороны, они ориентированы на массовое восприятие, поэтому могут рассматриваться как результат действия когнитивных механизмов индивидуального и коллективного языкового сознания.

Выявление и анализ устойчивого смыслового содержания того или иного зооморфного образа в рамках определенной культуры делает исследование лингвосемиотическим и лингвокультурологическим. При изучении эмпоронимов, включающих наименование животного, нами использовались следующие методы: ассоциативный эксперимент, интервьюирование, опрос

(авторов номинации и потребителей), внутренняя интроспекция (лингвистическая интуиция).

В рамках работы над проектом «Описание города Абакана как поликультурного лингвосемиотического пространства» нами проводился социолингвистический опрос, направленный на выявление символов города Абакана в сознании его жителей, также опрашивались жители Черногорска, Саяногорска, Минусинска, Усть-Абакана. Всего было опрошено 1311 человек 17-76 лет, обоих полов, с разным уровнем образования (среднее / среднее профессиональное / высшее / дополнительное послевузовское) и сферой деятельности.

Описывая символы Абакана, информанты отмечали, чаще всего, скульптуры, архитектурные сооружения, парки, учебные заведения, театры, культовые заведения, а также нематериальные объекты (многонациональность, хакасская национальная культура). В числе других символов города многие интервьюируемые указывали птиц и животных, всего было выявлено 128 таких реакций (что составило 9,76% от общего числа реакций), в том числе:

·медведь	72
·барс, ирбис	43
·рысь	3
·соболь	3
·чайка	2
·тигр	2
·марал	1
·горностай	1
·воробей	1

Приведенные результаты опроса позволяют нам рассмотреть данные лексемы как обозначение неких целостных образов животных, содержащих не только денотативное, но и культурологическое наполнение, выступающих в роли символа реалии, средства её актуализации. Устойчивым и самым популярным звериным символом Абакана являются медведь и снежный барс (ирбис), в силу того, что стилизованный крылатый ирбис (хакаское *парыс*) изображён на гербе Хакасии, а медведь у многих ассоциируется с Сибирью и Россией в целом. Можно сказать, что образы

медведя и барса являются архетипическими, доминирующими в культуре этноса и региона. Подробнее об архетипах как об устойчивых формах коллективного бессознательного см. (Юнг 1994, Юнг 2005, Юнг 2006).

Результаты, полученные в ходе данного эксперимента, сделали необходимым следующий этап нашего исследования: описать звериные образы в наименованиях городских торговых объектов (эмпоронимах) с целью, во-первых, проверить, воплощаются ли в области урбонимики символы города Абакана, обуславливая тем самым специфику этой сферы, во-вторых, выявить ассоциативное, культурологическое содержание номинаций, активизируемое в сознании реципиентов вывесок.

Среди более 900 наименований торговых объектов города Абакана нами было выявлено 34 эмпоронима, содержащих образы животных: СТО «Три медведя», Сеть аккумуляторных центров «Медведь», Грузотакси «Барс», ООО «Ирбис» монтаж вентиляционного оборудования, «Мангуст» автосервис, Такси «Соболь», Транспортная компания «Феникс», Бытовая техника «Сапсан», «Лесси» ветеринарная служба, Гостиница «Колибри», «8 заек» магазин детской одежды, Детские игрушки «Кенгуру», Детский дом «Ласточка», Детский дом «Золотая рыбка», МУ Загородный детский лагерь «Чайка», МДОУ Детский сад «Дельфин», МДОУ Детский сад «Журавлик», МДОУ Детский сад «Золотая рыбка», МДОУ Детский сад «Орленок», МДОУ Детский сад «Светлячок», МДОУ Детский сад «Чайка», «Барсуки» изготовление мебели, Компания «Рыбный мир» рыбный магазин, «Ласточка» продажа канцтоваров, Магазин одежды «Мустанг», Ночной клуб «Летучая мышь», ООО НПО «Скат» интернет-услуги, Ресторан «Кабанчик», Сибирская музыкальная компания, Музыкальный магазин «Барс», Таверна «Какаду», Семейное кафе «Котофей», ЗАО Кафе «Весна» «Хан-Тигр», Кафе «Слон», «Три медведя-Абакан» спецодежда.

Эмпоронимами становятся наименования животных, обитающих в России (Сибири) («Медведь», «Барс», «Ирбис», «Барс», «Соболь», «Сапсан», «8 заек», «Ласточка», «Журавлик», «Светлячок», «Чайка», «Барсуки», «Ласточка», «Мустанг», «Кабанчик»); экзотических животных («Мангуст», «Какаду», «Слон», «Колибри», «Кенгуру», «Дельфин»); рыб («Рыбный мир», «Скат»); животных – сказочных и литературных персонажей

(«Золотая рыбка», «Лесси», «Золотая рыбка», «Орленок», «Три медведя», «Три медведя-Абакан», «Летучая мышь», «Феникс»).

Проведенный нами опрос 516 реципиентов 19-63 лет, обоих полов, с разным уровнем образования (среднее / среднее профессиональное / высшее / дополнительное послевузовское) и сферой деятельности позволил выявить следующие смыслы, ассоциируемые с определенными животными.

·Медведь	– надежность, сила, запасливость, мощь, мужество, большой.
·Барс, ирбис	– скорость, сила, легкость.
·Мангуст	– проворность, ловкость, быстрота, изящность.
·Соболь	– быстрота, пушистый, хищный.
·Сапсан	– быстрота, хищная птица.
·Колибри	– что-то очень маленькое, экзотичность.
·Кенгуру	– быстрота, заботливость (вынашивает детенышей в сумке), экзотичность.
·Ласточка	– доброта, ласка, легкость, красота.
·Чайка	– море, свобода, доброта.
·Дельфин	– доброта, радость, море.
·Слон	– большой, добрый.
·Какаду	– экзотичность, пиратская птица.
·Светлячок	– свет, тепло, беззащитность, радость.
·Скат	– плоский, электрический.

Как видим, номинации активизировали определенные устойчивые образы в сознании испытуемых, полагаем, что они и были положены в основу номинаций. Результаты опроса информантов и интервьюирования авторов эмпоронимов позволили нам сформулировать следующие мотивологические признаки:

1. Географический, или региональный: наименованием заведения становится имя животного, обитающего на территории, на которой расположен обозначенный объект («Барс», «Медведь», «Соболь»).
2. Культурологический: названием заведения становится имя животного, символизирующего определённую идею, то есть являющегося неким архетипом.

При этом важно отметить, что указанные признаки часто контаминируются в рассмотренных наименованиях: при назывании торгового

объекта по имени животного, типичного для региона, также учитывается и символическое наполнение данного зоонима. Так, медведь является тотемическим животным древних славян, выступает в качестве персонажа фольклорных произведений, становясь частью национальной культуры. Обращает на себя внимание то, что в области урбонимики используются наименования представителей местной фауны, вызывающие больше положительных, чем отрицательных наименований, например, в эмпоронимике Абакана не используется зооним *волк*, хотя это животное тоже является типичным для России и Сибири, поскольку в русской культуре оно является символом злости, алчности, прожорливости (ср. *волчий аппетит*; *голодный, как волк*; *смотреть волком* и т.п.).

Это позволяет отметить, что при выборе животного для номинации учитываются не только объективные характеристики данного вида, такие как быстрота, сила, ловкость, изящество, но и так называемые потенциальные семы – устойчивые ассоциации в коллективном сознании представителей определенной культуры (доброта, хитрость, доверчивость, беззащитность). Если первые признаки могут считаться константными, универсальными, то вторые часто различаются в отдельных этнических сообществах: например, в русской культуре заяц ассоциируется с трусостью, а в буддистских странах является символом мудрости.

Подобные характеристики представляются важными при номинировании заведения, поскольку могут вызвать как положительные, так и негативные реакции потребителей на вывеску. Предъявление в качестве стимулов зоонимов в сочетании с обозначением специфики заведения позволило реципиентам оценить номинацию как удачную или неудачную. Неудачность названия, по мнению опрошенных, обусловлена несоответствием ассоциативных смыслов зоонима специфике обозначенного заведения. Так, все реципиенты сочли неудачным название фирмы по изготовлению мебели «Барсуки», данные животные не ассоциируются в сознании представителей русской культуры со строительством, во многих анкетах указывалось: «возможно, перепутали с бобрами», «логичнее назвать «Бобры», «ещё бы Бобры назвали».

Некоторые зоонимы вызывали у реципиентов мало ассоциаций, такие как «Скат» («электрическая рыба»), «Мустанг» («лошадь»), вероятно, это связано с периферийной ролью данных животных в русской «зоологической картине мира». Кроме того, название «Мустанг» вызывало больше ассоциаций с автомобилями, чем животными.

Часто при выборе названия торговой организации совершается сложный ассоциативный перенос. Именно его мы наблюдаем в наименовании кафе-ресторана «Кабанчик»: на Руси кабан ассоциировался с воинственностью, неукротимостью, а также с жадностью, что делает сомнительным использование данного зоонима в качестве вывески, но в названии ресторана активизирован признак, апеллирующий не сколько к дикому, свирепому зверю, а, скорее, к результату охоты на него – приготовленному из него блюду. Это позволяет заложить в семантику названия совершенно другие смыслы: уют, сытость, тепло. Таким названием посетителю обещают гостеприимный прием, возможность отдохнуть и расслабиться, душевную атмосферу, ср. с рекламным текстом: «Пивные рестораны «КабанчикЪ» – это возможность окунуться в атмосферу спокойного размеренного течения времени, когда все сложные вопросы разрешаются за столом, а реки пива укрепляют старую дружбу и рождают новые отношения» (Пивные рестораны «КабанчикЪ»). Подобные смыслы заложены также в приведенных ниже цитатах из Национального корпуса русского языка:

Ещё я кабанчика откармливаю, осенью зарежем, – на всю зиму колбасы будут, ветчина, сало (В. В. Вересаев, «В тупике», 1920-1923 г.). *Он охотник, и пусть ещё не сезон, но ведь есть же у него знакомые егеря – пусть застрелят кабанчика или лося или, на худой конец, поделятся из старых запасов...* (Андрей Дмитриев, «Воскобоев и Елизавета», 1992 г.). *Зато был симпатичный дикий кабанчик Борька* (Алла Сурикова, «Любовь со второго взгляда», 2001 г.) (Кабанчик 2010).

Еще одним примером сложного ассоциативного переноса мы видим название ночного клуба «Летучая мышь», отмеченное многими реципиентами как удачное, хотя данное животное вызывает, скорее негативные реакции у представителей российской культуры. Полагаем, что мотивирующей основой в данном случае является не обозначение животного как

такового, а заголовок оперетты и одноименного фильма, что делает наименование прецедентным. Другим источником ассоциаций мы склонны считать тексты, связанные с так называемой «вампирской тематикой», в которых летучая мышь изображается как одно из воплощений вампира и, с одной стороны, вызывает у людей страх или отвращение, с другой стороны, обладает некоторой притягательностью. По нашему мнению, именно контаминация указанных смыслов позволяет считать данное наименование удачным.

Как видим, прецедентность позволяет переосмыслить зооним и активизировать позитивные ассоциации: именно такие реакции вызывают наименования «Золотая рыбка», «Орленок», «Лесси», апеллирующие к известным произведениям и транслирующие положительные смыслы – исполнения желаний, надежды, доброты. В этом ряду выделяется эмпороним «Три медведя-Абакан», источником которого являются не положительные персонажи сказки «Три медведя», причем данная номинация не была отмечена реципиентами как неудачная. Полагаем, это обусловлено активизацией определенных характеристик медведей, также фиксируемых текстом сказки: сплоченности, основательности, хозяйственности (по сюжету, они возвращаются домой всей семьей, у каждого медведя есть своя кровать и набор посуды) – такие качества в сочетании с общекультурным символическим наполнением провоцируют положительные реакции на эмпороним.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что выявленные на предварительном этапе звериные символы города Абакана находят свое воплощение в эмпоронимах, так как будучи частью, отражением культуры эмпоронимы строятся на определенных символах культуры (архетипах). Самыми популярными «звериными» персонажами являются медведь и барс – своего рода символы Сибири. Зоонимы в наименованиях городских торговых объектов и торговых марках демонстрируют мифологическое, тотемическое использование образов животных, когда в качестве наименований выбираются обозначения животных, ассоциирующихся с силой, благородством, быстротой, добротой. Допустим, никому в голову не приходит назвать фирму, магазин «Шакал» или «Гиена»,

так как в российской культуре эти животные вызывают негативные ассоциации. Как древние люди верили, что, окружив себя изображениями или чучелами, шкурами тигра, они перенимают его силу, так и эмпоронимы транслируют положительный образ животного, передавая потребителю вместе с торговой маркой, услугой, продуктом идею силы, мудрости, благородства, быстроты и т.п.

Обращает на себя внимание то, что образы животных не являются центральными в области эмпоронимики (зафиксировано всего 34 наименования, построенных на использовании зоонима), полагаем, это обусловлено тем, что в современной культуре природные символы не являются доминирующими, как в архаических, мифологических культурах.

Литература

КАБАНЧИК.

2010 Викисловарь. – URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/кабанчик>.

Пивные рестораны «КабанчикЪ» – URL: <http://kabanchik.nnov.ru>.

Юнг К.Г.

1994. Проблемы души нашего времени. – Москва: «Прогресс».

Юнг К.Г.

2005. Душа и миф. Шесть архетипов. – Москва: «Харвест».

Юнг К.Г.

2006. Очерки психологии бессознательного. – Москва: «Когито-центр».

Profesionalizmy – dynamické a eko-(nomické) prostriedky v profesijnej komunikácii

Jana Klincková

V príspevku sa venujeme dynamike pomenovaní lexikálnych jednotiek v klinickej medicíne porovnávajúc frekvenciu jednotlivých lexikálnych vrstiev v rovnakom profesijnom prostredí (klinická medicína) po 20 rokoch (1. výskum: 1983-1987, 2. výskum: 2008). Impulzom na realizáciu opakovaného výskumu boli skutočnosti, ktoré podľa sociolingvistických kritérií sú hodnotovo relevantné. Zmenená spoločenská klíma, aktuálne názory na postavenie slangizmov a profesionalizmov v jazykovej komunikácii, vyjdenie 1. zväzku Slovníka súčasného slovenského jazyka, v ktorom sa pracuje s pojmom *funkčný kvalifikátor*, to sú sociofaktory, ktoré provokujú dozvedieť sa, ako sa uvedené zmeny odrazili pri tvorení a využívaní lexikálnych prostriedkov v profesijnej komunikácii.

Za zmenené spoločenské okolnosti, ktoré vplývajú na kvalitu komunikácie, pokladáme:

- zmenené štatúty zdravotníckych zariadení a postavenie zamestnancov,
- inú kvalifikačnú štruktúru stredného zdravotníckeho personálu (napr. povinné bakalariáty na istých pracovných pozíciách),
- využívanie moderných high-technológií v klinickej medicíne.

Nezmenené zostali štandardné komunikačné situácie, v ktorých prebieha komunikácia lekára s pacientom.

Zámer a ciele opakovaného výskumu boli definované tak, aby sledovali:

1. ako sa zmenila lexika v sledovanej profesijnej sfére v období rokov 1983 – 2008 a čo ovplyvňuje jej súčasnú úroveň. *Vychádzame zo známeho poznania, že lexika je najdynamickejšou vrstvou jazykového systému, pretože pružne reaguje na spoločenské zmeny a sociálne potreby používateľov jazyka.*
2. ktoré sociolingvistické činitele najmä ovplyvňujú súčasný stav v profesijnej komunikácii a ako sa „premietajú“ do nominačných postupov.

Za relevantné pri tomto hodnotení pokladáme, že v sledovanom období 20 rokov došlo čiastočne k výmene generácií a terajšia aktívna generácia lekárov už

nie je „poznačená“ reziduami minulosti (napr. lekári ako absolventi českých univerzít, odborné publikácie a študijné materiály

v češtine a častokrát zhovievavé tolerovanie bohemizmov v odbornej komunikácii) a existuje slovenská lekárska terminológia. Slangizmy využívala v minulosti najmä najmladšia a stredná generácia, v súčasnosti nové slangizmy početne nevznikajú. Možno tento stav hodnotiť ako vyššiu komunikačnú kompetenciu používateľov jazyka a hodnotiť ho pozitívne?

3. ako a či vôbec na výber lexikálnych prostriedkov (neutrálne pomenovanie – profesionalizmus – slangizmus) zásadne vplýva
 - a) **komunikačná rola** komunikanta (aktívny – pasívny – neutrálny účastník komunikácie (Hoffmannová, 2007, s. 40),
 - b) **sociálna rola** komunikanta (lekár – pacient).
4. ak je dominantným zámerom v komunikácii lekár – pacient snaha o **vzájomné porozumenie a dorozumenie**, je zaujímavé sledovať, aké médium okrem zvukového signálu môže prispieť k efektívnej komunikácii? Je to maximálna empatia a premyslené vizuálne a taktilné signály alebo rozhodujúcim prostriedkom zostáva aj naďalej slovo, t. j. presné a zrozumiteľné pomenovanie choroby, výsledkov lekárskeho vyšetrenia, rozbor či popis vyšetrovacích metód a pod.?

Pri konštatovaní zmien v oblasti zdravotníckej starostlivosti nemožno nespomenúť skutočnosť, ktorá po vzore západných krajín sa začala uplatňovať aj u nás: ide o slobodný prístup k informáciám, ktorý

v medicíne znamená, že pacient má právo byť pravdivo informovaný o tom, v akom stave sa nachádza. Toto je zrejmé dôvod, prečo lekári pri priamej komunikácii s pacientom siahajú po zrozumiteľných slovenských spisovných, príp. hovorových či subštandardných pomenovaniach.

5. produktivnosť slovotvorných postupov v onomaziologických kategóriách lekárov a pacientov,
6. prítomnosť dynamických tendencií v profesijnej komunikácii, t. j. či a ako funguje prechod slangizmov k profesionalizmom, resp. ku kolokvializmom.

Pri hodnotení pohybu sledovaných lexikálnych prostriedkov dôležitými teoretickými východiskami boli štúdie, vymedzujúce pojmy bežný hovorený jazyk, variety, subštandardy (J. Bosák) , profesionalizmy a ich postavenie v slovnej zásobe (J. Findra); komunikačný prístup pri rozbere výskumnej vzorky sme aplikovali v súlade s jeho primárnym významom (Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny; J. Hoffmannová).

***Komunikačný prístup** v posudzovaní komunikačných aktov si vyžaduje, aby sa bežný hovorený jazyk nehodnotil iba na pozadí spisovnej normy vlastnej písanému jazyku.... Ide tu o svojbytný komunikačný útvar, v ktorom „uvoľnená“ gramatická a lexikálna zložka nezapríčiňuje nezrozumiteľnosť (šum) v komunikácii...*

Novovznikajúce pomenovacie jednotky pomenovacie jednotky opisujeme ako také jednotky (alebo skupiny jednotiek), ktorých výskyt je dôsledkom fungovania naznačeného komunikačného a jazykového mechanizmu. Významným kritériom pri posudzovaní normatívnosti týchto nových prvkov je ich vysoká frekvencia v komunikačných sférach spisovnej slovenčiny. ...

V bežnej dorozumievacej sfére sa čoraz výraznejšie prejavuje konkurencia hovorenej podoby spisovného jazyka s nespisovnými útvarmi ako dôsledok narastania funkcií spisovného jazyka a rozširovania hraníc spisovnosti.“ (Dynamika súčasnej slovenčiny, 1989, s. 296-297.)

Výsledok fungovania takto naznačeného komunikačného a jazykového mechanizmu v komparácii s pôvodnou charakteristikou pomenovaní môžeme sledovať na týchto príkladoch:

1. porovnávanie: tvorenie pomenovaní pre sémantickú skupinu **pacienti**. **Derivačný slovotvorný postup - derivačná univerbizácia** (termín: Dolník, 2003, s.188):

slovotvorná prípona - ár

- cukrovk-**ár** = kto má cukrovku, diabetes – funkčno-štylistický kvalifikátor: hovorové slovo (SSSJ, s 450),
- cukr-**ár**: potvrdený výskyt - funkčno-normatívny kvalifikátor: slang, homonymum,

- cukr-áš, cukr-ouš, slang v novom materiáli sa nevyskytujú,
- depk-ár = kto je/býva v depresii, slang (SSSJ, s. 601 uvádza depka = stav sklúčenosti, smútku, depresia, slang), tiež depres-ák,
- hodin-ár = pôvodné pomenovanie, homonymum + nová variantná podoba hodin-k-ár = pacient ošetrovaný každú hodinu, slang,
- ihličk-ár, pôvodne feťák = kto fetuje, slang.

slovotvorná prípona - ák, - iak

- dement' - ák = dementný pacient (univerbizácia substantivizáciou), slang + nové pomenovanie *dement* (trunkácia) slang (porov. dement – SSSJ, s. 591: pejoratívne, vo význame obmedzený človek , hlupák),
- feť-ák = kto fetuje, fetovač, slang (SSSJ, s. 968), tiež fetoš,
- infar(k)ť- ák = kto prekonal infarkt, slang,
- kameň-ák (pôv.) + nové pomenovanie kameň-ár = pacient s močovými kameňmi, slang,
- retard'-ák (pôv.) slang + nové pomenovanie *retard* (trunkácia) alebo *organický* (eliptická univerbizácia/metonymia), slang,
- schiz-ák = schizofrenický pacient, slang,
- závisl-ák + závislý (univerbizácia substantivizáciou) = drogový závislý pacient, slang,
- žlt'-ák + žltý (univerbizácia substantivizáciou) = pacient so žltáčkou, slang.

slovotvorná prípona - oš

- drogoš = drogový závislý pacient, slang,
- fetoš = fetujúci pacient, slang,
- hivoš = HIV - pozitívny pacient, slang,
- pacoš = pacient, slang,
- schizoš = schizofrenický pacient, slang.

2. porovnávanie: : tvorenie pomenovaní pre sémantickú skupinu lekári.

Derivačný slovotvorný postup - derivačná univerbizácia:

slovotvorná prípona - ár/- iar

- pôvodné profesionalizmy *zubár* (hovorové už v KSSJ, 1987, s. 576), *deckár* (detský lekár, SSSJ, s. 570, hovor.), *srdciar* (kardiológ) majú už funkčno-štylistický kvalifikátor = **hovorové slovo** aj v KSSJ, 1987, s. 419), kým *kožiar*, *krčiar*, *plúciar* sú ešte profesionalizmy - pragmatika ich „tlačí“ do pozície neutrálnych pomenovaní,

- kolen-ár (chirurg, odborník na kolená), profesionalizmus, nové pomenovanie.

slovotvorná prípona - ák

- úrazov-ák = lekár z úrazového oddelenia, slang,
- gynd'-ák = gynekológ, slang.

slovotvorná prípona - oš

- ár-oš = lekár z ARO, slang (porovnaj *áro*, hovorové, SSSJ, s. 166), tiež
- árista,
- gynd-oš = gynekológ, slang (aj v SSSJ, s. 1104),
- sestr-oš = zdravotný brat, slang.

Ak sme pri vyhodnocovaní prvého výskumu konštatovali, že komunikácia v klinickej medicíne môže byť oficiálna a poloficiálna a že o vhodnosti použitia jazykového prostriedku rozhoduje najmä jeho funkcia v komunikačnej situácii, po porovnaní výskumných vzoriek môžeme tieto konštatácie potvrdiť a doplniť ich o nasledovné poznatky:

1. vzhľadom na pretrvávajúcu existenciu rôznych komunikačných situácií (lekár – lekár, lekár – sestra, lekár/sestra – pacient) vedľa seba bez konkurencie existujú a aktuálne kooperujú 1terminologické pomenovania + 2kolokvializmy + 3profesionalizmy + 4slangizmy, napr:

- 1lekár z anesteziologicko-resuscitačného oddelenia – 3árista – 4ároš,
- 1pacient s diabetes – 3diabet - 3cukrovkár – 4cukrár – 4cukráš,
- 1gynekológia – 2gynda – 4gynča,
- 1centrálny tomograf – 3cété – 4cétéčko,
- 1cervicocapitálna protéza – 3cécépé – 4cécépéčko,
- 1dobutrex (liek) – 3dobu – 4dobík, dobáč
- 1infúzia – 3 infúzka – 4infka,
- 1jednotka intenzívnej starostlivosti - 1JIS - - 2jiska - 3jisál - 3intenzívka – 4reska

Poznámka:

Pri niektorých pomenovaniach toľko možností voľby nie je, napr. zubný lekár – dentista – zubár – 0, pediater – detský lekár – deckár, gynekológ - 0 – gyndoš.

2. Ak je opodstatnený názor o kooperácii lexikálnych prostriedkov rozdielných lexikálnych vrstiev, tak tým sa len potvrdzuje výrok, že „tradične chápaná príznakovosť lexikálnych jednotiek sa čoraz rýchlejšie neutralizuje, nové lexikálne prostriedky neabsolvujú triádu „slangovosť – hovorovosť - neutrálnosť“, ale tento časový úsek straty príznakovosti jednak podstatne skracujú, jednak začínajú fungovať ako neutrálne, bezpríznaťové jednotky od samého začiatku svojho vstupu do príslušnej (predovšetkým odbornej) komunikačnej sféry či médií.“ (Bosák, 2005, s. 24.)
3. Ak berieme do úvahy silne sa presadzujúci pragmatický aspekt v komunikácii a keď sledujeme, ako (v súčasnosti) funguje jazyk so zreteľom na konkrétne (socio-) vlastnosti a (komunikačné) ciele jeho používateľov, tak pri hodnotení profesionalizmov ako semivariety sociolektov za opodstatnené možno pokladať preukázateľné dynamické tendencie, ktoré sa prejavujú napríklad:
 - slovotvorným modelom s nedeformovanou výrazovou štruktúrou (Bosák, 2005, s. 25),
 - ľahkou dekódovateľnosťou slovotvorenej štruktúry na strane percipienta (Dolník, 1999, s. 116),
 - používaním profesionalizmov bez generačných obmedzení, a tak potvrdzujúc teóriu morfolologickej ekonómie, pretože „čo je frekventované, nemôže byť dlhodobo príznakové“ (Dolník, 1999, s. 117),
 - komplexnou bezpríznaťovosťou (KBp), typickou pre ekojazyk, pričom pod KBp sa rozumie štruktúrna (t. j. časté používanie prípony), funkčná (t. j. používajú ho všetky sociálne vrstvy) a komunikačná (t. j. slovo je zrozumiteľné, hoci nesie zreteľné znaky jazykovej ekonómie) bezpríznaťovosť (Bosák, 2005).

Paralelné využívanie spisovných, štandardných a subštandardných prostriedkov sa v našich prípadoch jednoznačne prejavuje ako kooperácia.

Dynamické tendencie, ktoré sú „podporované“ vonkajším komunikačným prostredím, majú zásluhu na „prechode“ lexém z jednej vrstvy do druhej, na zmene ich kvalifikátorov, ale aj na tom, ako často sa v hovorených komunikátoch využívajú.

V onomaziologickej kategórii *pacienti* zo slovotvorných postupov je najčastejšie využívaným postupom sufixálna derivácia. Pri nej sa

stretávame so zaujímavým javom, a to s určitým typom analógie. To znamená, že niektoré derivačné prípony sa využívajú jednak pri tvorbe spisovných pomenovaní, jednak pri tvorení profesionalizmov, alebo pri tvorení kolokvializmov a tiež slangizmov.

Podobne sa „správa“ aj derivačná prípona **-ár/-iar**

- pri hovorových lexémach – *srdc-iar* (pacient s chorobou srdca), *vred-ár* (pacient so žalúdočnými vredmi),
- ale aj pri slangových pomenovaniach: *kameň-ár* (pacient s močovými kameňmi), *hodin-ár* (pacient ošetrovaný každú hodinu).

K prehodnocovaniu slangového slova na kolokvializmus dochádza najčastejšie v prípadoch s príponou **-ka**, ktorá stráca príznak gestačnosti a aktuálnosti, napr. v pomenovaniach *averzívka*, *infúзка*, *inzulínka*, *intravenóзка*, *terénka*, *transfúзка*; uvedené pomenovania sa v súčasnosti snažia o prechod do bežnej variety hovorovej slovenčiny, kým *subkuťanka* (subkutánna injekcia), *vyvolačka* (injekcia vyvolávajúca pôrod) si ešte znaky slangovosti zachovávajú. Príznakové stále zostávajú expresívne a menej frekventované derivačné prípony, napr.

- **oš** :*drog-oš* (drogovo závislý pacient) a *hiv-oš* (HIV- pozitívny pacient), *schíz-oš* (schizofrenik),
- **áč**: *kontr-áč* (kontrapulzátor, lekárske prístroje),
- **ík** (defík = defibrilátor, lek. prístroj).

Záver: Opakovaný výskum preukázal, že slangizmy a profesionalizmy sú naďalej súčasťou hovorenej komunikácie v profesijnej sfére klinickej medicíny.

Analýza výskumného materiálu potvrdila aktívny výskyt troch lexikálnych vrstiev, a to slangizmov, profesionalizmov a (prechodnú vrstvu) kolokvializmov. Napriek konštatovaniu o nízkej produkcii nových slangizmov existujúce slangizmy ešte vždy tvoria najpočetnejší súbor pomenovaní -54%, kým profesionalizmy predstavujú 36% a kolokvializmy 10% výskumnej vzorky.

Najproduktívnejším slovotvorným postupom pri slangizmoch je metaforizácia a univerbizácia deriváciou. Pri profesionalizmoch sú najproduktívnejšie transformačné postupy: trunkácia, akronymizácia a univerbizácia elipsou. Tieto slovo-tvorné postupy najlepšie plnia požiadavky jazykovej ekonómie, čo je jeden z dôležitých znakov profesionalizmov. Je zaujímavé, že predpoklad o silnom

vplyve sociolingvistických činiteľov sa v novom výskume nepotvrdil, pretože ani vek ani vzdelanie a ani dĺžka pôsobenia respondentov na oddelení nezohráva pri používaní profesionalizmov a slangizmov zásadnú rolu. Opakovaný výskum potvrdil nielen to, že sociolekty – slangizmy a profesionalizmy – sú frekvencovanými semivarietami hovoreného jazyka v profesijnej komunikácii, ale aj to, že semivariety nie sú konkurenčnými, ale kooperujúcimi jazykovými prostriedkami v jazykovej komunikácii. Tendencie k jazykovej ekonómii, ktoré sa preukázateľne prejavujú v sledovanej komunikačnej sfére, opodstatňujú využívanie slangizmov a profesionalizmov ako pragmatických komunikačných prostriedkov.

Literatúra

BOSÁK, JÁN.

1984. Hovorovosť ako dynamický faktor. In: Slovenská reč, 1984, roč. 49, č. 2, s. 65-73.

BOSÁK, JÁN.

2005. Dynamika subštandardov. In: Studia Academica Slovaca. 34. Prednášky XLI. letnej školy. Bratislava : STIMUL 2005, s. 21-28.

BOSÁK, JÁN.

2001. Inovácie v slovanských jazykoch a problematika ich štandardizácie. In: Slovenská reč, 2001, roč. 66, č. 5, s. 286-291.

BUZÁSSYOVÁ, KLÁRA.

1995. Význam, komunikačná a štylistická platnosť pomenovaní opozícia – opozičník/ opozičníci. In: Slovenská reč, 1995, roč. 60, č. 4, s. 193-203.

DOLNÍK, JURAJ.

1999. Jazyk a hodnotenie. Banská Bystrica : FF UMB, 1999.

DOLNÍK, JURAJ.

2007. Súčasná spisovná slovenčina a jej problémy. Bratislava : Stimul 2007. 161s.

FINDRA, JÁN.

1979. Profesionalizmy ako vrstva slovnej zásoby. In: Philologica XXX, 1979, s. 69-75.

FURDÍK, JURAJ.

2004. Slovenská slovotvorba. Ed: M. Ološtiak. Prešov : Náuka, 2004.

HOFFMANNOVÁ, JANA.

1997. Stylistika a Praha: Trizonia 1997. 200 s.

HORECKÝ, JÁN – BUZÁSSYOVÁ, KLÁRA – BOSÁK, JÁN.

1989. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989. 430 s.

KLINCKOVÁ, JANA.

1998. Ústna komunikácia v odbornej sfére. (Charakteristika lexikálnych prostriedkov v medicínskej komunikácii.) [Rkp. kandidátskej dizertácie.] Banská Bystrica: Pedagogická fakulta, 1998.

KLINCKOVÁ, JANA.

1990. Profesionalizmy ako špecifická vrstva lexikálnych prostriedkov. In: Slovenská reč, 1990, roč. 55, číslo: 6, s. 327-334.

KRAJČÍROVÁ, BEÁTA.

2009. Profesionalizmy a slangizmy v klinickej medicíne. [Rkp. diplomovej práce.] Banská Bystrica : FHV UMB, 2009.

RUŠČÁK, FRANTIŠEK – FARKAŠOVÁ, JANA.

2008. Slovenčina v súčasnom nemocničnom komunikačnom prostredí (I). In: Slovenská reč, 2008, roč. 73, č. 2, s. 65-73.

RUŠČÁK, FRANTIŠEK – FARKAŠOVÁ, JANA.

2008. Slovenčina v súčasnom nemocničnom komunikačnom prostredí (II). In: Slovenská reč, 2008, roč. 73, č. 3, s. 139-148.

Jazyk a komunikácia v súvislostiach. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 24-25. júna 2004 na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave. Bratislava : FF UK 2005. 318s.

Predstavitelia slovenského spoločenského života v Budapešti v medzivojnovom období

Anna Kováčová

V príspevku sa zaoberáme pôsobením istých budapeštianskych reprezentantov slovenského spoločenského života. Obmedzíme sa na roky 1918-1948. Z pohľadu kultúrohistorického osobnosti slovenského spoločenského a kultúrneho života v uvedenom období zohrávali pozoruhodnú úlohu predovšetkým v zachovaní identity (slovenskej, dvojitej alebo lokálnej), v rozvíjaní vzdelanostnej úrovne členov katolíckeho združenia v hlavnom meste.

Po rozpadnutí monarchie značná časť významných dejateľov verejného života slovenského – vo väčšine uvedomelí národovci – opustila Budapešť. Príčinou ich presídlenia bola ponuka prestížneho pracoviska v hospodárskej, politickej či kultúrnej sfére zo strany novozaloženého Československa. Presídlenie významných osobností spoločenského života malo pre kultúrnu sféru slovenskej minority hlavného mesta jednoznačne negatívne dôsledky. Opustenie Budapešti vedúcimi osobnosťami slovenské inštitúcie, redakcie a spolky stratili aj svojich agilných a aktívnych členov. Absencia intelektuálov bola všeobecne citeľná, medzi iným determinovala fungovanie Budapeštianskeho katolíckeho robotníckeho kruhu, jeho spevokolu, ako aj amatérskeho divadelného krúžku. Tie osobnosti, ktoré zostali v Maďarsku, už boli väčšinou pomaďarčenými Slovákmi. Výrazný bol ich príklon k ideám uhorského vlastenectva, čo sa odrážalo neskôr aj v zložení členstva či v repertoári programov. (Do programov sa totiž čiastočne zaradili aj maďarské piesne, básne alebo aj hry.)

Predstavení intelektuáli, hoci už fakticky integrovaní Slováci, predsa z dokumentov jednoznačne vysvitá, že ich slovenské väzby a korene boli viditeľné a citeľné. Celkom nechceli a asi ani nevedeli zabudnúť na svoj pôvod a materinský jazyk. Snažili sa udržiavať spoločenské väzby, používať slovenčinu v spisovnej alebo komunikačnej forme a schádzať sa so „svojimi“ na úrovni spolkov, kaviarní resp. súkromne formou familiárnych stykov.¹ Samozrejme, miera a sila zastúpenia slovenskej budapeštianskej komunity nebola jednotná. Jednotlivé osobnosti, v katolíckom alebo v remeselníckom drotárskom/

oblokárskom združení, zastávali rôzne pozície: boli funkcionármi, aktivizovali sa na kultúrnom poli, alebo závisiac od voľného času, od pracoviska či aj vzdialenosti bytu/bydliska častejšie alebo zriedkavejšie navštevovali podujatia.

Treba však zdôrazniť, že vybrané osobnosti reprezentujúce vtedajší spolkový život boli obyvateľmi multietnickej a multikultúrnej metropoly. Rôzne maďarizačné kroky a radikálna asimilácia (už počas 19. storočia) pôsobili na zmýšľanie, určovali postoje a povedomie národnostných obyvateľov. Prostredníctvom socializačných a komunikačných štruktúr postoj jednotlivcov k vlastnému etniku a štátu sa nepochybne postupne formoval.

Povedomie „uhorskosti“ alebo slovenskosti prechádzalo často zmenami. Prejavy lojality, identifikácie, ako aj integrácie obyvateľov inej národnosti formovali medzi inými sociálne, existenciálne, geografické faktory, ako aj osobné a príbuzenské kontakty (ako napríklad rodina, škola, cirkev, tlač, asociácie). Niektorí sa jednoznačne stali maďarónmi, druhí zas uvedomelými národovcami, a vieme o viacerých, ktorých kategorické zaradenie do jednej alebo druhej polohy by bolo nezmyselné. Základným pilierom uhorského vlastenectva, uhorskej/maďarskej identity bolo prijatie dominantnej pozície maďarského jazyka, maďarského národa a jeho kultúry.² Dosiahnutie kariéry predpokladalo kompromisné, konformné postoje, lojalitu voči vládnej politike, prijatie dobových majoritných predstáv o národnostiach a koncepciu jednotného politického národa. Nevyhnutná bola aj aktivita v maďarskom spoločenskom živote.

Jednotlivé osobnosti politického, kultúrneho, cirkevného alebo aj hospodárskeho života mali však slovenský etnický pôvod, slovenskú kultúrnu identitu, ale pritom sa stali prívržencami maďarskej štátnej idey, t.j. idey maďarského politického národa. Citujúc historika Ivana Halásza: „...dali sa v záujme osobnej kariéry alebo nejakých ideálov do služieb väčšinového národa, prijali jeho ideológiu“.³ Vedome však nekonali voči svojmu národu, ani sa celkom neodtrhli od svojich koreňov.

Mnou vybraní intelektuáli sa – aj vďaka znalosti slovenského, nemeckého a maďarského jazyka – vo väčšine presadili v štátnych inštitúciách alebo pôsobili v cirkevnej oblasti (ako redaktori, kňazi, štátni zamestnanci). Treba však dodať, že napriek výraznejšiemu maďarskému povedomiu nepopierali svoj etnický pôvod, ani svoj materinský slovenský jazyk. Dalo by sa povedať, že „vnútorne

a pocitovo“ predsa len zostali Slovákmi. Tento postoj, i keď v odlišnej miere, bol typický napríklad u štátnych úradníkov A. Pechány, L. Janovec a S. Czambela, železničného úradníka P. Bellu–Horala, advokáta, prof. a bývalého ministra Ferdinanda Bernoláka, asistenta rádu piaristov V. Tomeka či redaktora J. Podhradského. Boli to pôvodne „horniacki“ Slováci, ktorí nezabudli na svoje slovenské korene, na svoju rodnú zem. Vážili si Slovákov ako národ a dokumenty aj potvrdzujú, že im ležal na srdci každodenný život budapeštianskej slovenskej komunity. Vo vtedajšom pluralistickom hlavnom meste spomenutá miestna intelektuálna elita, ktorá bola aktívna pred rokom 1918, bola aktívna aj potom a udržiavala kontakty so slovenskými spolkami, redakciami, inštitúciami.

Uvedené slovenské osobnosti, sa podľa vlastných nárokov stretávali so „svojimi“, ba aj zastávali dané funkcie v ich spoločnosti: boli predsedami spolkov, redaktormi slovenských časopisov, a kde len mali príležitosť sprostredkovali slovenskú kultúru, slovenskú vzdelanosť. Spoločenské väzby, kontakty s jednotlivcami slovenského pôvodu, ale ani so slovenskou komunitou, nechceli celkom stratiť.

Spoločenské aktivity peštianskej slovenskej intelektuálnej elity

Slovenský intelektuál bol v podstate spojený s mestom. Topograficky bol spojený so združeniami, univerzitami, redakciami a vôbec s veľkomestskou kultúrnou sférou. Jeho spoločenský život sa vytváral vzťahmi k širšiemu či užšiemu okoliu. V rámci rôznych spoločenských väzieb si mohla daná osobnosť nadobudnúť istý status, isté miesto v združeníach. A rovnako len v spoločenských väzbách sa mohlo rozvíjať alebo aspoň zachovať povedomie spoločenskej a národnej príslušnosti istého jednotlivca, mohla sa rozširovať identita slovenská – alebo aj maďarská.

Uvedení reprezentanti z istého hľadiska však predstavujú najmä spolkový život v medzivojnovom hlavnom meste. V danej spoločnosti, kde zastávali rôzne pozície, mali možnosť zachovať si identitu a komunikovať vo svojom materinskom jazyku. Hoci ich zmýšľanie, ako aj povedomie prechádzalo zmenami – niektorí sa jednoznačne stali Maďarmi a prijali dominantnú pozíciu maďarského jazyka, maďarského národa a jeho kultúry – predsa poznáme aj také osobnosti, o ktorých by bolo nesprávne jednoznačne vyhlásiť, že sa už celkom odklonili od

slovenskej kultúry, od svojho materinského slovenského jazyka a slovenských koreňov. Miera identity, najčastejšie dvojitej slovensko-maďarskej na Horniákoch narodených budapeštianskych osobností bola veľmi odlišná, rozdielna.

V prípade vedenia Budapeštianskeho katolíckeho robotníckeho kruhu bolo nevyhnutné, ba z dokumentov poznajúc zmýšľanie vedenia kruhu, aj prirodzené, že organizátori na významnejšie podujatia a na rozličné programy obyčajne pozývali intelektuálov so slovenskými koreňmi, ktorí potom mravne alebo aj hmotne sa snažili podporovať slovenskú spoločnosť. Podľa možností a osobného rozhodnutia sa usilovali rešpektovať nároky a ciele slovenského spolku. Podporovali ich osobným zainteresovaním, navštevovaním programov alebo aspoň valných zhromaždení kruhu, mali popularizujúce osvetové prednášky, prípadne sa len zúčastňovali rôznych kultúrnych alebo zábavných aktivitách.

Dvojazyčná zápisnica kruhu (vedená v rokoch 1904-1931) a rôzne správy Slovenských novín podávajú pravdepodobne reálny obraz slovenskej spolkovej činnosti v Budapešti. Dozvedáme sa, aké kontakty mali predstavitelia elity so spolkami a v akej miere sa v ňom aktivizovali. Na programy kultúrnych podujatí popri už spomenutých osobnostiach chodili medzi inými krajanský poslanec Anton Kadlec, šéfredaktor Slovenských novín Juraj Podhradský ako aj redaktor Edward Ghéczy-Hudecz a správca Spolku sv. Vojtecha Alexander Horák. Slovenskú inteligenciu predstavoval napríklad profesor piaristického gymnázia a predseda Spolku sv. Vojtecha (v Maďarsku) Dr. Vincent Tomek, politik a poslanec uhorského snemu František Skyčák, profesor teológie a biskup Dr. Ottokár Prohászka, vládny komisár Dr. Adolf Pechány, slovenský kňaz Dr. Pavel Žiška a gréckokatolícky duchovný a neskoršie profesor bratislavského gymnázia Štefan Hlavatý.

V prípade troch predstavených a vybraných reprezentantov podujatí slovenského katolíckeho kruhu (Pechány, Tomek, Janovecz) išlo už jednoznačne o asimilovaných Maďarov s maďarským, resp. i lokálnym povedomím a čiastočne slovenským cítením.⁴ Ich aktivita na kultúrnom poli v postupe kariéry neprekážala nikomu mať slovenskú identitu, byť aktívnym členom, prednášateľom alebo iba hosťom v slovenskom katolíckom kruhu. Istá väzba ku kultúrnym hodnotám a tradíciám je v ich prípade jednoznačná. Slovenské spolkové aktivity im poskytovali dostatočný priestor osobného kultúrneho

vyžitia. Všeobecne sa dá povedať, že aktivity spolkov odzrkadľujú vzťahy medzi jednotlivcom a spoločnosťou.

Za jednu z najaktívnejších postáv slovenského medzivojnového spoločenského života považujeme Adolfa Pechány (1859-1942). Narodil sa v Ilave (v regióne Považskej Bystrice). Absovoval filozofickú fakultu v Budapešti. Študoval prírodné vedy, fyziku, nemecký jazyk a literatúru. V rokoch 1897 – 1930 zastával funkciu šéfredaktora vládou financovaného časopisu Slovenské noviny. Bol profesorom vyššej reálnej školy, novinárom, vydával učebnice, písal poviedky a vedecké články, a to po maďarsky, nemecky a slovensky, ale vraj najkrajšie a najradšej vo svojej materčine, po slovensky. Do štátom podporovaných Slovenských novín napísal asi 2 000 slovenských článkov (o programoch katolíckeho kruhu pravidelne písal správy a články), okrem toho tiež veľa prekladal. Pri predsedníctve maďarskej vlády bolo založené národnostné oddelenie, kde pre záležitosti Slovákov a Rumunov bol Adolf Pechány poverený funkciou vládneho komisára. Vo svojej funkcii zostal až do roku 1941, totiž „s činnosťou a s úplne bezkonfliktnou službou komisára >tótsky hovoriacich< občanov boli na predsedníctve vlády spokojní“.⁵

Hoci Pechány jednoznačne prijal dobové majoritné predstavy, jeho mienka o jednom alebo druhom národe nebola len čierna alebo biela. Vedel vidieť aj pozitívne črty Slovákov, o čom svedčí jeho vcelku zaujímavá kniha na vtedajšej úrovni národopisu v Uhorsku, historicko-etnografická monografia A magyar-országi tótok (Slováci v Uhorsku) z roku 1913. V doslove znovuvydanej publikácie autor literárny historik Kiss Gy. Csaba sa zmienil o ňom nasledovne: „Autor je nepochybne prívržencom národného štátu a obhajuje ideu maďarského politického národa. Treba však dodať, že veľmi jasne rozlišuje panslavistických rojkov Slovákov.“ Podobne uvažuje o tom, že Pechány síce „si jasne uvedomuje, že v Uhorsku žijú viaceré národy s rozličnými jazykmi, ale za prioritu považuje lojalitu voči spoločnému štátu a histórii (nebol prívržencom maďarizácie za každú cenu a v jeho obraze Slovákov považovali pozitívne črty“.⁶ V knihe podal komplexný a objektívny obraz o Slovákoch, o ich tradičnej a duchovnej kultúre, jazyku, o náboženských pomeroch. Treba však vyzdvihnúť i jeho vreckový slovník zostavený podľa bansko-bystrického profesora hlavného gymnázia (pred 40 rokmi) Jozefa Loosa: Tót-magyar, magyar-tót szótár (Slovník maďarsko-

slovenský, slovensko-maďarský) z roku 1906. V predhovore svoje rozhodnutie o zostavení slovníka odôvodňuje nasledovne: "Pri spracovaní tohoto slovníka za cieľ som si vytknul príhodnú príručnú knihu dať tým, ktorí sa učia po maďarsky alebo prekladajú do maďarčiny, taktiež, ktorí sa učia slovensky, alebo prekladajú do slovenčiny." Pravdepodobne pokladal za užitočné poznať obidva jazyky na dobrej úrovni. Pechány v rokoch 1921-1941 pracoval „v službe a duchu maďarskej národnostnej politiky“ ako odborník maďarskej vlády pre slovenskú otázku. Pracoval ako tlačový tajomník Predsedníckej kancelárie uhorského kráľovského ministerstva, od roku 1921 zastával funkciu „maďarského štátneho komisára pre veci Slovákov v Maďarsku“. Bol hlavným vládny radcom pre slovenské otázky. Jeho úlohou bolo zastávať maďarizačné ciele vládnej politiky, posielat hlásenia na národnostný odbor úradu ministerského predsedu a podávať návrhy na efektívnejšie formy a spôsoby pomadžarovania.⁷ Mal sledovať maďarsko-československé, české a slovenské vzťahy, posudzovať južnodolnozemsťú slovenskú tlač (Slovenská rodina, Čabiansky kalendár, Evanjelický hlásnik). Počas svojich návštev v oblastiach obývaných Slovákmi agitoval za pestovanie uhorského vlastenectva a ideálov tzv. hungarizmu medzi vidiečanmi.⁸ V jeho hláseniach medzi iným s uspokojením konštatoval výrazné šírenie sa asimilácie obyvateľstva v oblastiach obývaných Slovákmi. Podával ďalej nápady na rýchlejšie a účinnejšie pomadžarčenie slovenského etnika a propagoval zásahy uhorského vlastenectva a potrebu maďarčiny ako jediného štátneho jazyka.⁹

Vo svojich hláseniach písal o situácii a náladách Slovákov v Maďarsku. Urgoval, aby slovenské osady v Maďarsku dostávali od vydavateľstiev aj maďarské publikácie. Bol tej mienky, aby v záujme pomadžarčenia, na kultúrnych programoch odzneli aj maďarské piesne a aby sa vytvorilo aj maďarské ochotnícke divadelníctvo. Považoval za účinné, aby sa divadelné hry s vlastneckým obsahom preložili do slovenčiny, aby potom aj tieto hry mohli predstaviť „tótski ochotníci“. Vo vzdelávaní a osvetovej činnosti zdôrazňoval supremáciu maďarčiny: „Aby Slováci chválili Boha, milovať krajinu, vzdelávať a zabávať sa mohli len v maďarčine“.¹⁰ Vo svojich hláseniach upozorňoval na aktivitu slovenského národného pohybu a zmienil sa aj o situácii v používaní jazyka. Vyjadril svoju spokojnosť nad tým, že v jednotlivých osadách dedinská maďarská alebo pomadžarčená inteligencia dbá o maďarizáciu tamojších

obyvateľov.¹¹ Pechány síce oficiálne pracoval „v službe a duchu maďarskej národnostnej politiky“, ale ako súkromná osoba napríklad v jeho slávnostnom príhovore z valného zhromaždenia katolíckeho kruhu cítiť stopy slovenského povedomia, slovenských koreňov. Vo svojej reči Slovákov porovnal so stromom, vyvaleným besnou víchricou: „ktorého korene sú ešte v rodnom kraji, ale peň a koruna ležia už za novými hranicami.“¹²

Pechány bol nepochybne zástancom maďarizácie, predovšetkým v škôlkach, školách a cirkevnom živote. No predsa v súkromnom živote tak radikálne nepredsádzoval maďarskú politiku. Ak mu čas dovolil, rád chodil medzi Slovákov a do ich spolkov. Nielen sa zúčastňoval na valných zhromaždeniach, slávnostiach, kultúrnych programoch a plesoch slovenského katolíckeho spolku, ale sa aj často aktivizoval. Zapájal sa do vzdelávacích programov, prijal ľudovýchovné prednášky a nechýbal obyčajne ani na valných zhromaždeniach. So svojou stálou prítomnosťou zasahoval aj do programov a iných rozhodnutí kruhu, týmto pádom jeho hlásenia o činnosti kruhu boli bezproblémové. Vedenie, ktoré bralo za samozrejmé Pechányovu prítomnosť, jeho zásluhy v kruhu ocenilo aj titulom čestného predsedu. Pechány bol aj priaznivcom Budapešťianskeho drotárskeho a sklenárskeho priemyselného spolku, ktorý ho v roku 1929 zvolil za „večného protektora“. Pechányove povedomie slovenskosti, resp. jeho ambivalentnú osobnosť potvrdzuje fakt z roku 1930, keď na XXVIII-om valnom zhromaždení katolíckeho kruhu Pechány konštatoval, že: „tento krúžok nikým nehatene pracuje už 28 rokov, je dôkazom toho, že v uhorskej vlasti nikto neprekáža nikomu, aby svoju národnú kultúru nemiloval a nepozdvíhoval. Že tento kruh sa aj zveľaduje, to sa pripisovať môže tomu, že je vybudovaný na pevnom základe, na náboženskom-mravnom.“¹³ Pravdepodobne nebol by povedal tieto slová, keby nebol cítil určitý vzťah k slovenskej kultúre, keby nebol myslel, že ľudia majú právo vzdelávať sa vo svojom rodnom jazyku. Pechány sa v kruhu cítil ako doma, čo aj zdôraznili v jeho nekrológu: „Bolo to preňho sviatkom, keď sa zúčastniť mohol na zhromaždeniach a kultúrnych večierkoch spolku: pri takýchto príležitostiach on bol slávnostným rečníkom.“¹⁴ Táto mienka dokazuje, že rád bol medzi „svojimi“ a v užšom kruhu sprostredkoval aj slovenskú vzdelanosť, slovenskú reč. Pár dní pred jeho smrťou mu kolegovia v kruhu odhalili podobizeň na mimoriadnom zhromaždení Uhorskokrajinského vzdelávacieho

spolku slovenského, ktorého bol Pechány tiež členom. Predovšetkým predseda vzdelávacieho spolku Dr. Ferdinand Bernolák oceňoval Pechányove zásluhy. Publicista, múzejník a zároveň šéfredaktor Slovenských novín Dr. Juraj Podhradzský (1889-1972) v nekrológu o ňom nasledovne napísal: „Kým vo svojom živote slúžil svojmu slovenskému ľudu svojim umom a perom, keď naučil ľud slovenský čítať a ľúbiť svoje slovo – ako to sám povedal na sklonku svojho života –, robil to súčasne aj na základe pravého uhorského vlastenectva”.¹⁵

Další jav, ktorý poukazuje na Pechányov vzťah k slovenskej spoločnosti, sú jeho každodenné vychádzky. Cez dlhé roky predvečer chodil do toho istého Jozefovského hostinca, ktorý dlhé desaťročia bol obľúbeným miestom stretávania sa slovenskej inteligencie a študentov. Pravdepodobne to bola kaviareň Miénk na rohu terajšej Barošovej cesty a Jozefovej okružnej, kde Pechány „pri cigare a pohári vína veľmi ochotne si pobesedoval”.¹⁶

Lojalita ďalšieho štátneho úradníka Ludvika Janovecza (1856-1939), redaktora početných vládnych uhrofilských novín a časopisov v slovenskej reči na budapeštianskej úrovni k uhorskému/maďarskému štátu bola nepochybná a známa. Svoj slovenský pôvod si však ani Janovecz nikdy nezaprel a povedomie slovenskosti a uhorskosti sa usiloval harmonicky spojiť. Banskobystrický rodák Janovecz maturoval v Ostrihome, právo študoval v Budapešti. Ambiciózny mladík o pár rokov neskôr už zastával vysokú štátnu funkciu: bol radcom Najvyššej štátnej účtovnej stolice. Činnú účasť mal aj pri založení provládnej organizácie Uhorsko-krajinského vzdelávacieho spolku slovenského roku 1885. Keď spolok po prvej svetovej vojne stratil celý svoj majetok, Janovczovi sa predsa len podarilo účinkovanie spolku obnoviť, bol aj jeho podpredsedom a neskôr čestným predsedom. V spolku účinkoval vyše päťdesiat rokov.

Publicista Janovecz predovšetkým politické a ekonomické články uverejňoval. Bol jedným z predstaviteľov slovenskej meštianskej a politickej komunity v hlavnom meste Uhorska. Hoci aj on, ako aj iní redaktori štátom podporovaných Slovenských novín proklamovali koncepciu jednotného uhorského politického národa a spolužitie Slovákov a Maďarov s maďarskou dominanciou, predsa len lipol za slovenským národom a za svojím rodným jazykom. Jeho najlepší priatelia, ešte pred rokom 1918, boli z kruhov slovenských meštianskych a politických intelektuálov, s ktorými sa stretával v jednom známom pohostinstve

na Andrásyho triede. Členmi tejto stolovej spoločnosti boli redaktori vládou podporovaného hospodárskeho a kultúrno-spoločenského týždenníka *Vlast' a svet*, ako napríklad finančný poradca P. Šťastný, vládny komisár A. Pechány a ministerský tajomník, jazykovedec S. Czambel. Jeden z priateľov „sobotňajšej“ spoločnosti bol i uvedomelý Slovák, agilný kultúrny pracovník, predseda Slovenského spolku a neskôr aj katolíckeho, matematik a odborník v poisťovníctve Ján Alojz Wagner (1864-1930)¹⁷ V spomienkach uviedol: „... nevidel som príčiny, prečo by som aj ja medzi nich nešiel, ktorí zaujímali sa v najvyššej miere o naše národné veci, a to bez všetkých zadných dvierok.“¹⁸ Janovec svoj voľný čas venoval redigovaniu slovenských novín hlavného mesta. V rokoch 1886-1892 sa stal zodpovedným redaktorom poučno-zábavného obrázkového časopisu *Vlast' a svet* (1886-1918).

Provládný týždenník vydával a vlastnil Uhorsko-krajinský vzdelávací spolok slovenský v Budapešti. Časopis bol v prvom rade určený inteligencii. Hoci časopis dlhé roky propagoval a obhajoval oficiálnu maďarskú vládnu politiku a jej záujmy, predsa len sa usiloval privykáť najširšiu vrstvu slovenského národa, roľníkov a dedinčanov k čítaniu v slovenčine. Noviny uverejňovali články o počasí, ochrane zdravia, výchove detí, ale publikoval aj obrázky o hradoch, poviedky, novely a preklady básní Petőfiho. Predovšetkým hospodárske, osvetové články časopisu a pôdohospodárske poznatky boli pre slovenský ľud zaujímavé a osožné. Veľkú pozornosť venovali príspevkom v tzv. hospodárskej rubrike. Členovia katolíckeho kruhu pravidelne dostávali tento časopis. Vydavateľstvo sa na začiatku 20. storočia nachádzalo v VIII. obvode, na Jozefovej okružnej (József körút 53) ulici.

Janovec sa v roku 1896 stal redaktorom politického a spoločenského týždenníka *Opravdový kresťan* (1896-1901). Bol i spolupracovníkom Hornyánszkeho Slovenských novín (1886-1918), najrozšírenejšieho politického časopisu tej doby. Tento tlačový orgán presadzoval tzv. maďarskú štátnu ideu, podľa ktorej všetci občania v krajine tvorili „jednotný maďarský politický národ“. Janovec bol tiež činný a aktívny člen Budapeštianskeho katolíckeho delníckeho kruhu. Podporoval a zastával snahy katolíckej slovenskej spoločnosti a ako priateľ združenia pravidelne navštevoval jeho programy, kultúrne večierky a valné

zhromaždenia. Jeho významnú činnosť a angažovanosť v robotníckom spolku ohodnotili tak, že ho zvolili za čestného predsedu.

Podujatia katolíckeho spolku navštevoval aj teológ, cirkevný hodnostár, profesor Vincent Tomek (1892-1986). Narodil sa v Plaveči nad Popradom. V jeho rodine sa rozprávalo šarišským nárečím. V roku 1908 stúpil do rehole piaristov. V mladosti zbieral šarišské ľudové piesne. Teológiu vyštudoval v Budapešti a doktorát z cirkevného práva získal v roku 1919. Už počas štúdií v Budapešti sa aktívne zúčastňoval na činnosti slovenskej menšiny. Do roku 1947 žil v Budapešti, kde bol profesorom piaristov a generálnym asistentom rádu piaristov. Charakterizovala ho pevná identita, čo potvrdzuje fakt, že na svoj slovenský pôvod ani on nikdy nezabudol. Jeho predikácie v Kostole sv. Jozefa často odznali po slovensky, ale napríklad na valnom zhromaždení z roku 1932 hovoril už po maďarsky. Úprimne ctil a miloval slovenský národ. Vo svojich cirkevných rečiach/prejavoch s láskou hovoril o Slovákoch, ktorí, ako aj iní verní kresťania (Nemci, Poliaci, Maďari) tiež chvália Boha, keď aj v rôznych jazykoch.¹⁹ Síce sa držal za Maďara, predsa veľmi rád zastupoval záležitosti Slovákov, ich jazyk a kultúru. Svoj príklon a vzťah ako k maďarskému, tak aj k slovenskému národu odôvodňoval nasledovne: „nestal som sa celkom Madarom, ani celkom Slovákom, ale som celkove zostal Uhrom/Hungarias“.²⁰ Od roku 1920 sa zapojil do programov katolíckeho kruhu, kde aj prednášal. V roku 1941 sa stal predsedom Spolku sv. Vojtecha v Maďarsku,²¹ vtedy provinciálny radca piaristov. O päť rokov neskôr už bol provinciálom piaristov a od roku 1947 pracuje v Ríme. Zomrel v Ríme v roku 1986, ale pochovaný je na Kerepešskom cintoríne.

Spomínaní kultúrni reprezentanti budapeštianskych Slovákov, keď aj oslavovali štátne sviatky a propagovali predovšetkým maďarskú kultúru, prežívali vlastne svoju dvojitú identitu: štátnu – maďarskú a národnú – slovenskú, čím sa netajili. Uchovali si vedomie etnickej príslušnosti, alebo aspoň vedomie slovenského pôvodu.

Vychádzajúc z predstavených faktov, nemôžeme lámať nad niekým palicu, ani nad uvedenými predstaviteľmi slovenského spoločenského a spolkového života Budapešti a jednoznačne vyhlásiť, že to boli národní odrodilci. Mali by sme rešpektovať ich rozhodnutie, ich vôľu a voľbu, na ktoré, samozrejme, okrem

osobného presvedčenia vplývali aj existenciálne lepšie okolnosti a možnosti kariéry.

Problematika identity, ktorá je nepochybne komplikovaná a zložitá, a silne súvisí aj so subjektom, nemôže sa definovať iba materinským jazykom či deklarovanou príslušnosťou ku konkrétnemu národu. Daná situácia, dané okolnosti isteže determinovali postoje pôvodne slovenského intelektuála. Výhodnejšie finančné zabezpečenie, ako aj spoločenské postavenie silne motivovali budapeštianskeho Slováka (narodeného na Horniakoch) hlásiť sa k maďarskému národu.

-
- 1 Môžeme tu spomenúť časť miestnej intelektuálnej elity, ktorá rada si posedela v pohostinstvách alebo v rodinných meštianskych kruhoch. Správy z roku 1921 napríklad hovoria o organizovaní privátneho večierka v byte poprednej slovenskej rodiny, a to u ministerského radcu A. Topercera. Odznela tu prednáška o slovenských piesňach, a potom sa hostia mohli kochať v šarišskom nárečí predstavených ľudových piesňach. In. Slovák zahraničný. III. r. 1921.
 - 2 Podľa výsledkov sčítania ľudu z roku 1920 sa v Budapešti prihlásilo za Slovákov viac ako 14 tisíc osôb. O dvadsať rokov neskôr ich počet klesol o vyše trištvrte percenta (4.515). Tento značný pokles slovenského živlu v Budapešti znamenal aj obmedzenie používania slovenského jazyka. Po slovensky sa pravdepodobne hovorilo na verejných priestoroch, v kostoloch, v rodinnom kruhu a v spolkovéj oblasti.
 - 3 Pozri podrobnejšie o pojmoch v kontexte maďarsko-slovenských vzťahov na označenie postojov určitej časti uhorskej a v jej rámci slovenskej spoločnosti a inteligencie v 19. storočí: Ivan Halász: Tzv. lojálni Slováci v dualistickom Uhorsku („dobrí Slováci“, „úradní Tóti“ uhorskí vlastenci, maďaróni a tí druhí...). s. 91-103. In: Regionálna identita a národná identita v maďarskej a slovenskej histórii 18. – 20. storočia. Regionális és nemzeti identitásformák a 18-20. századi magyar és szlovák történelemben. (Eds. Š. Šutaj – L. Szarka). Universum, Prešov, 2007.
 - 4 Pozri: (Eds. Š. Šutaj – L. Szarka). Universum, Prešov, 2007. Halász, s. 91-103.
 - 5 Tilkovszky, Loránt: K dejinám Slovákov a Maďarov. 1919- 1945. (z maďarského originálu preložil Vlastimil Slovák, 1999. Bratislava) s. 8.
 - 6 Pechány, Adolf: A magyarországi tótok. Miskolc. Felsőmagyarországi Kiadó, 2000, s. 257-258.

-
- 7 Tilkovszky (1989). s.3-5.
 - 8 Kmeť, Miroslav: Adolf Pecháň ako popularizátor histórie. In.: Acta historica Neosoliensia, Banská Bystrica 2008/11. s. 176-180.
 - 9 Tilkovszky ,1989, p.4-30.
 - 10 Tamže, s.23.
 - 11 Tilkovszky, 1989, s. 21.
 - 12 Tamže, s. 3.
 - 13 Slovenské noviny, 30. októbra 1930. s. 3.
 - 14 Slovenské noviny, 21. júna 1942. s. 3.
 - 15 Tamže, s. 5.
 - 16 Tamže, s. 5.
 - 17 J. Wagner ako popularizátor prírodných vied (astronómie) a národný buditeľ za svojho pobytu vo Viedni a v Budapešti bol neúnavným organizátorom a účastníkom slovenského predvojnového národného života.
 - 18 Wagner, J. A.: Rozpomienky na Pešť. In.: Štefánek, A.(Red.) Milan Hodža, publicista, politik a vedecký pracovník. Články, reči. štúdie. Praha, 1930. s. 200.
 - 19 Sztrakovics Erika: Az emberek felismernek minket a homlokunkon lévő csillagokról.“ A piarista Tomek Vince prédikációinak hungarusz gyökerei. In.: Magyar Sion 2008/2. kézlemények, s. 268-274.
 - 20 Koltai András:Tomek Vince halálának évfordulóján. In.:Új ember. 2006. 04.16. LXII. évf. s. 16-17.
 - 21 Bližšie: Kmeť, Miroslav: Na margo dvoch storočí. Štúdie zo slovenských dejín 19. a 20. storočia. Békešská Čaba, VÚSM, 2010. s. 164.

Jubilujúca slovenská dielňa výskumníkov

Anna Kováčová – Tünde Tušková – Alžbeta Uhrinová

Myšlienka založenia slovenského výskumného ústavu vznikla koncom 80. rokov, v tom čase, keď tak v odbornej literatúre ako v politických prejavoch Slovákov v Maďarsku charakterizovali ako najrýchlejšie sa asimilujúcu národnosť v strednej Európe. Iniciátori predpokladali, že nepriaznivý stav slovenskej národnosti, krízové postavenie slovenského jazyka a kultúry, zrýchlený asimilačný proces by pozitívne mohlo ovplyvniť vytvorenie takej inštitúcie, ktorá by bola vhodná odborne a vedecky analyzovať spoločenské procesy týkajúce sa minulosti a súčasnej situácie Slovákov v Maďarsku v záujme zachovania jazyka, kultúry a tradícií slovenskej národnosti žijúcej v Maďarsku.

Slovenský výskumný ústav bol prvým vedeckým ústavom svojho druhu v Maďarsku. Ostatné národnosti v krajine si svoje podobné inštitúcie založili na jeho príklade neskôršie. Ústav vznikol priamo po politických zmenách, po zmene režimu ešte pred prijatím *Zákona o menšinách* v roku 1993, ktorý umožnil národnostiam v Maďarsku založiť vlastné, samostatné inštitúcie. Iniciatívu zdola zrealizovala spoločenská organizácia Zväz Slovákov v Maďarsku, ktorá inštitúciu v roku 1990 oficiálne založila so sídlom v Békešskej Čabe (Békéscsaba).

Ciele a úlohy ústavu na základe koncepcie zakladateľov vypracovala jeho prvá riaditeľka, univerzitná profesorka Anna Divičanová, v spolupráci s prvými pracovníkmi vedeckej dielne, s etnografom Ondrejom Krupom a s vedeckým tajomníkom Jánom Chlebnickým. Ciele ústavu a výskumné oblasti sú zakotvené v *Zakladajúcej listine* a v *Štatúte*, podľa ktorých hlavnými výskumnými oblasťami majú byť história, národopis, dialektológia, pedagogika, sociológia a psychológia. Neskôr sa bádania rozšírili o kultúrnu antropológiu a sociolingvistikú. Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku má skúmať podľa jeho zakladajúcich dokumentov výlučne minulosť a súčasnosť tu žijúcej slovenskej menšiny a je spoločenskovedný ústav interdisciplinárneho charakteru. Popri výskume a edičnej činnosti má byť inštitúcia doškolovacím centrom pre inteligenciu, poskytovať odbornú pomoc školám, vychovávať dorast, atď. A nie v poslednom rade sprostredkovať, šíriť a popularizovať výsledky vedeckovýskumnej činnosti v kruhu slovenských a maďarských odborníkov, študentov, záujemcov.

Po sľubných začiatkoch bádateľskej dielne nasledovali roky neistoty, v rokoch 1997-2001 Slovenský výskumný ústav prežíval veľmi ťažké obdobie, následkom nedostatočného a nepravidelného financovania hrozilo mu nebezpečie zániku. V roku 2001 prevzala do prevádzkovania inštitúciu Celoštátna slovenská samospráva, odvtedy jeho fungovanie je stabilné, vypočítateľné. Situácia VÚSM sa výrazne zlepšila od roku 2003, keď sa v štátnom rozpočte prvýkrát vyčlenilo na podporu prevádzkovania menšinových inštitúcií 440 mil. Ft. Pracovné podmienky výskumného ústavu sa však v posledných rokoch postupne zhoršovali. Rozpočtová podpora stačí na mzdy, na krytie výdavkov fungovania a vo veľmi skromnej miere prispeje aj k výdavkom na činnosť. Na výskumy, vydavateľskú činnosť, vedecké, vedecko-popularizačné aktivity sa uchádzame o podporu u rôznych inštitúciách a nadáciách. Naším najväčším podporovateľom je v posledných rokoch Úrad pre zahraničných Slovákov SR. Je to o to cennejšie, že domáce možnosti získania grantov sú čím ďalej tým ťažšie, obmedzenejšie a ich výška postupne klesá.

Súbežne nás podporuje Ministerstvo školstva a kultúry MR, Višegradsky fond, Intervenčný fond Úradu vlády MR, Verejná nadácia Lipa Zväzu Slovákov v Maďarsku a Verejná nadácia Pre národné a etnické menšiny v Maďarsku. Potrebné financie na realizovanie úloh vyplývajúcich zo zmluvy medzi Slovenskou akadémiou vied a VÚSM dostávame od CSS.

V posledných rokoch sa v značnej miere zmenilo aj personálne zloženie výskumného ústavu. Náš pracovný kolektív pozostával pred piatimi rokmi zo siedmich aktívnych pracovníkov. Dnes sme už len piati, traja sú zamestnaní na plný úväzok, (riaditeľka, jedna výskumná pracovníčka a sekretárka – referentka), vedecká tajomníčka na polovičný úväzok a knihovníčka – referentka na čiastočný 6-hodinový úväzok. Pracujeme s mnohými externými pracovníkmi, významnými predstaviteľmi akademických inštitúcií na Slovensku a slovenskej inteligencie v Maďarsku, bez aktívnej pomoci ktorých by nevedel náš ústav plniť svoje úlohy.

Výskumný ústav Slovákov Maďarsku je umiestnený v budove Regionálneho strediska Maďarskej akadémie vied v Békešskej Čabe, kde máme vyhovujúce podmienky.

Pri VÚSM pracuje Vedecká rada, Predsedom VR je iniciátor založenia inštitúcie M. Šipický. Vedecká rada zasadá ročne dvakrát, priebežne hodnotí,

pripomienkuje vedeckú a vedecko-organizačnú činnosť bádateľskej dielne. Návrhy a uznesenia VR znamenajú pre naše pracovisko ozajstnú odbornú pomoc.

V ďalšej časti príspevku budú predstavené súčasné lingvistické projekty Výskumného ústavu Slovákov v Maďarsku, resp. tie, ktoré boli dokončené v nedávnej minulosti.

Prvá riaditeľka ústavu Anna Divičanová poverila Máriu Žilákovú, aby vypracovala koncepciu fonetiky slovenských nárečí v Maďarsku. Materiál *Archív slovenských nárečí v Maďarsku – zásady archívovania* vypracovaný Máriou Žilákovou v roku 1991 môžeme pokladať za prvú koncepciu slovenských jazykových výskumov v Slovenskom výskumnom ústave. Podľa tejto koncepcie sa začalo zbieranie zvukového materiálu slovenských nárečí v Maďarsku. Urobili sa magnetofónne záznamy, ktoré sú uložené v Hudobnom oddelení Župnej knižnice v Békešskej Čabe a kópie nahrávok v našom ústave.

Vedecký program *Používanie slovenského jazyka v Békešskej župe* bol realizovaný v rokoch 2001-2004 a je pokračovaním békešsko-čabianskeho výskumu podobného zamerania. Zborník s totožným názvom (Uhrinová–Žiláková eds., 2005) predstavuje výsledky župného sociolingvistického projektu ústavu. Cieľom bádania bolo zmapovať a prezentovať slovenskú jazykovú situáciu v tomto regióne na začiatku 21. storočia. Členovia autorského kolektívu, interní a externí spolupracovníci VÚSM, mienili v historickom kontexte podať ucelený obraz o tomto dvojazyčnom kolektíve, o najdôležitejších komunikačných sférach, inštitúciách, v ktorých sa uplatňuje ešte aj dnes materinský slovenský jazyk.

Sociolingvistický výskum pod názvom *Jazyková situácia v Slovenskom Komlóši* bol realizovaný z iniciatívy a podľa koncepcie a predstáv celoštátneho projektu Oddelenia súčasných jazykov Jazykovedného ústavu Maďarskej akadémie vied a Katedry súčasného maďarského jazyka Univerzity Eötvösa Loránda. Názov projektu NKFP (Národné výskumné a rozvojové programy) č. 5/126/2001 je *Dimenzie jazykovej inakosti: možnosti zachovania jazykov menšín*. Zameriava sa na používanie jazyka, formy výmeny kódov a zachovania jazyka, na otázky dvojazyčnosti, jazykového postoja, stereotypov. Vypracovali ho Csilla Barthová a Anna Borbélyová. Okrem Slovákov sa do výskumu zapojili aj Nemci, Rumuni, Cigáni Lovári a Beáš, Srbi, Chorváti.

Cieľom projektu *Dimenzie jazykovej inakosti: možnosti zachovania jazykov menšín* bolo realizovať základné výskumy v spoločnostiach národností:

- o výmene jazykov a o formách zachovania menšinových jazykov,
- o spoločenských stykoch, dvojjazyčnosti, jazykových postojoch medzi menšinami a väčšinou a o stereotypoch.

Sociolingvistický výskumný projekt slovenského ústavu sme od roku 2002 rozšírili na ďalšie osady obývané Slovákmí. Celokrajinský výskum *Slovenský jazyk v Maďarsku* robíme intenzívnejšie od roku 2004. V roku 2008 vyšiel dvojjazykový zborník, v ktorom sú publikované výsledky výskumov dvojjazyčne, po slovensky a po maďarsky. Koncepcia celoštátneho sociolingvistického projektu bola vypracovaná a výskum bol sčasti realizovaný, resp. vyhodnotený v spolupráci s Jazykovedným ústavom Ľudovíta Štúra SAV. Cieľom výskumnej úlohy bolo zmapovať a predstaviť súčasné používanie slovenského jazyka vo väčšinovom maďarskom jazykovom prostredí v rôznych súkromných a spoločenských komunikačných situáciách.

Výskumný tím, v projekte pod názvom *Jazyková situácia v Slovenskom Komlóši* zistil, že najmenej reprezentantov mala prvá kategória, čiže najmladšia. Z tohto dôvodu sme sa rozhodli, že cieľovou skupinou nášho ďalšieho výskumu bude mladá generácia, a to vysokoškoláci. Na výskume sa zúčastňujú všetky katedry, na ktorých študuje mládež vyhovujúca našim podmienkam. Poslucháči sú vo veku od 19 do 25 rokov. Podmienkou účasti na výskume bolo, aby mali maďarské štátne občianstvo a pochádzali, respektíve vyrastali v menšinovom prostredí.

Výskum je koncipovaný širšie. Orientuje sa na problematiku, ktorá sa vzťahuje na etnickú identitu, na používanie slovenského jazyka, na otázky dvojjazyčnosti, jazykového postoja súvisiaceho s jazykovým správaním, na sebahodnotenie a ovládanie jazyka mladou generáciou. Doteraz sú spracované údaje súvisiace s etnickými parametrami mladých Slovákov a ich sebareflexia súvisiaca s dvojjazyčnosťou.

V roku 2003 a 2007 Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku zorganizoval jazykovedné konferencie pod názvom *Slovenčina v menšinovom prostredí*. Príspevky z konferencií s medzinárodnou účasťou obsahujú zborníky pod

totožným názvom (Uhrinová – Žiláková ed., 2004, Tóth – Uhrinová ed., 2008). V usporiadaní tematických konferencií – s cieľom objasnenia a prediskutovania konkrétnych vedeckých otázok – mienime v budúcnosti pokračovať.

Cieľom nášho najnovšieho výskumného projektu *Slovenské priezviská v Maďarsku* je zostaviť zoznam rodných mien slovenských jazykových ostrovov v Maďarsku. Zostavenie zoznamu je založené na terénnom výskume, porovnávacie spracovanie získaného korpusu prebieha na teoretickom základe predchádzajúcich diel z lingvistického a spoločenskovedného, kulturologického hľadiska. Projekt *Slovenské priezviská v Maďarsku* má za úlohou zjednotiť a rozšíriť doterajšie poznatky o tejto téme, pomocou širšieho a systematickejšieho výskumu nájsť nové súvislosti a poznatky a zobraziť, uverejniť údaje vo forme Atlasu. Výskum bude realizovaný z iniciatívy Výskumného ústavu Slovákov v Maďarsku v spolupráci s Jazykovedným ústavom Slovenskej akadémie vied. V dňoch 17-19. mája bolo prvé stretnutie, konzultácia účastníkov výskumu v Bratislave.

Medzi ďalšími našimi plánmi je vydať doktorskú prácu o jazykovej charakteristike Čabianskeho kalendára.

Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, resp. jeho právny predchodca od založenia inštitúcie, od roku 1990, pokladá za jednu zo svojich najdôležitejších úloh podporu škôl, poskytnutie pomoci v zodpovednej práci pedagógov. Robí to rozličnými spôsobmi, predovšetkým svojimi publikáciami. Projekt miestno-historických čítaniek slúži priamo pedagógom a žiakom, študentom. Jánom Chlebnickým zostavené čítanky, *Čabiansku* (1996), *Komlóšsku* (2000) a *Sarvašskú čítanku* (2002), môžeme pokladať za dobré a populárne učebné pomôcky, takisto knižku, *CD a Pracovné listy* (Kraslánová – Tóth – Dózsová a kol., 2005) ku knihe *Pripravujeme sa na jazykovú skúšku* (Barková – Uhrinová eds., 2004).

Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku organizuje od r. 2003 súťaže s cieľom zapojiť do vedeckého výskumu tri vekové kategórie: žiakov základných a stredných škôl a študentov resp. pracujúcu mládež. Súťaže sme vypísali na tri témy (Zo školských lavíc do života, Ja a moji predkovia, Živý odkaz zašlých čias). Súťaže boli celokrajinského charakteru, v posledných rokoch aj s medzinárodnou účasťou.

V roku 2009 sa nám podarilo vydať spomínané práce v knižnej podobe pod názvom *Ukážky zo súťažných prác*. Pozbieralo sa 139 prác.

Pripravujeme medzinárodný školský projekt *Možnosti vzdelávania sa materinskom jazyku v Slovenskom zahraničí*. Do projektu budú zapojení naši partneri V4.

Snažíme sa z rôznych hľadísk objaviť a analyzovať svoju problematiku slovenskej enklávy a zapojiť sa do rôznych sfér vedy a kultúry. V centre pozornosti historického a kultúrohistorického programu je predovšetkým skúmanie minulosti a súčasnosti slovenskej minority so svojou bohatou, takmer 300 ročnou tradíciou, ako aj vedecká analýza spoločenských procesov týkajúcich sa histórie Slovákov v Maďarsku, resp. v Budapešti. Zameriavame sa tiež na spracovanie dejín, historiografie južnodolnozemsých (v prvom rade békešských) Slovákov. Skúmame ďalej sociálne dejiny slovenskej národnosti v 19. a 20. storočí a snažíme sa zmapovať národnostnú problematiku, otázky národnej identity, jeho formovanie a vývoj. Považujeme za potrebné skúmanie spôsobu každodenného života slovenskej minority, internetické kontakty, ako aj zmapovanie úlohy a miesta slovenského spoločenského a cirkevného života v zachovaní národnej identity.

Dr. Anna Divičanová sa vo veľkej miere zaslúžila o vedecké poznávanie života Slovákov v našej vlasti. Postupne skúma ľudovú, cirkevnú a vysokú kultúru, vzťah kultúry väčšiny a menšiny, vzťah jazyka a kultúry, dvoj-, resp. viackultúrnosť. Zaoberá sa ďalej s problematikou cirkvi a menšiny. Jej najdôležitejšie publikácie sú: *Jazyk, kultúra, spoločenstvo* (Békešská Čaba-Budapešť 1999), *A magyarországi szlovákok, The Slovaks of Hungary, Slováci v Maďarsku* (spolu s Ondrejom Krupom, Budapešť 1997, 1998, 1999), *Dimenzie národnostného bytia a kultúry* (Békešská Čaba 2002). Tieto knihy domáci a zahraniční odborníci považujú za základné diela nielen o slovenskej národnosti v Maďarsku, ale aj o menšinovej problematike všeobecne.

V rámci kultúrohistorického projektu bádateľskej skupinky má prioritu skúmanie dejín slovenského etnika na Dolnej zemi a v Budapešti v 19. a 20. storočí. Kultúrne zmeny v živote slovenských imigrantov sledujeme medzi inými na transformáciách spolkovej scény. Zameriavame sa predovšetkým na spoločenské centrá slovenskej komunity, na aktivity osobností, alebo na významné kultúrohistorické udalosti Slovákov aj medzi dvoma svetovými vojnami. Analyzujeme publikačnú, vydavateľskú a spolkovú činnosť slovenskej minority.

V súčasnosti sa realizuje výskum histórie a kultúrnej antropológie Slovákov žijúcich v Maďarsku, miestnohistorické a kultúrohistorické výskumy pešťbudínskych/ budapeštianskych Slovákov. Bádame súčasnosť a blízku minulosť dolnozemskej a budapeštianskej slovenskej minority so zvláštnym zreteľom na spoločenský, spolkový a cirkevný život. Mapujeme úlohy spolkov v živote budapeštianskych intelektuálov a aktivity slovenskej minority v medzivojnovom období. Skúmame významných slovenských dejateľov v minulosti na území súčasného Maďarska. Problematika dejín historiografie dolnozemských Slovákov v 19-20. storočí je tiež našou významnou výskumnou oblasťou.

Samostatnú časť historického výskumu tvoril projekt archívára historika Dr. Jána Gomboša (nečakane umrel v r. 2009), ktorý spracoval medzi inými dejiny dolnozemských Slovákov, ich korene a začiatok ich „nového života“ na Dolnej zemi (18-19. stor.), ďalej robil genealogický výskum Slovákov a výskum migrácie slovenského obyvateľstva na Dolnú zem v 18-19. storočí. V roku 2008 vyšla kniha J. Gomboša: *Slováci v južnej časti Dolnej zeme. (Od konca 17. stor. do konca 18. stor.)*, v ktorej autor kriticky analyzoval dokumenty a pramene týkajúce sa histórie a kultúrnych dejín békešských Slovákov.

V roku 2011 plánujeme vydať zväzok štúdií o cirkevnom živote, o cirkevnej (sakrálnej) kultúre, o ľudovom náboženstve Slovákov v Maďarsku. Tematické okruhy sa rovnako vzťahujú na evanjelické ako aj na katolícke zbory, ale aj na iné vierovyznania slovenského obyvateľstva.

Osobitný projekt historického programu tvorí projekt, ktorý má predstaviť reprezentantov slovenských politických a vzdelaneckých kruhov na Dolnej zemi, ako aj v Pešť-Budíne/Budapešti, zviditeľniť tvorbu a aktivity slovenských dejateľov, prezentovať dosiaľ nepoznané fakty. Kniha môže byť cenná jednak pre maďarskú a tiež aj pre slovenskú kulturológiu, ale aj pre širšiu verejnosť.

V jeseni r. 2010 Ústav organizoval medzinárodné vedecké sympóziu s názvom: *Interetnické a interkultúrne vzťahy menšín vo vidieckom a mestskom prostredí v Uhorsku a Maďarsku v 19. a 20. storočí*. Cieľom konferencie o identite, histórii, literatúre bolo prezentovať najnovšie vedecké poznatky týkajúce sa problematiky historiografie a kultúrnej histórie Slovákov na Dolnej zemi a Budapešti. (Z konferencie sa pripravuje samostatný zborník.)

Uznávaný etnograf Dr. Ondrej Krupa, bývalý hlavný vedecký pracovník výskumného ústavu, skúma predovšetkým poverový svet, ľudové zvyky, ľudové rozprávky a spevy, detské hry Slovákov v Maďarsku. Vzájomné interetnické vzťahy Slovákov, Maďarov a ostatných etnických skupín. Hlavnou oblasťou vedeckého záujmu Ondreja Krupu je tradičná kultúra a kalendárne obyčaje domáceho slovenského obyvateľstva a slovensko-maďarské vzájomnosti ľudskej kultúry. Jeho najdôležitejšie publikácie sú veľmi populárne dodnes.

V rámci etnologického projektu pravidelne prebiehajú medzinárodné interdisciplinárne národopisné výskumné tábory, kde sa realizujú výskumy v takých lokalitách Maďarska, ktoré sú obývané Slovákami. Zúčastňujú sa na nich výskumníci rôznych vedeckých odborov. Organizátorom výskumných táborov v období rokov 1977-1991 bol *Demokratický zväz Slovákov v Maďarsku* (neskôr Zväz) a od roku 1991 je ním VÚSM. Kolektívne alebo individuálne bádania v národopisnom tábore sa konajú v záujme vedeckého spracovania a zachovania slovenského kultúrneho dedičstva v Maďarsku. Výskumné tábory sú zároveň aj veľmi dobrou príležitosťou pre spoznávanie jednotlivých lokalít jazykových ostrovov a slúžia k nadviazaniu odborných a priateľských kontaktov. Ústav v roku 2011 v Dabaš-Šári organizuje 32. tábor.

V roku 2008 sme vydali pamätný zborník: *30 rokov vo výskumných táboroch*, čo prezentuje vedeckovýskumné výsledky bádateľov, spracované materiály a skúsenosti z výskumných táborov. Účastníci spracovali témy ako tradičná kultúra bývania a zvyky rodinného života, ľudový odev, životný štýl a životné podmienky obyvateľov, detské hry, kalendárne obyčaje, ľudové umenie, zariadenie domácnosti, národnostné povedomie, spolky a samosprávy, remeselníci v prostredí etnických monorít, reemigrácia Slovákov z Maďarska, zvyky pri narodení a umrtí atď. Po prvé sa výskumníci dostali do Novohradu, a to do Banky. Predvlnajší národopisný tábor prebiehal v rámci konkurzu V4 (Višegrádsky fond) v Senváclave (Pilisszentlászló), kde sme zameriavali pozornosť na výskum kalendárnych obyčajov a zvykov, rozprávok a ľudových piesní, na výskum zachovania jazyka, tradícií a kultúry, na fungovanie menšinových inštitúcií, výskum cirkevnej a svetskej kultúry, na kontakty obyvateľov s hlavným mestom pred a po II. svetovej vojne a pod. Odborníci výsledky svojich výskumov uverejnili v prvej internetovej knihe Inštitúcie s

názvom: *Z výsledkov medzinárodného výskumného tábora v Senváclave v roku 2009*. Táto *e-kniha* obsahuje 11 štúdií a čiastkových štúdií, 6 výskumných správ, ako aj bibliografiu k dejinám obce Senváclav.

Treba pripomenúť, že za prvé kolektívne uznanie našej bádateľskej dielne môžeme ďakovať práve týmto táborom. Je to *Cena za rok 2004*, ktorú udelila *Slovenská národopisná spoločnosť pri Slovenskej akadémii vied* kolektívu pracovníkov VÚSM za dlhoročné organizovanie národopisných táborov.

O výsledkoch našej vedeckovýskumnej činnosti priebežne informujeme odbornú verejnosť doma i v zahraničí na rôznych konferenciách, odborných programoch a v publikáciách (Praha, Opava, Bratislava, Banská Bystrica, Martin, Nadlak, Budapešť, Segedín, atď.). Regionálnu históriu, výsledky nášho výskumu sa snažíme prezentovať v rôznych časopisoch, v maďarčine a slovenčine (Historická revue, História, Dimenzie, Dolnozemský Slovák, Ľudové noviny, Budapešťiansky Slovák, Čabiansky kalendár, Napút, Barátság, Protestáns Szemle, a ďalšie), a tiež vo vedeckých časopisoch a zborníkoch. Naše výsledky bádania sa usilujeme popularizovať aj v rámci prednášok „*Z pohľadu vedy*” v Budapešti i na Dolnej zemi.

Keďže bádanie miestnej historiografie napomáha pripomenúť si životné jubileá významných osobností v Budapešti, objasňujeme ich kultúrno-spoločenské a ľudské pozadie (S. Czambel, P. Bella-Horal, D. Bachát, Ľ. Izák, E. Sándorfi, J. A. Wagner, O. Áchim a ďalší). Iniciujeme budapešťianskym slovenským samosprávam odhaľovanie pamätných tabúl, stretnutia pri príležitosti výročia narodenia alebo úmrtia danej osobnosti.

Ciele a úlohy skoncipované pri založení ústavu sú stále aktuálne, je ešte veľa nepreskúmaných oblastí, lokalít, resp. nedokončených vedeckých tém, úloh. Interetnické kontakty, premeny etnickej identity, kultúry, zvykov, jazykovej situácie sú veľmi zaujímavými a aktuálnymi vedeckovýskumnými otázkami. Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku aj v súčasnosti chce vyhovieť pôvodným požiadavkám, splnenie týchto cieľov pokladáme za našu hlavnú úlohu aj v budúcnosti. Rozšírenie medzinárodnej spolupráce, medzinárodných výskumných projektov môže znamenať tiež ďalšie možnosti a rozvoj inštitúcie. V riešení našich vedeckovýskumných úloh je pre nás ničím nenahraditeľná odborná pomoc slovenských a domácich kolegov a akademických pracovísk, resp. Vysoko-

školských inštitúcií. Ústav postupne rozširuje svoje kontakty s domácimi a zahraničnými vedeckými a vzdelávacími inštitúciami.

SLOVENSKO: Slovenská akadémia vied a jej ústavy (Etnografický, Spoločenskovedný, Jazykovedný, Historický ústav), Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta Univerzity Filozofa Konštantína v Nitre, Fakulta humanitných vied a Ekonomická fakulta Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, Úrad pre zahraničných Slovákov, Matica slovenská, Slovenské národné múzeum, Slovenská národná knižnica, Dotyk ľudskosti, Inštitút Fórum, Jazyková kancelária Gramma

RUMUNSKO: Kultúrna vedecká spoločnosť Ivana Krasku

SRBSKO: Slovakistická spoločnosť

MAĎARSKO: Jazykovedný ústav Maďarskej akadémie vied, Výskumný ústav pre etnické a národné menšiny MAV, katedry pedagogických fakúlt vysokých škôl a univerzít.

Činnosť Výskumného ústavu Slovákov v Maďarsku v zrkadle čísiel a faktov

Vedeckou činnosťou VÚSM sa môžu zoznámiť záujemcovia v našich publikáciách. Od založenia inštitúcie sme vydali 48 slovenských, resp. dvojazyčných kníh o minulosti a súčasnosti, o ľudovej a modernej kultúre a o jazyku Slovákov v Maďarsku vrátane učebných pomôcok.

Slovenský výskumný ústav od roku 1991 je hlavným organizátorom zberateľských, v poslednej dobe medzinárodných, interdisciplinárnych výskumných táborov. Výskumníci výsledky bádania prezentujú vo vedeckom časopise *Národopis Slovákov v Maďarsku*, resp. publikáciách VÚSM a v rôznych odborných časopisoch (Krekovičová, Krupa, Ando, 2008). V prednáškovom seriáli „*Z pohľadu vedy*” predstavujeme širokej verejnosti výsledky vedeckej činnosti našich interných a externých kolegov, zviditeľňujeme činnosť VÚSM. Prednášky (prezentované väčšinou v slovenskom jazyku) ponúkame ako možnosť vzdelávania sa, môžu slúžiť aj doškoloňovaniu pedagógov a vôbec inteligencie. V sérii „*Z pohľadu vedy*” doteraz odznelo 73 prednášok.

Slovenská bádateľská dieľňa za 20 rokov svojej existencie zorganizovala 12 sympózií a konferencií, bola spoluorganizátorom tiež 12 vedeckých podujatí a vypísala 9 študentských vedeckých súťaží.

Knižnica a archív VÚSM, tradičný a digitálny, je postupne sa rozvíjajúcou zbierkou materiálov o Slovákoch v Maďarsku a je k dispozícii každému záujemcovi. Naš knižný fond obsahuje takmer 3500 kníh a 23 titulov odborných časopisov, periodík a početných DVD, CD a video kaziet. Naša webová stránka je <http://vusm.slovaci.hu>

O histórii výskumného ústavu boli vydané jubilejné publikácie, v ktorých sa záujemcovia môžu podrobnejšie zoznámiť s prácou slovenských výskumníkov. (Divičanová – Chlebnický, 2003, Divičanová-Uhrinová 2005, Uhrinová 2010).

Bibliográfia

ZOST. E. KREKOVIČOVÁ – O. KRUPA – J. ANDO

2008. *30 rokov vo výskumných táboroch. Jubilejné spomienky na prácu v teréne*. Békešská Čaba VÚSM

ED. A. DIVIČANOVÁ – J. CHLEBNICKÝ.

2003. *Prvé desaťročie Slovenského výskumného ústavu. – A Szlovák Kutatóintézet első évtizede. 1990-2000*. Békešská Čaba: VÚSM

ED. A. DIVIČANOVÁ – A. UHRINOVÁ.

2005. *15 rokov výskumného ústavu Slovákov v Maďarsku. – A Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete 15 éve*. Békešská Čaba: VÚSM

ED. A. UHRINOVÁ.

2010. *20 rokov výskumného ústavu Slovákov v Maďarsku. – A Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete 20 éve*. Békešská Čaba: VÚSM

Двойничество и безумие в творчестве А.П. Чехова по повести «Черный монах»

Шандор Кришто

*Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир,
что добрые родственники и доктора не лечили их
от экстаза и вдохновения!
«Черный монах»*

1. *Двойничество* и *безумие* как тема или мотив нередко встречаются в русской литературе XIX века. Вместе с тем содержание этих понятий и в настоящее время не совсем четко раскрывается как литературоведами, так и представителями других дисциплин. В этой работе мы ставим цель не определить данные термины, а лишь указать на возможные подходы к ним.

В указанном произведении Чехова стоит обратить внимание прежде всего на *безумие*, точнее на болезнь. *Двойничество* также встречается в его произведениях, но оно не настолько характерно для его произведений, как например, для романов и повестей Достоевского. Тем не менее, оно все же присутствует у Чехова в относительно схожей форме и интерпретации. Поэтому мы считаем вполне обоснованным исследовать в творчестве Чехова и *двойничество*.

В одной из своих работ Е.Н. Синева (Синева Е.Н. 2002) показывает и суммирует все разнообразие понимания *двойничества* в современном литературоведении. Она отмечает, что некоторые литературоведы считают *двойничество* содержанием, другие же характеризуют его как составную часть формы художественного произведения. При этом Синева выделяет четыре основных подхода к толкованию понятия *двойничества*: 1) культурологический подход (*двойничество* как характеристика и онтологическая черта культуры); 2) *двойничество*, понимаемое как синтез двоemiрия и создания образов двойников (только в художественных текстах); 3) *двойничество* на уровне системы образов персонажей; 4) *двойничество* как принцип организации текста.

Как *двойничество*, так и *безумие* являются спорными проблемами в изучении литературы. Исследование *безумия* также имеет немало подходов, например: психологический, философский, эстетический, культуроведческий и др.

Известный философ Мишель Фуко (Foucault M. 2000, 2004) в своих исследованиях изучает безумие с точки зрения социологии, истории, культурологии и онтологии. По его мнению, болезнь является реальностью только в такой культуре, в которой ее признают. Когда в обществе диагностируют болезнь, то вместе с этим изолируют самого больного. Анализы психологов, социологов являются прежде всего проекциями культурных тем. Они делают из больного отверженную личность, и они ищут в аномальном патологическое начало. Также и Фуко считает, что в действительности состояние общества выражается позитивным образом в психических болезнях, которые наблюдаются у членов самого общества. Одним из самых главных вопросов у Фуко является следующий: как выражается общество в тех хронических формах, в которых оно не способно распознать само себя? (Foucault M. 2000).

В «Черном монахе» Чехова в социальном характере *безумия* имеется и сильный психологический аспект.

2. В таких новеллах Чехова, как например, «Палата № 6» или «Черный монах» в разговорах героев бросается в глаза именно тема *безумия*. Конечно, для этого есть предпосылки в более ранних новеллах, они глубоко продуманы, проработаны в композиции, но из-за их краткости и кажущейся простоты мы не всегда видим сложные психологические построения. Изменения в творчестве Чехова наблюдаются в 1887-м году: он начинает писать значительно меньше, но именно этот период появляются глубоко продуманные произведения: «Степь», «Скучная история», «Дуэль» и другие.

В это же время родился менее известный рассказ писателя «Припадок» (1888). В нем появляется, а в дальнейшем и закрепляется тема героя, которого считают больным, но по своим моральным устоям он стоит над обществом. Читателю, видимо, надо определиться, на чью сторону он

встанет, а писатель тем временем сам подсказывает нам решение с точки зрения морали.

В рассказе «Припадок» главный герой Васильев — студент, юрист, который упрямо и эмоционально реагирует на несправедливость и показуху. Друзья уговаривают его посетить публичный дом, где он содрогается от этих женщин, от их привычки к разврату и испорченности, от их безропотного принятия своей участи. Но самым ужасным для него было впечатление от унижений и оскорблений, которые покорно терпит человек, даже не обращая на это внимания. С противоположной стороны его окружают друзья, которые веселы и довольны собой, которые совершенно не понимают его чувств по отношению к этим женщинам. Такое противостояние в душах героев также в «Палате № 6».

После приступа Васильев начинает думать, как помочь падшим женщинам, которых он видел в публичном доме. Конфликт героя с его окружением неразрешим: его друзья равнодушны к угрызениям совести Васильева, к его психическим и нравственным переживаниям. Посчитав его больным, они отводят его к психиатру. Подобный вариант незаконченного сюжета навеивает мысль, что для людей, которые жаждут правды и справедливости, нет выхода. У Васильева в творчестве Чехова есть последователи: это Громов и во многом на него похожий Рагин, врач из «Палаты № 6».

«Палата № 6» была написана в 1892-м году. Детально раскрыв тему, Чехов построил произведение на противостоянии общества и морали, а в центре этого противостояния оставил «безумцев». К Громову и Рагину применим полифонический термин Бахтина, естественно, не совсем в том смысле, как у Достоевского.

М. Рев указывает на сходство взглядов Громова и Ивана Карамазова, одного из главных героев в романе Достоевского «Братья Карамазовы», точнее на описание сходства проблематики Достоевского и Чехова. Иван Карамазов в главе «Про и контра» упоминает Вольтера, цитируя его мысль: «Если бы не было Бога, его надо было бы выдумать», и добавляет, что «человек его на самом деле и выдумал» (Rév M. 1995: 56-57). Громов говорит Рагину: «Вы не верите, ну, а я верю. У Достоевского или у Вольтера

кто-то говорит, что если не было Бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко верю, что если нет бессмертия, то его рано или поздно изобретет великий человеческий ум» (Чехов А.П. 1977/а: 97). Иван Карамазов восхищается и восторгается прошлым, но считает это устаревшим, ушедшим в прошлое. Громов также протестует против человеческих страданий, унижений, но тем не менее верит в наследие прошлого (Rév M. 1995: 56-57). Во второй половине произведения мы как будто бы слышим слова больного Коврина из «Черного монаха».

Палата показывает социальную картину, как бы разрез: здесь находятся еврей, продавец шляп, ставший нищим; учитель Громов; мужик и естественно «слуга» власти, Никита. Диалог в основном происходит в палате между Громовым и Рагиным до тех пор, пока сам Рагин не становится обитателем палаты. В сознании обоих правда борется с действительностью, личная мораль и проблемы общества противостоят друг другу. Из этого конфликта победителем выходят несправедливость и отвергаемые им «ценности». Смерть Рагина показывает, что он не видит выхода, точнее гармоничного пути. Общество и справедливость противопоставлены. Общество называет его душевнобольным, на что Рагин реагирует следующим образом: «Болезнь моя только в том, что за двадцать лет я нашел во всем городе одного только умного человека, да и тот сумасшедший» (Чехов А.П. 1977/а: 118).

3. «Черный монах» был написан Чеховым двумя годами позже – в 1894-м году. У писателя немного таких произведений, которые вызвали бы у критиков такое непонимание, как это, что не могло не огорчить Чехова. Это произведение считают самым загадочным произведением Чехова и философской повестью. Из писем писателя видно, что он хотел изобразить молодого человека, страдающего манией величия, что это рассказ врача об истории одной болезни „*historia morbi*”. Критики восприняли эту работу как психопатологический случай, прямолинейно восприняв рассказчика и его размышления, которые, по их мнению, ничему не учат читателя. Такая чисто внешне оценка почти совпадает с мнением самого Чехова, но тем не

менее писателю не нравится недовольство критиков и то, что они поверхностно оценили его литературное произведение (Papernij Z.S. 1963: 132-133).

Почвой для размышлений писателя в этом произведении стал приснившийся ему сон. Младший брат писателя Михаил вспоминает лето 1893-го года, когда Чехов проснулся после обеденного сна и, еще ни совсем придя в себя, выбежал в сад. На вопрос брата, он ответил, что ему приснился страшный сон: перед ним предстал черный монах. «Впечатление черного монаха, – вспоминает М.П. Чехов, – было настолько сильное, что брат Антон еще долго не мог успокоиться и долго потом говорил о монахе, пока наконец не написал о нем свой известный рассказ» (Чехов М.П. 1964: 260).

4. «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы» (Чехов 1977/6: 236), – *in medias res*, начинается повесть Чехова. Уже в ее начале Чехов говорит читателю о том, что важно знать о главном герое, он также изображает и окружающую обстановку, в которой происходит основная часть действия. Мы узнаем, что жизнь у Коврина легкой не была. Его воспитывали приемные родители, которые после долгого перерыва пригласили его к себе в гости. Коврину как раз очень полезно и нужно такое путешествие, так как по совету друга-врача для его нервного состояния ему очень полезна такая смена обстановки. О Коврине читатель узнает, что он буквально живет психологией и философией, а семья, в которой он вырос, из-за этого смотрит на него с уважением. Коврин приезжает в цветущий рай, где он может целыми днями находиться в тени фруктовых деревьев, наслаждаясь божественными запахами целого моря цветов.

Этот сад можно принять за символический смысл жизни, как, например, в случае с «Палатой № 6». Еще в детстве герой восторгался этим райским садом, и сейчас он в нем не разочаровывается. Только иногда как бы плохие предчувствия возникают у него, но они носят пока символический характер. В сумерках вечера он видит, как «плотный, черный, удушливый дым стелется» по саду для защиты деревьев и цветов от заморозков. Писатель очень точно описывает и характеризует, как он клубится «от белого до совершенно крошечного черного». Это уже не тот привычный Коврину с

детства сад, он изменился. Цвета появляются позже, и только один раз, когда выздоровевший Коврин находится в Ялте и ночной лунный свет создает тонкую световую гармонию, наполняющую все счастьем: «...Гармония цвета такая мирная, замечательная, делает настроение возвышенным! [...] Из залива как будто живое существо смотрит на нас светло и темноглазными глазами, карими и огненно красными глазами, своим разнообразием маня нас к себе» (Чехов А.П. 1977/б: 255). Интересно, что все это появляется до и после прочтения обидного письма Тани. Стоит напомнить здесь громовские мечтания: «Когда я мечтаю, меня посещают призраки. Ко мне ходят какие-то люди, я слышу голоса, музыку, и кажется мне, что я гуляю по каким-то лесам, по берегу моря, и мне так страстно хочется суеты, заботы...» (Чехов А.П. 1977/а: 97).

К этому присоединяется «балладное» настроение: «Повсюду распространяется настроение, способствующее написанию баллад». Известно, что у Байрона есть баллада о Черном монахе, которую Лермонтов перевел на русский. Она была навеяна темой странствий, которая характерна для русской литературы. Этот монах из-за своих грехов был приговорен к вечным скитаниям по свету. Чехов довольно размыто дает сноску на легенду: так Коврин не знает, слышал ли он когда, либо читал эту легенду (Символика цвета...). Переплетаясь, эти мотивы как будто заранее предопределяют его судьбу: после гибели сада умирает и сам Коврин.

Коврин знает, что он болен, в отличие от постояльцев «Палаты № 6». Он принимает свою болезнь, даже спокойно определяет, что она ему идет, потому что никому не вредит: «Я хорошо себя чувствую, никого ни трогаю, значит видения мои безобидные» (Чехов А.П. 1977/б: 238). Исходя из этого, мы можем говорить о полном исследовании болезни в произведении, ведь Чехов описывает признаки болезни шаг за шагом. Коврин с первых шагов появления монаха не интересуется «книжными мыслями»: «Он мечтает об неопределенном, удивительном, великом деле» (Чехов А.П. 1977/б: 238). Скорее всего он это и получает, ведь монах убеждает его, что он избранник Бога, что он призван служить прекрасному. На самом деле Коврин задает вопрос самому себе, то есть своему двойнику, скорее всего и ответ найден им самим, но он подавляет его в себе. Коврин сам определяет свое второе я.

Обращаясь к Черному монаху, он говорит: «Странно, ты повторяешь то, что часто мне самому приходит в голову, – сказал Коврин. – Ты как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли» (Чехов А.П 1977/6: 243). Здесь возникает мотив двойничества, как принципа организации текста: двойник не существует в тексте без героя, то есть герой – это условие существования двойника. Герой должен состоять в дискурсе со своим двойником, что дает основу для произведения в целом, а также – для построения текста.

При анализе проблемы двойничества мы должны упомянуть термин «полифонический роман» М. Бахтина. На наш взгляд, это более обширная категория, чем двойничество, поскольку персонаж может вступать в полифонический диалог с другим персонажем, не будучи при этом его двойником.

О том, кем на самом деле является Черный монах, читатель узнает от самого монаха, когда тот говорит Коврину: «Легенда, видение и я сам, все это вместе порождение твоего воспаленного воображения. Я являюсь привидением» (Чехов А.П 1977/6: 241).

Явление монаха Коврину можно оценивать по-разному. Врачебная наука легко объясняет болезнь и вышеизложенную ситуацию с точки зрения психологии. Имеет значение воспитание у приемных родителей, ведь без них он, возможно, до конца своих дней не познал бы не требующую отдачи доброту, а также эту наивную любовь без расчета, которую он испытал в доме приемных родителей. Но остается вопрос: действительно ли ему посчастливилось узнать эту любовь, ведь Песоцкий можно сказать по расчету восторгался им, — из-за сада. Далее, нельзя не заметить, что Коврин из жалости и болезни полюбил Таню. Другой момент — это желание что-то доказать, вырваться из хозяйствования на земле, которое ведут Песоцкие. Наконец, после долгих лет непосильной работы ему удалось получить место заведующего кафедрой, но он не может этим воспользоваться из-за своей болезни.

В. Логинов следующим образом объясняет болезнь героя: «Коврин не имел морального права считать себя талантливым человеком и ...безумие родилось из-за несоответствия реального положения вещей и самооценки

героя» (Логинов В.). Стоит заметить, что на развитие болезни Коврина повлияли Таня и ее отец. То, как они хотели его излечить, дало обратный эффект, они притупляют, а потом разрушают в нем очень важное для него начало: его связь с трансцендентным существом. На самом деле это существо есть отражение личности героя, и благодаря ему Коврин может находиться в более высокой сфере: «...старый садовод и его дочь создают не просто болезнь Коврина, они во многом создают саму его болезненную, нервическую личность», – пишет О. Лекманов (Лекманов О.). Изучая связи между героями повести, О. Лекманов подчеркивает, что практически любое действующее лицо произведения метафорически имеет связь с Черным монахом. Можно сказать, что монах олицетворяет собой «болезнь» Коврина. С этой точки зрения легко вскрыть связь монаха с Песоцким, с его дочерью Таней, с сожительницей Коврина Варварой Николаевной, а также с его лечащим доктором, так как все они хотят излечить Коврина (Лекманов О.). В этом смысле они противостоят как Коврину, так и монаху. Не будет преувеличением, если условно назовем их в этом контексте *антидвойниками*. Здесь надо привести и мысль Д.В. Оксужьяна, который утверждает, что Коврин олицетворяет и нравственные основы христианства, он подсказывает людям путь личного спасения, который, по его мнению, заключается в постоянном нравственном самосовершенствовании (Оксужьян Д.В. 2005: 147). После того, как он не добился успехов в науке, он посчитал средством самосовершенствования и подтверждением существования вечной правды Черного монаха. Таня и ее отец сделали все, чтобы уничтожить эту веру, этот путь спасения Коврина, поэтому мы их условно и называем *антидвойниками*.

Коврин тем не менее может быть назван «здоровым», с чем он и сам согласен до определенного времени. Но Коврин страдает галлюцинациями, значит монах как двойник частично его породил, оставаясь в то же время и его противником.

Больными можно назвать также как Таню, так и старика Песоцкого. Их болезнь показана в «Черном монахе» через восприятие Коврина (Нымм Е.). Таня стала как бы заложницей в своем саду, она хочет вырваться оттуда, и это желание все сильнее овладевает ею, ведь она хочет найти и саму себя. В

лице Коврина она видит спасителя. Он также тянется к этой плаксивой, нервной, раздражительной девушке, но Таня не может перейти через ту границу, которую Коврину помогает переступить монах. Песоцкий живет работой, он не может от нее освободиться, не может вынести того, что Коврин и его дочь хотят не того же самого, что и он, и не то же самое видят главным, необходимым, правильным (Rév 1995: 63-66).

Итак, возвращаясь к Коврину и монаху, надо сказать следующее: герой понимает, что он не способен научной и умственной работой повлиять на человечество, он убеждается в его испорченности и несправимости (здесь можно вспомнить мысли Фуко или даже понятие Ницше «*übermensch*»), а ведь Коврин мечтал стать «духовным лидером» (Нымм Е.). Эти мысли укреплял в нем и монах: «Без вас, служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно; развиваясь естественным порядком, оно долго бы еще ждало конца своей земной истории. Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды — и в этом ваша высокая заслуга» (Чехов А.П 1977/б: 242).

Коврин, замкнувшись в себе, постепенно теряет связь с внешним миром. Это усиливается до такой степени, что при очередном появлении монаха получается связь для служения возвышенному при полном взаимопонимании сторон. Появление монаха не испугало Коврина, можно сказать, что он ждал его появления и был ему рад. Встречи, проходившие один-два раза в неделю, поднимали душевное настроение Коврина. Таким образом, монах стал символом жизни, которую он выбрал для Коврина (Логинов В.).

Отношения между черным монахом и главным героем можно сравнить с цепной реакцией. В голове Коврина зарождаются неисполнимые идеи, которые им овладевают, что приводит к галлюцинациям и появлению двойника. Это укрепляет его в мыслях о собственной избранности. Идя дальше, двойник говорит Коврину о вечной жизни, о вечной правде, но герой поначалу не верит в это. Из этого можно сделать вывод, что в двойнике Коврина можно видеть задушенную веру: в глубине души Коврин не совсем уверен в своем придуманном величии, он не верит в загробную жизнь, тем не менее он с восхищением слушает наставления монаха: «...Говорят же теперь ученые, что гений сродни умопомешательству. Друг

мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображения насчет нервного века, переутомления и т.п. могут серьезно волновать только тех, кто цель жизни видит в настоящем, то есть стадных людей» (Чехов А.П 1977/б: 242–243). Эти мысли очень похожи на известные идеи Ницше о том, что гениальность и душевные проблемы не очень отличаются друг от друга, что здоровые и нормальные люди – это средние, то есть «стадные люди». Конечно, здесь надо вспомнить и Раскольникова с его делением людей на «обычных» и «наполеонов».

Вышеприведенное высказывание показывает болезнь в другом материальном измерении. Можно ли так характеризовать появление Черного монаха, как болезнь и как ее описание? Но, может быть, важнее изображение уставшего от жизни, психически слабого, больного человека, ищущего правду и трансцендентальную ориентацию – действительную или придуманную. Возвращаясь ко взглядам Фуко, можно сказать, что совсем необязательно считать больным того, кто отличается от обычного человека, другими словами, того, кого общество отталкивает и зачисляет в ряды психиатрических больных. Примерно так же думает об этом и сам Чехов, о чем он пишет в одном из своих писем: для понимания людей, жизни писателю необходимо изучать психиатрию. В другом своем письме он подтверждает, что он и сам иногда впадает в состояние, отличающееся от «здорового» состояния: «Кажется, я психически здоров, – писал он А.С. Суворину 25 января 1894 года. – Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное». Профессор Бурно дает этому следующее объяснение: «Слово "переходное" соответствует психиатрическому термину "пограничные состояния", к которым и относится "психостения", значит и Чехов» (Бурно М.).

Почти те же самые слова вкладывает Чехов в уста своего героя: «Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора не лечили их от экстаза и вдохновения! Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением и цивилизация погибнет» (Чехов А.П 1977/б: 251–252). Из слов Коврина видно, что он считает сущностью

жизни экстаз и вдохновение. А это в его мире олицетворяется черным монахом.

Когда Коврин спрашивает монаха о правде (о последней инстанции), то тот тает и исчезает. По мнению И. Регеци, Чехов хорошо понимал, что он не может сказать больше. Мы можем найти похожие мысли у Шестова. Он считает, что Боги сотворили так, что правда в последней инстанции завуалирована такими противоречиями, которые очень трудно принять и для наших ушей они просто невыносимы, – и это пугает даже самых смелых исследователей (Regécz I. 2000:48). Чехов как будто указывает на это: перед появлением монаха слышны звуки скрипки и нежный женский голос, поющий романс «о какой-то девушке, больной воображением, которая слышала ночью в саду таинственные звуки и решила, что это гармония священная, нам, смертным, непонятная...» (Чехов А.П. 1977/б: 256).

В ряду характеристик Коврина можно упомянуть интерпретацию А. Чадаевой, хотя с точки зрения литературных критериев она выглядит не столько литературоведческой, сколько церковной. Чадаева полагает, что, как и гетевского Фауста, образ Коврина можно объяснить в этом ключе: герой заложил свою душу дьяволу, и это стало причиной его безумия (Чадаева А.). На наш взгляд, это не совсем верно по отношению к произведению. Правда, Коврин полон больших надежд, подобно Фаусту он тоже хочет помогать людям. Но черный монах Чехова не имеет никакого отношения к дьяволу, и только по ряду ассоциаций можно выявить такую связь.

Чадаева сравнивает сад Песоцкого с райским садом, с садом Адама и Евы, и в мыслях Коврина сад видится именно таким, каким он видел его в детстве. В этом случае прежняя жизнь связывается с мотивом грехопадения (Чадаева А.). После возвращения Коврина в город это воспоминание о райском саде исчезает, и он погибает из-за греховных проступков. С этой точки зрения Песоцкого также можно условно считать безумцем, поскольку он фанатично держится за свой сад и за наведение в нем порядка.

5. Окружение считает Коврина сумасшедшим, как и Громова из «Палаты № 6». Правда, Коврин осознает свою болезнь, но не принимает свою

болезнь как болезнь в ее духовном аспекте. Как князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского, как Громов, Коврин ненавидит людей, которые полны оптимистичных духовных идей. Это тип восприятия мира, но это еще не философия. Но все же Коврин — философ, хотя он и не проповедует идеи. Его безумие сравнимо с безумием святого, он испытывает «чувство вины согласно простым законам, отвечающим нормам порядочности, чувство отверженности». «Этот необыкновенный настрой, который овладевает Ковриным, — пишет далее Регеци, — есть окончательное отрицание всего, это достижение границы пустоты. Гнетущая пустота, последняя грань "для смелых" (по выражению Ницше) есть необходимость переступить через нее» (Regécsi I. 2000: 91).

Что остается человеку, у которого отбирают веру, забавы, цель в жизни? Эта проблема ставится в «Черном монахе» следующим образом: что лучше для человека, для человеческой души и личности: мания величия или сознание своей обыденности, серости. Этот вопрос актуален для всех «маленьких людей» Чехова, и в «Черном монахе» он остается открытым.

«Палата № 6», как и «Черный монах», заканчивается необычно, даже похоже. Рагин и Коврин умирают счастливыми. Рагину перед смертью еще раз приходит в голову полемика о вечном бытии: «...Миллионы и миллионы людей верят в бессмертие. А вдруг оно есть?», и после этого «Андрей Ефимыч забылся навеки» (Чехов А.П 1977/а: 126). В этой формулировке чувствуется, что Андрей Ефимыч Рагин утерял сознание о себе. Коврин перед смертью все еще верит в свою избранность, и перед ним проходят картины его прежней счастливой жизни: он зовет Таню, вспоминает сад, молодость, прежние радости. В нем открывается большая любовь к жизни, также, как у Громова. «Если бы ты поверил мне тогда, что ты гений, то эти два года ты провел бы не так печально и скудно» (Чехов А.П 1977/б: 257), — говорит ему монах. Здесь снова переоценивается понятие избранности: выбрал бы счастливую жизнь, если бы поверил. Но в чем тогда проявилась бы гениальность Коврина? Вопрос остается без ответа.

Заключение

1. В «Черном монахе» мотивы безумия и двойничества тесно переплетаются. Двойничество в дискурсе Коврина и Черного монаха само является болезнью, т.е. безумием с точки зрения социального окружения главного действующего лица.
2. Мотив двойничества имеет отношение главным образом к Коврину и к монаху, но выражение безумия в этой повести есть также двойничество; они вместе служат главным мотивом повести, управляют действиями героев, значит лежат в основе художественного текста.
3. Коврин, Таня и Песоцкий счастливы каждый «в своем мире», а встреча этих миров порождает главные конфликты в повести.

Литература

Бурно М.

О психастеническом мироощущении А.П. Чехова (в связи с рассказом «Черный монах»). <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/burno1.shtml> (3-04- 2011)

ЛЕКМАНОВ О.

О «Черном монахе» А.П. Чехова. <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200004002> (3-04-2011)

ЛОГИНОВ В.

«Орля» Ги Де Мопассана и «Черный Монах» А.П. Чехова. <http://www.netslova.ru/loginov/chehov.html> (3-04-2011)

НЫММ Е.

Тема «болезни» в прозе и переписке А.П. Чехова 1890-х гг. <http://www.utoronto.ca/tsq/13/nymm13.shtml> (3-04-2011)

ОКСУЗЬЯН Д. В.

2005. «Черный монах» на шахматной доске. // *Slavica Szegediensia V*.

СИНЕВА Е. Н.

2002. К вопросу о термине двойничество. // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26-30 декабря 2002 г. СПб. <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2002/4-29.htm> (3-04-2011)

ЧАДАЕВА А.

Разложение души: О рассказе А.П. Чехова «Черный монах» <http://vos.1september.ru/2001/44/7.htm> (3-04-2011)

ЧЕХОВ А.П.

1977/а. Палата № 6. // Чехов, А.П. *Сочинение, Т. 8.* Москва: Изд. «Наука».

ЧЕХОВ А.П.

1977/б. Черный монах. // Чехов, А.П. *Сочинения, Т. 8.* Москва: Изд. «Наука».

ЧЕХОВ М.П.

1964. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. Москва: Московский Рабочий.

FOUCAULT M.

2000. Elmebetegség és kultúra. In: *Elmebetegség és pszichológia: A klinikai orvoslás születése.* Budapest: Corvina, 62-91.

FOUCAULT M.

2004. A bolondság története. Budapest: Atlantisz.

PAPERNIJ Z. S.

1963. A. P. Csehov. Ford. Bárány György. Budapest: Gondolat.

REGÉCZI I.

2000. Csehov és a korai egzisztenciabölcselet. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó.

RÉV M.

1995. Csehov századfordulója. Budapest: Universitas Kiadó.

Символика цвета в повести А.П. Чехова «Черный монах» http://www.xenoid.ru/soch/chehov/chernyj_monakh.php (3-04-2011)

K niektorým špecifikám kreovania politických strán v Slovenskej a v Českej republike po roku 1989

Ján Lid'ák

Problematika politických strán a hnutí, keďže tieto sú imanentnou súčasťou parlamentnej demokracie, patrí dnes k veľmi frekventovanej oblasti záujmu širokej verejnosti, ale predovšetkým akademických pracovísk, a tak politické strany a stranické systémy do dnešného dňa v postkomunistickom priestore tvoria veľmi podstatnú a dokonca najfrekventovanejšiu tému politického a politologickeho výskumu. Na rozdiel od autokratického systému, ktorý moc koncentruje, monopolizuje tvorbu politickej vôle a obhajuje totálnu integráciu jednotlivcov, demokratický politický systém moc rozdeľuje a kontroluje, preferuje otvorenú politickú štruktúru a práve prostredníctvom politických strán a hnutí dosahuje čiastočnú politickú integráciu.

V rámci stredoeurópskeho priestoru je potrebné venovať pozornosť formovaniu stranického systému predovšetkým v našich česko-slovenských podmienkach, kde situácia bola v podstate neporovnateľná ako s Poľskom, tak aj s Maďarskom, kde už pred pádom totalitných režimov existovali a vyvíjali činnosť silné opozičné skupiny. Je potrebné upozorniť, že i keď existovala spoločná štátnosť do konca roku 1992 o existencii spoločného československého stranického systému nemožno v tomto období hovoriť. Od samotného počiatku formovania demokratického stranického systému sa stranická scéna v oboch častiach spoločnej republiky vyvíjala síce v určitom kontakte, ale v podstate viacmenej nezávisle.

V Česko-Slovensku do roku 1989 existovali, najmä v poslednom období existencie totalitného režimu, ilegálne opozičné sily a vnútorný dissent, naďalej však bola výrazne potláčaná činnosť iných politických strán a ak aj vyvíjali aktivity, ich existencia mala iba formálny charakter. V Čechách a na Slovensku do novembra 1989 – v podmienkach totalitnej spoločnosti – teda neexistovala legálne opozícia. Rozdiely však boli veľmi podstatné. Ako uvádza L. Kopeček, v Čechách v druhej polovici osemdesiatych rokov vyvíjala činnosť pomerne početná skupina opozičných občianskych skupín. Na Slovensku tieto antirežimné

subjekty získavali spravidla len minimálnu odozvu. Dokonca aj politicky najvplyvnejšiu Chartu 77, podporilo svojim podpisom iba niekoľko jednotlivcov. Pritom počet „vlastných“ slovenských opozičných iniciatív zostal na veľmi nízkej úrovni. Skutočný počet aktívnych slovenských disidentov bolo možné do roku 1989 spočítať na prstoch dvoch rúk. Rozdiely spočívali nielen menšej početnosti, ale najmä v odlišnom profile. Zatiaľ čo v Čechách jasne prevažoval disent, ktorý možno nazvať „občianskym“, na Slovensku sa skôr prejavovala činnosť opozície spojená s katolíckym náboženstvom. Jednalo sa predovšetkým o skupiny kresťansky orientovaných intelektuálov, z ktorých mnohí výrazne zasiahli do slovenskej politiky po roku 1989.¹

Tento politický systém ČSSR vychádzajúci z koncepcie vedúcej úlohy Komunistickej strany Československa bol zvrhnutý v novembri 1989 a iba postupne sa tvorili legislatívne podmienky na pluralitu politického života. Formovanie nových demokratických inštitúcií bolo zákonite späté s nástupom nových politických elít, ktoré vstúpili do post revolučného mocenského vákuu. Politické strany a hnutia v transformujúcej sa spoločnosti prechádzali zložitým procesom vnútornej kryštalizácie a jasnejšej profilácie. Po novembrových udalostiach neexistovali politické subjekty, ktoré by mali pripravenú ucelenú koncepciu transformácie spoločnosti. Takéto subjekty vznikali v priebehu udalostí a fakticky za pochodu formovali svoju programovú orientáciu - Občianske fórum (OF) v Čechách a Verejnosť proti násiliu (VPN) na Slovensku, ktoré sa však v procese ďalšieho vývoja štiepili a z ich základne vznikali nové politické strany či hnutia. Uvedené dve hlavné revolučné hnutia postupne získavali rozhodujúce pozície v parlamente a vo vláde a začali presadzovať politiku postupnej demontáže totalitnej moci.

V podmienkach Českej republiky najvýznamnejšou politickou silou zárodočného štádia českého stranického systému po roku 1989 sa stalo novovytvorené Občianske fórum (OF). Popri tejto zárodočnej straníckej štruktúre možno identifikovať aj ďalšie subjekty, ktoré predstavovali jednak historické formácie, ktoré vyvíjali činnosť aj v dobe totality, ako členovia Národného frontu – Komunistická strana Československa (KSČ), Československá strana lidová (ČSL), Československá strana socialistická (ČSS); ďalej historické politické strany, ktoré obnovili svoju činnosť – Československá strana sociálne

demokratická (ČSSD), Klub angažovaných nestraníkov (KAN); tiež úplne nové strany a hnutia, z ktorých niektoré mali korene už v disidentskom hnutí.² Polarizácia v tomto období prebiehala predovšetkým po línii OF a KSČ, kde vo vnútri oboch subjektov sa rozbiehala vnútrostranícka diferenciácia, ktorá znemožňovala na českej straníckopolitickej scéne vytvoriť nejaké pevne vzorce straníckej súťaže. Proces diferenciácie a kryštalizácie nastal až po prvých slobodných voľbách v roku 1990. Pozíciu parlamentných subjektov obhájili iba štyri stranícke formácie – OF, KSČ, Kresťansko demokratická únia (KDU, súčasťou bola ČSL), HSD-SMS.

Postupne, v roku 1992, došlo k zlúčeniu KDU a ČSL a k vzniku novej formácie KDU-ČSL. KSČ prechádzala niekoľkými reformnými premenami, kedy sa postupne snažila zbaviť najviac zdiskreditovaných prvkov svojho programu a v roku 1990 tieto pokusy vyústili do vytvorenia Komunistickej strany Čiech a Moravy (KSČM), ktorá ešte do volieb v roku 1992 prešla viacerými štepeniami. Najsilnejším politickým subjektom zostávalo OF, v rámci ktorého sa postupne vyhaňovalo niekoľko protichodných názorových prúdov. Následný rozpad tohto politického subjektu v podstate určil, respektíve bol základným momentom, ktorý predznamenoval podobu straníckeho systému Českej republiky. Proces kryštalizácie vyvrcholil v roku 1991, kedy vznikla pravicová Občianska demokratická strana (ODS) a ako predstaviteľ centristického prúdu bolo založené Občianske hnutie (OH), v tom istom roku oznámila svoj vznik ďalšia pravicová politická strana Občianska demokratická aliancia (ODA). Najväčšiu voličskú podporu od samého počiatku svojej existencie, kvôli jasnejšej profilácii a vnútornej organizácii, získavala ODS. V podmienkach Českej republiky, v porovnaní napríklad so Slovenskou republikou, veľmi rýchlo, dochádzalo k posilňovaniu socioeconomickej konfliktnej línie, ktorá ako sa ukazuje je v Čechách veľmi stabilná, a k postupnému konštituovaniu najdôležitejších straníckych subjektov českej pravice a ľavice. Z hľadiska časového, sa v podstate veľmi rýchlo vykryštalizovala a stabilizovala klasická pravo-ľavá dualita straníckeho systému podobná straníckemu systému západoeurópskych krajín. Český stranícky systém predstavoval v mnohých ohľadoch pozoruhodný fenomén v rámci transformujúcich sa postkomunistických štátov strednej a východnej Európy. Je možné, s istou dávkou nepresnosti konštatovať, že hlavní aktéri

straníckeho systému vznikli a vnútorne sa konsolidovali už v ranných fázach jeho konštituovania, teda v priebehu prvej polovice deväťdesiatych rokov, kedy získali zastúpenie v českom parlamente. V tomto období sa stabilizovali aj voličské preferencie. Nasledujúce voľby v podstate, i keď vznikali nové stranícke subjekty, ktoré mali iba dočasnú životnosť, nič relevantné nepriniesli. Český stranícky systém sa v porovnaní s ostatnými stredoeurópskymi krajinami, konsolidoval a stabilizoval ako celok veľmi rýchlo a úspešne. Stranícky systém sa do dnešných dní vyvíja v podobe klasickej pravo ľavej duality hlavných pólov, t.j. istá bipolarita dvoch silných politických strán, čo naznačuje prechod na systém dva a pol strany.

Pri formovaní politického pluralizmu v Slovenskej republike od novembra 1989 sme boli svedkami zložitého procesu vnútornej diferenciácie novovzniknutých politických strán a hnutí, ich štiepenia a vzniku nových politických subjektov. Slovenská politická tradícia v podstate s výnimkou krátkého povojnového obdobia nepoznala rozdelenie politického spektra iba na dve veľké strany, prípadne doplnené jednou menšou stranou. Na Slovensku vždy pôsobilo viac strán, ktorých veľkosť a mocenské postavenie bolo značne premenlivé. Keďže hodnotové orientácie občanov nie sú dosiaľ jasne vykryštalizované a počet dimenzií politických hodnotových problémov je pomerne veľký, je doposiaľ slovenská spoločnosť náchylná na väčší počet strán.

Na základe zákonov o združovaní občanov, o politických stranách a ďalších, sa od začiatku roka 1990 formovala pluralitná politická štruktúra. Celkove možno identifikovať tri typy politických strán a hnutí :

- strany úplne nové, ktoré nemali tradíciu v slovenských podmienkach (VPN, HZDS, KDH),
- politické strany, ktorých činnosť bola násilne prerušená počas totality a po revolúcii obnovili svoju činnosť a mohli nadviazať na vlastné historické tradície (SDDS, SNS),
- politické strany, ktoré pôsobili v období totality, po revolúcii však prehodnotili svoje politické programy, prebehla zmena ich členskej základne, voľby nových politických orgánov a v tejto zmenenej podobe pokračovali vo svojej činnosti (DS, KSS-SDL).

Začiatkom roka 1990 vznikli nasledujúce politické subjekty, ktoré výrazne vplývali na ďalší politický vývoj: Verejnosť proti násiliu (VPN), Kresťansko-demokratické hnutie (KDH), Slovenská národná strana (SNS), Demokratická strana (DS), Sociálnodemokratická strana (SDSS), Strana demokratickej ľavice (SDL), Maďarská nezávislá iniciatíva (MNI), Spolužitie, Maďarské kresťansko-demokratické hnutie (MKDH) a Strana zelených (SZ).

Všetky politické subjekty stáli pred úlohami spoločenskej transformácie. Išlo o pomerne zložité a rozporuplné obdobie, v ktorom sa postupne odstraňovali prvky totality a kladli sa základy politickej plurality, demokracie, trhového hospodárstva, kultúry a novej zahraničnopolitickej orientácie. Vytvorila sa vláda národného porozumenia, ktorá bola výsledkom dohody medzi starou elitou komunistickej moci a novou elitou, ktorá reprezentovala novo sa rodiaču občiansku spoločnosť v podobe VPN. Jej úlohou bolo priviesť krajinu k prvým slobodným voľbám.

Dôležitým medzníkom vo vývoji politických strán a hnutí boli prvé demokratické voľby, ktoré sa konali v júni 1990. Výsledky volieb sa očakávali s veľkou netrepezlivosťou. Boli vlastne prvým meraním politických síl. Až na ich základe bolo možné na jednej strane zistiť rozloženie politických síl, reálny vplyv jednotlivých politických subjektov a na druhej strane vytvoriť skutočne demokratické zastupiteľské orgány na všetkých stupňoch štátnej správy. Vzhľadom na nevyzretosť politickej scény bolo rozhodnuté, že volebné obdobie bude len dvojročné a ďalšie voľby sa budú konať v roku 1992.

Z analýzy politickej a programovej orientácie strán a hnutí, ako aj ich volebných programov vyplýva, že politická štruktúra v slovenských podmienkach v tomto období bola nevyzretá, bola málo diferencovaná a bolo veľmi zložité odlišovať strany z hľadiska ich pravo-ľavého členenia. Takmer všetky zdôrazňovali potrebu vybudovania pluralitného politického systému a právneho štátu, transformáciu direktívne riadenej ekonomiky na trhové hospodárstvo, zrušenie existujúcich socialistických bezpečnostných a hospodárskych organizácií – Varšavskej zmluvy, Rady vzájomnej hospodárskej pomoci a orientáciu na západoeurópske štruktúry. Rozdiely sa prakticky prejavovali len v otázkach spôsobov, foriem a tempa spoločenskej transformácie.

Výsledky demokratických volieb, ktoré prebiehali súčasne do federálnych i národných orgánov, dopadli podľa očakávania. Všeobecne sa konštatuje, že ich obsah netvoril výber politických strán, ale boli vlastne plebiscitom proti totalitnej moci KSČ. Rozhodujúca otázka teda spočívala nie vo výbere tej alebo inej strany, ale v odmietnutí starého politického režimu. Túto úlohu voľby splnili, občania sa vyslovili za odstránenie totality a výraznejšia diferenciácia politických strán a volebných preferencií občanov nastala až v ďalšom období.

Vo všeobecnosti sú tieto voľby označované za "zakladajúce" a považujú sa za ukončenie prvého štádia demokratických premien starého režimu, vytvorili základy pluralitného systému politických strán a parlamentnej demokracie. Zároveň treba povedať, že boli aj súťažou medzi dvoma veľkými politickými subjektmi rodiaceho sa systému strán. Boli súťažou medzi širokospektrálnym občianskym hnutím VPN a sociálno-konzervatívnym KDH.³

Celé ponovembrové obdobie na Slovensku sa paradoxne nieslo v duchu napätia medzi konfesijným a národným konzervativizmom kresťanských demokratov a liberalizmom Verejnosti proti násiliu. Dôsledkom boli nielen spory o scenár ekonomickej reformy či školskej a kultúrnej politiky, ale aj uvoľňovanie priestoru na antireformné a separatistické tendencie. Koncom roka 1990 sa začali objavovať ostré konflikty vo vládnej koalícii - vyhrotili sa najmä vzťahy medzi VPN a KDH. Vo VPN sa objavila skupina, ktorá žiadala pronárodnejšiu orientáciu VPN a uskutočňovanie pravicovejšej politiky. Vnútorné rozpory začali prerastať do konfliktu medzi premiérom a VPN. V marci 1991 konflikt vyvrcholil odchodom V. Mečiara a jeho stúpencov z VPN a vytvorením Hnutia za demokratické Slovensko (HZDS).

HZDS správne postrehlo narastanie vlny nacionalizmu a od svojho vzniku sa prezentovalo ako hlavný garant "proslovenského" politického vývoja. Tým vlastne odčerpalo časť priaznivcov SNS, ale zároveň si i výrazne zúžilo manévrovací priestor pri riešení otázok štátoprávneho usporiadania.⁴ Tým, že sa HZDS etablovalo ako široká pozícia stredu, pokrývalo fakticky veľkú časť politického spektra od pravého stredu až po ľavý stred. Tým absorbovalo veľkú časť odlišných politických preferencií a orientácií a brzdilo vyzrievanie slovenskej politickej scény.

Vzhľadom na štátoprávne usporiadanie aj SNS pritvrdzovala jednoznačný postoj k samostatnosti Slovenska. Bola iniciátorom rôznych aktivít, ktoré nevychádzali priamo zo samostatnosti, alebo k nej viac či menej smerovali. Svedčila o tom aktivita poslancov SNS v Slovenskej národnej rade pri prijímaní Ústavného zákona o zvrchovanosti a suverenite SR, ktorý predkladali pri každej príležitosti.

Následne prebehla vnútorná diferenciácia a proces štiepenia aj v ostaných politických subjektoch, predovšetkým v KDH a v KSS. Z KSS vznikla nová ľavicovo orientovaná politická strana vychádzajúca z poznania, že komunisticky orientovaná vetva robotníckeho hnutia skončila v slepej uličke a že treba stavať na hodnotách, ktoré prešli skúškou času – na hodnotách Socialistickej internacionály. Týmto krokom chceli zrušiť priamu politickú kontinuitu s KSČ pred 17. novembrom 1989, zmenil sa názov strany na Stranu demokratickej ľavice (SDL), bol prijatý nový program, zmenila sa členská základňa strany.⁵

Špecifikom slovenskej politickej scény a to čo absentovalo v podmienkach Českej republiky, bola a je existencia pomerne početnej maďarskej národnostnej menšiny žijúcej v južných častiach Slovenskej republiky.

Záujmy národnostných menšín, predovšetkým maďarskej, reprezentovali po roku 1989 na slovenskej politickej scéne tri politické subjekty:

- Együttélés-Spolužitie-Wspólnota-Soužití. Jeho základnou úlohou – ako deklarovalo v roku 1990 – bola vzájomná tolerancia občanov rôznych národností, spolužitie maďarskej, nemeckej, rusínskej, ukrajinskej a poľskej menšiny s českým a slovenským národom.⁶ Treba však poznamenať, že hlavné úsilie tohto politického subjektu po celý čas jeho existencie sa sústreďovalo predovšetkým na obhajobu práv maďarskej menšiny, ostatné národnosti tvorili okrajovú časť záujmu tohto hnutia. Išlo od samého začiatku o hnutie, ktoré združovalo konzervatívne i liberálne ideové smery a bolo možné ho zaradiť na pravú stranu politického spektra Slovenska.
- Maďarské kresťanskodemokratické hnutie (Magyar Kereszténydemokrata Mozgalom) – MKDH – politická strana, ktorá veľmi úzko spolupracovala s hnutím Együttélés, boli si programovo a ideovo veľmi blízke. Išlo o stranu konzervatívnu, ktorej členovia na základe kresťanských ideí a

princípov usilovali o ochranu náboženských a menšinových záujmov Maďarov žijúcich na Slovensku, ako o tom vypovedá samotný názov strany.⁷

- Maďarská občianska strana (Magyar Polgári Párt) – MOS. Jej predchodkyňou bola Maďarská nezávislá iniciatíva. Po rozpade VPN – v januári 1992, Maďarská nezávislá iniciatíva sa pretransformovala na samostatný politický subjekt pod názvom Maďarská občianska strana.

Pohybovala sa v strede politického spektra, sama sa označovala za stranu liberálnu, uznávajúcu princípy slobody, v praktickej politike môžeme nájsť odlišnosti v oblasti ekonomickej a sociálnej, ale i úplne podobné, resp. totožné stanoviská s ostatnými maďarskými stranami v oblasti obhajoby záujmov maďarského obyvateľstva na Slovensku.

Keďže národne orientované strany a hnutia vyzdvihovali riešenie všeobecne platných ekonomických a politických otázok, vyriešením problémov národnostných, ich popularita a význam na verejnosti v podmienkach Slovenska prudko rástli.

Výsledky volieb v roku 1992 boli v mnohých ohľadoch prekvapujúce, priniesli prudké zmeny popularity jednotlivých strán, čo svedčí o nevyzretosti straníckej politickej scény. Už to neboli voľby, ktoré boli len plebiscitom proti totalitnej moci, ale naznačili istú diferenciáciu preferencií voličov. Dominantnou líniou členenia na Slovensku, ale nebolo pravo-ľavé rozdelenie politického spektra. Z tohto pohľadu možno konštatovať dokonca oslabenie pozícií pravicových strán, či už sa to týka strán KDĽH (ktoré však boli spôsobené odštiepením SKDĽH), alebo vytlačenie z parlamentu VPN-ODÚ a Demokratickej strany, napriek skutočnosti, že sociálna diferenciácia do istej miery pokročila a vznikala vrstva živnostníkov, malých a stredných podnikateľov. Na ľavej časti spektra si udržala pozície SDĽ, čo dokazovalo úspešnosť cesty jej transformácie na stranu sociálnodemokratického typu. Nepodarilo sa však oživiť a aktivizovať činnosť ďalšieho ľavicového subjektu – Sociálnodemokratickej strany Slovenska. Najsilnejší bol politický stred, ktorý pokrylo HZDS spolu so SNS, ktorá sa v svojej rétorike čiastočne posúvala na pravý stred.

Špecifickým, dominantným a prioritným, čo malo veľký dosah na ďalšie formovanie straníckeho systému v podmienkach Slovenskej republiky bolo

delenie na pronárodné a profederálne sily (často označované ako protinárodné a odrodilé). V nasledujúcom období pri formovaní stranického systému a pri rozložení politických síl nevystupovala do popredia tradičná línia pravica - stred - ľavica, ale línia delenia na štandardné politické strany a hnutia, rešpektujúce zásady demokracie, plurality a konsenzu a neštandardné, uplatňujúce populizmus, nacionalizmus či extrémizmus.⁸ Podstatným spôsobom však ovplyvňoval podobu stranického systému na Slovensku špecifický konflikt, všeobecne známy a označovaný rôznymi pojmami, zjednodušene a najčastejšie ako konfliktná línia mečiarizmus – antimečiarizmus. Nasledujúci vývoj rozpoltenosť stranického systému Slovenskej republiky plne potvrdil. V tomto krátkom časovom období, ktoré uplynulo od pádu totality sa politická scéna na Slovensku plne nevykryštalizovala. Politické spektrum sa ďalej dotváralo a postupne ďalšou kryštalizáciou, rôznymi štiepeniami, ale aj vznikom nových stranickopolitických subjektov, ktoré v stranickom systéme existovali iba časovo obmedzené obdobie a za neustálych stranických turbulencií sa postupne stabilizovalo.⁹ Hlavná konkurenčná línia na slovenskej politickej scéne sa vymedzovala na škále demokracia a autoritárske, nacionálne tendencie.¹⁰ Až po roku 2000 začalo postupne, aj podľa iných autorov, toto štiepenie strácať na význame a sile. Postarali sa o to najmä nové politické strany, ktoré v tomto období prenikli do stranického systému a ktoré sa začali prezentovať inými témami než svojim pozitívnym či negatívnym vzťahom k persóne V. Mečiara.¹¹

Stranícky systém Slovenskej republiky sa tak dostával do štandardnejších situácií, čo potvrdili voľby v roku 2002 a následný vývoj. Výsledky volieb v roku 2002 umožnili v slovenských ponovembrových dejinách vytvorenie vládnej koalície, ktorú bolo možné identifikovať na škále ľavica verzus pravica a ktorá zohľadňovala prístupy politických strán k ekonomickým a sociálnym témam. Inkorporáciou systému politických strán Slovenskej republiky do stranického systému Európskej únie v roku 2004 sa posilnili pozície politických strán s jasnejším ideovým profilom, ktoré začali pôsobiť v rámci stranických frakcií v Európskom parlamente, čo malo v ďalšom vývoji pozitívny vplyv na pokračujúcu profiláciu a stabilizáciu stranického systému v Slovenskej republike. I napriek uvedenému je potrebné konštatovať, že na stranícky systém má naďalej

veľmi veľký vplyv nacionálne – etnická konfliktná línia, ktorá ale v súčasnosti pre mechanizmus stranického systému nie je kľúčová.

Literatúra

- FIALA, P., HERBUT, R. A KOL.
2003. Středoevropské systémy politických stran. Brno: Mezinárodní politologický ústav 2003.
- FIALA, P., MAREŠ, M.
1997. Konstituování systému politických stran v České republice (1989-1992). In: Politologický časopis č. 1/1997.
- HLOUŠEK, V., KOPEČEK, L.
2005. Konfliktní linie v současné české a slovenské politice: mezi stabilitou a změnou. Brno: Masarykova univerzita, Mezinárodní politologický ústav 2005.
- KOPECEK, L.
2007. Politické strany na Slovensku 1989-2006. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury 2007.
- LEŠKA, D.-KOGANOVÁ, V.
1994. Voľby 1994 a profilovanie politických strán a hnutí na Slovensku. In: Szomolányi, S.-Mesežnikov, G. (ed): Slovensko: Voľby 1994. Bratislava 1994.
- LEŠKA, D.
1997. Hlavné tendencie vývoja systému politických strán na Slovensku. In: Politický systém Slovenskej republiky. Zborník. Prešov 1997.
- MESEŽNIKOV, G.
1996. Vývoj stranického systému na Slovensku. In: Politologická revue, roč. II., č. 1/1996.
- MESEŽNIKOV, G.
2005. Pravica na Slovensku: úspechy a problémy. In: Parlamentný kuriér, č. 11/2005.
- SZOMOLÁNYI, S.
1999. Tranzičná cesta Slovenska a voľby 1998. In: Bútora, M.-Mesežnikov, G.-Bútorová, Z. (ed.): Slovenské voľby 98: Kto? Prečo? Ako? Bratislava 1999.

-
- 1 Kopeček, L.: Stranícky systém Slovenska. In: Fiala, P., Herbut, R. a kol.: Středoevropské systémy politických stran. Brno: Mezinárodní politologický ústav 2003, s. 156.
 - 2 Fiala, P., Herbut, R. a kol.: Středoevropské systémy politických stran. Brno: Mezinárodní politologický ústav 2003, s. 15.
 - 3 Po víťazstve VPN (29,3%) bola vytvorená vláda širokej koalície víťazného hnutia, KDH, DS a MNI. Predsedom vlády sa stal V. Mečiar.

-
- 4 Už v prvom programe v júni 1991 HZDS zakotvilo medzinárodnoprávnu zvrchovanosť Slovenska. V programe sa ďalej konštatuje, že naplnenie obsahových náležitostí sa dá dosiahnuť viacerými formami štátoprávneho usporiadania, "ale najvýhodnejšia je forma konfederácie dosiahnutá pomocou štátnej zmluvy medzi oboma národnými republikami". Ale na republikovom sneme, ktorý sa konal 21. marca 1992 V. Mečiar pripúšťa celkove päť alternatív štátoprávneho usporiadania: federáciu, konfederáciu, reálnu úniu, usporiadanie vzťahov na spôsob Beneluxu alebo vznik samostatných štátov. Z uvedeného vyplýva, že HZDS nemalo v tejto otázke vyhranený postoj a nebojovalo jednoznačne za osamostatnenie Slovenska, ako to neskôr interpretovalo. Pozri: Program hnutia za demokratické Slovensko. Bratislava 1991. Mečiar, V.: II. snem HZDS, 21. marec 1992. Arteria.
 - 5 I. zjazd SDL sa uskutočnil v decembri 1991 v Trenčíne.
 - 6 Program politického hnutia Együttélés-Spolužitie-Wspólnota-Soužití. Bratislava 1990.
 - 7 Stanovy MKDH. Bratislava 1992.
 - 8 Leška, D.-Koganová, V.: Voľby 1994 a profilovanie politických strán a hnutí na Slovensku. In: Szomolányi, S.-Mesežnikov, G. (ed): Slovensko: Voľby 1994. Bratislava 1994, s.97.
 - 9 K uvedenej problematike pozri bližšie: Mesežnikov, G.: Vývoj stranického systému na Slovensku. In: Politologická revue, roč. II., č.1/1996, s. 27-49; Leška, D.: Hlavné tendencie vývoja systému politických strán na Slovensku. In: Politický systém Slovenskej republiky. Zborník. Prešov 1997, s. 27-32; Kollár, M.– Mesežnikov, G. (ed): Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava 2002.
 - 10 Mesežnikov, G.: Pravica na Slovensku: úspechy a problémy. In: Parlamentný kuriér, č. 11/2005.
 - 11 Hloušek, V., Kopeček, L.: Konfliktní linie v současné české a slovenské politice: mezi stabilitou a změnou. Brno: Masarykova univerzita, Mezinárodní politologický ústav 2005.

Slovensko-maďarské historické interferencie (Dejiny v SMS-ke?)

Pál Maruzs

V posledných dvoch akademických rokoch som mal možnosť viesť kurz o Slovensku v rámci špecializácie "Regionálne a európske štúdie" pre poslucháčov andragógie Pedagogickej fakulty Gyulu Juhásza Segedínskej univerzity. Hovoriť o Slovensku, objasniť historické medzníky jeho dejín a vytvárať podľa možnosti objektívny obraz o jeho súčasnosti je však nepredstaviteľné bez toho, aby sa nevychádzalo z tisícročného spolužitia Slovákov a Maďarov v rámci spoločnej vlasti, v Uhorsku. V tejto súvislosti sa nedá obísť ani problematika vývinu slovensko-maďarských vzťahov, ktoré sú z oboch strán zaťažené historickými predsudkami a stereotypmi, hlboko zakorenenými vo vedomí ľudí. Ich prítomnosť vo verejnej mienke a politike je taká silná, že znemožňuje stráviť vzájomne spôsobené opravdivé, či domnelé krivdy. Tým sa stávajú živnou pôdou pre tvorbu nových stereotypov zakladajúcich sa na historických predsudkoch rezonujúcich však na aktuálne politické dianie. Pri takejto permanentnej tvorbe deformovaných úsudkov o druhom národe sa ďalej upevňuje bariéra presudkov, ktorej odbúranie za súčasnej napätej situácie medzi Slovenskom a Maďarskom zdá sa byť takmer beznádejné.

V úvode spomínanej špecializácii, v rámci ktorej študenti mali získať základné vedomosti o niektorom z ponúknutých susedných štátov (Rumunsko, Slovensko, Srbsko) možno pokladať za pokus aspoň o čiastočnú nápravu zafixovaných stereotypov v kruhu mladej generácie. Pri vytýčení cieľov kurzu o Slovensku ma podnietili negatívne skúsenosti týkajúce sa mimoriadne obmedzených vedomostí v tejto oblasti tak v kruhu mladej, ako aj staršej generácie. Z týchto hiátov sa bez prekážok rodia polopravdy, zovšeobecnenia, zjednodušenia, ako aj mýty a legendy, pravda, na úkor toho druhého národa. Týmto negatívam som sa pokúsil čeliť objasnením historického pozadia niektorých skostnatelých stereotypov s cieľom vyvracať ich klamný obsah a tým vytvárať reálnejší obraz o Slovensku a o slovensko-maďarských vzťahoch. Finálnym cieľom kurzu však bolo, aby sa poslucháči prostredníctvom získaných poznatkov dokázali orientovať v multiet-

nickom priestore Strednej Európy. Vo svojom príspevku sa pokúsim na niektorých príkladoch interpretovaných v priebehu kurzu demonštrovať horeuvedený proces v praxi, pritom v krátkosti sa zmienim aj o súčasnej politike a o jej podieli na formovaní vzťahov medzi Slovenskom a Maďarskom.

Problematiku Slovenska na prvej prednáške som uviedol formou známeho vtípu, mnou aplikovaného na akademické podmienky, inak kolujúceho v rôznych variantoch v maďarskej verejnosti:

Nervózny študent sa obracia na knižníčku:

- *Prepáčte, zajtra budem mať skúšku z dejín Slovenska. Mohli by ste mi odporučiť nejakú odbornú literatúru - ?*
- *Upokojte sa, mladý pán, pošlem vám ju v dvoch SMS-kách – odpovie knižníčka.*

Vtip zabral a v primeranej nálade vytvárajúcej sa medzi študentmi som naznačil, že by som bol rád, keby záverom semestra sa sami presvedčili o tom, či jeho obsah je oprávnený alebo nezmyselný. Pri interpretácii textu som sa odvolával na to, že každý vtip obsahuje zrnko pravdy. Keď sa bližšie pozrieme na náš, zistíme, že vypovedá o stereotype nehistorickosti slovenského národa. Z textu vyplýva, že Maďari si myslia o Slovákoch, že nemajú vlastné dejiny, respektíve majú ich, ale sú také nepatrné, že sa zmestia hoci aj do úzkeho rámca dvoch SMS-iek. Akcentuje sa tu podceňujúci aspekt zo strany tvorcov tohto žartu, z pozície dominantného historického maďarstva, čo možno vnímať ako prejav historického reliktu z obdobia 19. storočia. Takáto zjednodušená sumarizácia bezpochyby súvisí s jedným z najšpecifickejších historických znakov slovenského národa. Ide o absenciu štátnosti, odhliadnuc od krátkej existencie Slovenského štátu vytvoreného za podpory a asistencie samého A. Hitlera (14. marca 1939). K vzniku samostatnej Slovenskej republiky došlo až v roku 1993, zánikom federatívneho Československa. Ak berieme do ohľadu tento fakt, musíme uznať, že 18 rokov samostatných slovenských dejín oproti tisícročnej maďarskej (uhorskej) histórii sa zdá byť veľmi krátke. K pravde však patrí, že v priebehu stáročného spolunažívania Slováci (spolu s ďalšími etnikami multietnického Uhorska) prežívali tú istú historickú skutočnosť, čo aj Maďari. Aktívne sa podieľali na formovaní spoločnej vlasti v duchu uhorského patriotizmu¹ napríklad

v protitureckých bojoch a protihabsburských povstaniach. Medzitým však postupne úspešne absolvovali sebauvedomovací proces, výsledkom ktorého od začiatku 19. storočia čoraz vehementnejšie vystupovali za svoje národné práva. Treba však uznať, že vo vtedajšom Uhorsku, v ktorom dominantné postavenie nadobúdala maďarská elita, snažiac sa z multietnickej krajiny vybudovať národný štát, tieto snahy nemali veľkú šancu na úspech. V slovensko-maďarských vzťahoch v tejto situácii nastáva negatívny obrat oproti predchádzajúcim z etnického hľadiska pomerne vyrovnaným obdobiam. Toto storočie prebiehalo v zmysle maďarizácie nemaďarského obyvateľstva, proti ktorej protestovali aj čelní predstavitelia slovenského národného hnutia (Štúr, Hurban, Hodža, Vajanský), za čo boli políciou sledovaní a vyhlásení za vlastizradcov. Kvôli takejto, voči národnostiam nepriateľskej asimilačnej politike došlo k tomu, že Slováci a Maďari po začiatkových spoločných úsiliach sa ocitli na opačnej strane barikády v revolučných rokoch 1848-1849. Protiklady medzi národnosťami a maďarskými vládnymi kruhmi kulminovali predovšetkým po rakúsko – uhorskom vyrovnaní (1867), keď v zmysle národnostného zákona (1868) za jediným a výhradným úradným jazykom sa určil maďarský jazyk aj pre národnosti v školách a úradoch. Ako z uvedeného vyplýva, dejiny Uhorska sú dejinami aj Slovenska. Práve preto historicky nie je odôvodnený stereotyp o Slovákoch ako o nehistorickom národe. Môžeme teda konštatovať, že zo spoločných dejín najviac približne iba posledných 150 rokov možno pokladať za kontroverzných z pohľadu Slovákov. To však nič nezaväzuje pri tvorbe a rozširovaní z ich strany takých známych stereotypov ako napríklad *"Tisícročné kruté utláčanie"*, alebo *"Uhorsko je žalárom národov"*, ako aj stereotyp *o nehistorickosti* slovenského národa, čo nesie v sebe akt dištancovania sa od spoločných dejín² (od uhorskej tradície).

Svojím obsahom k vyššie interpretovanému vtipu sa zaraďujú napríklad heslá typu *"Som starší ako Slovensko"*, ktoré s veľkou obľubou používajú hlavne nacionalistickými vášňami prekypujúci futbaloví fanúšikovia. Aj toto heslo naráža na známy stereotyp o nehistorickosti slovenského národa, pritom svedčí aj o neodôvodnenej nadutosti a obmedzenej informovanosti v tejto veci autora textu, nakoľko z dejín Slovenska ovláda iba posledných 18 rokov. V tomto výroku možno objaviť aj stereotyp maďarskej nadradenosti a slovenskej podradenosti, čo

dnes už pripadá ako prežitok z uhorských čias. Na zafixovaní takýchto stereotypov vo vedomí ľudí však má veľkú zásluhu aj krásna literatúra z oboch strán. Ako človek, ktorý má rád šport, často navštevujem medzinárodné futbalové zápasy, ktoré, najmä ak ide o turnaj medzi Maďarmi a občanmi nástupníckych štátov bývalého Rakúsko -Uhorska (predovšetkým ide o Slovensko), rozdúchajú nacionalistické vášne, iniciátorom ktorých sú vo väčšine prípadov maďarskí fanúšikovia, ovplyvnení extrémne nacionalisticko – pravičiarskou ideológiou. Na reakciu na ich neokrochané provokácie prirodzene nedajú dlho čakať ani na druhej strane, čo vedie často k životu nebezpečným škandalóznym scénam (slovensko-maďarský zápas v roku 2008 v Dunajskej Strede) a vyvoláva medzištátne konfrontácie. Dobrý pozorovateľ, ktorý sa o nacionálny obsah takýchto udalostí profesionálne zaujíma, môže priam žasnúť pri vnímaní rôznych, nielen textových kreácií. Nie raz som pozoroval, že vo svojich slovách "veľkí Maďari" už pri vchode do športovej haly, čakajúc na vstup do arény, akoby len z nudy vyhrlili tieto a podobné rigmy: *"Nemáte vlast', Slováci, nemáte vlast' "*, alebo *"(Hovno) Slovensko, nenávidíme ťa, (....) Slovensko"*. Obidva citáty sa vymykajú z významového poľa už spomínaných textov, nakoľko prvý odkazuje na najcitlivejší bod slovenského historického vedomia, na raniteľnosť slovenskej štátnosti, (na permenantné spochybňovanie jej integrity zo strany maďarskej politiky) a druhý vulgárnym spôsobom vyhlasuje nenávisť k susednému štátu. Prvým citátom sa otvára zložitá, raz latentná, inokedy celkom konkrétna, ale od jej samého vzniku vždy prítomná tradícia Trianonu v slovensko-maďarských vzťahoch. Pojem "Trianon" vyvoláva v oboch štátoch diametrálne odlišné pocity vzhľadom k tomu, že kým Maďarom spôsobil tragédiu, zatiaľ Slovákovi zadosťučinenie. Trianonská mierová zmluva je súčasťou mierových zmlúv riešiacich polemické otázky medzi víťaznými a porazenými aktérmi prvej svetovej vojny. Bola podpísaná 4. júna 1920 v kaštieli Grand Trianon vo Versailles a vymedzila hranice medzi Maďarskom, Československom, Rumunskom a Srbskom. Následkom nových hraníc Maďarsko stratilo dve tretiny svojho územia a zhruba 60 percent obyvateľstva, kým spoločný štát Čechov a Slovákov vznikol vďaka práve Trianonskej mierovej zmluve. Tým, že veľmoci pri určení nových hraníc nebrali ohľad na nesúlad medzi etnickými a štátnymi hranicami, veľký počet etnických Maďarov sa ocitol v Československu a v ďalších

nástupníckych štátoch. Táto skutočnosť však viedla v medzivojnovom období a aj v súčasnosti vedie k častým vyostrovaniu vzájomných vzťahov medzi susednými štátmi z toho dôvodu, že potrianonské Maďarsko sa nikdy nezmierilo s následkami Trianonu a celú neutešenú situáciu bralo ako prechodnú. Rozčesnutie tisícročného štátu malo šokujúci vplyv na súveku maďarskú spoločnosť, ktorá odpovedala na negatívne dianie pestovaním protitrianonského kultu vrcholiaceho za režimu M. Horthyho. Regentovi sa následkom viedenskej arbitráže z 2. novembra 1938³ podarilo získať časť odobratých území, čo v Maďaroch vyvolávalo jalové nádeje na vrátenie ďalších území, ba aj ilúzie o možnosti nastolenia pôvodného stavu krajiny. Po čiastkových úspechoch v období 1938-1941 sa však za škrípanie zubov museli prijať "druhý Trianon" z roku 1945, (oficiálne to potvrdila parížska mierová zmluva v roku 1947), uzatvárajúci otázky hraníc po druhej svetovej vojne. To pre Maďarsko znamenalo ďalšie sklamanie, nakoľko v predchádzajúcich rokoch pripojené územia muselo vrátiť Československu. Trianonská zmluva vnímaná maďarskou spoločnosťou ako tragédia, trauma či krivda, (bez sebareflexie) ako nespravodlivý čin spáchaný na Maďarstve sa masívne zabudovala do vedomia tohto národa, ktorou sa nevyrovnal dodnes a v jednotlivých historických obdobiach všemožnými spôsobmi (napríklad uvedenými heslami, sloganmi, ako aj politickými snahami smerujúcimi k náprave (revízii) tejto situácie) dáva najavo svoju nespokojnosť s Trianonom. Štylizuje sa do pozície nevinnej obete a na rôznych fórach dokazuje opodstatnenosť svojej urazenosti za traumy spôsobené ním⁴. Čo vyplýva z povedaného ohľadom sloganu "*Nemáte vlast, Slováci, nemáte vlast*"? Ako súvisí jeho skrytý obsah s vyššie traktovanými historickými faktami? O čom vlastne vypovedá táto veta? Prvoplánovo oznamuje adresátovi (Slovákovi), že vysielateľ spochybňuje historickú opodstatnenosť existencie Slovenska. Ide tu o rétoriku vyvolávajúcu trianonské konotácie z oboch strán diskurzu. Z maďarskej strany sa deklaruje (mylné) presvedčenie, že Slovensko vzniklo na úkor Maďarska, ako výsledok nespravodlivého Trianonského "diktátu". Tento názor nesie v sebe aj výstražnú atitúdu s cieľom zneistiť a pokoriť toho druhého. Slovenská strana na to reaguje pocitom ohrozenosti z obavy o suverenitu vlastného štátu, čo vo vedomí slovenskej spoločnosti vyúsťuje do trianonskej fobie. Obaja účastníci nacionalistických diskurzov sú zaťažení historickými

traumami vyplývajúcimi zo subjektívne interpretovaných spoločných dejín, ktoré sa najčastejšie zakladajú na predsudkoch a menej na faktoch. Tematicky na trianonskú problematiku nadväzuje napríklad aj vyhláška *"Maďar som, nie turista"*⁵, aplikovaná na tričko, ktoré so záľubou nosia maďarskí občania pri návšteve Slovenska v presvedčení o pravdivosti tohto vyhlásenia. Podobný odkaz pre obyvateľov Slovenska má aj moment, keď návštevník v hostinci na Slovensku arogantne si objedná *"Trianonskú misu"* bez ohľadu na to, či figuruje na jedálnom liste alebo nie. Túto tematiku dopĺňajú ďalšie prejavy maďarského trianonského komplexu, register ktorých je nekonečný⁶. Medzi nich sa zaraďujú aj rôzne predmety ozdobené mapou Uhorska, ktoré právom vyvolávajú odpor Slovákov.⁷ V tejto súvislosti osobitne treba spomenúť bežné používanie historického pojmu *"Felvidék"* ako synonymum Slovenska. Tento pojem nabitý negatívnymi konotáciami z aspektu Slovákov sa v maďarských médiách objavuje každodenne. Odznieva z úst politikov, vedcov, publicistov, redaktorov, ako aj bežných účastníkov televíznych rozhovorov. Transparentne upozorňuje na seba napríklad v rámci predpovede počasia už nielen na tzv. "kráľovských" (vládných) kanáloch (MTV1, MTV2, MTV Duna, MTV Duna autonómia, TV Hír), ale aj na bulvárnych, najmä na obrazovke TV2. Zámerné používanie tohto výrazu odkazuje Slovákom, že Maďari vnímajú Slovensko, najmä krajanmi obývané priestory ako svoje, a že sa nezmierili s trianonskými hranicami dodnes. Nemyslím si, že by všetky tieto prejavy boli motivované akýmisi populisticko-nacionalistickými vášňami, skôr v tom vidím neznalosť faktov, nedostatok empatie voči susedom, ako aj tradovanie z generácie na generáciu stereotypu *"Felvidék"*. Výsledkom takého postoja môže pretrvať a súčasnou maďarskou politikou zosilniť trianonský komplex na jednej a trianonská fóbia na druhej strane.

Človek zaujímajúci sa o politiku a zvlášť o slovensko-maďarské vzťahy v súčasnosti veru nemá dôvod pošťazovať sa kvôli nedostatku politických aktivít nacionalisticko-konzervatívnej vlády Viktora Orbána. Práve naopak, zaplavuje ho nespočetné množstvo správ, komentárov, diskusií o národnej stratégii vládneho Fideszu, v ktorej kardinálne miesto má práve otázka Maďarov žijúcich v susedných štátoch. Táto otázka bola aktuálna síce v každom režime aj po roku 1945, ale jej intenzita rázne stúpala až po roku 1989. Pamätným medzníkom v tejto súvislosti bolo vyhlásenie premiéra Józsefa Antalla v roku 1990, že "sa v

duchu cíti byť premiérom 15 miliónov Maďarov". Týmto naznačil, že trianonské hranice vníma symbolicky a ponad ne mieni starať sa o krajanov, ktorí sa ocitli v susedných štátoch. Otváranie otázky Trianonu prirodzene vyvoláva nesympatiu, rozhorčenie a obavu z revízie súčasných hraníc aj v slovenskej verejnosti. Tieto emocionálne vyhrotené reakcie len mierne a len dočasne utišila menšinová politika socialisticko-liberálnej vlády nastupujúcej v roku 1994, za premierovanie Gyulu Horna. On oproti svojmu predchodcovi chcel byť premiérom iba 10 miliónom Maďarom a tým deklaroval aj neporušiteľnosť hraníc (čo bolo potvrdené v slovensko-maďarskej základnej zmluve podpísanej Vladimírom Mečiarom a Gyulom Hornom v roku 1995 v Paríži) zároveň však nadhodil problematiku autonómie maďarských menšín, čo vyvolalo ďalšie medzištátne konfrontácie. Rudolf Chmel, renomovaný slovenský hungarológ, v súvislosti s vnímaním autonómie slovenskou spoločnosťou vo svojej eseji (S predsudkami proti predsudkom alebo o trvácnosti stereotypov. In: Rudolf Chmel: Romantizmus v Globalizme. Kalligram, 2009.s. 420-433) načrtáva historické a psychické zázemie procesu vzniku slovenskej fobie z autonómie. Podľa neho ide o pojem silne zaťažený negatívnymi historickými traumami z medivojnového obdobia, keď hnutie slovenských autonomistov (ich vodca bol Andreja Hlinka) viedlo k vyhláseniu autonómie Slovenska 6. októbra 1938 a o pár mesiacov neskôr, 14. marca 1939 došlo k vyhláseniu Slovenského štátu. Tieto dve udalosti splývali vo vedomí Slovákov v tom zmysle, že podľa ich skúseností z autonómie ľahko môže byť samostatný štát. V konkrétnej súčasnej slovensko-maďarskej relácii požiadavka autonómie pre Maďarov žijúcich na Slovensku vo vedomí Slovákov sa spája s hrozbou z odtrhnutia južnej časti Slovenska, čo podľa Rudolfa Chmela možno vysvetliť aj traumou spôsobenou viedenskou arbitrážou. Predstavitelia súčasnej maďarskej nacionalisticko orientovanej politickej elity však neberú ohľad na citlivé stránky historickej pamäti susedných štátov a bez štipky empatie sa púšťajú do realizácie svojich národných cieľov týkajúcich sa zjednotenia Maďarstva (už nielen ponad hranice). Dvojtretinové víťazstvo Fideszu na parlamentných voľbách v apríli 2010 predurčovalo radikalizáciu menšinovej politiky. O tom svedčia už aj prvé opatrenia novej vlády: vyhlásenie dňa uzavretia Trianonskej zmluvy (4. júna) za pamätný deň, ktorý je zároveň aj dňom národnej spolupatričnosti. V znamení hesla "Zrastie v jedno to, čo patrí spolu" propaguje

Orbán zjednotenie všetkých Maďarov, čo mieni v praxi uskutočniť prostredníctvom zákona o udelení maďarského občianstva bez požiadavky trvalého pobytu v Maďarsku. Tento zákon s exteritoriálnym účinkom zabezpečuje volebné právo zahraničným Maďarom, ktorí môžu voliť, ale aj byť volení. Opozícia v tomto úsilí vlády vidí skôr možnosť rozdelenia a nie zjednotenia maďarstva a upozorňuje na nastávajúce vážne medzištátne konflikty vyplývajúce z obavy o integritu a suverenitu vlastného štátu.

Z vyššie uvedených slov vyplýva, že dejiny Slovenska sa z ďaleka nedajú zhrnúť v texte rozsahom 2 x 150 charakterov, čo umožňuje rámec dvoch SMS-iek. Mohli získať o tom skúsenosti aj moji študenti, veď keby na začiatku citovaný vtip mal svoju realitu, každý by zložil skúšku na výbornú. Keď si aspoň toto uvedomili, už nebol kurz o Slovensku, podľa mojej mienky, zbytočný.

Preložila Katarína Maruzsová Šebová

Použitá literatúra

- CHMEL, RUDOLF.
2009. Od Trianonu k Európskej únii. In: Rudolf Chmel: Romantizmus v globalizme. Kalligram. Bratislava, 2009. s. 377-420.
- CHMEL, RUDOLF.
2009. S predsudkami proti predsudkom alebo o trvácnosti stereotypov. In: Rudolf CHMEL.
2009. Romantizmsu v globalizme. Kalligram. Bratislava, 2009. s. 420-434.
- KATUS, LÁSZLÓ.
2008. Az öntudatosodás útja. Szlovák nemzeti mozgalom a soknemzetiségű Magyarországon. In: Rubicon 2008/4, s. 41-50.
- KISS GY. CSABA:
A Kárpátok felől. In: História. XX/9-10 s. 29-33.
- KOVÁČ, DUŠAN.
2001. Szlovákia története. Kalligram. Bratislava, 2001.
- LENDVAI, PAUL.
2011. Az eltékozolt ország. Noran Libro. Budapest, 2011.

MICHELKO, ROMAN.

2011. Kővérovo presvedčenie. In: Slovenské národné noviny. 25. júna 2011. s. 3.

ROMSICS, IGNÁC:

Illúziók és csalódások. Magyar békecélok és azok kudarca 1945-1947. In: História XXIX / 5-6, s. 23-28.

SZARKA, LÁSZLÓ.

1994. A szlovákok története. Bereményi Kiadó. Budapest, 1994.

VÁSÁRHELYI, MÁRIA.

2011. A huszonévesek és Trianon. In: Élet és irodalom. 3. júna 2011, s. 6.

-
- 1 Je to prejav špecifickej identity v multietnickom Uhorsku, približne do konca 18. storočia. Obsahuje v sebe lásku k spoločnej vlasti a lojalitu k nej bez ohľadu na národnú príslušnosť. Hungarus patriotizmus sa od konca 18. storočia diferencuje a postupne sa pretransformuje na národnú identitu.
 - 2 Túto myšlienku zastával medzi inými napríklad J. M. Hurban. Vo vedomí Slovákov ju zafixoval Vladimír Mináč vo svojej eseji Tu žije národ (1965).
 - 3 Viedenská arbitráž v slovenskej historickej pamäti má negatívne konotácie. V paláci Belveder vo Viedni, nemecko-talianska miešaná komisia vymedzila medzi Maďarskom a Československom hranice. V zmysle tohto rozhodnutia Maďarsko z odňatých území získalo naspäť 11927 štvorcových kilometrov a približne 1 milión obyvateľstva.
 - 4 V tejto tematike sa realizoval výskum v roku 2009 pod vedením uznávanej (liberálnej) sociologičky Márie Vásárhelyiovej. Témou výskumu bolo vnímanie trianonského problému mladou generáciou (vo veku 18-30 rokov). Sociologická hodnotenie výsledkov uvádza konštatovaním, že v maďarskej spoločnosti ešte stále nedošlo k trpezlivej (sebakritickej) interpretácii tejto historickej udalosti. Namiesto toho sa držia pri živote mýty a klamstvá, následkom čoho trianonský komplex Maďarov sa zneužíva pri aktuálnej vnútornej a zahraničnej politike aktuálnych vlád. Výskumníčka sa domnieva, že príčinou tohto stavu je, že oproti čoraz agresívnejšej populisticko-nacionalistickej rétorike pravicovo orientovaných politických strán (Jobbik, KDNP, Fidesz), lavicoví a liberálni politici neponúkli na riešenie trianonskej problematiky nijakú alternatívu. Preto v maďarskej verejnosti sa v posledných dvadsiatich rokoch zafixoval obraz Trianonu reprezentovaný pravičiarimi. Nie je teda prekvapením, že o príčinách vedúcich k Trianonu opýtaní majú veľmi povrchné a často mylné názory. Pre myslenie (nielen) mladej generácie je charakteristické hľadanie vinníka mimo seba a vrhanie zodpovednosti na vonkajšie okolnosti. Viac ako 53 percent respondentov si myslí, že Maďarsko sa nikdy nemôže zmieriť s následkami Trianonu. Len 43 percent opýtaných je toho názoru, že na súčasnom stave sa už nič nedá zmeniť. Mária Vásárhelyiová hodnotenie výsledkov výskumu uzatvára konklúziou, že v nasledujúcich rokoch iba tá politická strana sa môže stať alternatívou k súčasnej autokratickej moci, ktorá dokáže adekvátne odpovedať na to, ako má riešiť

Maďarsko ako člen Európskej únie problém Trianonu a Maďarov žijúcich v susedných štátoch. (Vásárhelyi Mária: A huszononévesek és Trianon. Élet és irodalom. 2011. június 3. 6.o.)

- 5 S obsahom tejto vety úplne súzvučí vyhlásenie predsedu maďarského parlamentu Lászlóa Kövéra, ktorý vyslovil v rámci interview poskytnutom pre české Hospodárske noviny. Pri otázke týkajúcej sa obáv slovenských politikov z revízie Trianonu sa povedal: "Je jasné, že maďarský národ sa nemôže vzdať žiadnej svojej súčasti, že Maďari na Slovensku v duchovnom a kultúrnom zmysle patria k nám. A tiež sa nemôže vzdať tej časti svojich dejín a kultúry, ktoré sa spájajú s týmto územím." Na otázku, ako si predstavuje riešenie trianonskej problematiky zareagoval nasledovne: "Keď prejdem po moste z Komáromu do severného Komárna, tak som tam rovnako doma ako v južnej časti. Alebo na hlavnom námestí v Rumunskom Kluži som tiež doma. Je to v duchovnom, kultúrnom či historickom zmysle aj moja vlasť." (Roman Michelko: Kövérovo presvedčenie. In: Slovenské národné noviny. 25. júna 2011. s. 3.
- 6 Sem zapadá napríklad aj koberec položený maďarským predsedníctvom Európskej únie v Rade Európy, znázorňujúci historický vývoj Maďarska, vrátane mapy Uhorska, kde patrilo kedysi aj Slovensko a časti Rumunska a Srbska. Demonštrovanie veľkomadžarskej idey ventilovaním možnosti revízie nie náhodou vyvolalo znepokojenie zainteresovaných susedných štátov.
- 7 Slovensko-maďarské vzťahy sú neodmysliteľnou súčasťou verejného diskurzu aj na internetových stránach. V súčasnosti na najpopulárnejšej verejnej stránke Facebook nájdeme rôzne zoskupenia v tejto téme. Pod už spomínaným sloganom "Som starší ako Slovensko" skoro osemtisíc ľudí sa podpisuje. K heslu "Preč s Trianonom" sa hlási sedemtisíc podporovateľov. Približne tristo internetových používateľov sa stotožňuje s heslom "Nenávidíme ťa, Slovensko." Dalo by sa pokračovať vo vymenovaní podobných negatívnych, nie raz až vulgárnych hesiel, ale spomeňme radšej aj pozitívne príklady. Pod titul "Spoločnosť Maďarov, ktorí majú radi Slovákov" sa podpisuje vyše štyridsaťtisíc členov. Približne šesťtisíc fanúšikov má zoskupenie Szlovákia + Magyarország = Peace, Love and Empathy (Béke, szeretet és empátia), a podobne.

Formy a možnosti pestovania národnostnej kultúry v Medeši

Pál Maruzs

Medeš (Medgyesegyháza) je malé mestečko, nachádzajúce sa v juhovýchodnom Maďarsku, ktoré v súčasnosti popri maďarskej väčšine obýva aj málopočetná slovenská komunita. V tomto dolnozemskom regióne s multietnickým charakterom spolu žijúce kultúry (maďarská, slovenská, rumunská, rómska, židovská) sa prelínajú, vzájomne sa ovplyvňujú, vytvárajúc tak svojrázny kultúrny fenomén. Už zo samotnej podstaty tejto miešanej kultúry živej z viacerých prameňov vyplýva jej otvorenosť a tolerantnosť voči inakosti, výsledkom čoho je neustále obohacovanie sa aj jej nositeľov. V takomto zmysle sa vyjadril pred niekoľkými rokmi v rozhlasovom interview medešský rodák, už nebohý akademický maliar Mihály Schéner, nositeľ Munkácsyho ceny: "Dolnozemský Slovák je preto taký nadaný, lebo jeho osobnosť formujú rôzne kultúrne elementy." Umelec sa priznal k svojim slovenským koreňom a evanjelickej viere a nazdával sa, že svoje zvláštne umelecké videnie môže ďakovať predovšetkým zmesi medešských slovenských, kétegyházskejších rumunských, elekských švábskych kultúrnych vplyvov. Nositelia miešanej kultúry čerpajú elementy z viacerých kultúrnych kruhov, čo im umožňuje realizáciu interkulturality v praxi.

V Medeši po roku 1989 sa čoraz častejšie v rôznych formách objavuje slovenská kultúra, ktorá síce v tejto obci je od konca 19. storočia prítomná, ale ktorá v posledných 50 rokoch 20. storočia sa dostala do úzadia, ba skoro upadla do zabudnutia. Prítomnosť slovenského elementu v týchto rokoch pripomínali už iba osobné mená (napr. Csicsely, Oravecz, Szpevár, Szlávik, Pilinszki, Bauko, Gyivicsán, Zsilinszky), niekoľko úžitkových predmetov, tkaniny a výšivky so slovenskými motívami, ako aj niektoré typické jedlá (mozgócska – polievka z kostnej driene; herovke- v masťi vysmažená sladká cestovina chystaná obyčajne žene po pôrode na krstiny¹). Odcudzenie sa od kultúry predkov je charakteristické pre Slovákov (aj pre ostatné národnosti) v Maďarsku. Ich odmietavý postoj k vlastnej slovenskosti je vysvetliteľný najmä asimilačnou politikou medzivojnového obdobia, následkom ktorej vzťah národností k svojmu jazyku a tradíciám

oslabol. Vznik takéhoto postoja úzko súvisí s postupným zánikom tradičného roľníckeho spôsobu života, ako aj urbanizáciou, odchodom vidieckeho obyvateľstva za prácou do miest, rozpadom tradičného rodinného modelu, modernizujúcim sa životným štýlom, napokon globalizáciou.

Vo svojom príspevku sa po krátkom historickom prehľade pokúsim o typologické určenie a charakteristiku ožívajúcej sa národnostnej kultúry v Medeši, ako aj o načrtnutie možností a foriem jej pestovania. Medeš z hľadiska národnostného zloženia je miešaná obec, ktorú obývajú Maďari a Slováci. Obec založilo 90 slovenských evanjelických rodín a 3 maďarské katolícke rodiny pochádzajúce z Békešskej Čaby², spolu 750 ľudí. Tieto rodiny boli pomerne dobre situované, veď mali úspory, ktoré používali na to, aby kúpili kráľovskou komorou vyparcelované územia na medešskej pustatine. Zmluva sa uzavrela v roku 1881-1882, ale k obsadeniu tohto priestoru došlo až v roku 1889. Noví obyvatelia sa v tomto roku púšťali do výstavby rodinných domov a do formovania tváre dediny, pritom postavili aj sálaše mimo centra usadlosti. V tom istom roku pozvali evanjelického farára Endre Zsilinského, ktorý nezištne a s veľkou empatiou pomáhal medešským veriacim v novom prostredí. V roku 1892 sa založila v obci samostatná evanjelická cirkevná obec, čo možno pokladať za medzník v živote tamjších obyvateľov. V Medeši už od roku 1883 funguje železnica a trh, čo zabezpečilo pružné obchodné a kultúrne vzťahy so susednými obcami. Podľa sčítania ľudu v roku 1920 Medeš mal 5504 obyvateľov, z toho 2660 Slovákov a 2096 Maďarov. V etnickom zložení dediny nastal výrazný posun v období československo-maďarskej výmeny obyvateľstva. V roku 1947 sa vrátilo do svojej materskej krajiny 997 obyvateľov slovenskej národnosti, čím značne oslabil slovenská komunita, zároveň príchodom vyhostených maďarských rodín z Československa zosilnel maďarský ráz obce.³ Obyvatelia slovenskej národnosti, ktorí ostali v Medeši a Maďari posunutí z Československa po začiatkových nedorozumeniach a konfliktoch sa zmierili s novou situáciou a harmonicky žili a žijú spolu aj dnes. Časom si uvedomili, že obidve strany boli iba prostriedkami veľkej politiky, preto nemali čo vyhadzovať jedna druhú na oči. Uzatvárali medzi sebou manželstvá a pod vplyvom maďarskej väčšiny sa postupne vytrácal slovenský charakter dediny.

Predtým ako pristúpime k analýze typických znakov súčasnej medešskej kultúry, zastavme sa na moment pri svojráznostiach dolnozemskej kultúry slovenských evanjelických kolonistov. Za jej východisko možno pokladať evanjelický spevník (Tranoscius), ktorý už prví kolonisti prinášali so sebou do svojej novej domoviny. Ľudová múdrosť, etické zásady a nábožnosť ako základné morálne hodnoty obsiahnuté v spevníku sú aj v našich dňoch vodidlom pre evanjelických Slovákov v Maďarsku, aj pre Medešanov. Táto duchovná tradícia sa miešala v priebehu času s elementmi už spomínaných kultúr, následkom čoho sa postupne vytváral fenomén dolnozemskej slovenskej kultúry. Z hľadiska jej osudov možno konštatovať, že počas jej skoro 300 ročnej existencie v následku rôznych historických a národnostno-politických procesov sa dostala do nevýhodnej pozície. Kultúrna politika po roku 1945 sa síce pokúsila napraviť chyby, ale uplatňovanie automatizmu a proletárskeho internacionalizmu v menšinovej politike toho času prinášalo len formálne výsledky. Pod vplyvom týchto podmienok v kruhu Slovákov v Maďarsku v jednotlivých obciach obývaných Slováckmi sa vytvárali rozdielne varianty slovenských kultúrnych modelov. Podľa Anny Divičanovej⁴ slovenské modely kultúry možno zaradiť do nasledujúcich typov: 1) ľudová kultúra, 2) cirkevná kultúra, 3) meštianska-elitná kultúra. V trojvrstvovom, najčlenitejšom modeli, kultúrne elementy viažuce sa k slovenskému jazyku nadobúdajú pozíciu vo vysokej, v cirkevnej aj v ľudovej kultúre. Takýto model reprezentuje niekoľko obcí v južných regiónoch Maďarska (Békešská Čaba, Sarvaš, Slovenský Komlós). V dvojvrstvovom modeli používanie materinského jazyka sa obmedzuje na cirkevnú a ľudovú kultúru, napríklad u novohradských Slovákov. V jednovrstvovom modeli etnická kultúra sa prejavuje výlučne iba v ľudovej kultúre. Tento typ predstavili do konca 40. rokov minulého storočia osady v okolí Budapešti, v Mátre, v Bukových horách v Zemplíne. Ak vyššie uvedené modely aplikujeme na slovenskú kultúru v Medeši, dochádzame k názoru, že patrí do posledného, jednovrstvového modelu. Na začiatku príspevku bolo spomenuté, že v posledných 50 rokoch 20. storočia sa z obce takmer úplne vytratila slovenská kultúra. To však neznamená, že sa vytratila aj z vedomia jednotlivcov. Pravdepodobne medešskí Slováci, predpokladajúc odmietajúci postoj dnes už drvivej maďarskej väčšiny voči prejavom slovenskosti alebo z pohodlnosti, či pod ťarchou negatívnych skúseností

z medzivojnového obdobia, uzatvárali sa do seba a pred verejnosťou nepreukazovali svoje slovenské väzby, nepoužívali slovenský jazyk, neprejavili nárok na znovuučenie sa materčiny a na kultúrnu aktivitu. V tejto súvislosti osobitný význam má zákon o právach národnostných menšín⁵, ktorý zaručuje právne a finančné podmienky zakladania a fungovania menšinových samospráv. Dôležitým aktom je novelizácia tohto zákona z roka 2005, prostredníctvom ktorej je možné vyhnúť sa anomáliám etnobiznisu. Menšinové samosprávy podľa sociologických výskumov (Hornokné, Uhrin Erzsébet: 2004, Homišinová, Mária: 2006) vo veľkej miere napomáhali revitalizácii menšinových kultúr. Aj údaje zo sčítania ľudu z roku 2001 potvrdzujú túto tendenciu.⁶ Nasledujúca tabuľka predstavuje údaje zo sčítania ľudu troch najväčších Slovákmi obývaných miest južného Maďarska rozšírené o údaje súvisiace s voľbami do menšinových samospráv v roku 2006 a 2010 a o údaje týkajúce sa Medeša.⁷

lokalita	Počet obyvateľstva	Identifikácia so slovenskou národnosťou	Identifikácia so slovenským jazykom	Počet registrovaných na národnostnú listinu v roku 2006	Počet registrovaných na národnostnú listinu v roku 2010
Békešská Čaba	67968	1687	1235	1016	316
Sarvaš	18497	466	162	1095	519
Slovenský Komlós	6547	1159	1175	988	736
Medeš	4098	35	73	90	105

Ukazovatele tejto tabuľky svedčia o klesajúcej tendencii identifikácie s materinským jazykom s výnimkou Slovenského Komlóša a Medeša. Tento výsledok poukazuje na to, že národnostný jazyk postupne stráca svoju etnointegrujúcu funkciu a jeho úlohu preberajú iné oblasti, ako napríklad etnogastronómia (klobásový, rejtešový, melónový, paprikový festival), ako aj obnovenie istých ľudových zvykov a tradícií. Pomer počtu obyvateľov a počtu

hlásiacich sa k slovenskej národnosti a k materinskému jazyku je v Békešskej Čabe a v Sarvaši na zamyslenie, najmä ak berieme do ohľadu drasticky klesajúci počet registrovaných občanov do menšinových samospráv v posledných dvoch volebných cykloch. V Slovenskom Komlóši je síce vyšší počet registrovaných na národnostnej listine, ale jednoznačne to naznačuje oslabnutú ochotu identifikovať sa so slovenskou národnosťou. Je to paradoxné, ak berieme do ohľadu pozitívne výsledky registrované pri sčítaní ľudu v roku 2001. Osobitne sa treba zmieniť o údajoch vykázaných v Medeši, kde oproti ukazovateľu z národnostných volieb z roku 2006 v ďalších voľbách nastal mierny nárast. Tento pozitívny obrat podľa mojej mienky prebiehal vďaka aktivitám tunajšej menšinovej samosprávy.

Medešskí Slováci si založili svoju samosprávu v roku 1994. Za prvú úlohu si vytýčili zbieranie a záchranu duchovného a predmetného dedičstva predkov. Členovia menšinovej samosprávy v kruhu svojej rodiny a priaznivcov zbierali úžitkové predmety, ktoré sa v slovenských domácnostiach zachovali a vystavili ich v modlitebni evanjelického kostola. Medzi najcennejšími exponátmi sa nachádzajú dve základné duchovné kultúrne kódy evanjelických Slovákov, v bibličtine napísaný už spomínaný Tranoscius a Funebrál (zbierka pohrebných piesní). Predsedníčka prvej slovenskej samosprávy, už nebohá učiteľka spevu a tanca Marta Zsírosová, spojila miestnych mladých ľudí a vytvorila tanečnú skupinu "Tavaszi"(Jar), ktorá na obecných podujatiach vystupovala so slovenskými ľudovými piesňami a tancami. Súčasná samospráva sa už mohla opierať o tieto základy. V roku 2005 odštartovala jazykový kurz, na ktorý sa prihlásili dvadsiati, medzi nimi aj tamojší evanjelický farár maďarskej národnosti, pochádzajúci z Rumunska. Počiatočný záujem a elán o štúdium jazyka však časom ochabol, čo viedlo k zániku kurzu. Po jeho zrušení najvytrvalejší štyria účastníci pokračovali v štúdiu slovenčiny v Slovenskom Komlóši. Iniciatívy samosprávy v iných oblastiach sú však úspešnejšie ako v osvojovaní si jazyka. Samospráva na mestských podujatiach ako napríklad melónový festival, deň mesta, hody, deň národností, deň detí, školský bál a cirkevné sviatky sa zviditeľňuje. Vo svojom pavilóne ozdobenom tkaninami a rôznymi textíliami so slovenskými motívmi členky a pomocníčky samosprávy v ľudovom kroji ponúkajú početným miestnym a vidieckym záujemcom už spomínané tradičné miestne slovenské jedlá. Pravidelne sa zúčastňujú ja na Dolnozemskom jarmoku,

usporiadanom každý rok v inom dolnozemsom centre, ba aj na Slovensku. Vyvíjajú aj benefičnú činnosť v prospech Medešu. Takouto úspešnou akciou bola napríklad zbierka na rekonštrukciu kostolnej veže. V súčasnosti pracujú na uskutočnení pamätného domu, v ktorom by predstavili záujemcom exponáty pochádzajúce zo zbierky realizovanej v polovici 90. rokov.

Na základe vyššie uvedených slov možno konštatovať, že prostredníctvom menšinovej samosprávy v Medeši sa po dlhých rokoch ticha znovu dostala do vedomia tunajšieho obyvateľstva slovenská tradícia. Postupným získavaním právnych kompetencií nadobúdala v kruhu minoritného a majoritného obyvateľstva svojej obce uznanie, čím sa zvyšovala prestíž slovenského kolektívu. To môže byť aj východiskom k formovaniu novej národnostnej identity korešpondujúcej so situáciou dnešného človeka, ktorý je stále viac konfrontovaný s nevyhnutnosťou pochopiť pluralitu vlastného subjektu.

Použitá literatúra

GYIVICSÁN ANNA – KRUPA ANDRÁS

1999 A magyarországi szlovákok. Budapest.

GYIVICSÁN ANNA

2001 A magyarországi szlovákok hagyományos kultúrájának változásai. Békéscsaba (106-108)

HOMIŠINOVÁ, MÁRIA

2006 Etnická rodina Slovákov, Chorvátov a Bulharov žijúcich v Maďarsku. Békéscsaba, 2006 (magyar nyelvű összefoglaló)

HORNOKNÉ, UHRIN ERZSÉBET

2004 A békéscsabai szlovák értelmiség anyanyelvhasználata. Békéscsaba, 2004

MEDGYESEGYHÁZA 1893-1993

1993 (Tanulmányok a nagyközség alakulás centenáriuma tiszteletére). Szerk: Szabó Ferenc. Nagyközségi Önkormányzat Medgyesegyháza, 1993 (67-92)

TILKOVSKÝ LORÁNT

1989 A szlovákok történetéhez Magyarországon 1919-1945. (Kormánybiztosi és más jelentések nemzetiségpolitikai céllal látogatott szlovák lakosságú településekről). Budapest, 1989

www.nekth.hu, www.luno.hu

-
1. Juraj Synčok: Komlóšsky slovenský výkladový nárečový slovník – Komlósi értelmező tájszótár. Slovenský Komlós. 2000. s. 90.
 2. Békešskú Čabu v roku 1718 znovu založili slovenskí kolonisti prichádzajúci z Horniakov, ktorí sa po vyhnaní Turkov usadili na vyľudnených čabianskych územiach. Ich odchod z pôvodnej domoviny motivovali hlavne dva dôvody: ako luteráni nemohli svoju vieru slobodne vyznávať v období protireformácie a preľudnené horské dediny im nezabezpečili živobytie. Na Dolnú zem prichádzali v nádeji slobodného vierovyznania a lepšieho života. Barón Juraj Harrukern, majiteľ pozemkov tohto regiónu im zabezpečil slobodné vierovyznanie a uľahčené danenie.
 3. Porovnaj: Medgyesegyháza 1893-1993 (Tanulmányok a nagyközséggé alakulás centenáriuma tiszteletére). Szerk.: Szabó Ferenc. Nagyközségi Önkormányzat Medgyesegyháza. 1993, s. 67-92.
 4. Gyivicsán Anna: A magyarországi szlovákok hagyományos kultúrájának változásai. Békéscsaba. 2001, s. 106-108.
 5. Zákon LXXVII. z roka 1993 o právach národnostných a etnických menšín si určil za cieľ zachovanie a rozvíjanie identity občanov hlásiacich sa k menšine. Jeho najpodstatnejším prínosom je, že uznáva právo minorít na kultúrnu autonómiu, ktorú môžu uskutočniť prostredníctvom svojich miestnych a celoštátnych samospráv prevádzkovaním vlastných inštitúcií. V tomto zákone sú zakotvené zásady, ktorými sa riadia oblastné a celoštátne menšinové samosprávy, práva a povinnosti poslancov, ako aj zdroje príjmov a kontrola hospodárenia. www.nekth.hu
 6. V porovnaní s výsledkami zo sčítania ľudu z roku 1990, údaje zo sčítania ľudu z roku 2001 vykazujú nárast počtu osôb hlásiacich sa k slovenskej národnosti. K zlepšeniu výsledkov napomohla aj skutočnosť, že použité dotazníky v roku 2001 ponúkali respondentom viac možností, ako určiť stupeň svojej národnostnej identity. Konkrétne to znamená, že občan si mohol vybrať nielen jednoznačné rozhodnutie sa buď pre slovenskú alebo maďarskú národnosť, ale dostal príležitosť sformulovať svoju situáciu omnoho presnejšie. Napríklad sa mohol prihlásiť k maďarskej národnosti, ale zároveň aj k väzbe so slovenskou kultúrou. Vďaka tomu bolo možné štatisticky zachytiť nielen tú skutočnosť, že vyše 17 tisíc ľudí sa hlási k slovenskej národnosti (V roku 1990 10.459 osôb sa hlásilo k slovenskej národnosti), ale aj fakt, že približne 70 tisíc ľudí si uvedomuje svoju spätosť so slovenským jazykom alebo so slovenskou kultúrou.
 7. www.nekth.hu, www.Luno.hu.

Dolnozemske tradície v románoch Pála Závadu

Katarína Maruzsová Šebová

Kompetentne sa orientovať v postmodernej literatúre a profesionálne ju interpretovať je ťažko mysliteľné bez informovanosti o dnes aktuálnych literárno-teoretických postupoch. V dielach postmodernej sa často tematizuje sám proces vzniku textu, pričom sa autor podieľa s čitateľom o vlastné spisovateľské dilemy, zavedúc ho aj do tajov svojich fabulačných trikov. Práve preto, že text postmodernej je plurálny, ponúka nespočetné interpretačné alternatívy i pre teoreticky menej vzdelaného čitateľa. Z tohto hľadiska nie sú výnimkou ani romány Pála Závadu (1954), ktorý uplatňovaním postmoderných stratégií textotvorby oživuje a znovu opisuje rozpadávajúce sa a vytrácajúce sa tradície dolnozemskej komunity žijúcej v juhovýchodnom Maďarsku. Vyzdvihuje ich na úroveň epického motívu, ktoré kladie do rôznych súvislostí románového príbehu. Týmto sa mu podarí posunúť ich z pasívnej pozície a uviesť do pohybu, respektíve aktivizovať, naplniť ich životom. Pál Závada sa predstavil čitateľskej verejnosti na Slovensku románmi *Jadviga párnája* 1997 a *Fényképész utókora* 2004 (v preklade Renáty Deákovej vo vydavateľstve Kalligram vyšiel *Jadvigin vankúšik* v roku 1999 a *Potomkovia fotografa* v roku 2010). V jeho poradí druhý román *Milota* 2002 je nie menej zaujímavý ako spomínané preklady, ale pravdepodobne kvôli komplikovanejšej kompozícii a narácii v kruhu čitateľov nedosiahol až taký nevídaný úspech ako jeho prvý román. Autor vo svojom poslednom románe *Idegen testünk* 2008 (*Naše cudzie teleso*) odbočil od svojho dôverne známeho inšpiračného prameňa, aby sa napokon vracal k nemu cez rozprávky *Sama Czambela* a Pavla Dobšinského zbierkou rozprávok *Harminchárom szlovák népmese* 2010 (*Tridsaťtri slovenských ľudových rozprávok*). Závadove texty vyznačujúce sa viacvýznamovosťou ponúkajú interpretovi skutočnú hraciu plochu, ktorá v rovnoprávnej pozícii s autorom sa môže podieľať z rôznych aspektov na tvorbe rôznorodých prečítaní. Vo svojom príspevku sa budem venovať problematike tematizovania dolnozemských tradícií na základe románu *Milota*.

Postmoderna na rozdiel od moderny, odmietajúcej tradíciu, vracia sa k nej a pripisuje jej dôležité miesto. Závada sa opiera o Gadamerovo¹ chápanie tradície,

ktorý ju pokladá za istú formu autority, ktorá sa však nezakladá na akte podriadenia sa jej, ale na akte uznania toho, že daná autorita má v istej oblasti vedomostný a skúsenostný predstih pred nami. Autorita sa viaže k osobnosti, ktorá sprostredkúva tradíciu. Takouto osobnosťou je napríklad Gregor Z Jadviginho vankúšika a báči Gyurko z románu Milota. Obidvaja patria medzi posledných svedkov, ktorých ešte oviol duch minulosti. Možno ich zaradiť do rodokmeňa vykonávateľov obradov. V Jadviginom vankúšiku tradície ešte mali funkciu, boli súčasťou každodenne zaužívaných obradov. Tematizujú sa v ňom predovšetkým svadobné zvyky, ako aj ľúbostné povery a praktiky žien. Oproti tomu autor v Milote sa sústreďuje na zvyky a povery viažuce sa k smrti. Možno to vysvetliť aj tým, že v románovom čase Jadviginho vankúšika (najmä v prvej polovici 20. stor.) spomínané zvyky boli ešte živé, kým v románovom čase Miloty (90. roky 20. stor.) možno sledovať len ich zlomky, ktoré sa vyskytujú už len výnimočne a sú chápané často mylne. V románe Potomkovia fotografa sa tradície už posunuli do albumu fotografií.

Vieme, že tradície len vtedy nadobúdajú funkciu v živote dnešného človeka, ak sa stávajú súčasťou jeho každodenného života. Pravda, nie v ich pôvodnej forme, ale prispôbované aktuálnemu životnému štýlu. Na otázku, v akých sférach sa núkajú možnosti románovým postavám na ich uplatnenie v praxi² hľadá odpoveď napríklad etnograf Ondrej Krupa. V tejto súvislosti treba zdôrazniť úlohu osobnosti autority pri odovzdávaní tradícií.³ Takouto osobnosťou, "tótum faktumom" je už spomínaný báči Gyurko, cez ktorého Pál Závada vyjadruje svoj postoj k tradíciám a načrtáva aj ich perspektívy. Na pozadí rozhodujúcich historických križovatiek prežívaných niekdajšími kolonistami prichádzajúcimi na Dolniaky z územia dnešného Slovenska, ako aj ich potomkami, vykresľuje medziludské vzťahy. Príbeh sa rozvíja v podobe dvojitého monológu napísaného na počítači Erkou Roszkošovou a nahrávaného na magnetofónovú pásku báčim Gyurkom. Môžeme tu hovoriť len o fikcii dialógu medzi nimi, nakoľko namiesto skutočných rozhovorov sme svedkami skôr dialógu medzi ich textami. Tu sa prejavuje istý hiát medzi písaným a hovoreným textom, ktorý sa manifestuje v nemožnosti ich vzájomného dialógu, pretože ich neustále vzájomné doplnenia (suplementum) novými informáciami vytvárajú rad ďalších hiátov. Nadhodí sa tu aj problematika vzťahu medzi písaným a hovoreným slovom. Pri tejto otázke sa

zdá, že sa Závada opiera o Derridovu interpretáciu Platónovho dialógu s nadpisom Phaedros, v ktorom Sokratés poučá Phaedrosa o nadradenosti živej reči nad písaním⁴. Derrida však vyvráti tento názor a poukazuje na to, že vlastne za každým jazykovým prejavom sa skrýva písanie. Platí to aj v súvislosti so subjektom, ktorý sa vytvára a existuje v sieti textov. Na základe toho vzájomne sa dopĺňujúce písané a hovorené monológy možno chápať aj ako prejav post-modernej textuality.

Vráťme sa však k tradíciám. V predchádzajúcej kapitole už bolo spomenuté, že spisovateľ v Milote sa venuje predovšetkým motívu smrti a k nej sa pripájajúcemu zvyku, bdeniu.⁵ Hľadá odpoveď na to, či vymretím vykonávateľov a odovzdávateľov kultúrneho dedičstva praotcov pominie aj samotné dedičstvo? O tomto probléme sa zamýšľa, keď uvedie do deja motív smrti a bdenia prostredníctvom Györgya Milotu. Pravda, v interpretovi vzniká podozrenie, že ide tu azda aj o "smrť" autora⁶, o spochybnenie jeho významotvornej funkcie v procese interpretácie. Báči Gyurko je reprezentantom staršej generácie ovládajúcej dolnozemskej tradície. Možno ho zaradiť do rodokmeňa vykonávateľov obradov: vševediach naničiek a mamoviek, báčikov a apkov typu Gregora alebo báčika Havrana.⁷ Pripravuje sa na smrť, ktorú chce privítať očistený od svojich starých hriechov. Chce sa vysporiadať so svojimi niekdajšími činmi a ich následkami, a podobne ako jeho predkovia, mieni si odovzdať aj svoj duchovný závet, svoje nahromadené skúsenosti a vedomosti potomkom, z oblasti dejín a mentality dolnozemsých Slovákov, z oblasti včelárstva, pestovania maku, ako aj iných kreatívnych činností, ktorými vytvárali hodnoty. Všetko to zhrnie do dôkladne premysleného scenára, vo forme kvázi testamentu. Nahráva ho na magnetofónovú pásku, ktorú si majú vypočuť jeho blízki (aj Erka) po jeho smrti. Predpokladá, že po správe o jeho smrti, podľa zvyku, v dome mŕtveho sa budú schádzať príbuzní, susedia a známi, aby vyjadrili svoju sústrasť pozostalým a porozprávali sa o okolnostiach smrti. Túto príležitosť pokladá za najvhodnejšiu preto, aby prítomných oboznámil svojím závetom. K bdejúcim sa sám prihovára z magnetofónovej pásky, čím spochybňuje samotný fakt smrti. Čitateľ zneistie, lebo okolo jeho údajnej smrti je veľa hmlistých momentov. Jej definitívnosť spochybňujú rôzne momenty. Pocit neistoty sa posilňuje najmä z toho dôvodu, že "hlas umrlca" sa vznáša medzi reálnym a metafyzickým priestorom, občas tieto dva protipóly sa

ozývajú paralelne, inokedy sa prelínajú a splývajú, zamotávajú situáciu. Závada tu stiera protikladné, k sebe nepriliehavé kódy s cieľom modifikovať tradičný význam. Pri tomto momente vidno, že popri primárnom význame smrti a bdenia chce povedať aj niečo iné. Položí jednotlivca do takého priestoru, v ktorom jeho hlas nadobúda všeobecnejšiu platnosť. Zdá sa, že autorovi udalosť bdenia je len zámienkou k tomu, aby si vyjasnil svoj vzťah k dolnozemským duchovným hodnotám a zároveň vyskúšal, ako sa pomocou postmoderných textotvorných postupov možno ich re-konstruovať. Keďže báči Gyurko je v jednej osobe zosnulým, ale aj realizátorom bdenia, analýza obradu opísaného v románe sa môže uskutočniť len cez jeho osobu.

Na prejavoch báčiho Gyurka môžeme sledovať stopy krízy postmoderného subjektu, čo odkazuje na jeho polymorfný charakter. Počas svojho príhovoru neustále premieňa svoju pozíciu, v rozličných situáciách sa objavuje v rozmanitých maskách, čím sa zvyrazňuje jeho fragmentárnosť. V jednej osobe reprezentuje viac subjektumpozícií:

umrlec – revenant ⁸ Túto pozíciu podčiarkuje sám "hlas umrlca", z ktorého vidno, že pozná poverby súvisiace s revenantom a je načisto aj reakciou ľudí : "Dúfam, že nikto z vás sa nezľakol; Mamovka Korimová a ostatní, nebojte sa; Nechcel som paniku; Slovom, nemal som v úmysle vás strašiť" ⁹ Príčin jeho návratu je viac. Z nich spomeniem len niektoré: a/ predviesť tradičný priebeh bdenia (ako súčasť jeho duchovného závetu), aby si prítomní zapamätali jednotlivé kroky, ktoré zároveň aj kontroluje; b/vyjasniť si závažné rodinné záležitosti, c/ určiť úlohy potomkov pri uchovávaní dolnozemských tradícií.

Starejší – ovláda všetky detaily rituálu. Vedie, usmerňuje udalosti. Jeho úlohou dnes je, aby sa postaral o dôstojný priebeh obradu. Do hlasu revenanta sa mieša hlas starejšieho. Začína otázkami, ktorými kontroluje dodržiavanie formálnych predpisov smútku.: "Stiahli ste aj špalety?"¹⁰...Zakryli ste zrkadlo?"¹¹ Na tieto otázky odpovie text Ondreja Krupu: "V Slovenskom Komlóši položili čiernu plachtu aj na dvere, aby dali na javo, že tu leží mŕtvy...čiernou látkou zakryli zrkadlo..."¹².

Ďalšími otázkami, pokynmi, rozkazmi a pripomienkami sa naskicuje scenár bdenia. Po formálnych požiadavkách nasledujú obsahové: "Pri takej príležitosti je zvykom, aby sme začali spevom. Začnime!"¹³ "Jednu, dve aj z Transcisia, ale

v tom je kompetentný skôr Hrdlička báči"¹⁴ Krupa: "Dávnejšie bdenie viedol starejší.....oznánil začiatok piesne, respektíve sám začal spievať. Na pohrebe spievali pohrebné piesne z Tranoscia, ktoré začala žena alebo muž s dobrým hlasom."¹⁵ Pripomenie aj tradičný poriadok sedenia: "mamovky tam vzadu"¹⁶ Text tu odkazuje na oplakávačky. Podotkne trvanie rituálu: " Nemusíte sa ponáhľať domov, kedysi bdenia trvali celú noc."¹⁷ Krupa: "V minulosti bdenie trvalo aj do polnoci"¹⁸. Nevynechá ani pohostenie: "Mariška, teraz už môžeš ponúkať pálenku a pagáče....pre vodičov podávaj fantu a sprajt."¹⁹ Krupa: "Čas podávania jedla domáci sa dohodli so starejším, ktorý ho oznámil.....Teraz podávajú pálenku a pagáče."²⁰

Na základe jeho otázok a pokynov sa dajú sledovať pôvodné významy bdenia. Dá sa povedať, že Závada takmer doslova prebral od Ondreja Krupu²¹ najdôležitejšie elementy praobraďu, ale aj jeho dnešné, modifikované zlomky zabudoval do svojho textu.

Showman – je populárnou mediálnou osobnosťou dnes obľúbeného žánru, show, ktorej hlavným cieľom je zabávať, prekvapiť a zachvátiť obecenstvo. Skladá sa z drobných epizód, ktoré navlečie na spoločnú niť svojím uvádzacím a spojovacím prejavom showman. Gyurka báči z pozície revenanta a starejšieho pokukáva aj po manieroch showmana, z ktorých niektoré aj preberá. Ceremoniu bdenia možno chápať aj ako iluzionistickú show a účastníkov ako jej obecenstvo. Na predstavení najväčšou atrakciou je sám showman, ktorý preskakuje z jednej dimenzie do druhej. Tajuplnosť situácie zvyrazňuje aj tým, že manipuluje technickými možnosťami, aby dosiahol väčší efekt: "Polož dve stolné lampy na skriňu, síce som položil stovky žiarovky do lustra, ale podľa mňa, ňaničky ani tak nebudú mať dosť svetla"²² Nie je isté, že mamovky tam vzadu dobre počujú. Obráť smerom k nim reproduktory, aby lepšie počuli²³ Pod starostlivosťou, ktoré prejavuje voči starším bdejúcim sa skrýva aj snaha vystupňovať napätie a pôsobiť na zmysly. Využívanie svetelných a zvukových efektov pripomína typické vyjadrovacie prostriedky dnes módného televízneho žánru show. Gyurka báči týmto sa stáva v jednej osobe aj starejším aj showmanom. Metamorfóza subjektumpozícií je znakom rozpoltenosti subjektu, čo smeruje k otázke identity. Podľa Závadu nemožno odpovedať jednoznačne na otázku, kto som? Preto zobrazuje človeka v rôznych subjektumpozíciách. Ponúka mu možnosť výberu.

Ktorú alternatívu si vybrať, veď všetky môžu byť naraz v človeku? Autor preferuje zmiešanú identitu a viackultúrnosť, čo je v našom regióne prirodzené. V tomto zmysle pojmy starejší a showman splývajú.

Po vzájomnom krížení sa subjektumpozícií všimajme si miešanie prvkov rozličných žánrov a štýlov:

Spájanie náboženských a profánnych prvkov:

Ako starejší, báči Gyurko sa rozhoduje o tom, ktorá pieseň sa má spievať. Piesne vyberá z evnajelického spevníka, z ktorých niektoré v ňom vyvolávajú samopašné spomienky na svoju mladosť. "Už odchádzam do sveta radosti", "túto pieseň sme vždy mali radi, pamätáš sa? Keď sme boli sotva rok manželmi, na pohrebe suseda Šranku počas spevu, v našom lone pod pokrovcom, lebo bola zima."²⁴

Spájanie náboženských a komických prvkov:

Citát zo spevníka "Keď príde naša hodina, ty nás prichýliš"²⁵ hlas údajného zosnulého pripomienkuje komicky ladenou poznámkou: "Samo, nerehoc sa, to tak necháp"²⁶. To poukazuje na to, že autor sa pohráva s nami a to, čo povie, neznamená to, na čo v prvom momente myslíme, respektíve okrem toho má veľa iných významov.

Spájanie obradových prvkov so zlomkami ľubostných čarov:

Plynulý sled obradových krokov sa presekáva poznámkou vzťahujúcou sa ľubostným povier a praktík: "Marka moja, musím plnými ústami, lebo tento pagáč je zase taký dobrý, iste si napľula doňho. Dochutila si ho svojou jemnou slinou."²⁷

Spájanie starého s novým:

V úlohe starejšieho báči Gyurko oznamuje nadpis a číslo spevu: "Már búcsút veszek tőled, te mulandó világa"²⁸/Už opúšťam pominuteľný svet/;csíszlo 361 v novom funebráli 505 az új énekeskönyv 598. oldalán"²⁹. Nadpis piesne uvádza po maďarsky, ale číslo spevu a pomenovanie spevníka, v ktorom sa nachádza, povie po slovensky. To poukazuje na to, že určité elementy tradície sa zafixovali tak silne, že do dnes sa zachovali. Funebrál predstavuje minulosť, nový evanjelický spevník v maďarčine súčasnosť.

Na základe toho, čo sa doteraz povedalo, možno konštatovať, že opis bdenia možno chápať aj ako jeho paródiu. Ak by sme chceli dostať odpoveď na otázku, či na konci románu báči Gyurko zomrie, márne by sme si robili nádeje, veď ani sám autor si nie je v tom istý (o tom svedčí jeho odpoveď na otázku čitateľa, ktorá odznela na stretnutí spisovateľa s čitateľmi). Na základe postmoderného chápania subjektu, existujúceho v sieti textov, mohlo by sa predpokladať, že báči Gyurko "prežil" svoju zdanlivú smrť. Na to môže poukázať napríklad tento citát: "Čítal som a papuľoval celý život, ale času je už málo, preto teraz len papuľujem." ³⁰ Reční, teda žije. Druhý čitateľ však môže dôjsť k inej interpretácii.

Závada vychádza z dolnozemskej tradície, sústavne sa odvoláva na ne, pritom neustále poukazuje na to, že v dnešnom svete za celkom iných okolností treba k nim tvorivo pristupovať a podľa súčasných trendov ich prepisovať. Hľadá možnosti, perspektívy duchovného dedičstva otcov v 21. storočí. Ondrej Krupa vo svojom článku /poznámka č. 2/ vymenúva oblasti vhodné na oživenie dolnozemskej kultúry. Má na mysli hlavne amatérske ľudovo-umelecké súbory. Domnievam sa, že aj literárny text môže byť vhodným terénom na revitalizáciu svojráznej kultúry Slovákov v Maďarsku. Ako už bolo uvedené, Závada čerpal z národopisnej literatúry. Citoval z nej obsahovo nosné vety, ktoré mu boli vodiacom niťou pri prepisovaní rituálu bdenia. Vymierajúci zvyk vytrhol zo statickej polohy. Vo forme literárneho motívu ho uviedol do pohybu a zapojil do krvného obehu európskeho literárneho pohybu. Takto stavajúc na výskumoch Ondreja Krupu komlóšske zvyky intertextuálne sa dostali do povedomia širokej čitateľskej obce.

Použitá literatúra:

- BARTHES, ROLAND.
2001. A szöveg öröme. Osiris. Budapest. 2001. s. 50-55.
- DERRIDA, JACQUES.
1998. Platón patikája. In: Derrida: Disszemináció. Jelenkor. Pécs. 1998. s. 61-154.
- EVANGÉLIKUS ÉNEKESKÖNYV.
1986. Budapest.
- GADAMER, HANS-GEORG.
2003. Igazság és módszer. Osiris. Budapest, 2003. s. 299-319.
- DIVIČANOVÁ, ANNA.
2002. Dimenzie národnostného bytia a kultúry. Békešská Čaba. 2002. s. 32-44.
- KRUPA, ONDREJ.
1988. Poverový svet Slovákov v Juhovýchodnom Maďarsku. Bp. 1988. s.113-134.
- KRUPA ONDREJ.
1997. Ľudové zvyky /Smrť a pohreb/ In: Z minulosti Slovenského Komlóša. Red. Gerbócová. Bratislava. 1997. s. 170-171.
- KRUPA, ONDREJ.
2001. Tendencie Zanikania kalendárnych obyčají a ich súvislosti s premenami v spoločnosti a v životnom spôsobe. Národopis Slovákov v Maďarsku. 2001.17. s. 11-26.
- KRUPA, ONDREJ.
2000. Pavel Gajdács a folklórne prvky jeho monografie o Slovenskom Komlóši In: 250 rokov v Slovenskom Komlóši 1996. Red. Ján Chlebnický 2000. s. 101-113.
- KRUPA, ONDREJ
2000 Humor ľudu. Békešská Čaba.
- ZÁVADA, PÁL
1997 Jadviga párnája. Budapest. Magvető.
- ZÁVADA, PÁL
2002 Milota. Budapest. Magvető.

-
1. Porovnaj: H. G. Gadamer: Igazság és módszer. Osiris. Budapest. 2003. p. 299-319.
 2. Ondrej Krupa vo svojej štúdií Tendencie zanikania kalendárnych obyčají Slovákov v Maďarsku rozoberá túto problematiku. Na základe svojich bohatých skúseností dochádza k záveru, že pokusy o oživenie zvykov prinášajú len dočasné výsledky . Národopis Slovákov v Maďarsku. 2001. 17. s. 11-26.

-
3. Anna Divičanová v článku Otázka „spontánnosti a kultúrneho zásahu,, In: Divičanová: Dimenzie národnostného bytia a kultúry. Békešská Čaba. 2002. s. 32-44. v procese transmisie pripisuje rozhodujúcu úlohu osobnostiam, ktoré sú iniciátormi oživenia kolektívnych ľudových zvykov. Možno s ňou plne súhlasiť, veď v rozvíjaní národnostných tradícií aj v minulosti napr. Judita Tomková, ale aj ďalšie, dnes už nebohé osobnosti napr. Ondrej Lopusnyi, Anna Medovarská, Pavol Lauko a iní zo Slovenského Komlóša zohrávali nepostrádateľnú úlohu. Každý slovenský kolektív má svoje osobnosti. Bez nároku na úplnosť som vymenovala z nich len niektoré a zámerne zo Slovenského Komlóša, a to z toho dôvodu, že dej interpretovaného románu je situovaný do tejto obce.
 4. Pozri Jacques_Derrida: Platón patikája. In: J. Derrida: A disszemináció. Jelenkor. Pécs. 1998. s. 61-154.
 5. "Smrť" popri svojom základnom obsahu (prísť o život) znamená zánik, pominutie, rozklad, rozpad, deštrukciu a vyvoláva pocit neodvratnosti, nezmeniteľnosti a definitívnosti. Závada postmodernisticky popiera jej stabilný význam, keď údajnému zosnulému báči Gyurkovi umožňuje voľne prestupovať hranice záhrobia a reálneho sveta.
 6. "Bdenie" (sedenie pri mŕtvom) vo svojom konotačnom registri nadobúda symbolický význam, nakoľko evokuje človeka-strážcu istých ideálov, hodnôt, snáh. Medzi strážcov dolnozemskej kultúry sa tradične zaraďujú spisovatelia a básnici, ale sem patria aj vedci, učitelia, umelci, zberatelia kultúrnych pamiatok a v neposlednom rade známe osobnosti, jednotlivci a skupiny z kruhu jednoduchých ľudí, ktorí držia pri živote tradície. Literárne spracovanie motívu smrti a bdenia podľa môjho názoru najvýraznejšie odzrkadľuje proces prehodnotenia a prepisovania ich tradičných významov.
 7. Roland Barthes: A szerző halála. In: R. Barthes: A szöveg öröme. Osiris. Budapest. 2001. s. 50-55.
 8. Gregor je vševedom v románe Pála Závada Jadvigin vakušik. Rozumie prírode, pozná staré zvyky, na všetky problémy nájde vysvetlenie a riešenie v ľudovej múdrosti. Báčik Havran je prototypom dolnozemskeho Slováka v románe Pavla Kondača Hrbolatá cesta. 1984.Bp.
 9. Ondrej Krupa uvádza pojem vo svojej knihe Poverový svet Slovákov v juhovýchodnom Maďarsku. Bp. 1988. Revenant je poverová bytosť, mätajúci zosnulý, ktorý sa vracal domov z rozličných príčin, ale najčastejšie preto, aby dokončil svoju začatú prácu, aby dával do poriadku rodinné záležitosti, alebo aby vyčítal niečo svojej rodine.
 10. Závada: Milota. s. 690.
 11. Závada: Milota. Bp. 2002. s.690/Ďalej Závada: Milota. s./
 12. Závada: Milota. s. 692.
 13. Krupa: Poverový svet Slovákov v Juhovýchodnom Maďarsku. Bp. 1988. s.120./Ďalej Krupa: Poverový..s./
 14. Závada: Milota. s.691.
 15. Závada: Milota. s. 697.

-
16. Krupa: Ľudové zvyky /Smrť a pohreb/ In: Z minulosti Slovenského Komlóša. Red. J. Gerbócová. Bratislava. 1997. s. 170. 171./ Ďalej Krupa: Ľudové zvyky..s./
 17. Závada: Milota. s. 693.
 18. Závada: Milota. s. 699.
 19. Krupa: Ľudové zvyky. s. 170.
 20. Závada: Milota. s. 696.
 21. Krupa: Ľudové zvyky. s. 170., 171.
 22. Krupa: Poverový...s. 113-128.
 23. Závada: Milota: s. 691.
 24. Závada: Milota. s. 693.
 25. Závada: Milota. s. 692.
 26. Závada: Milota. s. 692. /Citát autor prebral z evanjelického spevníka. Evangélikus énekeskönyv. Bp. 1986. s 601.
 27. Závada: Milota. s. 692.
 28. Závada: Milota. s. 696.
 29. Evangélikus énekeskönyv. s. 598.
 30. Závada: Milota. s. 691.
 31. Závada: Milota. s. 25.

Hudba na území Slovenska v období baroka¹

Karol Medňanský

Obdobie 17. storočia a prvej polovice 18. storočia, spadajúce do epochy baroka, bolo na našom území bohaté na významné politické udalosti, ktoré vo veľkej miere ovplyvnili aj vývoj hudby. Na začiatku 17. storočia vrcholí hudobný rozkvet podmienený rozmachom reformácie. S nástupom protireformácie od 20. rokov 17. storočia, sú spojené početné stavovské povstania šľachty – Štefana Bocskaya (1604-1606), Františka Rákocziho I. (1670-1671), Imricha Thökölyho (1670-1680). Protireformácia sa prejavila predovšetkým v činnosti arcibiskupa P. Pázmánya v rokoch 1616-1637 a je tiež výrazným spôsobom spojená s vládou cisára Leopolda I. od jeho nástupu na trón v roku 1655. Bola zničená rozvinutá štruktúra evanjelického školského systému, na druhej strane bola v roku 1635 založená univerzita v Trnave. Po duchovnej stránke možno považovať 17. storočie ovplyvnené protestantizmom a prvú polovicu 18. storočia katolíckou vierou.²

1 Hudobný život

V baroku niesol hudobný život na našom území podobné znaky ako tomu bolo v renesancii – hlavnými nositeľmi boli mestá, cirkev a šľachta. Treba však konštatovať, že jednotlivé centrá hudobného života častokrát spolu navzájom spolupracovali. Dialo sa tak hlavne v momente, keď jednotlivé kapely nemali dostatočný počet hudobníkov potrebných na uvedenie skladby väčšieho nástrojového obsadenia.

Základ hudobnej kultúry v meste tvorili mestskí trubači, naďalej organizovaní v cechoch.³ Popri tom, že ovládali dychové nástroje, hrávali aj na sláčikových nástrojoch a dokonca aj na klávesových nástrojoch. Ich repertoár bol veľmi rôznorodý. Popri signálnej a fanfárovej hudbe, hrávali aj do tanca, či dokonca v kostoloch. Okrem nich v mestách naďalej vystupovali pri rôznych príležitostiach aj potulní hudobníci, ktorí putovali z jedného mesta do druhého, pričom účinkovali aj v šľachtických a cirkevných sídlach.

V cirkevnej oblasti majú významné postavenie organisti a kantori. Tento post vykonávali na našom území v 17. storočí všetci významní hudobníci, z ktorých

mali dominantný význam hlavne Ján Šimrák, Johann Kusser a Zachariáš Zarewutius.⁴

Z reholí sa o rozvoj hudby najvýznamnejšie postarali jezuiti. V ich archívoch sa nachádzajú tlačené noty vedúcich európskych skladateľských osobností vydaných v najvýznamnejších vtedajších vydavateľstvách.⁵

Výrazným javom je vznik šľachtických kapiel, z ktorých dominovala kapela prímasa I. Esterházyho. Oproti európskemu vývoju, sa menšej popularite tešila opera.

Z hudobných centier menujme hlavne korunovačné mesto Bratislava, kde zohrávala významnú úlohu v oblasti cirkevnej hudby aj tamojšia kapitula. Protipólom Bratislavy bol v 17. storočí Spiš, ako centrum protestantskej hudby. Pôsobili tu vynikajúci hudobníci – Caspar Plotz, Samuel Marckfelner, Ján Zarewutius ml. a i.⁶ Medzi významné spišské hudobné centrá patrili Levoča, Kežmarok, Ľubica a Podolíne. Významné miesto medzi historickými prameňmi zohráva *Levočská zbierka*. V repertoári sa objavujú diela vedúcich osobností protestantského baroka – Heinricha Schütza (1585-1672), Michaela Praetoriusa (1571-1621), Samuela Scheidta (1587-1654) a ďalších. Z ostatných centier mali výbornú úroveň Košice, Prešov, ale aj banské mestá – Kremnica, Banská Bystrica, Banská Štiavnica a Krupina.

Z reholí zohrali výraznú úlohu františkáni, pretože pestovali hudbu hlavne z vlastných radov a z vlastnej produkcie. Na druhej strane piaristi mali vo svojom repertoári diela najvýznamnejších dobových európskych skladateľov – Antonio Bertali (1605-1669), Heinrich Ignaz Franz Biber (1644-1704), Antonio Vivaldi (1678-1741), Georg Philipp Telemann (1681-1767).⁷

2 Rozvoj nástrojárstva

Zo stavby nástrojov má dominantné postavenie organárstvo, ktoré u nás dosiahlo mimoriadnu úroveň, porovnateľnú s ostatnou Európou. Krakovský majster Hans Hummel postavil v rokoch 1624-1629 v chráme sv. Jakuba v Levoči organ, ktorý bol do polovice 19. storočia jeden z najväčších v Uhorsku.⁸ V Banskej Bystrici pôsobili od 17. storočia stavitelia organov: Johann Vest (1717-1784), Juraj Demicher (*1650- ?), Martin Podkonický (1709-1771). Stavali pre Slovensko typické jednomanuálové pozitívy s krásnym sýtim tónom. Bratislava bola už od prvej polovice 17. storočia strediskom stavby sláčikových

nástrojov a strunových nástrojov. Už v prvej polovici 17. storočia tu pôsobil významný staviteľ lutien G. Mali.⁹ Významné sú však aj bratislavské husliarske rody Thierovcov a Leebovcov, ktorých nástroje sa vyznačovali mimoriadnou kvalitou a sú interpretmi vyhľadávané a vysoko cenené až do súčasnej doby.

3 Rozvoj nototlače

Dôležitým centrami nototlače boli Levoča, Bratislava, ako aj jezuitské tlačiarne v Trnave a v Košiciach. Jezuiti boli vo vydávaní nôt mimoriadne aktívni predovšetkým v oblasti spevníkov. Vari najvýznamnejšou tlačiarňou bola Brewerova tlačiareň v Levoči, ktorá vydala dva najdôležitejšie kancionály barokového obdobia – *Cithara Sanctorum* (1636) a *Cantus Catholici* (1655). Brewerovská tlačiareň¹⁰ vydávala na vysokej úrovni aj rôzne príležitostné tlače s hudbou.¹¹ Treba však konštatovať, že pre šírenie hudby malo nielen v 17. storočí, ale aj v neskoršom období nezastupiteľné miesto predovšetkým odpisovanie nôt.

4 Skladateľské osobnosti

V období baroka pôsobilo na našom území celý rad skladateľov, ktorí rozširovali predovšetkým evanjelickú cirkevnú hudbu¹² o vlastné hudobné diela.

Ján Šimrák (†1657) – stretávame sa s jeho menom aj v podobe Šimbracký – pôsobil od roku 1630 ako organista v Spišskom podhradí. Zachovalo sa od neho asi 50 skladieb, ktoré sa hrávali aj v Bardejove a v Prešove. O význame jeho tvorby svedčí fakt, že sa dokonca uvádzali aj v Sedmohradsku. Pod vplyvom nemeckej cirkevnej hudby dokonale ovládal techniku polychorickéj sadzby, čoho dôkazom jeho 7-hlasné moteto *Extollens vocem*.¹³

Zachariáš Zarewutius (okolo 1605-1667) pôsobil v Bardejove, kam prišiel zo Spišskej Novej Vsi, asi 40 rokov. Z jeho tvorby sa zachovalo asi 20 diel, ktoré pôsobia oproti J. Šimrákovi podstatne konzervatívnejšie. Jedným z jeho vrcholných diel je 8-hlasný nemecký magnifikat *Meine Seele erhebt den Herren*, v ktorom použil aj 2 obligátne trombóny.¹⁴

Samuel Marckfelner (1621-1674) pôsobil ako organista v Levoči. Zachovali sa jeho organové skladby predstavujúce spracovanie nemeckých chorálov. Svedčia

o jeho dokonalom ovládaní dobovej poetiky a výbornom ovládaní skladateľskej techniky. Bol výborným improvizátorom.¹⁵

Vari najvýznamnejšou osobnosťou bol Samuel Capricornus (1628-1665), ktorý pôsobil v rokoch 1651-1657 ako hudobný riaditeľ v evanjelickom kostole v Bratislave, kde skomponoval viac ako 100 skladieb. Európske úspechy zaznamenal ako kniežací kapelník v Stuttgarte. V jeho polyfonických skladbách zohrávajú v medzihrách významnú úlohu hudobné nástroje, čím nadviazal na dobové skladateľské tendencie.

Johann Kusser st. (1626-1696) pôsobil v rokoch 1657-1672 v Bratislave, odkiaľ odchádza nútene do Stuttgartu. Zachovalo sa len veľmi málo jeho diel. Jeho skladateľské dielo sa svojou umeleckou kvalitou blížilo ku Capricornovi. Po inštrumentálnej stránke sú jeho skladby skromnejšie, avšak vyžaduje mimoriadne nároky od spevákov, čo svedčí o jeho dokonalom ovládaní zákonitostí vokálnej barokovej sadzby.¹⁶

Zaujímavou osobnosťou hudobných dejín je Daniel Sinapius Horčíčka (1640-1688), ktorý žil do roku 1683 v exile. Jeho príležitostná zbierka *Plausus poli et soli* – Wittenberg 1660 obsahuje áriu *Hortum fort tonum – Chorda nostra*, ktorá nesie všetky znaky nemeckej barokovej árie. Formovo sa skladá z trio vo koncipovanej sinfonie a stroficky usporiadanej sólovej árie sprevádzanej iba generálnym basom, ktorú by sme mohli skôr označiť ako pieseň. Na celej kompozícii zaujme mimoriadne vyspelá skladateľská technika jej tvorcu.¹⁷

Ján Francisci (1695-1758), jediný významnejší skladateľ v prvej polovici 18. storočia na našom území. Pôsobil v Banskej Bystrici, z jeho tvorby sa zachovalo iba veľmi málo jeho diel. Je historickou skutočnosťou, že navštívil osobne nielen Johanna Sebastiana Bacha (1685-1750), ale aj Johanna Josepha Fuxa (1660-1741).

Ján Matejovič (1741- ?) odchovanec jezuitov, pôsobil ako učiteľ a notár v Záhorskej Bystrici. Z jeho tvorby známa *Sinfonia* pre sláčikový orchester, svedčiaca o vysokej miere jeho skladateľského nadania. Táto trojčasťová *Sinfonia* však už nesie znaky raného klasicizmu. Svojou triovou sadzbou a zaujímavou riešenou strednou pomalou časťou signalizuje mimoriadne nadanie jej tvorcu.

Pantaleón Roškovský (1734-1789), príslušník františkánskej rehole, bol predovšetkým vynikajúcim hráčom na klávesové nástroje. Z jeho diela sa

zachovalo 5 omší, 3 antifóny a viacero drobnejších skladieb. Pôsobil v Bratislave, Györi, Nových Zámkoch a v Pešti.

P. Georgius Zrunek (1736-1789), člen františkánskeho rádu, bol vynikajúcim kopistom. Z jeho diela sú najcennejšími dve vianočné omše zo zborníka *Harmonia Pastoralis* donedávna pripisované Edmundovi Pachovi (1714-1772).

Páter Paulín Bajan (1721-1792), člen františkánskej rehole, pôsobil v kláštoroch v Skalici, Hlohovci a Beckove. Podľa vlastných slov sa považoval hlavne za kazateľa. Pre potreby provincie napísal asi 14 hudobných zborníkov.

5 Duchovná pieseň

V období baroka naďalej v oblasti duchovnej hudby významnú úlohu zohráva gregoriánsky chorál. Popri tom sa však presadzuje aj figurálna hudba reprezentovaná v katolíckej konfesii hlavne tvorbou omší z pera františkánskych skladateľov, ako boli P. František Vogler (okolo 1623-1688) a P. Kazimír Vogler (1620-1664). Ich tvorba sa vyznačuje bohatstvom melizmov a hudobných nápadov, pričom ide evidentne o kompozičné postupy prevzaté od susednej rakúskej provincie františkánov.¹⁸

Dôležitú úlohu v oblasti duchovnej hudby zohrali aj kancionáli, spevníky jednoduchého veriaceho ľudu. Nezastupiteľnú úlohu zohrala v evanjelickej oblasti *Cithara Sanctorum* Juraja Tranovského (1592-1637),¹⁹ ktorá bola od 1636 vydaná iba v 17. storočí ešte 8-krát. K najdôležitejším vydaniam patrilo nesporne vydanie Daniela Sinapia Horčíčku²⁰ z roku 1684 v Levoči, keď toto vydanie doplnil o vlastné piesne, ako aj preklady nemeckých a poľských piesní. Pôvodne obsahovala *Cithara Sanctorum* 411 piesní z toho bolo 159 notovaných.²¹

Katolíckym pendantom *Cithary Sanctorum* je *Cantus Catholici*, ktorý vyšiel v maďarčine už v roku 1651, pričom v 17. storočí vyšlo ďalších päť vydání. V roku 1655 vyšiel v Levoči v Brewerovej tlačiarňi v slovenčine. Neprekvapuje skutočnosť, že tento spevník vyšiel zásluhou jezuitov, zaujímavejšia je však skutočnosť, že okolo 100 piesní je spoločných s *Cithara Sanctorum*.²²

6 Svetská hudba v 18. storočí

Svetská hudba, reprezentovaná hlavne dobovými tancami, sa pestovala predovšetkým v prostredí nižšej šľachty. Zaujímavosťou je ich zápis, keď je

zapísaný iba jeden hlas určený pravdepodobne husliam, ostatné hlasy sa improvizovali. Dôležitým druhom sú aj zborníky pre klávesové nástroje, ktoré sa už zapisovali moderným notopisom, nie tabulatúrou.

Výrazným dobovým dokladom pestovania tanečnej hudby je *Zbierka tancov a piesní Anny Szirmay-Keczerovej* napísaná okolo roku 1725. Pochádzala z rozhrania Liptova a Spiša, pričom je ovplyvnená aj ľudovými prvkami hudobného prejavu.

Nie menej významné sú aj dve zbierky tancov označené ako *Uhrovecká zbierka*. Prvá pochádza z roku 1730 a obsahuje tance s prevahou hajdúckeho charakteru. Druhá je datovaná do roku 1742 a obsahuje predovšetkým umelé dobové tance – menuety a polonézy označené ešte podľa pôvodného názvu „*saltus polonici*“.

Zo zbierok skladieb pre klávesové nástroje hodno spomenúť *Zborník Eleonóry Susanny Lányiovej* z roku 1729 obsahujúci popri menuetoch a polonézach j trubačské skladby. O niečo mladší je *Zborník J. A. Šantrocha (Šantracha)*, organistu v Dóme sv. Martina v Bratislave datovaný do rokov 1757 – 1762. Tento zborník obsahuje dokonca zhudobnenú svetskú a nemeckú lyriku, či hudbu k bábkovým hrám.

Na Slovensku sa však v období baroka dokázateľne pestovala aj náročná inštrumentálna hudba významných európskych dobových skladateľov ako boli Andreas Hammerschmidt (1611/1612-1673), Johann Rosenmüller (1619-1684), Arcangelo Corelli (1653-1713) a ďalší.²³

Záver

Hudba na území Slovenska dosiahla vrcholné obdobie svojho rozkvetu v 17. storočí, keď veľmi úspešne nadviazala na nemeckú protestantskú hudobnú tvorbu. V čase protireformácie postupne stráca na svojom rozkvetu a v nasledujúcich vývojových etapách sa jej už nepodarilo nadviazať na toto úspešné obdobie. Ďalšie obdobie rozvoja slovenskej hudby nastáva v podstate až od 30. rokov 20. storočia nástupom slovenskej hudobnej moderny. Príčinu tohto javu treba hľadať v mnohých osobitostiach politického, hospodárskeho a kultúrneho vývoja na našom území v rámci Rakúsko-Uhorska.

Bibliografia:

ČERNUŠÁK, GRACIÁN.

1964. *Dějiny evropské hudby*. Praha; Bratislava: PANTON 1964.

BURLAS – FIŠER – HOŘEJŠ.

1954. *Hudba na Slovensku v XVII. století*. Bratislava: SAV 1954.

GERGELYI, OTMAR – WURM, KAROL,

1989. *Historické organy na Slovensku*. Bratislava: OPUS 1989.

KAČIC, LADISLAV,

1996. Hudba baroka. In: ELSCHKEK, Oskár. (Editor) 1996. *Dejiny slovenskej hudby*. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV 1996, s. 75-112, ISBN 80-88820-04-9.

MATÚŠ, FRANTIŠEK, (ED.)

1981. *Tabulatúrny zborník Samuela Marckfelnara (výber)*. Bratislava: OPUS 1981.

MEDŇANSKÝ, KAROL.

2005: Vplyv lutherovskej reformácie na vývoj hudby 16. až 18. storočia. In: *Zachariáš Zarevutius (Zarevutius)*. Zborník príspevkov z muzikologickej konferencie 22-24. septembra 2005 v Prešove. Prešov: Prešovský hudobný spolok *Súzvuk*, 2005, s. 49-64. ISBN 80-89188-13-3.

MEDŇANSKÝ, KAROL.

2008. Vplyv Lutherovej reformácie na vývoj hudobného života Spiša a Šariša. In: *Musica Scepussii Veteris Stará hudba na Spiši*. Zborník príspevkov z muzikologickej konferencie na počesť 350. výročia úmrtia spišskopodhradského evanjelického organistu a skladateľa Jána Šimráka, konanej 3. a 4. marca 2008 v Spišskej Sobote v zasadacej miestnosti Štátneho archívu v Levoči – pobočka Poprad. Ed. PhDr. Janka Petöczová, CSc. Bratislava: Ústav hudobnej vedy SAV; Prešov: Prešovský hudobný spolok *Súzvuk* 2008, s. 15-26, ISBN 978-80-89188-19-2.

PETRÍK, BORISLAV. (ED.)

2001. *Evanjeličná encyklopédia Slovenska*. Bratislava 2001, ISBN 80-968671-4-8.

ROSENBAUM, KAROL (VED. REDAKTOR)

1979. *Slovensko – Kultúra I. časť*. Bratislava: Obzor 1979.

RYBARIČ, RICHARD (ED.).

1984. *Dejiny hudobnej kultúry na Slovensku I*. Bratislava: OPUS 1984.

SZÓRADOVÁ, EVA.

1996. *Lexikon Confectorum Instrumentorum Regionis Ciscarthianae 1300-1918* [rukopis] Nitra.

TIBENSKÝ, JÁN (VED. REDAKTOR).

1971. *Slovensko - Dejiny*. Bratislava: Obzor 1971.

UHORSKAI, PAVOL. (ED.)

1997. *Evanjelici v dejinách slovenskej kultúry 1- 2*. Liptovský Mikuláš: Transcius 1997, ISBN 80-7140-260-5.

-
1. Príspevok vznikol v rámci riešenia projektu MŠ SR VEGA 1/0425/09 *Malé formy vokálnej hudby na Slovensku v stredoeurópskom kontexte*
 2. KAČIC, 1996, s. 75-76.
 3. Vežový majster mal 2 až 4 pomocníkov – boli to učni a tovariši, s ktorými zabezpečoval nielen základné úkony, ako boli oznamovanie času, návštevy významných osobností, živelné pohromy a podobne, ale aj všetky hudobné produkcie v meste. Zaujímavosťou bolo, že účinkovanie na kostolných produkciách nebolo podmienené príslušnosťou k danej konfesii (KAČIC, 1996, s.79).
 4. KAČIC, 1996, s. 79.
 5. KAČIC, 1996, s. 80.
 6. MATÚŠ, ed. 1986.
 7. KAČIC, 1996, s. 81-84.
 8. GERGELYI, Otmar– WURM, Karol, 1989, S. 37- 43.
 9. SZÓRADOVÁ, 1996.
 10. Brewerovská tlačiareň existovala v Levoči v 17-18. storočí, pričom vydávala hlavne evanjelickú literatúru. Založili ju okolo roku 1620 bratia Bruno (1570 – 1639) a Vavrinec (15090-1664) Brewerovci. Po roku 1740 tlačiareň zanikla. V danom období to bola jedna z najvýznamnejších tlačiarň na území Slovenska (Petrík, 2001. s. 53).
 11. KAČIC, 1996, s.85- 86.
 12. Reformácia sa na našom území šírila hneď od jej vzniku v Nemecku veľmi rýchlo, pričom prinášala so sebou prinášala hneď od začiatku hlavné znaky cirkevnej hudby ovplyvnené Lutherovými názormi na hudbu a jej postavenie vo svetskom a cirkevnom živote evanjelikov.
 13. KAČIC, 1996, s.88-89.
 14. KAČIC, 1996, s.89.
 15. MEDŇANSKÝ, 2008, s. 22.
 16. KAČIC, 1996, s. 93-94.
 17. MEDŇANSKÝ, 2008, s. 22.
 18. KAČIC, 1996, s. 99.
 19. Juraj Tranovský (1592-1637) bol evanjelický kňaz a významný autor duchovných piesní

a modlitieb. Jeho najvýznamnejším dielom je *Cithara Sanctorum*, ktorá zaznamenala celkom 140 vydání. Pri jednotlivých vydaniach bola obohacovaná o nové piesne, takže pri posledných vydaniach dosiahol ich počet 1305. Posledné vydanie vyšlo v roku 1971.

20. Daniel Sinapius Horčíčka (1640-1688) bol významný evanjelický kňaz a spisovateľ. Najvýznamnejším jeho dielom je zbierka prísloví a porekadiel *Nový trh latinsko-slovenský*, ktorá vyšla v Lešne v roku 1678. Bola určená deťom slovenských a českých exulantov a žiakom šľachtických a zemianskych škôl v Uhorsku.
21. UHORSKAI, 1997, s. 269.
22. KAČIC, 1996, s. 100.
23. KAČIC, 1996, s. 101-102.

Семантични отношения в невербалните знаци

Галина Молхова

Невербалният език представлява система от невербални знаци със съответно значение, използван в междуличностната комуникация на даден социум. Във всеки език съществуват универсални и специфични явления. В съвременния български невербален език особено характерни са два невербални знака – клатенето на глава за “ДА” и “НЕ” и цъкането с език със значение “НЕ”.

Тук ще разгледаме само невербалните знаци, участващи в комуникативната ситуация “очи в очи” и техните **синонимни и антонимни** връзки.

Азбучна истина, споделяна от езиковедите е, че вербалният език е неразривно свързан с човешкото мислене. Но невербалният няма директна връзка с човешкото мислене, а е свързан с последното чрез вербалния т.е. всеки невербален знак или съвкупност от знаци винаги се “превежда” на вербален език. Това показва вторичния характер на невербалната езикова система.

Поради това ще направим анализ на семантичните отношения на вербалния език и ще потърсим съответствия в невербалния. Те ще се разгледат в синхронен план, защото диахронията не съществува в невербалния език, тъй като той по своята същност не е динамичен.

Материалът е разработен въз основа на принципа, че семантиката на една дума може да се представи като съвкупност от семи в специфични отношения. Затова е използван методът на компонентния анализ (Bendix 1966; Bierwisch 1971; Селивестрова 1975 и др.).

“...Тези семантични компоненти не са част от речника на самия език, а са по-скоро теоретични елементи които описват семантичните отношения между лексикалните елементи на даден език...” (Bierwisch 1971: 169).

Думите в езика влизат в семантични отношения на полисемия, омонимия, синонимия и антонимия. Те образуват семантични полета. "... Лексеми и други единици в семантична връзка, било парадигматична или синтагматична, в дадена езикова система могат да се считат, че принадлежат или са членове на едно и също семантично поле..." (Lyons 1979: 254). В центъра на полето е думата с основното си значение, а другите думи, свързани с нея, са разположени наоколо. Единствената възможност да се разкрият семантични отношения при невербалните знаци-символи е анализирането на вербалните им "преводи".

Невербалният език се състои от знаци, които представляват характерни движения на части от човешкото тяло. То, като единствен източник на невербални знаци, е с ограничени възможности. Поради това невербалният език е статичен. Един път придобили социален статус невербалните знаци не се променят. Значението им изцяло зависи от комуникативната ситуация. Извън нея те нямат значение. Те придобиват комуникативна стойност (значение) само при трансформацията им във вербален език. Следователно, за да разберем характера на **антонимията и синонимията** на невербалния език се налага да ги експонираме върху моделите на вербалния.

Тук използвам термина **антонимия** като явление, което обхваща всички видове семантично противопоставяне и опозиция в езика. Това противопоставяне (противоположност) може да се сведе до два основни типа – вътре в една същност и между две същности. Първият вид са **бинарни**: *мъж-жена*; *лекар-пациент* и т.н. Вторият вид е **градуална** опозиция: *висок-нисък*; *млад-стар* и др. При бинарните не е възможно да се образува пропозиция от рода: *Иван е по-мъж от жена си*, нито пък: *Жена му е по-жена от мъжа си*. В тези примери жена и мъж са противопоставени по пол. При втория пример: лекар-пациент, противопоставянето е по заемащата позиция в дадената

ситуация. При градуалната опозиция могат да се съставят пропозиции от следния вид: *Иван е по-висок от Петко. Петко е по-нисък от Иван.* В този случай Иван и Петко запазват бележите си висок-нисък, само че се съпоставят по степен. Също важи и за млад-стар: *Иван е по-млад от Петко, Петко е по-стар от Иван.*

Антонимията се проявява в рамките на един и същ клас от думи. Най-често се среща при прилагателните защото тяхната семантика изразява качество, количество и т.н. След тях се нареждат наречията: *тук-там, горе-долу* и др., следват предлозите: *от-до, над-под* и др., съюзите: *със-без, във-от* и др., глаголите: *стоя-седя, идвам-отивам* и др., съществителните: *майка-баща, сестра-брат* и т.н. Всички те според семантиката си са или **градуални** или **бинарни**.

Джон Лайънс предлага и друг вид класификация, която пресича и бинарната (неградуална) и градуалната опозиции:

Комплементарна антонимия. Характерно за нея е, че отрицанието на едната лексема предполага потвърждение на другата и обратно. Например: *мъж-жена*: Тя не е мъж, а е жена. Той не е жена, а е мъж; *ден-нощ*: Сега не е ден, а е нощ, Сега не е нощ, а е ден и т.н. Това се среща при бинарните (неградуални) антоними.

Антоними с качествена и количествена противоположност. При тях потвърждението на една лексема предполага отрицание на другата, но не и обратното. Например: *красив-грозен; млад-стар; мек-твърд* и др. При пропозициите: Иван е красив, означава че Иван не е грозен, но: Иван не е красив, не означава, че Иван е грозен. Такива са случаите при градуалните антоними.

Конверсна антонимия. При този вид едната лексема предполага другата и обратно. Например: *лекар-пациент; учител-ученик; продавач-купувач* и т.н.; лекар предполага пациент и пациент предполага лекар; учител предполага ученик и ученик предполага учител.

Антоними с противоположна насоченост на действия, свойства, признаци. Насочеността може да бъде локативна: *вън-вътре*; за следствие: *уча-зная*; ортогонална: *север-изток*; антиподадна: *север-юг*.

Повечето лексеми в даден език са полисемантични. Това означава, че една лексема може да има няколко антонима.

Например: **свеж**

дебел

пресен – увехнал

пълен – слаб

млад – стар

закръглен – кокалест

нов – стар

мек – твърд

Направена е анкета-експеримент, за да се провери дали при невербалните знаци съществува антонимия. Използвани бяха 50 души информанти, носители на български език, повечето от които студенти българска филология. Тук са представени само няколко примера от анкетата за илюстрация:

На невербалния знак – подскачане, бяха дадени следните отговори: “*Нервен съм*”; “*Весело ми е*”; “*Ходи ми се по малка нужда*”; “*Ей, какъв кеф*”; “*Радвам се*” и др. На знака – наведена глава с прегърбено тяло, бяха дадени следните отговори: “*Тъпо ми е*”; “*Кофти ми е*”; “*Срам ме е*”; “*Не ми пука*” и т.н.

На знака – надути бузи и ръце, отдалечени от тялото в полукръг, бяха дадени следните отговори: “*Много съм дебел*”; “*Як съм като Силвестър*”; “*Ще се пръсна*” и т.н. На невербалния знак – всмукване на бузите, бяха дадени следните отговори: “*Какъв съм слаб и хърбав*”; “*Слаб е като вейка*”; “*Стопих се*” и др.

На знака – цялото тяло се тресе бяха дадени следните отговори: “*Студено ми е*”; “*Страх ме е*”; “*Притеснявам се*”; “*Ходи ми се по нужда*” и др. На невербалния знак – веене с ръка пред лицето, бяха дадени следните отговори: “*Горещо ми е*”; “*Топло ми е*”; “*Задушно е*”; “*Досадно ми е*” и др.

На знака – двете ръце вдигнати нагоре и раздалечени, бяха дадени следните отговори: *“Ето толкова голям”*; *“Грандиозно”*; *“Ох огромно”*; *“Голяма работа”*; и др. На невербалния знак – свита в юмрук ръка, протегната напред с изправен палец и показалец опрян почти до върха му, бяха дадени следните отговори: *“Съвсем малко”*; *“Миниатюрен”*; *“Не ти достига”*; *“За пет стотинки акъл няма”*; *“Колко малко е?”* и др.

Горните примери и останалата част от анкетата дават материал за някои заключения. Основното, което бие на очи е, че когато един невербален знак е даден извън комуникативната ситуация, той се “превежда” по различен начин. Това се дължи на факта, че информантите го поставят в различна комуникативна ситуация. Вижда се също, че отговорите са прости изречения, докато при вербалния език отделната дума влиза в антонимични отношения.

По същество може да се говори за антонимия при невербалния език, но поради спецификата му, тя се различава от тази при вербалния.

При невербалния език съществува само **бинарна** антонимия. Например: размахването на пръстите на дланта нагоре-надолу означава *“ела”*, а антонимът му *“иди си”* се състои в движението на дланта в посока от тялото навън. В този случай не може да има значение *“по-ела”* и *“по-иди”*.

Градуалната антонимия при вербалния език се проявява само като бинарна в невербалния, тъй като невербалния знак е статичен и не може да изразява градуалност. Например: хоризонталното разпъване на двете ръце в противоположни посоки означава *“голям”*, а прибирането на двете ръце, независимо от разстоянието помежду им е антонимът му *“малък”*. Няма начин да се покаже степента на качеството.

Комплементарна антонимия съществува в невербалния език. Например: когато в дадена комуникативна ситуация показалецът на

едната ръка сочи надолу, значението на този знак е “*тук*”, а когато показалецът сочи напред това значи “*там*”.

Антоними с качествена и количествена противоположност също могат да се изразяват с невербални знаци. Например: протегнатата нагоре ръка с длан успоредна на земята при конкретна ситуация означава “*висок*”, а ръката спуснат перпендикулярно на тялото с длан успоредна на земята е антонимът “*нисък*”. Във тези случаи вербалният език може да изрази и градуалност, докато това е невъзможно при невербалния, поради неговата физическа невъзможност.

Конверсни антоними. При вербалния език те са вариант на бинарните от рода шеф-подчинен. При невербалния, въпреки че съществуват само бинарни антоними, този род конверсни антоними не могат да се изразят.

Антоними с противоположна насоченост на действия, свойства, признаци. Такива антоними съществуват и при невербалния език. Например: дланта на ръката, обърната наляво, може да се преведе като “*ляво*”, а обърната надясно – като “*дясно*”. Както и при конверсните антоними, така и при този вид във вербалния език те са градуални. При невербалния те съществуват, обаче не са градуални поради изложените вече причини.

Характерът на антонимията във вербалния и невербалния език показва съществуването както на прилики, така и на разлики.

И във двата езика се намират антонимични отношения.

При вербалния език антонимията е свързана с думата, а при невербалния – с изречението “превод” на вербалния.

Във вербалния език съществуват бинарни и градуални антоними, а при невербалния те са само бинарни и няма градуални.

Другият вид класификация, предложена от Дж. Лайънс за вербалния език, се среща и при невербалния: комплементарна антонимия, антонимия с качествена и количествена противоположност, антонимия

с противоположна насоченост на действия, свойства, признаци. При невербалния език тези видове антонимия са само бинарни.

Естественият вид антоними, които не съществуват в невербалния език са конверсните.

За **синонимията** има множество дефиниции. Те са резултат от различните гледни точки на изследователите. Същественото тук е, че в езика съществуват думи и изрази, които притежават едно и също основно значение с допълнителни нюанси. Тези нюанси са свързани с различните аспекти на основното значение. Това определя семантичната връзка между синонимите. Джон Лайънс изтъква три условия, на които трябва да отговарят синонимичните думи и фрази:”

1. Всичките им значения да са идентични.

2. Да са синонимични във всякакъв контекст.

3. Да са семантично еквивалентни (т.е. значенията им да са идентични) по всички параметри на значението, описателни и неописателни.” (Lyons 1995: 61).

Фактически това се отнася само до **абсолютната** синонимия. Например: *езикознание – лингвистика; пирон – гвоздей* и др. Но в езика тя почти не се среща, защото и при тези примери съществува стилистична разлика.

Най-често срещаната синонимия е **частичната**. При тези случаи синонимите притежават общо значение, еднаква дистрибуция, еднакви възможности за съчетаемост и за частична заменяемост. Например: *момиче – девойка; обич – любов; шарен – пъстър; Небето се покри с черни облаци. – Притъмня.* И др. Тези примери показват, че връзката между значенията на отделните синоними с основното значение се различават по близост, както е и при полисемията.

Във всяко синонимично гнездо винаги има една дума, която е носител на основното значение – синонимичната доминанта. Например: *човек – синонимичната доминанта на гнездото със синоними – мъж, жена, момче, момиче, дете, старец* и др.

“...Множеството от лексеми във всяка езикова система което покрива една понятийна област чрез смисловите връзки между тези лексеми, образува структурата на лексикалното му поле. Всяка лексема покрива известна понятийна област, която на свой ред може да бъде структурирана като поле чрез друго множество от лексеми...” (Lyons 1979. т. I.: 254). Например:

1. мъж –
2. жена –
3. момиче – човек
4. момче –
5. дете –
6. старец –

1. мъж –
2. момче – човек
3. старец –

1. момче –
2. момиче – човек
3. дете –

В рамките на частичната синонимия се открояват няколко основни разновидности:

Експресивни. Например: *страхотно, супер, жестоко и др.; мацка, кукличка, бонбонче; гадно, противно, отвратително* и др.

Стилистични. Например: *готин, трепах, убиец и др.; момък, младеж; ям, храня се; зубря, уча* и др.

Фразеологични. Например: *хаплив език, остър език; Ти си супер. Ти си цар., опулвам си очите, обещavam си очите* и др.

Заемки. Например: *консултант, съветник; бос, шеф, началник; аероплан, самолет; генерация, поколение; мерси, благодаря; чао, довиждане* и др.

Конверсия. Например: *Той е Дон Жуан., женкар; Той е Марко Тотов., неудачник;* и др.

При невербалния език различни знаци могат да предават едно и също съобщение. Това може да стане чрез няколко канала едновременно или чрез отделни канали по различно време. Например: строг поглед и размахване на показалец означават строга забележка; гризането на нокти и потръпването на единия крак означават нервност; силният смях и скачането на цялото тяло означават радост и т.н. Същите знаци могат да имат същото значение, но по отделно – само поглед или само размахване на пръст; само гризенето на нокти или само силен смях.

Възможността да се използват няколко невербални знака едновременно е една от основните характеристики на невербалния език, където знаците протичат симултантно, докато при вербалния език понеже е линеарен такава ситуация е изключена.

И при синонимията разликата между думата, свързана с понятието и невербалния знак, свързан с пропозицията, се отразява върху характера на синонимията в двата езика.

Направена е анкета-експеримент и за съществуването на синонимични връзки при невербалните знаци със същите информанти, които бяха изследвани и за антонимията. Ето някои от отговорите:

На паралингвистичния звук “тц-тц-тц” бяха дадени следните отговори: “*Не.*”, “*Не съм съгласна.*”, “*Не ща.*” и др., а на знака – размахване на показалеца отляво-надясно: “*Няма да стане.*”, “*Не.*”, “*Не може.*” “*Не искам.*” И др.

На невербалния знак – тропане по масата бяха дадени следните отговори: “Тихо!”, “Тишина!”, “Слушай, де!”, “Внимавайте!” и др., а на знака – тропане с крак по пода: “Тишина!”, “Тишина в залата!”, “Внимание!”, “Пазете тишина!” и др. На невербалния знак – двама души удрят дланите си се получиха следните отговори: “Здравей!”, “Моите поздравления!” “Браво!”, “Гепи, готин!” и др., а на знака – вдигната ръка и размахване на дланта наляво-надясно: “Мараба!”, “Здравей, как си!”, “Гепи!”, “Хай, готин!” и др.

При невербалния език едва ли може да се говори за **абсолютна** синонимия по параметрите на Дж.Лайънс.

Затова пък съществува **частична** синонимия. Тя също така се различава от тази във вербалния език поради посочените съществени различия в характера на знаците.

На равнище невербален знак съществува синонимия, тъй като няколко знака могат да предават една и съща информация. Също така вербалните “преводи” на тези знаци са синонимични. Това се дължи на факта, че отделните информанти дават различен “превод” на един и същи невербален знак.

Най-много синоними в невербалния език се срещат при изразяване на **експресивност**. Например: на паралингвистичния звук “ау-у-у” бяха дадени следните отговори: “Ужас!”, “Оле, божке!”, “Големият лош вълк!”, “Страшно е, чу ли?” и др., а на знака – прехапани устни: “Ами сега!”, “Ужас!”, “Ле-ле!”, “Лошо!” и др. На невербалния знак – ръцете на кръста бяха дадени следните отговори: “Внимавай!”, “Внимавай какво правиш!”, “Така ли!?”, “Бясна съм!” и др., а на знака – размахване на юмрук: “Внимавай в картинката!”, “Ще ти счупя главата!”, “Сега вече ще те убия!” и др.

Стилистичните синоними също са често явление в невербалния език. Те са много по-силно социално детерминирани, отколкото при вербалния език. Например: целувката и погалването; намигането и

усмивката, това са знаци използвани само между близки и познати хора; показването на среден пръст и плюенето по някой; взирането и бутането в някой са знаци социално неприемливи.

При невербалните знаци **фразеологичните** синоними са свързани с елептични или пълни изречения във вербалния им “превод”. Например: на невербалния знак долният клепач, дръпнат с показалеца на ръката бяха дадени следните отговори: “*Плуват ли корабчета ?*”, “*Корабчета минават ли?*”, “*Вярваш ли си?*”, лъжа, “*Будала, а?!*” и др., а на знака – присвито око: “*Не ми се вярва.*”, “*Да бе, вярвам ти!*”, “*Ами не вярвам.*”, *скептично недоверие*, “*Я, глей!*” и др.

Едновременно с вербалните **заемки** в езика навлизат и невербалните. В повечето случаи те са в синонимична връзка с вече съществуващите в езика. Например: невербалният знак – събрани върховете на петте пръста с вербално съответствие: *много хубаво, чудесно, браво* и др. Е синоним със заетия от англоезичния социум невербален знак – палецът и показалецът са събрани в кръг, а останалите три пръста изправени вертикално.

Синонимия по **конверсия** не е възможна при невербалния език.

В структурата на невербалния знак няма единен център на значение, от който да произлизат различните варианти. Следователно, едва ли може да се говори за денотативно и конотативно значение на невербалния знак сам освен в дадена комуникативна ситуация. Конотативното значение при вербалния език няма аналог при невербалния, тъй като при последния, както вече се посочи, преводните еквиваленти са изречения. На всички тях независимо дали имат експресивна окраска или не, значението им е винаги денотативно и референтно.

При синонимията също така разликата между думата, свързана с понятието и невербалния знак, свързан с пропозицията, се отразява върху характера на синонимията в двата езика.

На равнище невербален знак съществува синонимия, когато няколко различни знака предават една и съща информация. Едновременно с това вербалните “преводи” на тези знаци са също синонимични. Това се дължи на факта, че различните информанти дават различен “превод” на един и същ невербален знак. Стилистичните синоними в невербалния език са много по-силно социално детерминирани, отколкото една дума във вербалния.

При антонимите отново определяща е основната характеристика на невербалния знак, т.е., че вербалният “превод” е винаги предикация – изречение. В резултат се получават изречения с противоположени значения, а не противоположни думи, както е при вербалния език.

Не съществува комуникативна ситуация “очи в очи”, в която да не участват невербални знаци. Те “говорят” много повече, отколкото вербалния изказ и предават важна информация от социално и психологическо естество, така важна за междучовешките контакти и отношения.

Литература

СЕЛИВЕСТРОВА О.

1975. Компонентный анализ многозначных слов, Москва: Наука.

BENDIX E.

1966. Componential Analysis of General Vocabulary. IJAL, v.32, N2.

BIERWISCH M.

1971. Semantics, New Horizons in Linguistics. Penguin Books.

LYONS J.

1979. Semantics, vol. 1 and 2. Cambridge University Press.

LYONS J.

1995. Linguistic Semantics, Cambridge University Press.

Чехов и детство

Денис Владимирович Оксужьян

150 лет назад, 17 (по старому стилю – 29) января 1860 года, в городе Таганроге, на берегу Азовского моря, родился русский писатель и драматург, мастер психологического анализа Антон Павлович Чехов.

В возрасте девятнадцати лет Антон Павлович уже студент медицинского факультета Московского университета, а главное – автор коротенького и смешного рассказа «Письмо донского помещика к учёному соседу д-ру Фридриху». «Антоша Чехонте» (такое прозвище дал А.П. Чехову один из преподавателей таганрогской гимназии, и именно под этим псевдонимом выходили первые заметки, анекдоты, подписи к рисункам, очерки, рассказы) решился послать рассказ в литературный журнал. Вскоре был прислан отзыв: «Совсем недурно. Присланное поместим». Через два месяца рассказ напечатали. Автором отзыва явился Григорович Дмитрий Васильевич – русский прозаик, переводчик, искусствовед. Кроме предсказания большой будущности, Д.В. Григорович горячо просил Антона Павловича «бросить писание наскоро и исключительно мелких рассказов, особенно в газеты».

«Привинчивайте-ка себя к столу и утопайте в большой неспешной работе», – советовал Дмитрий Васильевич Антону Павловичу 30 декабря 1887 года (Слово 1914: 207, 210).

Настойчиво искавший новых путей в литературе, А.П. Чехов настолько воодушевился признанием своих художественных достижений, что поместил портрет (точнее – фотографию в проволочной рамке) этого старого писателя, подаренную в 1886 году, на свой рабочий стол. «Д.В. Григорович умилился, когда узнал об этом», – сообщал Антону Павловичу его старший брат Александр Павлович в письме от 14-16 января 1887 года (Письма 1939: 145).

Посылая свой первый рассказ в редакцию журнала, Антоша Чехонте совершенно не рассчитывал на открытие подобной жизненной перспективы. Ему некогда было даже учиться: приходилось зарабатывать деньги в небольшой бакалейной лавке отца, дабы спасти терпевшее крах дело, присматривать за детьми родственников, готовить уроки в холодной

конторке, исключительно в праздничные дни и в сопровождении родителей посещать театр, сносить оскорбления словом и наказания телесные. «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать», – признавался Антон Павлович брату Александру в письме от 2 января 1889 года. Физическая жестокость, попрание элементарных прав детей, принуждение к выполнению самой чёрной домашней работы были вообще отличительными чертами во взаимоотношениях родителей и детей во всех русских семьях конца XIX – начала XX веков. Даже в праздники мальчиков заставляли «чистить тазы и самовары, выносить помои», и за всё это, а также за недогляд за малыми детьми хозяев, мальчики получали «трескучие подзатыльники». Мальчиков, как кошек и собак, били «сколько угодно и чем угодно»: били веником, кочергой, мокрой мочалкой. «Мальчики ложатся в 12 ч. и встают в 5. Едят они объедки, носят драные лохмотья, засыпают за чисткой приказчиных сапогов. День в холодной, сырой и тёмной лавке, ночь в кухне или в холодных сенях, около холодного, как лёд, рукомойника». Так описывал А.П. Чехов жизнь этих «маленьких каторжников». (Чехов А.П. 1967: 59). Именно поэтому детскую литературу писатель ставил на одну ступень с литературой взрослой и создал более 20-ти рассказов о детях. В их числе: «Гриша» и «Событие», «Детвора» и «Беглец», «Ванька» и «Степь», «Мальчики» и «Случай с классиком», «Спать хочется», «Каштанка» и «Отец семейства», «Не в духе» и «Репка», «Белолобый» и «Сапоги всмятку», «Лишние люди» и «Дома», «Беззаконие» и «Кухарка женится».

В русских семьях, времени Антона Павловича Чехова, детей учили грамоте: читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили, «от нечего делать». Поэтому-то Ванька Жуков (в рассказе «Ванька»), отданный на обучение к сапожнику, хоть и сочинил письмо своему дедушке Константину Макарычу, однако его послание, полное слёз от переживаемых унижений, не дойдёт до адресата: конверт с письмом не имеет ни названия деревни, ни фамилии деда. Письмо отправлено «на деревню дедушке». Но «если б даже Ванька правильно написал адрес на конверте и письмо попало бы к деду – всё равно дедушка не смог бы изменить его жизнь. Ванька по своей наивности (точнее, по причине запуганности, но детской доверчивости и

горячего желания во что бы то ни стало найти выход из тяжелейшего положения) не понимает, что дед – дряхлый старик, он и сам слуга, нищий, бесправный человек, живёт «из милости» у господ в кухне, зависит от своих хозяев». (Чехов А.П. 1967: 60).

Ванька Жуков вылил своё горе на бумагу и, убаюканный сладкими надеждами, мирно заснул. А вот Варька, главная героиня рассказа «Спать хочется», чтобы прервать пытку лишением сна, пошла на ужасное преступление: измученная девочка нашла «врага» – постоянно плачущего младенца её хозяев – и задушила его.

Символом горя, надвигающегося неумолимо (жизнь у чужих людей, обучение в казённой гимназии, превращение всей России в скором времени в чужую страну, – уже без прошлого и ещё без будущего), становится для Егорушки Князева (в рассказе «Степь») перекати-поле. Перекати-поле – это «трава и прошлогодний бурьян», которые «подняли ропот», а на дороге «спирально закружилась пыль, побежала по степи и, увлекая за собой солому, стрекоз и перья, чёрным вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила солнце». «По степи, вдоль и поперёк, спотыкаясь и прыгая, побежали перекати-поле, а одно из них попало в вихрь, завертелось, как птица, полетело к небу и, обратившись там в чёрную точку, исчезло из виду». «За ним понеслось другое, потом третье, и Егорушка видел, как два перекати-поле столкнулись в голубой вышине и вцепились друг в друга, как на поединке». (Чехов А.П. 1980: 293). В рассказе «Степь» приближение грозы мы видим глазами кучера Дениски, проявлявшего заботу о Егорушке и отвозящего на чужую сторону. Егорушка, племянник Кузьмичова, был мальчик лет девяти. А вот психология ребёнка 2-3-4-х лет, возможно, была раскрыта А.П. Чеховым в рассказе «Гриша». Гриша, маленький, пухлый мальчик, родившийся два года и восемь месяцев назад, гуляет с нянькой по бульвару. До прогулки, находясь дома, в своём «четырёхугольном мире», Гриша совершает поступки, свойственные ребёнку 2-х лет: оставляет под кроватью «куклу с отломанной рукой и барабан», а «на ковре темнеет пятно, за которое Грише до сих пор грозят пальцами». Трёхлетним Гриша становится сразу после выхода на прогулку: Гриша «шалит», когда бежит за кошками с задранными вверх хвостами, проходит «мимо» няни и «молча

берёт себе один апельсин» из маленького корыта няни, корыта с апельсинами. В возраст «4 года» Гриша приходит, когда дёргает за фалду человека со светлыми пуговицами, кричит «Пойдём, пойдём»! и когда ему кажется, что совсем было бы недурно «прихватить» с собой на прогулку «папу, маму и кошку». В этом рассказе А.П. Чехова наблюдается также переход к возрасту 5-ти лет, когда Гриша «тянется к пирогу» и ему дают кусочек. Ему тоже хочется выпить, «Дай! Няня, дай!» – просит он и не отказывается, когда кухарка даёт ему отхлебнуть из своей (!) рюмки. В то же время Гришу невероятно расстроила эта «толпа солдат с красными лицами и с банными вениками под мышкой». Этот внешний мир и необходимость к нему приспособливаться сосредоточились в памяти Гриши в образе печки – символе печали. Раннее разочарование жизнью и чересчур быстрое взросление детей, бесцеремонное втягивание их в мир взрослых – именно над этими актуальными по сей день вопросами предлагает поразмышлять А.П. Чехов в рассмотренном рассказе.

Во времена А.П. Чехова совершенно бесправными оказывалось не только взрослое и детское население России, но и братья наши меньшие: гуси, поросята, кошки и собаки. Безобидное преследование кошек Гришей в степенном возрасте оборачивается заточением домашних животных в «маленькой комнате с грязными обоями» (рассказ «Каштанка»). Бесцеремонное обращение к собаке Каштанке с именем «Тётка», однообразная жизнь в четырёх стенах, разнообразные трюки и фокусы, устраиваемые по вечерам новым хозяином, длительная муштра, смерть на глазах нового «приятеля» – гуся Иван Иваныча, полуголодное состояние, выход на публику в угоду незнакомому дрессировщику, только на словах проявляющему заботу о животных. Всё это существование, имеющее слабое подобие истинной жизни, понуждает Каштанку отозваться на своё прежнее имя и без промедления вернуться к своим настоящим хозяевам – столяру Луке Александрычу и его сыну Федюшке.

Собака «Каштанка» в рассказе А.П. Чехова, наравне с человеческими персонажами: Гришей, Варькой и Ванькой Жуковым, – не выдерживает давления этого «нового мира», который «велик и полон яркого света, одних только лиц, рёва и аплодисментов, белой краски, румян, разноцветных

чулок и зелёных башмаков». Уход в загадочный мир сна или сказки – вот возможность решить многочисленные проблемы невыносимого бытия. Именно эту возможность использует отец в рассказе «Дома». Отец изыскивает средства воздействия на семилетнего Серёжу, замеченного в курении. Внимание писателя сосредоточено на том, как взрослый, разумный человек, искренне желающий контакта с сыном, никак не может найти с ним общего языка. И вдруг приходит осенение. «У него своё течение мыслей... – думает отец. – У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и что не важно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер». Тем не менее, попытка сораствориться в другом оказывается провальной. В «диспуте» о вреде курения побеждает ребёнок, который один за другим разбивает взрослые доводы против вредной привычки.

И всё-таки из ежедневных наблюдений за сыном отец понял, что у детей свои художественные воззрения. Серёжа находил возможным, например, передавать карандашом кроме предметов и свои ощущения; в его понятии звук тесно соприкасается с формой и цветом. И отец находит действенное средство в борьбе с вредным увлечением сына: он рассказывает сказку о царевиче, который умер от курения в расцвете лет и оставил старика отца и государство на верную гибель. После этого мальчик обещает больше не курить (*Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. 2007: 233*).

Описанное исправление, остающееся пока на уровне устной клятвы, кажется неправдоподобным. Попробовав раз-другой, человек под воздействием общественного осуждения или особой жизненной ситуации, конечно, находит иногда в себе силы бросить курить. Но поскольку родители что сегодня и что во времена Антона Павловича Чехова были уж такими внимательными к своим чадам чрезвычайно редко, то та или иная греховная привычка, перенимаемая от взрослых, крепко засела в подсознании, и при любой стрессовой ситуации в будущем приводила к помрачению ума и души.

В рассказе «Мальчики» отец Володи называет приятеля сына то Черепицыным, то Чибисовым. Конечно, причину этой непоследовательности можно объяснить как долгожданным приездом единственного сына в семье Королёвых, и их несказанной радостью по этому поводу, так и бурной подготовкой к Рождеству. Однако нужно обратить внимание и на то, что товарищ Володи Чечевицын (названный так самим А.П. Чеховым, наверное, потому, что в пост действительно часто варят, «готовят», чечевицу) при первом обращении к нему оказался окутанным «в платки, шали и башлыки», да ещё и покрыт инеем, то есть одетым, собранным подобно черепице. Отец Володи, Иван Николаевич, хоть и оказывает господину Черепицыну знаки внимания – просит прислугу помочь ему раздеться, предлагает, не стесняясь, разделить со всей семьёй трапезу, тем не менее ведёт себя не как радушный хозяин. Ни на минуту не прекращается предпраздничная суета, а когда мальчиков находят после их неудачного побега в Америку, – отец Володи отчитывает более всего господина Чечевицына. Папаша не интересуется теми причинами, по которым мальчики совершили побег. Отцу важно лишь то, что вместе с господином Чечевицыным из гимназии исключат и его сына. Поэтому родитель весьма рад, когда приезжает мать Чечевицына, и товарищ Володи, подобно птице Чибис, улетает из обустроенного гнезда семейства Королёвых. Господин Чечевицын изначально был встречен как чужак, и таким же чужаком (который «не так пухл и бел», как Володя, а худ, смугл, волосы щетинистые, глаза узенькие, губы толстые», – также сравнение с птицей чибис) был «куда-то» отправлен. Тем не менее, как «очень умный и учёный человек» (по замечанию Кати и Сони – сестёр Володи), господин Чечевицын прекрасно понимал «устройство» семьи Володи: высокомерие, фальш в поведении, чванливость, и от того капризность. Понимание этого и чтение книг Майн-Рида побудило Чечевицына подбить Володю «бежать куда-то в Америку добывать золото». Именно Чечевицыну пришла в голову эта идея, и только он разрабатывал план и объяснял все детали операции, намереваясь вырвать Володю из его мнимого благополучия. По этой причине господин Чечевицын с полным правом назвал себя «Монтигомо Ястребиный Коготь».

Как видно из рассказа «Мальчики», родители абсолютно не давали детям права на личную жизнь. Поэтому-то в рассказе «Детвора» шестилетняя девочка Соня, ощутившая себя взрослой из-за внезапно выпавшей возможности принять участие в игре лото (игре на деньги), с детским вздохом заявляет: «Нехороший человек этот Филипп Филиппыч. Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне стало так неприлично!»

Надо сказать, что сестра девятилетнего Гриши восьмилетняя Аня, участвующая во взрослой игре в лото (потому что на деньги), поведала об этом Филипп Филиппыче

ещё и то, что Филипп Филиппыч «завернул как-то веки, и у него сделались глаза красные, страшные, как у нечистого духа». Что-то нечистое вселилось и в фельдшера Ивана Миколаича из рассказа «Беглец», когда «голый Пашка стоял перед ним».

Бесцеремонное похлопывание по голому животу семилетнего и неграмотного Павла Галактионова; раскуривание папироски и распекание матери Пашки за попушение развития болезни сына (у Пашки болел сустав руки) до невероятных пределов; передразнивание, заточение в больнице без согласия самого Павла Галактионова и разлучение с мамой – вот такие казарменно-лицемерные приёмы доктора-интеллигента к сыну простой крестьянки.

Честнее поступил Пашка, на некоторое время он приняв этот мир «из трёх кроватей» в палате, жирных щей с куском мяса, почти полного равнодушия со стороны больных, очень краткого общения лишь с сиделкой, подушки и серого шершавого одеяла. Пашке даже показалось, что «доктору живётся очень недурно» в этом новом, выкрашенном «в великолепную жёлтую краску» пространстве. Пашке захотелось «уважить» этого «весёлого» и легко уступчивого доктора. Тем не менее, неисполнение этим доктором своих обещаний, близкое видение смерти, воспоминание «потёмок в своей избе» заставляет Павла Галактионова совершить побег, разомкнуть стены безысходной повседневности, всегда давившие на героев детских рассказов Антона Павловича Чехова, равно как и на самого писателя. В то же самое мгновение, протянутая к знакомому лицу доктора

рука Пашки, его смех от счастья свободы, его дыхание были сжаты неведомой силой безразличия (лицо доктора Пашка увидел в окне, лицо человека весёлого и покладистого, но оградившего себя от действительности оконным стеклом). Удар по ногам повалил Пашку на землю, и сказка о ярмарке, чижах и лисице оказалась грубым обещанием по-детски беззаботной жизни.

Стало модным повсеместное введение новых стандартов обучения и новых информационных технологий, предоставляющее возможность постижения иной, сказочной реальности, но оборачивающееся на самом деле раскручиванием кампании по отучению молодого поколения самостоятельно мыслить. Модернизированным ударом по ногам становится забвение исторического прошлого и культурных традиций, их перекрашивание и лишение их своей подлинной сути. Изо дня в день дети отучаются писать, читать, слушать живую музыку, понимать, и даже – воспринимать как ценность, произведения живописи и скульптуры. Страна наполняется детьми, душевный склад чувств которых напоминает перекаченное поле. Обесценивание жизни детей парадоксальным образом сочетается со стремлениями родителей потакать завышенным, и ежеминутно видоизменяющимся требованиям своих чад. Все эти проявления приводят к тому, что в России (да только ли в России!), в начале XXI века, равно как и на рубеже XIX и XX столетий, имеет место абсолютно точное исполнение предсказания, данного в Евангелии Иисусом Христом: «И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф., 24, 12). В конце XIX века епископ Феофан так истолковывает это предсказание: (кто) «взыщетъ распространѣнія любви и сокращенія не-любви, тотъ долженъ позаботиться объ умаленіи грѣховъ и сокращеніи области грѣхолобія. Вотъ настоящее начало гуманности! Принявъ его, надо принять и всѣ способы, какими можно противодѣйствовать грѣху. Грѣхи во внѣ суть плодъ внутренней грѣховности. Внутренняя же грѣховность вся коренится на эгоизмѣ съ его исчадіями. Слѣдовательно гуманистамъ надо въ законъ себѣ взять такіе порядки, какими подавляется эгоизмъ; а эгоизмъ сильнѣе всего подавляется недованіемъ себѣ воли». (Ибо) «гдѣ ищутъ волюшки во всѣмъ, тамъ ищутъ расширенія эгоизма и изсякновенія любви» (М.Барсов 2002:

412). На важность следования этому положению епископа Феофана, выдвинутому в годы жизни Антона Павловича Чехова, я и попытался обратить внимание читателей, поставив детскую литературу великого русского писателя в фокус своего исследовательского внимания.

Литература

АРЗАМАСЦЕВА И.Н., НИКОЛАЕВА С.А.

2007. Детская литература: учебник для студ. высш.пед. учеб. заведений. – Изд. 4-е, испр. – М., Издательский центр «Академия».

БАРСОВ М.

2002. Толкование Четвероевангелия. Сборник статей для назидательного чтения. Том первый. Репринтное издание 1893 г. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

ПИСЬМА

1939. «Письма Александра Павловича Чехова к его брату Антону Павловичу». М.

СЛОВО

1914. «Слово», сборник второй, М.

ЧЕХОВ А.П.

1967. Чехов А.П. Рассказы. – М., Издательство «Детская литература».

ЧЕХОВ А.П.

1980. Чехов А.П. В человеке должно быть всё прекрасно... / Письма, рассказы, пьеса. – М., «Молодая гвардия».

K vzťahu zvukovej a grafickej sústavy súčasnej spisovnej slovenčiny¹

Ivan Očenáš

Písmo, grafická sústava jazyka, nepochybne patrí medzi najväčšie vynálezy ľudstva, pretože až ono umožnilo sprostredkovať informácie osobám vzdialeným v priestore a čase. Vznik a vývoj písma bol veľmi zložitým a dlhodobým procesom – od písma piktografického (obrázkového) cez ideografické (pojmové) a sylabografické (slabičné) až po fonematické (zvukové) písmo, ktoré sa v súčasnosti používa vo väčšine jazykov vrátane slovenčiny. Podstatou fonematického písma je taký súbor grafických znakov, v ktorom jednotlivé písmená, grafémy označujú jednotlivé zvukové (fónické) jednotky jazyka schopné rozlišovať význam slov a ich tvarov čiže fonémy.

Základom grafickej sústavy slovenčiny je zvukové, fonematické písmo a písmená latinskej abecedy, presnejšie jednoduché litery prevzaté z latinky a niektoré ďalšie špecifické znaky potrebné na grafické označovanie zvukových prvkov slovenčiny. Latinská abeceda vznikla zo západnej vetvy gréckej alfabety, ktorú Gréci vytvorili doplnením abecedy Feničanov o písmená označujúce samohlásky. Na označenie špecifických slovenských hlások sa v slovenčine používajú pôvodné buď jednotlivé latinské litery s pridanými diakritickými (rozlišovacími) znamienkami, alebo dve spojené litery čiže zložky, bigrafémy.

Lingvistické bádanie sa v minulosti sústreďovalo prevažne na písanú podobu jazyka. Naopak v súčasnosti sa lingvisti zaoberajú najmä hovorenou podobou jazyka. Jazyková komunikácia však využíva vlastnosti a rozmanitosti, diferencie a špecifiká oboch výrazových sústav. Grafický prejav nedokáže vyjadriť vždy a všetko ani úplne, ani presne to, čo umožňuje zvuk, resp. ľudský hlas v hovorenom prejave. A naopak, ľudský hlas nedokáže vyjadriť vždy a všetko to, čo označujeme graficky. Znamená to, že aj fónická, aj grafická sústava obsahujú imanentné výrazové prvky, ktoré nemajú adekvátny výrazový prvok v druhej sústave.

Primárnou, historicky staršou je zvuková (hovorená) podoba reči. Grafická (písomná, tlačaná) podoba reči vznikla až neskôr, keď bolo potrebné zachytiť

a uchovať obsah reči, komunikácie medzi ľuďmi. Napriek historickej sekundárnosti písomného výrazu jazyka má táto podoba jazykovej komunikácie nezastupiteľné miesto vo viacerých oblastiach života ľudí, a to aj napriek tomu, že nie všetci hovoriaci sa naučia aj písať. Človek a jeho život je dôkazom „výrazovej koexistencie oboch spôsobov jazykovej komunikácie“ (Ruščák, 2002, s. 15). A obidva si zaslúžia pozornosť lingvistov, lebo aj napriek ich odlišnostiam ide o dve strany jednej mince výnimočnej hodnoty – jazyka.

Pri pohľade do minulosti zisťujeme, že o základných teoretických, principiálnych otázkach grafickej sústavy a pravopisu spisovnej slovenčiny sa v slovenskej lingvistike uvažuje niekoľko desaťročí, ba storočí, v podstate od osemdesiatych rokov 18. storočia alebo štyridsiatych rokov 19. storočia; od prvých kodifikátorov spisovnej slovenčiny Antona Bernoláka a Ľudovíta Štúra cez reformátorov Štúrovej kodifikácie Michala Miloslava Hodžu a Martina Hattalu ku kodifikátorovi modernej spisovnej slovenčiny 20. storočia Samovi Cambelovi a k tvorcom prvej kolektívnej a základnej kodifikačnej príručky spisovnej slovenčiny – *Pravidiel slovenského pravopisu*: Václavovi Vážnemu, Henrichovi Bartekovi, Štefanovi Peciarovi. Neprehliadnuteľný záujem o problematiku slovenského pravopisu prezentovali v 20. storočí najmä Ľudovít Novák, Eugen Pauliny, Ladislav Dvonč, Ján Horecký, Jozef Jacko, Ján Kačala, Matej Považaj, Ján Sabol a ďalší.

Východiskom na písomné zaznamenávanie hovorenej, zvukovej reči je ustálená, správna výslovnosť, t. j. *fonetika*, ktorá opisuje artikulačné a akustické vlastnosti základných rečových jednotiek čiže hlások, a *ortoepia* ako súhrn pravidiel správneho tvorenia, znenia a používania zvukových jednotiek spisovného jazyka. Správne, t. j. rovnaké a pre všetkých príslušníkov daného jazykového spoločenstva záväzné používanie grafických znakov reprezentujúcich zvukovú reč je predmetom pravopisu, *ortografie* ako systému všeobecných princípov a konkrétnych pravidiel písania. Od ortografie ako normy písania a kodifikovaných pravidiel písania možno rozlišovať *grafiku* ako spôsob písania, pri ktorom nejde len o zapisovanie jazykových zvukových jednotiek, ale aj o používanie interpunkčných znamienok, funkčné diferencovanie malých a veľkých písmen abecedy a pod. J. Vaňko (1999, s. 111) definuje grafiku ako disciplínu, ktorá skúma fyzikálne vlastnosti (stavbu a formu) znakov, ktoré tvoria

systém písma, a ich vzťah k hláskam, ktoré reprezentujú. Pri užšom chápaní sa termínom grafika označujú aj abecedy rozličných jazykov, pričom sa myslí na fyzikálne osobitosti písmen a ich vzťah k hláskam daného jazyka. V analógii s pojmom fonetika sa pojem grafika tiež interpretuje ako štúdium materiálnych vlastností symbolov, ktoré vytvárajú písomný systém. Prioritou ortografie je také ortoepické riešenie, pri ktorom ide o to, či má byť určitá hláska nahradená inou, alebo či sa má zo slova odstrániť, alebo pridať jedna alebo viac hlások (Novák, 1931, s. 3). Pre ortografiu je však rozhodujúca nie artikulačná, ale akustická stránka reči – v komunikácii, pochopiteľne, sa navzájom prekrývajú –, a teda *fonológia*, ktorá skúma *fonémy* ako zvukové jednotky jazyka s dištinktívnou funkciou. V tejto súvislosti Ľ. Novák (1931, s. 17) uvažuje o *grafonológii* ako súhrne zásad týkajúcich sa reflexie fonologického systému určitého spisovného jazyka v jeho grafematickom inventári. Vďaka svojej schopnosti rozlišovať významy slov a gramatických tvarov sú fonémy vo vedomí hovoriacich v zreteľných protikladoch a tak determinujú ortografický výraz. Fonológia potom stavia celú ortografiu na reálnejšiu a pevnejšiu bázu, ktorú v slovenskej jazykovede začal utvárať zakladateľ slovenskej fonológie Ľ. Novák (1908-1992) a ďalej rozvíjali jeho nasledovatelia E. Pauliny (1912-1983), J. Horecký (1920-2006) a J. Sabol. Najmä zásluhou uvedených lingvistov s ich fonologickými koncepciami je slovenský pravopis vybudovaný a odôvodnený podľa pevných princípov.

Vzťahu prvkov zvukovej a grafickej sústavy spisovnej slovenčiny a problematike terminologického a teoretického vymedzenia pravopisných princípov, ich podstaty a obsahu, a teda miere korešpondencie medzi fónickými a grafickými prvkami sa v slovenskej jazykovede systematicky venuje J. Sabol, autor slovenskej a všeobecnej fonologickej teórie – syntetickej fonologickej teórie (Sabol, 1981; 1982; 1984; 1987; najpodrobnejšie 1989; 1990; 1996; 1997; 1998a; 1998b), ktorú ako metodologické východisko aplikoval aj na vymedzenie pravopisných princípov. J. Sabol (1978; 1983; 1989, s. 219-226; 1995; 2002) pri vymedzovaní pravopisných princípov pre grafické sústavy používajúce fonematické písmo vychádza dôsledne zo stupňov korešpondencie medzi prvkami grafickej [písmena/grafémy – G] a fónickej [fóny – F, fonémy – Fm, morfofonémy – MFm] sústavy.

Určenie, označenie a definovanie princípov slovenskej ortografie v teoretických prácach slovenských jazykovedcov vrátane aktuálnej kodifikačnej ortografickej príručky – *Pravidiel slovenského pravopisu* (1991; 1998; 2000) – vychádza z viacerých starších či novších, ale nejednotných teoretických základov a východísk, čo je príčinou miešania a prekryvania termínov vyjadrujúcich vzťah medzi grafémou a zvukom. J. Sabol (1978; 1981; 1989; 2002) vidí základnú príčinu tejto nejednotnosti v tom, že „autori pri rozbere vzťahu grafických a zvukových jednotiek nevychádzajú z jednotnej fonologickej teórie, pri skúmaní montáže významových jednotiek (morfém a slov) pomocou grafematických a zvukových prvkov sa kríži pohľad na hierarchicky usporiadané jednotky jazykového systému (z hľadiska vzťahu grafémy a fonémy – ak sa berú izolovane – sa vymedzuje napr. fonologický pravopisný princíp, ale vzhľadom na fungovanie fonémy v morféme sa zasa ten istý pravopisný problém hodnotí ako morfológický pravopisný princíp a pod.); ... pri vymedzovaní zvukových jednotiek (ako východiska interpretácie vzťahu zvuk – graféma) často splývajú diferencované hladiny vzťahu jednotlivého a všeobecného realizované vo fonických prvkoch“ (Sabol, 1989, s. 221-222).

Vývin a charakter fónickej a grafickej sústavy súčasnej spisovnej slovenčiny, najmä konštituovanie jej grafického inventára podľa fonologického systému latinského jazyka na jednej strane a fónické zmeny v dôsledku neutralizácií fonologických protikladov na druhej strane čiastočne redukovujú komplexnú realizáciu jednoznačnej korešpondencie prvkov fónickej a grafickej sústavy slovenského jazyka. Uvedené obmedzenia v oboch výrazových sústavách jazykového dorozumievania sú charakteristickými znakmi ich autonómnosti a funkčnej organizovanosti podľa vlastných zákonitostí, umožňujúcich však obom spôsobom jazykovej komunikácie koexistovať.

Jednoznačnú korešpondenciu fónických a grafických prvkov limitujú:

1. prípady konštantnej asymetrickej relácie fónických a grafických prvkov, keď jednej fónickej jednotke zodpovedajú dva (prípadne viac) grafematické prvky [$F_m = G_1, G_2$ (napr. *i, y*) alebo $F_m = G + G$ (napr. *dz, ch*)] alebo jednému grafematickému prvkovi zodpovedajú dve fonémy [$G = F_{m1}, F_{m2}$],
2. neutralizácie fonologických protikladov ako fónické zmeny lineárne organizovaných zvukových jednotiek v aktuálnej realizácii reči.

Z hľadiska zvukového a grafického variantu jazykového dorozumievania sa ukazujú ako významné najmä tieto tri fonologické protiklady, priebeh ich neutralizácie a jej výsledky:

1. vokálny protiklad kvantitatívnosť (Lg) – nekvantitatívnosť (Lg^0) medzi dlhou a krátkou sonantickou fonémou;
2. konsonantický protiklad znelosť (Vc) – neznelosť (Vc^0);
3. konsonantický protiklad difúznosť (D) – nedifúznosť (D^0).

1. **Vokálny protiklad $Lg - Lg^0$** sa graficky zaznačuje pravidelne a systematicky v dôsledku neutralizačných aj alternačných zmien, a to:

- fónická jednotka, ktorá je výsledkom neutralizácie vokálneho protikladu $Lg - Lg^0$ sa zaznačuje grafémou korešpondujúcou s neutralizovanou fonémou, t. j. podľa fonematického pravopisného princípu: $G = F$ ($G \neq F$) $\wedge G = Fm$ $\wedge G \neq MFm$, napr. *diaľkar* – [d'ial'kar] – /d'ial'kar/ – ĎIALKÁR; *dávam* – [dávam] – /dávam/ – DÁVÁM; *dôvažok* – [důvažok/g] – /duvažok/g/ – DuOVÁŽOK;
- fónická jednotka jednoznačne identifikovaná podľa pozície MaxFD pre tento protiklad a nepodliehajúca neutralizácii kvantity sa zaznačuje grafémou korešpondujúcou s morfofonémou: dlhá monoftongická fonéma korešpondujúcou grafémou s grafickým príznakom – diakritickým znamienkom, dĺžňom, diftongická fonéma korešpondujúcou bigrafémou, resp. grafémou *ô*, t. j. podľa morfofonematického pravopisného princípu: $G = F$ ($G \neq F$) $\wedge G = Fm$ ($G \neq Fm$) $\wedge G = MFm$, napr. *dážď*, *dažd'ový* – [dášť/žd', dažd'oví] – /dášť/žd', dažd'oví/ – DÁŽĎ, DAŽĎOVÍ².

Neutralizáciu vokálneho protikladu $Lg - Lg^0$ narúšajú tvarotvorné a slovotvorné procesy, ktorých výsledkom sú gramatické tvary slov a lexikálne deriváty známe ako výnimky z pravidla o rytmickom krátení, keď v rámci slova po predchádzajúcej sonante s fonologickým príznakom Lg nasleduje neneutralizovaná sonanta opäť s fonologickým príznakom Lg . V týchto prípadoch sa monoftongická morfofonéma s príznakom Lg takisto zaznačuje grafémou s diakritickým znamienkom, dĺžňom, diftongická morfofonéma bigrafémami *ia*, *ie*, *iu*, resp. v koreňových morfémach tiež grafémou *ô*, t. j. podľa morfofonematického pravopisného princípu, pričom grafické

zaznamenávanie diftongických morfofoném zodpovedajúcimi bigrafémami možno interpretovať aj podľa etymologického pravopisného princípu: $G = F$ (alebo $G \neq F$) $\wedge G = Fm$ (alebo $G \neq Fm$) $\wedge G = MFm$ (alebo $G \neq MFm$), napr. *drevárni* – [drevárňi] – /drevárňi/ – $D_{(2)}REVÁRŇÍ^3$; *diviači* – [d'iv'iači] – /d'iv'iači/ – $ĐIViAČÍ$; *vôni* – [vũoňi] – /vuoňi/ – $VuOŇÍ$.

2. **Konsonantický protiklad $Vc - Vc^0$** svojím systémovým priebehom pripomína vokálny protiklad $Lg - Lg^0$, ale medzi ich neutralizačnými priebehmi je závažný rozdiel v tom, že pri konsonantickom protiklade $Vc - Vc^0$ sa grafematickými prvkami nezaznačujú tak pravidelne a systematicky ako pri vokálnom protiklade $Lg - Lg^0$ neutralizované fonémy, ale morfofonémy. Prvky fónickej sústavy spisovnej slovenčiny v rámci konsonantickej opozície $Vc - Vc^0$ sa teda na grafickej rovine zaznamenávajú podľa morfofonematického pravopisného princípu: $G \neq F \wedge G \neq Fm \wedge G = MFm$, napr. *dedko* – [d'etko] – /d'etko/ – $Đ_2EDKO$.

- Prefixálna morfofonéma *Z-* sa zapisuje grafémami *s-* alebo *z-* (*zo-*) korešpondujúcimi s fonémami /s/ alebo /z/, ktoré sú na prefixálnej morfémovej hranici vo vzťahu komplementárnej distribúcie v závislosti od iníciaľovej fonémy koreňovej morfémy (pozícia MinFD): *dostratena* – [dostrat'ena] – /dostrat'ena/ – $DOZTRAŤENA$; *zdrviť* – /zd'vit'/ – $ZD_{(2)}RVIT'_{(1)}$ – ide o fonematický pravopisný princíp.
- Fónická jednotka v konsonantickej skupine s fonologickými príznakmi V^0C , ktorá na úrovni morfofonémy nie je jednoznačne rekonštruovateľná cez pozíciu MaxFD pre konsonantický protiklad $Vc - Vc^0$, sa graficky zaznamenáva:
 - grafémou, ktorá korešponduje s fonémou, t. j. podľa fonematického pravopisného princípu: napr. *drogista* – [drogista] – /drogista/ – $D_{(2)}ROGIS_1TA$; *divoštvo* – [d'ivoštvo] – /d'ivoštvo/ – $ĐIVOŠS_1T_{(2)}VO$, alebo.
 - grafémou určenou podľa relácie s koalescentnou morfofonémou, ktorej fonologický príznak Vc alebo Vc^0 korešponduje s fonologickým príznakom Vc alebo Vc^0 bezprostredne nasledujúcej morfofonémy identifikovanej v pozícii MaxFD: *dážď* – [dášť/dážď] – /dášť/dážď/ – $DÁŽ_1Đ$; *divosť* – [d'ivost'/zd'] – /d'ivost'/zd'/ – $ĐIVOS_1Ť$ – táto grafická jednotka nekorešponduje ani s fónou, ani s fonémou a ani s morfo-

fonémou, ide o etymologický pravopisný princíp: $G \neq F \wedge G \neq F_m \wedge G \neq MF_m$.

- Ak fónická jednotka neutralizovaná podľa fonologického protikladu $Vc - Vc^0$ nekorešponduje na žiadnej fónickej úrovni s grafémou, jej ortografické zaznačovanie určuje etymologický pravopisný princíp: $G \neq F \wedge G \neq F_m \wedge G \neq MF_m$, napr. *dovčera* – [dofčera] – /dofčera/ – DOF₁ČERA.
- Izolované formové infinitívne *t'*, resp. [t'/d'], /t'/d'/, ktoré je vzhľadom na konsonantický protiklad $Vc - Vc^0$ v postavení MinFD: *d'akovat'* – [d'akovat'/d'] – /d'akovat'/d'/ – ĎAKOVAŤ₁, rovnako nekorešponduje ani s fónou, ani s fonémou a ani s morfofonémou, ide tiež o etymologický pravopisný princíp.

3. **Konsonantický protiklad D – D⁰** sa svojimi neutralizačnými výsledkami na fónickej rovine komunikačného procesu pripája ku konsonantickému protikladu $Vc - Vc^0$.

- Morfofonéma rekonštruovaná v pozícii MaxFD pre konsonantický protiklad $D - D^0$ sa graficky zaznamenáva grafémou, s ktorou je v korešpondenčnej relácii, t. j. podľa morfofonematického pravopisného princípu, napr. *dielec* – [d'ieľec/□] – /d'ieľ-ec/□/ – Ď₍₂₎iELEC³; *na dedine* – [na d'ed'iňe] /o d'ed'iňe/ – O Ď₍₂₎EĎINE), pričom v neutralizovanej pozícii stojí nedifúzna fonéma (/d'/, /t'/, /ň/, /l'/), ktorá je v relácii s grafémou (*d*, *t*, *n*, *l*) označujúcou difúznu fonému (/d/, /t/, /n/, /l/) – písanie nedifúzných foném, ktoré sú výsledkom neutralizujúceho vplyvu vokalickej fonémy nasledujúcej gramatickej, derivačnej, modifikačnej morfy alebo tematickej, či rozširujúcej submorfy, zároveň určuje slabičný pravopisný princíp ako bezprostredné spojenie dvoch grafém *d*+, *t*+, *n*+, *l*+, kde pozíciu + obsadzujú grafémy *i*, *í*, *e*, *ia*, *ie*, *iu*.
- Morfofonéma, ktorá podľa konsonantického protikladu $D - D^0$ nie je v pozícii MaxFD jednoznačne identifikovateľná, ale v pozícii pred fonémou s príznakom VC je súčasne v pozícii MaxFD pre konsonantický protiklad $Vc - Vc^0$, zaznačuje sa grafémou, ktorá korešponduje s morfofonémou vymedzenou v pozícii MaxFD pre konsonantický protiklad $Vc - Vc^0$ – ide o morfofonematický pravopisný princíp so zreteľom na protiklad $Vc - Vc^0$ a zásady jeho grafického zaznamenávania, napr. *drat'*

– [drať/dʔ] – /drať/dʔ/ – D₍₂₎RAŤ₁; *divadlo* – [dʔivadlo] – /dʔivadlo/ – ĎIVAD₍₂₎LO.

- Morfofonéma rekonštruovaná v pozícii MaxFD pre konsonantický protiklad D – D⁰ sa graficky nezachytáva grafémou, s ktorou je v korešpondenčnej relácii, t. j. zaznačuje sa podľa fonematického pravopisného princípu, napr. *dynka* – [dinka] – /dinka/ – DIŇKA; *dlhánsky* – [d□hán₀ski] – /d□hánski/ – D₍₂₎LHÁŇS₁KÍ; *detný* – [dʔetní] – /dʔetní/ – Ď₍₂₎EŤNÍ), pričom neutralizovaná difúzna fonéma (/d/, /t/, /n/, /l/), ktorá tvorí korešpondenčnú reláciu so zodpovedajúcou grafémou (*d*, *t*, *n*, *l*), je výsledkom neutralizujúceho vplyvu konsonantu s príznakmi V⁰C alebo VC v nasledujúcej derivačnej alebo modifikačnej morfe.
- Morfofonéma jednoznačne neidentifikovateľná v pozícii MaxFD pre konsonantický protiklad D – D⁰ sa graficky zachytáva grafémou, ktorá korešponduje s difúznou fonémou, napr. *díel* – [dʔiel] – /dʔiel/ – Ď₍₂₎iEL, *držiteľ* – [d□žitʔelʔ] – /d□žitʔelʔ/ – D₍₂₎RŽITʔ₍₂₎EL) – ide o slabičný pravopisný princíp ako variant fonematického pravopisného princípu, lebo v pozícii MinFD pre konsonantický protiklad D – D⁰, t. j. v neutralizačnom postavení pred vokalicnými fonémami /e/, /ia/, /ie/, /iu/ stojí nedifúzna fonéma.

Fonologický protiklad D – D⁰ sa manifestuje na grafickej rovine aj pri neutralizácii aj pri alternácii, pričom rozhodujúci vplyv na realizáciu fónického prvku podľa tohto protikladu má vokál, pred ktorým sa príslušný konsonant dostáva do pozície MaxFD – pre konsonantický protiklad D – D⁰ ide o pozíciu pred /a/, /i/, /í/, /o/, /u/, (/á/, /é/, /ó/, /ô/, /ú/) a o pozíciu na absolútnom konci slova.

Množstvo a rozmanitosť písaných a tlačených komunikátov, s ktorými sa v súčasnom období neustále zdokonaľujúcich sa informačných a komunikačných technológií stretávame a nevyhnutne pracujeme, privádzajú k úvahám jednak o tradícii, spôsoboch a pravidlách racionálneho zaznačovania grafických prvkov, jednak o ich fungovaní a platnosti, ale aj pružnosti a schopnosti reagovať na nové javy. Viaceré grafické a ortografické otázky komunikácie vyžadujú, aby sa im v súčasnosti venovala odborná pozornosť prehlbovaním výskumu grafickej sústavy vo vzťahu k zvukovým jazykovým jednotkám.

Zoznam bibliografických odkazov

NOVÁK L.

1931. K problému reformy československého pravopisu. [Odtlačok zo Sborníka Matice slovenskej, 9, sošit 1-4.]

PRAVIDLÁ SLOVENSKEHO PRAVOPISU.

1991. Bratislava : Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. (2., doplnené a prepracované vyd. 1998; 3., upravené a doplnené vyd. 2000.)

RUŠČÁK F.

2002. Štylistika epištolárnych textov. – Prešov: Náuka.

SABOL J.

1978. Pravopisné princípy v slovenčine. – Studia Academica Slovaca. 7. Prednášky XIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, s. 485-498.

SABOL J.

1981. Teoretické východiská slovenskej fonológie. – Studia Academica Slovaca. 10. Prednášky XVII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. Š. Ondruš. Bratislava: Alfa, s. 391- 402.

SABOL J.

1982. Fonetika a fonológia : Metódy fonologického rozboru. – Košice: Rektorát Univerzity P. J. Šafárika. (2. vyd. 1986.)

SABOL, JÁN.

1983. O pravopisných princípoch. – Jazykovedný časopis, 34, s. 26-29.

SABOL J.

1984. A Synthetic Phonological Theory. – Recueil linguistique de Bratislava. 7. Red. J. Ružička. Bratislava: Veda, s. 25-29.

SABOL, JÁN.

1987. Fonologický systém slovenčiny. – Studia Academica Slovaca. 16. Prednášky XXIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, s. 357-384.

SABOL J.

1989. Syntetická fonologická teória. – Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied.

SABOL J.

1990. Syntetická fonologická teória a výskum zvukovej stavby slovenčiny. – Studia Academica Slovaca. 19. Prednášky XXVI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, s. 321- 331.

SABOL J.

1995. Grafické a fonické sústavy. – *Studia Academica Slovaca*. 24. Prednášky XXXI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ved. red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – centrum informatiky a vzdelávania FF UK, s. 158- 163.

SABOL J.

1996. Fonetický a fonologický aspekt hodnotenia zvukových javov slovenčiny. – *Studia Academica Slovaca*. 25. Prednášky XXXII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ved. red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FF UK, s. 183-188.

SABOL J.

1997. Dynamika fonickej sústavy slovenčiny v ostatných desaťročiach. – *Studia Academica Slovaca*. 26. Prednášky XXXIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ved. red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FF UK, s. 137- 147.

SABOL J.

- 1998a. Syntetická fonologická teória a fonologická typológia. – *Studia Academica Slovaca*. 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Edit. J. Mlacek. Bratislava: Stimul – centrum informatiky a vzdelávania FF UK, s. 141-148.

SABOL J.

- 1998b. Zvuková rovina [Podkapitola 3.4 kapitoly 3 Zmeny v jazykových podsystémoch (čiastkových normách)]. – *Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Slovenský jazyk*. Edit. J. Bosák. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii polskiej, s. 68-73.

SABOL J.

2002. K problematike pravopisných princípov v slovenčine. – *Jazykoveda v bibliografii, bibliografia v jazykovede*. Na počesť Ladislava Dvonča. Edit. S. Ondrejovič. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, s. 37-45.

VAŇKO J.

1999. *Komunikácia a jazyk*. – Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa.

-
1. Alebo referencia pre zahraničných slovakistov o monografii vydanéj na Slovensku: Očenáš I. 2007. *Fónická a grafická sústava spisovnej slovenčiny : Vývin a korešpondencia ich prvkov*. Banská Bystrica: Pedagogická fakulta Univerzity Mateja Bela. 216 s.
 2. Dolným indexom označujeme príslušnú koalescentnú morfofonému. K termínu koalescentná morfofonéma pozri: Sabol J. 1989, s. 29-30, 139-140.
 3. Morfofonéma, ktorá podľa konsonantického protikladu $D - D^0$ nie je v pozícii MaxFD jednoznačne identifikovateľná, ale v pozícii pred fonémou s príznakom V je súčasne v pozícii MaxFD podľa protikladu $Vc - Vc^0$, zaznačuje sa grafémou, ktorá korešponduje s korelačnou morfofonémou vymedzenou v pozícii MaxFD podľa protikladu $D - D^0$, t. j. píše sa podľa slabieho pravopisného princípu. V takýchto prípadoch index 2, ktorým sa označuje koalescentná MFm vzhľadom na protiklad $D - D^0$, uvádzame v okrúhlych zátvorkách.

Celebrity na karnevalovom pódiu: úvahy o premenách vo vytváraní slovenskej mediálnej popkultúry

Juraj Rusnák

Štúdia analyzuje formy vytvárania, šírenia a spotreby obrazov osobností v prostredí slovenských elektronických médií. Osobitný dôraz venuje skúmaniu ich úlohy pri vytváraní karnevalového statusu súčasnej populárnej kultúry na Slovensku.

Začiatkom februára minulého roku mohli zažiť obyvatelia sídliska Podbreziny v Liptovskom Mikuláši nevšednú udalosť: na celom priestore sídliska sa rozoznali v testovacom vysielaní amplióny nového, moderného mestského rozhlasu. Namiesto hudby, pozdravov občanom či informácií o živote mesta však počuli v ten deň prekvapení poslucháči monológy nahnevaného muža, plné hrubých nadávok. Zástupcovia mesta Liptovský Mikuláš celú nepríjemnosť potom vysvetľovali tým, že do skúšobného vysielania mestského rozhlasu prenikol neznámy recesista.¹ O túto kurióznú udalosť sa, samozrejme, začali zaujímať aj komerčné médiá² a amatérske videá z pirátskeho vysielania sa objavili aj na internete.³ Pirátske zvukové vulgarizmy, ktoré zneli v Podbrezinách, pritom neboli mediálnemu publiku celkom neznáme – na internete kolovali už dávno predtým a ich „autorom“ je jeden z obyvateľov prievidského paneláku, zvaný Laco Meliško. Meliškovy monológy, plné agresivity, vulgárnosti, ale aj nechceného humoru, si už pred zverejnením v Liptovskom Mikuláši vypočulo mnoho užívateľov internetu, sú stále kopírované a šírené na diskusných fórach a na sociálnych sieťach.⁴

Celebrity a telebrity: poznámky o povahe mediálne vytváraných osobností

Cecilia Tichi v knihe s príznačným názvom *Elektronická piecka: proces vytvárania americkej kultúry* uvažuje o statuse tzv. simulovaného mediálneho hrdinu: podľa autorky je v kultúre telematických médií hrdinom ten, kto dokáže kumulovať a následne šíriť emócie (Tichi v intenciách M. McLuhana uvádza

príklad, ako sa tele-hrdinom stal americký prezident J. F. Kennedy).⁵ Emotívna predispozícia Superhrdinu (*Super Hero*) fungovala relatívne dôsledne už v časoch zrodu modernej populárnej kultúry: jeho mediálnou kvintesenciou môže byť nielen fungovanie Supermana v priestore komiksu, resp. filmu, ale aj účinkovanie tzv. Marlboro Mana v prostredí reklamy či „Rockovej hviezdy“ (*Rock Star*) v priestore modernej populárnej hudby.⁶ Povrchové skenovanie emócií a ich silnejúca štandardizácia v ére elektronických médií, také príznačné pre svet Laca Meliška, však spôsobili, že *superhrdinov popkultúry* čoraz intenzívnejšie nahrádzajú *celebrity* – imidžové kondenzáty osobností, ktorých hlavným znakom je prítomnosť v priestore médií a jej následné množenie. Na príbehu slávy Laca Meliška možno dokumentovať, že označenie *celebrita* dnes nemusí reprezentovať reálneho človeka (Meliško pritom možno naozaj existuje, pre jeho mediálnu existenciu je to však vedľajšie), skôr odkazuje na súbor znakov, „formát“, ktoré termínu *osobnosť* prisudzuje kultúra v aktuálnom čase a priestore. Daniel Boorstin už pred štyridsiatimi rokmi vtipne charakterizoval celebritu ako *osobu, ktorá je dobre známa tým, že je dobre známa*⁷ a odhalil tak jej najdôležitejšiu vlastnosť: jej extenzívny charakter. Pre udržanie statusu celebrity je preto najdôležitejšie jej okamžité *šírenie*, jej aktuálne ovládnutie čo najväčšej šírky (najmä mediálneho) priestoru: spomínané videonahrávky z pirátskeho vysielania v Liptovskom Mikuláši si na internete pozrelo takmer desaťtisíc ľudí. V súvislosti s neprehliadnuteľnou úlohou médií pri vytváraní dnešných celebrit sa čoraz častejšie hovorí o mediálnych, resp. televíznych celebritách (B. Stejskal použil príhodný termín *telebrita* na označenie celebrity, ktorá žije v priestore médií vlastným životom, médiám vďačí nielen za zrod a prípadný zánik, ale aj za vlastný „životný priestor“, napr. v prostredí mediálne živených fanklubov⁸).

V duchu zásady, že dôležité nie je ani tak to, čo *bolo* a čo *bude*, ale čo *práve je*, dominujú v štruktúre mediálnej celebrity, resp. telebrity – na rozdiel od podôb štandardného hrdinu – skôr extenzívne než intenzívne a skôr aktuálne než gnómičné parametre (slovami D. Boorstina: *The hero is the big man, the celebrity is the big name*⁹). Unikátnosť, až vznešenosť počínania (literárneho) hrdinu Dona Quijota je nahradzovaná triviálnosťou, až lascívnosťou prejavov (mediálnej) celebrity Laca Meliška – hoci v oboch prípadoch má počínanie protagonistov zreteľne tragikomické vyústenie.

Karnevalové kontúry tvorby celebrit na Slovensku

Celebrita je „textom“ určeným na „čítanie“, je, ako sa usilujeme dokázať, spoločným autorským dielom médií a ich publika podľa indícií kultúry, ktorá tento spoločný autorský čin umožnila. Douglas Rushkoff už dávnejšie konštatoval, že rozširovanie mediálnych informácií nápadne pripomína spôsob prežívania vírusových organizmov.¹⁰ Postupné mutovanie obsahu pôvodnej správy, ktorá sa extenzívnym pohybom v mediálnej prevádzke stále viac „nabaľuje“ o komplexné sociokultúrne mýty (Rushkoff ich nazýva *memy*) možno dokumentovať na kreovaní profilov troch súčasných domácich „telebrít“ – Nory Mojsejovej, Mária Toráča a Martinky z Turca. Predovšetkým, vo všetkých troch prípadoch možno identifikovať postupnú extenzifikáciu profilu celebrity: obraz mediálnej osobnosti sa stáva plastickejšim, použiteľnejším v rôznych mediálnych variáciách: Nora Mojsejová už nie je len úspešná podnikateľka z východného Slovenska a účastníčka reality show, ale aj moderátorka vlastných diskusných programov a súťažných show a najnovšie aj domáca kuchárka¹¹; Mário Toráč nie je len účastníkom módnych prehliadok a moderátorom nočných interaktívnych televíznych súťaží, ale aj hlavným protagonistom zábavných relácií s prvkami reality TV¹² a Martina (známejšia skôr ako Kleopatra z Turca) okrem vystúpenia v tzv. dating reality show *Farmár hľadá ženu* a následných spin-off projektoch – vianočnom špeciáli TV JOJ¹³ či relácii *Chutíš mi*¹⁴ účinkuje aj v hudobnom biznise.¹⁵ Dôležitým rysom produkcie celebrity sa však stáva nielen jej schopnosť permanentného šírenia, ale aj samotná predispozícia nevšednosti, kurióznosti: všetky tri vyššie vymenované slovenské „telebrity“ konajú (a možno aj žijú) neštandardne, ich správanie osciluje na hranici noriem (a často aj za touto hranicou). To všetko preto, lebo mediálna celebrita musí vedieť zaujať nielen svojimi schopnosťami diskutovať s ľuďmi, riešiť problémy ľudí v komunálnej politike, spievať či výborne variť, ale predovšetkým rýchlo upútať pozornosť publika svojím jedinečným správaním, nekompatibilitou svojho osobnostného profilu s okolím. Požiadavka okamžite zaujať pozornosť je, pravdaže, pochopiteľná – produkovanie celebrity je silne aktualizované a čas jej možnej prezentácie rýchlo plynie. Vďaka tomu získava mediálne publikum recepčnú ne/výhodu – pri identifikácii novej mediálnej celebrity nepotrebuje takmer žiadnu

interpretačnú námahu, nová mediálna osobnosť je formálne nápadná, nevšedná, prečnieva nad ostatnými, nemožno ju prehliadnuť.

Samotný výkyv z komunikačného štandardu môže mať pri vytváraní štruktúry objektu mediálneho záujmu rôzne podoby. Najjednoduchšou indíciou je kurióznosť samotnej existencie predstavovanej osoby – podľa tohto receptu sa v médiách objavujú trpaslíci ľudia, najstarší obyvatelia krajiny či päťročatá, teda tí, ktorí si svoju kurióznosť nesú stále so sebou ako prirodzenú výbavu. Inou frekventovanou možnosťou je predstavovať mediálnemu publiku ľudí, ktorí sa venujú nevšedným, až extravagantným záľubám – od objaviteľov stratených svetov, chovateľov jedovatých plazov až k zberateľom vypálených žiaroviek. Dôležitou predispozíciou pri kreovaní potenciálnej mediálnej osobnosti môže byť aj život v kontroverznom prostredí (barové tanečnice, klienti protialkoholických liečební či pracovníci kremačných zariadení), prípadne ich vzájomná kombinácia (v jednom zábavno-súťažnom programe s prvkami reality TV súťažili proti sebe pracovníčky erotického salónu a dôchodkyne z miestneho cirkevného spoločenstva¹⁶). Tieto univerzálne pravidlá ovplyvňujú zásadným spôsobom generovanie mediálnej celebrity: predpokladá sa, že budúca mediálna osobnosť bude „vybavená“ nečakanými, často kontroverzne prijímanými prejavmi na verejnosti (silný dôraz na tento fenomén odlišuje profil štandardného formátu mediálnej celebrity od iných osobností kreatívnej ľudskej činnosti, porov. cyklus dokumentov o významných osobnostiach kultúrneho a umeleckého života na Slovensku, ktorý v roku 2005 uviedla STV Košice pod názvom *(Ne)celebrity*¹⁷).

Ukazuje sa teda, že pri produkovani statusu súčasnej mediálnej celebrity sa používajú dva dôležité, povšimnutiahodné fenomény: prvým je disproporčnosť profilu, ktorá jej umožňuje mediálne publikum zaujať, druhým je postupná extenzifikáciou jej mediálneho života, ktorá jej umožňuje u mediálneho publika prežiť. Naplniť obe tieto požiadavky nie je jednoduché bez trvalého záujmu masového publika. Celebrity na slovenskom karnevalovom mediálnom javisku preto ponúkajú publiku emócie, ktoré najlepšie naplňajú požiadavku prežívať komunikáciu *tu a teraz*, ponúkajú ich stále a to prostredníctvom dramaturgicky ošetrovaných výstupov (paradoxne, niekedy aj po završení vlastného fyzického života, ako ukazujú medializované zábery z pohrebu speváckej hviezdy Michaela Jacksona). Emomémy, komplexné súbory znakov komunikácie, v ktorých je

najdôležitejšou informačnou hodnotou ich emotívna potencia, pomáhajú takéto udalosti spájať do permanentnej extatickej feérie – zo života celebrity sa tak nevyhnutne vytráca obyčajnosť, všednosť, jej mediálny fanklub to prinajmenšom tak očakáva. Stále intenzívnejšia prítomnosť mediálnych eventov v programingu elektronických médií (ako jeden z posledných možno uviesť reláciu reality TV o Martinke z Turca, ktorý TV JOJ uviedla na Štedrý večer 2010¹⁸) je preto lapidárnym dôsledkom skutočnosti, že projekcie slávnych mediálnych osobností sa organizujú hlavne z emócií a pre emócie.

Leonid Grinin v štúdii *Spoločenstvo celebrit* konštatuje, že základnými piliermi modernej spoločnosti sú moc, bohatstvo, prestíž, status a privilégia.¹⁹ Ukazuje sa, že všetkými týmito hodnotami dnešná slovenská mediálna celebrita disponuje, je preto viac „znakom času“, ktorý žijeme, než sa na prvý pohľad môže zdať.

LITERATÚRA

AUGUSTÍN, R. – KOČIŠEK, L.

Aha! Dvaja v tom priniesli rekord Obchodu so šťastím. <http://medialne.etrend.sk/televizia-spravy/b-aha-dvaja-v-tom-priniesli-rekord-obchodu-so-stastim-b.html>

BLAHOVÁ, M.

Šokujúca minulosť Mária Toráča: Drogy a prostitúcia?! <http://www.cas.sk/clanok/97036/sokujuca-minulost-maria-toraca-drogy-a-prostituticia.html>

BOORSTIN, D.

1992 The Image: A Guide to Pseudo-events in America, 1992.

DOLLY BUSTER.

<http://www.celebrity-planet.info/dolly-buster>

GRININ, L. E:

2009. 'People of Celebrity' as a New Social Stratum and Elite. In: GRININ, L. E. – KOROTAYEV, A. V. (eds.) *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Cultural Dimensions*. Moscow, Krasand 2009, s. 183-206.

FARMÁRKA MARTINKA Z TURCA:

400 eur za vystúpenie. <http://www.pluska.sk/soubiznis/spravy-klebety/nase-celebrity/farmarka-martinka-z-turca-400-eur-za-vystupenie.html>

HUSÁROVÁ, L.

Z Farnárky Martinky sa stala Popoluška! <http://promi.noviny.sk/promi-clanky/23-12-2010/z-farmarky-martinky-sa-stala-popoluska.html>

CHUTÍŠ MI, MARTINKA!

<http://www.chutismi.sk/chutis-mi-novinky/martinka-chutis-mi.html>

LADISLAV MELIŠKO

<http://www.facebook.com/melisko>

LISTÁREŇ, KATOLÍCKE NOVINY,

2005. č. 5, 30. 1. 2005. http://www.katnoviny.sk/Kn_2005/05_2005/listaren.htm

MÁRIO TORÁČ, FACEBOOK.

http://www.facebook.com/pages/Mario-Torac/69268262931?v=photos#!/pages/Mario-Torac/69268262931?v=app_2373072738

MELISKO V MESTSKOM ROZHLESE V LIPT. MIKULASI(PART1).

<http://www.youtube.com/watch?v=GnBVaNYrlvw>

MELIŠKO – CIBUEA.

http://www.mojevideo.sk/video/7869/melisko_cibula_1_cast_%28fotky%29.html

MELIŠKO V ROZHLESE.

<http://www.youtube.com/watch?v=mlpwUfQA3oE>

NORA MOJSEJOVÁ JE LEPŠIA AKO HAMŠÍK A BANÁŠOVÁ!

<http://noviny.joj.sk/showbiznis/6-9-2010/clanok/nora-mojsejova-je-lepsia-ako-marek-hamsik.html>

NÉMETHOVÁ, R.:

Otvorená spoveď Marianny Ďurianovej o manželstve s Boučkom. <http://korzar.sme.sk/c/4468194/otvorena-spoved-marianny-durianovej-o-manzelstve-s-bouckom.html>

PAŠKA, M.:

Z mestského rozhlasu zneli nadávky. <http://liptov.sme.sk/c/5224963/z-mestskeho-rozhlasu-zneli-nadavky.html>

RUSHKOFF, D.:

Media Virus. New York, Ballantine Books, 1994. 366 s.

SMYTH, GARRY:

‘I’d Love to Turn You On’: The Beatles’ *Sgt. Pepper’s Lonely Hearts Club Band* (1967), 2000, s. 175.

STEJSKAL, B.:

Týždňovka: BOTO, Bohumilov OTO 2007. <http://medialne.etrend.sk/televizia/clanok.php?clanok=4616>

Z KUCHYNE STV:

Tvorcovia TŠ STV Košice získali ďalšie ocenenia. <http://www.stv.sk/stv/press/tvor-covia-ts-stv-kosice-ziskali-dalsie-ocenenia/>

ZAMBOJ, M. – KOUDELOVÁ, J.: MARTINA – POPOLUŠKA Z TURCA.

Najsledovanejší vianočný program! <http://promi.noviny.sk/promi-clanky/25-12-2010/martina-popoluska-z-turca-cast-druha.html>

-
1. PAŠKA, M.: Z mestského rozhlasu zneli nadávky. <http://liptov.sme.sk/c/5224963/z-mestskeho-rozhlasu-zneli-nadavky.html>
 2. Meliško v rozhlase. <http://www.youtube.com/watch?v=mlpwUfQA3oE>
 3. Melisko v mestskom rozhlase v Lipt. Mikulasi(Part1). <http://www.youtube.com/watch?v=GnBVaNYrlvw>
 4. Pozri napr. Necyklopédia: Meliško. <http://necyklopedia.wikia.com/wiki/Meli%C5%A1ko> (11. 4. 2010)
 5. TICH, C.: *Electronic Hearth: Creating an American Television Culture*, 1991, s. 158.
 6. SMYTH, Garry: 'I'd Love to Turn You On': The Beatles' Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band (1967), 2000, s. 175.
 7. BOORSTIN, D.: *The Image: A Guide to Pseudo-events in America*, 1992, s. 47.
 8. STEJSKAL, B.: Týždňovka. BOTO – Bohumilov OTO 2007 (online), 2009.
 9. BOORSTIN, D.: *The Image: A Guide to Pseudo-events in America*, 1992, s. 61.
 10. RUSHKOFF, D.: *Media Virus*, 1994, s. 35-36.
 11. Nora Mojsejová je lepšia ako Hamšík a Banášová! <http://noviny.joj.sk/showbiznis/6-9-2010/clanok/nora-mojsejova-je-lepsia-ako-marek-hamsik.html>
 12. BLAHOVÁ, M.: Šokujúca minulosť Mária Toráča: Drogy a prostitúcia?! <http://www.cas.sk/clanok/97036/sokujuca-minulost-maria-toraca-drogy-a-prostituticia.html>
 13. ZAMBOJ, M. – KOUDELOVÁ, J.: Martina – Popoluška z Turca. Najsledovanejší vianočný program!<http://promi.noviny.sk/promi-clanky/25-12-2010/martina-popoluska-z-turcacastduha.html>
 14. Chutíš mi, Martinka! <http://www.chutismi.sk/chutis-mi-novinky/martinka-chutis-mi.html>
 15. Farmárka Martinka z Turca: 400 eur za vystúpenie. <http://www.pluska.sk/soubiznis/spravy-klebety/nase-celebrity/farmarka-martinka-z-turca-400-eur-za-vystupenie.html>
 16. Listáreň. Katolícke noviny, 2005, č. 5, 30. 1. 2005. http://www.katnoviny.sk/Kn_2005/05_2005/listaren.htm
 17. Z kuchyne STV: Tvorcovia TŠ STV Košice získali ďalšie ocenenia. <http://www.stv.sk/stv/press/tvorcovia-ts-stv-kosice-ziskali-dalsie-ocenenia/>
 18. HUSÁROVÁ, L.: Z Farmárky Martinky sa stala Popoluška! <http://promi.noviny.sk/promi-clanky/23-12-2010/z-farmarky-martinky-sa-stala-popoluska.html>
 19. GRININ, L. E: 'People of Celebrity' as a New Social Stratum and Elite. In: GRININ, L. E. – KOROTAYEV, A. V. (eds.): *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Cultural Dimensions*. Moscow, Krasand 2009, s. 183-206.

История русского языка: общество и язык

Виктор Александрович Федосов

Введение. Для написания данной статьи послужили две причины. Первая причина – наши наблюдения за тем, какие события происходят сейчас в России, в российском обществе, и как они отражаются в современном русском языке – по материалам газет, радио, телевидения, интернета и др., – в целом, не очень приятные события, с не очень приятным их отражением в языке. Вторая причина – это знакомство с книгой С.А. Лавровой «Русский язык. Страницы истории» (Лаврова С.А. 2008). В книге излагается история России с самого начала и до самых последних дней XXI века. Излагается также и то, как эта история обуславливает состояние языка. Издана книга в серии «История России» (Московское издательство «Белый город») и адресуется школьникам. Книга не большая по объему (всего 48 стр.), написана простым языком, понятным для школьников, содержит, как надо полагать, проверенные факты как в отношении самой истории, так и в отношении языка, отражающего эту историю. В книге много цветных иллюстраций. Много языковых примеров, в основном из области лексики, так как история отражается прежде всего в лексике. Ниже, когда надо будет выразить ту или иную нашу мысль о соотношении между жизнью русского общества и жизнью русского языка на том или ином этапе российской истории, мы будем приводить цитаты из этой книги. Надеемся, что в таком случае наша мысль будет звучать убедительнее.

Начнем, например, со следующей цитаты: «Когда жизнь народа круто меняется, язык реагирует тут же: появляются новые слова, меняется грамматика. Было принятие христианства, татаро-монгольское иго, Петровская эпоха, эпоха Екатерины, научно-техническая революция, Октябрьская революция – все бурные времена отражал язык, как зеркало» (Лаврова С.А. 2008: 29).

Материал книги свидетельствует о трех видах соотношения между обществом и языком:

- 1) общество развивается – развивается и язык;

- 2) общество останавливается в своем развитии – язык тоже останавливается;
- 3) общество «идет назад» – деградирует и язык.

1. Начало русского языка. О начале русского языка С.А. Лаврова пишет как о происхождении языка вообще: «Одни ученые утверждают, что первыми были слова звукоподражательные... Другие выдвинули «теорию ой-ой»... Третья теория – «ням-ням» – предполагает, что язык начался с тех первых звуков, которые произносит младенец, еще не умеющий говорить: «уа-уа», «ба-ба-ба», «ма-ма-ма»... Есть еще теория, что первым было словорудие, помогающее в охоте и труде: «дай», «брось»...» (с. 4-5).

Действительно, чтобы представить себе, как появляется русский язык, надо проследить, как начинают говорить русские дети. Можно проследить и то, с чего начинается освоение русского языка как иностранного. Но ясно одно: становление человека, человеческого общества обуславливает и становление языка, см. 1-ый вид соотношения между обществом и языком: появляется общество – появляется и язык.

Далее в книге С.А. Лаврова пишет об индоевропейских племенах, которые жили в XIII-VI веках до н.э., в Европе: «...славяне – индоевропейский народ, потомки удивительных кочевников, сочинивших «Ригведу», братья индусов, иранцев, французов, литовцев... Например: *мать* – по-литовски «мотэ», по-ирански «мата», по-индийски «мата», по-немецки – «муттер», по-гречески – «матер»» (с. 6-7). В санскрите, в древнем индийском языке, есть много слов, общих с русскими словами, например: русское выражение *Тот – ваш дом*, *этот – наш дом* на санскрите звучит: «Тат вас дам, этат нас дам» (с. 7).

Распад единого индоевропейского племени означал и распад единого индоевропейского языка. Явно, что здесь проявился 3-ий вид соотношения между жизнью общества и жизнью языка: распалось общество – распался и язык.

2. Древнерусский язык: VII-X вв. В II-VII веках из индоевропейцев выделились славяне со своим общеславянским языком (Восточная Европа). После VII века славяне разделились на три части: восточные славяне,

западные и южные, – каждые со своим языком. У восточных славян к VIII веку оформляется общий древнерусский язык. Восточные славяне контактировали не только с западными и южными славянами, но и с соседними тюркскими племенами. Соответственно, в древнерусский язык проникала лексика из соседних языков. Например, в VI веке на земле нынешней Венгрии жило тюркское население обры, которое перестало существовать, когда туда пришли кочевники венгры. В русском языке это слово сохранилось в пословице «Погибоша, аки обры». Венгры переняли это слово – стали тогда называть себя «угры».

Хотя племена в Европе перешли к оседлому образу жизни, однако система жизни оставалась как у кочевников (родовой строй). Это означало дальнейшее расчленение общества, что отразилось не только в лексике древнерусского языка, но даже в его грамматике и фонетике. Например, сократилось число падежей (не стало звательного падежа); сократилось количество склонений (из 7-ми склонений осталось только 3); сократилось число времен у глаголов (было 9, а стало 3); в фонетике исчезли носовые гласные, выпали редуцированные гласные, исчез двугласный звук «ять». Вряд ли это надо считать совершенствованием языка – язык продолжал разрушаться вместе с разрушением общества. По-прежнему имеет место 3-ий вид соотношения между обществом и языком: разрушается общество – разрушается и язык.

Но в IX-X веках у восточных славян наступило «время перемен». Так в книге С.А. Лавровой называется целая глава – с подзаголовком «Эпоха крутого поворота» (с. 15-18).

Наиболее значительным событием у восточных славян было принятие христианства в 988 году. В это время вошел в русскую культурную жизнь древнеболгарский (старославянский) язык. На нем писались церковные книги, велось богослужение в церквях. В древнерусском языке появилось много старославянских слов (*глава, град, глас, око* и др.), появились новые суффиксы у существительных (*брат-ство, отч-изна, иска-тель, воспоминание* и др.), появились причастия (*гор-ящий, плач-ущий* и др.). Впоследствии в русском языке, прежде всего благодаря старославянскому языку, стала складываться стилистика, ср.: *голова – глава, город – град, глаз*

– *око* и т.д. (первое слово – русское – было нейтрального стиля, а второе, старославянское, – высокого стиля). Русские люди стали называть себя по-другому, используя греческие имена православных святых: *Василий*, *Иван* и т.д., отказываясь от старых языческих имен.

Все эти перемены в древнерусском языке и культуре произошли в результате перемен в жизни восточнославянского общества: формирование феодального хозяйства, появление древнерусского государства со столицей в Киеве, распространение этого государства на другие восточнославянские земли. В это время (IX-X вв.) явно обнаруживал себя 1-ый вид соотношения между жизнью общества и жизнью языка: общество развивалось – развивался и язык.

3. Старорусский язык: X-XV вв. Когда появился старорусский язык, один из трех восточнославянских языков (русский, украинский, белорусский), – представляет собой трудный вопрос. Старорусский язык начал складываться в X веке. Процесс шел пять веков. Изменения происходили прежде всего в области лексики. Многие слова изменяли свои значения, например: *зеленый* (было только *зелено вино*), *белый* (были *белые очи*), *супруги* (было: *упряжка лошадей*) и мн. др. Более существенные изменения произошли в XII – XIII веках в фонетике: оглушение звонких согласных в конце слова: *град* (*грат*), *кров* (*кроф*) и др. Эти изменения в русском языке не были быстрыми – в соответствии с тем, что не были быстрыми изменения и в русском средневековом обществе – с его раздробленностью, с разными столицами в разных русских землях, со страшной междоусобной борьбой между князьями-феодалами, с братоубийством и т.д. Но, тем не менее, вполне можно утверждать, что в это время, пусть и очень медленно, реализовывалось 1-ое соотношение между обществом и языком: общество развивалось – развивался и язык.

XIII-XV века – это эпоха татаро-монгольского ига на Руси, с большими негативными последствиями не только для жизни русского народа, но и для русского языка и культуры. Русские реалии вытеснялись татарскими реалиями. Вместе с татарскими реалиями на Русь приходили и тюркские слова. Так как русские люди плохо знали татарский язык, то эти тюркизмы

при заимствовании резко изменяли свой звуковой облик, например: *хозяин* – от тюрк. «ходжа», *товарищ* – от тюрк. «тавар эш», *лошадь* – от «алаша», *итаны* – от «иштон», *караул* – от «кара авыл» и т.д. В целом же, несмотря на заимствованные слова (кстати, заимствование чужих слов в большом количестве – это тоже признак деградации языка), время татарского присутствия на Руси – это время, утверждает С.А. Лаврова в вышеназванной своей книге, «интеллектуального молчания» (с. 26). Русский язык и русская культура в это время не только не развивались, но – разрушались, вместе с разрушением русского государства. Явно проявилось 3-е соотношение между обществом и языком: упадок русского общества и упадок русского языка.

Однако к концу татарского присутствия на Руси положение стало меняться к лучшему. К этому времени перестала существовать Византия. Православная Москва приняла на себя роль «третьего Рима» – стала объединять вокруг себя русские земли. В XIV-XV веках Московское княжество стало независимой Россией – бывшая Русь расчленилась на две части. Одна часть подпала под влияние Польши (Галиция, Украина), а на другой части господствовала Литва. Постепенно образовалось три восточнославянских языка (с различиями в языках). Но возрождение восточного славянства пришлось только на долю Москвы. К этому времени уже явно сложился русский (великорусский) язык. Именно применительно к Москве, применительно к русскому языку надо говорить в это время о 1-ом соотношении между обществом и языком: независимая Москва обусловила независимый русский язык.

Но общество может «остановиться», перестать развиваться – останавливается в своем развитии и язык: проявляется 2-ое соотношение между обществом и языком. К этому времени С.А. Лаврова относит Смутное время (конец XVI – начало XVII века): гибель царской династии и государства, иностранное нашествие, кризис веры и т.д. Язык тоже не развивался. С.А. Лаврова пишет: «Ни новых слов, ни новых выражений, ни новых закономерностей... Время было таким страшным, что произошло нечто вроде паралича – не отреагировал язык на такое крушение всего. В медицине это называется «запредельное торможение», когда на очень сильный раздражитель организм просто не реагирует» (с. 30).

После Смутного времени Русское государство стало идти вперед: выбрали царя, стал заседать Земский собор (своеобразный парламент), появилось судопроизводство, пошла торговля с Европой и др. Стал в это время развиваться и язык: появилось много новых слов на основе собственного словообразования, развивалась многозначность (*нос* – на лице, *нос* – взятка в суде). Дифференцировались многие грамматические формы, ср. *идти по воду* (принести воды) – *идти за водой* (плыть вниз по реке).

На основе торговли с Европой в русском языке появились и заимствованные слова (*армия, багаж* и др.) Но в эпоху развития общества заимствований бывает немного. В России в это время была дискуссия о заимствованных словах. А. Шишков говорил, что не надо допускать в русский язык иностранных слов, заменяя их русскими словами: *фонтан* – «водомер», *тропуар* – «топталыще» и др. Напротив, Н. Карамзин писал, что – надо допускать, но не надо допускать русских народных слов (*парень* и др.). Более правильной была «языковая политика» М. Ломоносова, который, например, соединил два литературных языка – русский и церковно-славянский, создав три стиля речи: 1) высокий стиль – с преобладанием церковно-славянских слов, 2) низкий стиль – состоящий из русских слов, 3) средний стиль, в котором допускаются вместе и те, и другие слова. Сам Ломоносов создал много новых слов на русской основе, которые вошли в русский язык. Он также написал первую в России обстоятельную грамматику русского языка. XVIII век в России – век Просвещения, век абсолютной монархии (Екатерина II), расцвет феодального хозяйства; 1-ое соотношение между обществом и языком (общество развивалось – развивался и язык).

4. Современный русский язык: XIX век. Термин «современный русский язык» обычно употреблялся в смысле: «от Пушкина до наших дней». Но употребление «от 60-ых годов XIX в. до наших дней», – является, по нашему мнению, все-таки, более точным. Пушкин – это, конечно, очень хорошее начало в создании литературных жанров в русской художественной литературе, – путем соединения собственно русского языка, на котором говорило русское дворянство, иностранных слов, прежде всего

французских и народных слов, которые Пушкин слышал от своей няни и на городских рынках. Но все-таки современный русский язык «настоящему» начался в 60-ые годы XIX века, когда в России начало складываться капиталистическое общество. В упомянутой книге С.А. Лавровой говорится о царе Александре II – освободителе крестьян, от которых пошел рабочий класс. Вместе с портретом Александра II в книге помещены репродукции картин Савицкого и Репина, рассказывающих о забастовках, о манифестациях рабочих. Приводится много примеров новых слов, именующих реалии тогдашней общественно-экономической жизни России: *прогресс, класс, социальный вопрос, забастовка, баррикада* и др. С.А. Лаврова пишет: «А еще появилось много технических терминов. Еще бы – научно-техническая революция: торжествует наука, развивается промышленность» (с. 39). Капитализм во второй половине XIX века в России был еще молодым, поэтому прогрессивным. Хотя частная собственность и обуславливала частнособственническую мораль: любви самого себя (в отличие от коллективизма русских крестьян, всегда живших в общине), но конкуренция способствовала тогда развитию личности. Становление нового социально-экономического общества обуславливало и развитие языка. В русском литературном языке прибавилось народной, крестьянской, диалектной лексики. Появился «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (1866). Именно в это время (вторая половина XIX века) в России обнаружил себя «Золотой век» русской литературы: Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой и др. Буржуазное общество показывало свои положительные качества. Поэтому не только литература, но и вся культура (живопись, театр и др.) в России были реалистическими. Явно, что во второй половине XIX века реализуется 1-ое соотношение между обществом и языком: жизнь развивалась – она и обусловила «Золотой век» в русском языке.

В конце XIX-го – начале XX-ого века капитализм в мире вступил в эпоху кризиса: он стал монополистическим – появился империализм: захваты чужих стран – превращение их в колонии. Началась Первая мировая война за передел мира между монополиями. Литература, искусство перестали быть реалистическими (неприятно было отражать такую жизнь) – появился

формализм, декаданс, модернизм и др. Язык, как зеркало, сразу отразил этот кризис в обществе и культуре. Среди писателей «Серебряного века» (так они называли свое время, так как «Золотой век» уже миновал) были не только те, кто уходил от изображения реальной жизни в свои салоны (создавал «салонную» литературу), но и те, кто протестовал против такой жизни. Это были футуристы – идеалисты во взглядах на соотношение общества и языка. Они говорили: «... придумаем новые слова – и жизнь изменится, станет новой, справедливой, красивой» (Лаврова С.А. 2008: 40). Но материализм свидетельствовал, что конец XIX и начало XX века – это кризис общества, соответственно и кризис языка: 3-ий вид соотношения между обществом и языком.

5. Современный русский язык: XX век. Соответствующая глава в книге С.А. Лавровой называется: «Революционный взрыв» с подзаголовком: «Переломный 1917-й». Автор пишет: «Чем больше меняется жизнь, тем больше меняется язык – а в 1917-ом году жизнь изменилась круче некуда. Изменились нормы литературного языка – он стал «проще», ближе к народному, более «неправильным», что ли... Народ торопился: надо срочно строить новую жизнь, восстанавливать хозяйство. Речь стала еще более быстрой, полностью выговаривать слова было некогда – отсюда мода на всевозможные сокращения – *колхоз* вместо «коллективного хозяйства»; *ГОЭЛРО* вместо «государственная электрификация России...» (с. 42). Автор книги приводит много новых слов (не заимствованных): *пятилетка*, *субботник* и др. Старые слова уходили из жизни: *гимназия*, *губернатор*, *кадет* и др. Многие слова переосмысливались: *пионер*, *дружинник* и др. Люди стали называть себя новыми именами, как в эпоху Крещения Руси. Автор пишет: «Язык принял такие имена, как *Нинель* (*Ленин* наоборот), *Ким* (коммунистический интернационал молодежи), *Владлен* (Владимир Ленин) и некоторые другие» (с. 43). До сих пор, добавим мы, многие известные русские люди носят эти имена, например историк *Рой* Медведев (революция, Октябрь, интернационал), кинорежиссер *Марлен* Хуциев (Маркс, Ленин), писатель *Виль* Липатов (Владимир Ленин), актриса *Элина* Быстрицкая (электрификация, индустриализация).

С.А. Лаврова пишет: «Революция в обществе совпала с революцией в науке. Для русского языка это было немалым испытанием. Взять хотя бы такую проблему, как придумывание названий для новых материалов и механизмов» (с. 43). Появилось много «космических» слов: «Мы по праву гордимся, что в разные языки мира вошло русское слово *спутник*» (с.43). Добавим, что в вузовских учебниках русского языка приводятся целые списки русских слов, которые входили тогда в европейские языки, часто без перевода. Это слова из общественно-политической и производственной жизни: *совет, субботник, ударник, совхоз, разрядка, перестройка, гласность* и др. В английский язык из русского языка входили целые словосочетания (калькирование): *советская власть, парк культуры, дом отдыха* и др. (Фомина М.И. 1990: 192).

Сразу после 1917 года в Россию поехали учиться русскому языку многие иностранцы (в каждом большом городе создавались коммунистические университеты). Впервые появился учебный предмет «русский язык как иностранный». После Второй мировой войны в мире образовался социалистический лагерь – русский язык стал мировым языком. В Советский Союз ехала учиться молодежь самым разным специальностям. В 1967 году в Париже состоялся учредительный съезд Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), отделения которой появились во всех странах мира. В 1966 году в Москве образовался центр по исследованию методов преподавания русского языка как иностранного. В 1974 году образовался, с соответствующими задачами, Институт русского языка им. Пушкина; стал издаваться методический журнал «Русский язык за рубежом», появилось издательство «Русский язык», которое публиковало учебники русского языка для иностранцев.

Добавим, что языковое строительство в СССР касалось не только русского языка, но и языков всех народов СССР: «... за годы культурной революции... было создано около полусотни новых письменностей» (Исаев М.И. 1979: 3, 5). Письменность получили народы, которые никогда ее не имели.

Для советского времени было характерно наличие строгих норм у русского литературного языка и обязательное их соблюдение всеми. Один из известных специалистов по культуре русской речи В.Г. Костомаров

(директор Института русского языка им. Пушкина) писал тогда о русском языке: «Его характеризует упорядоченность фонетики и грамматики, строго обязательные нормы...» (Костомаров В.Г. 1984: 16). И еще он писал: «Обязательная черта советского человека – любовное, разумное, аккуратное обращение с русским языком...» (Костомаров В.Г. 1984: 4).

Несомненно, что в годы Советской власти имело место 1-ое соотношение между обществом и языком: общество развивалось – развивался и язык.

Другой известный специалист по культуре русской речи К.С. Горбачевич в книге «Русский язык. Прошлое, настоящее, будущее», отметив, что «революция необычайно ускорила темпы развития и обновления русского языка» (Горбачевич К.С. 1984: 71), прогнозировал: «...на рубеже XX-XXI веков родится 300-миллионный житель нашей страны... Число ученых удвоится... Развернется в Советском Союзе программа языкового строительства, нормализаторская деятельность, борьба за повышение культуры русской речи...» (Горбачевич К.С. 1984: 152-153). Однако прогнозы К.С. Горбачевича не оправдались. Если капитализм не победил социализм в горячей войне, то он его победил в холодной войне: Советский Союз перестал существовать. Население России стало убывать ровно на один миллион человек в год. Наука не развивается. Ученые уехали из страны. Никакой программы языкового строительства нет. Раньше общественная собственность обуславливала не только коллективизм в нравственности (общее выше личного), но и соблюдение общественных норм, в том числе и норм языка. Теперь, при частной собственности, личная свобода «превыше всего» – нормы языка, общие для всех, не соблюдаются.

90-ые годы XX века историки называют временем «смуты», добавляя: «лихие» 90-ые годы, имея в виду приватизацию общественной собственности, которая проходила в форме захвата, грабежа. Еще один специалист по культуре русской речи Л.И. Скворцов в 90-ые годы пишет: «Эпоху в общественной и языковой жизни, которую мы переживаем..., по праву можно назвать эпохой «смуты» как в общественном, хозяйственном, так и в собственно языковом отношении... В отличие от подлинных переворотов и революций эпоха «смуты» не приводит ни к новым качествам языка, ни к ускорению процесса языкового развития» (Скворцов Л.И. 1996: 46).

Причину эпохи «смуты» в обществе и языке Л.И. Скворцов видит прежде всего в нравственном падении общества: «Мы утратили многие понятия о добре, милосердии, терпимости к чужому мнению», в том числе, добавим, и к нормам языка (Скворцов Л.И. 1996: 19).

Как и всегда в эпоху «смуты» (ср. начало XVII века), реализуется 2-ое соотношение между обществом и языком: общество останавливается в своем развитии – останавливается в своем развитии и язык.

6. Современный русский язык: XXI век. С. А. Лаврова в своей книге так рассказывает школьникам о состоянии русского языка в наши дни – в XXI веке: «Сегодня в русский язык опять хлынул поток иностранных слов, потому что изменилась жизнь и вместе со стремлением к западным идеалам пришли «западные» слова... Вернулись в повседневную жизнь старые слова: *гувернер, гимназия, губернатор*... Возникают новые слова и выражения: *новые русские, отмывание денег, нефтедоллары*...» (с. 46-47). Но особенно беспокоит автора книги следующее: «В последние 15 лет с нормами русского языка стали обращаться слишком вольно. И в газетах, и на телевидении – неправильные ударения, корявые безграмотные фразы. В книгах – жуткое количество ошибок и опечаток» (с. 47). Как сообщило радио, один губернатор в своем поздравлении в адрес детей (по случаю Дня защиты детей) сделал 7 ошибок, в том числе и в слове *Россия*. Автор книги продолжает: «А сколько ругательств мы слышим не только в автобусе и на рынке – на радио, в кино! А ведь мат – это яд для языка. Не потому даже, что это неприлично, а потому, что человек вставляет матерное слово чаще всего тогда, когда не может выразить свою мысль нормальным человеческим языком» (с. 47). Верно, одна газета опубликовала результаты опроса населения: «Площадная ругань звучит в 85% офисов. А ведь это люди с высшим образованием, «белые воротнички»... Ругаясь, «белый воротничок» демонстрирует свободу от условностей, воспитания и культуры...».

Специалисты по культуре речи связывают современное бескультурье в речи с несоблюдением норм речи, с частнособственнической моралью, которая ассоциируется со свободой: что хочу, то и говорю; зачем мне какие-то нормы. В.Г. Костомаров в своей новой книге пишет: «Для общения

людей, для использования русского языка сейчас характерна главная установка нынешних дней на свободу, ... с разгулом своей воли (что хочу, то и ворочу)» (Костомаров В.Г. 1999: 40-41).

«Падение» современной русской речи видят не только лингвисты, но и «рядовые» говорящие. Вот что пишет в газету один ее читатель: «...расхлябанность в отношении родного языка охватило уже все общество. Все средства массовой информации! К примеру, заполнивший отечественный эфир рекламный язык есть не что иное, как идиотское речевое «новаторство», порождающее своеобразную горе-систему языковой бестолковости: *шедевральный хит, супердышащие подгузники*... Выкрикивание по радио и на телевидении через каждые полчаса одной и той же рекламы напоминают о психически больном человеке».

Буйным цветом расцвел в современной России молодежный жаргон, подпитываемый девальвацией образования. В одном из последних научных исследований языка современной молодежи читаем: «Язык молодежи криминализован, ... Молодежная лексика является своеобразным индикатором болезни всего русского языка, показателем тех негативных процессов, которые в настоящее время протекают в языке и обществе (криминализм, пассивность, стремление к наживе, агрессивность и т.п.)» (Грачев М.А., Романова Т.В. 2008: 167).

Все пишущие о современном российском обществе и современном русском языке хотели бы оставаться оптимистами. С.А. Лаврова, заканчивая свою книгу, обращается к юному читателю: «От нас с тобой зависит, чтобы «гордый наш язык» – язык Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого – на века остался «великим и могучим»!» (с. 47).

Верно, не всегда то, что наблюдается сейчас, когда российское общество сделало шаг назад, а вместе с ним сделал шаг назад и русский язык (3-е соотношение между обществом и языком) будет сохраняться. Это соотношение должно обязательно когда-нибудь измениться (замениться другим соотношением). Но когда это произойдет – автор цитированной выше книги, к сожалению, не дает ответа.

Литература

ГОРБАЧЕВИЧ К.С.

1984. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее. (Книга для внеклассного чтения: 8-10-ые классы). – Москва.

ГРАЧЕВ М.А., РОМАНОВА Т.В.

2007. Язык молодежи. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород.

ИСАЕВ М.И.

1979. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). – Москва.

КОСТОМАРОВ В.Г.

1984. Жизнь языка. – Москва.

КОСТОМАРОВ В.Г.

1999. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд. – Санкт-Петербург.

ЛАВРОВА С.А.

2008. Русский язык. Страницы истории. Для среднего школьного возраста. – Москва.

СКВОРЦОВ Л.И.

1996. Русский язык в эпоху «смуты». – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. №3. – Будапешт.

СКВОРЦОВ Л.И.

1999. Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. Книга для учащихся. – Москва.

ФОМИНА М.И.

1990. Современный русский язык. Лексикология. Изд. 3-е. – Москва.

Textové modely: konexia, koherencia, kohézia

Ján Findra

Terminologické pomenovania predstavujú základný inventár príznakovej roviny štýlovej vrstvy náučného textového modelu (Findra, 2004). Ako textotvorné prostriedky zabezpečujú presnosť, jednoznačnosť, pojmovosť, systémovosť, významovú priezračnosť aktuálnych textov (Horecký, 1956, Masár, 1991), ktoré expedienti vytvárajú v priestore tohto modelu povrchovej organizácie textu. Ich sémantika a štylistika nie je závislá ani na kontextovom okolí, ani na vonkajšej situácii. Do textu vstupujú s presne a jednoznačne vymedzeným pojmo-terminologickým obsahom a rozsahom. Vzhľadom na svoju mimotextovú a potom aj kontextovú jednoznačnosť a presnosť, ktorej platnosť je ohraničená definíciou vystihujúcou ich charakteristické znaky a vlastnosti, sa terminologické pomenovania bránia synonymickej variácii i polysémickému rozptylu (významovej vágnosti), a to najmä ak k viacvýznamovosti dochádza v rámci toho istého vedného odboru (Hahn, 1983). Iba tak dokážu plnohodnotne naplňať špecifické potreby odbornej komunikačnej sféry a plniť svoje textotvorné poslanie.

Napriek tomu však nemožno hovoriť o štandardizovanej terminológii, ktorá by bola dlhodobo všeobecne prijímaná. Navyše často sa v odbornej komunikácii ani v tej istej vednej oblasti neuplatňuje jednotné pojmo-terminologické označenie tých istých kategórií, postupov, myšlienkových obsahov. A teda problém utvárania, vymedzovania (definíciou) a kodifikácie terminológie je permanentný. A tak je prirodzené, že vo chvíli, keď dochádza k novým zisteniam vo vedeckom výskume alebo aj k novým pohľadom na staré poznatky, zároveň dochádza aj k pohybu vo vymedzovaní pojmov a k pohybu v ich terminologickom označovaní. Ide tu vlastne z jednej strany o napätie nové zdroje informácií, nové poznatky – doterajšie skúsenosti a konštantné pohľady na isté výseky skutočnosti a zo strany druhej o napätie tradičná pojmo-terminologická sústava – potreba pomenovať nové javy, fakty, skutočnosti a prípadne aj novo terminologicky označiť fakty, javy, skutočnosti, ktoré sa na základe doterajších bádání považovali za výskumne uzavreté. Dynamika vedeckého poznania sa takto odráža vo variabilite terminológie, v jej preskupovaní i v tvorbe nových terminologických pomenovaní.

Zrod nových teoreticko-metodologických pohľadov na jazyk ako dynamický systém, ktoré prehlbujú staré poznatky alebo ich dosť často aj prekonávajú, prináša nielen preskupovanie v hierarchizácii dovtedajších terminologických sústav, ale aj a najmä utváranie nových terminologických pomenovaní, ktoré súvisia s novými zisteniami a ktoré majú pokrývať nové pojmy a kategórie. Svedčí o tom aj vývin myslenia o jazyku v dvadsiatom storočí, a to nielen v súvislosti s rozvojom humanitných vied, ale aj vied prírodných (pozri Černý, 1996).

K takejto situácii došlo aj v druhej polovici minulého storočia, keď si rozvoj textovej lingvistiky (textovej syntaxe) a v tej súvislosti výskum zložiek a častok textu a sledovanie vzájomných vzťahov medzi nimi vyžiadali aj nové terminologické riešenie. Ako je známe, do základnej terminologickej výbavy textovej lingvistiky patrili a dodnes patria pomenovania **koherencia, kohézia i konexia**. A hoci im jednotliví autori dodnes prisudzujú odlišný pojmový obsah, vo všetkých prípadoch sú však semémy týchto terminologických pomenovaní opreté o východiskový význam **vzťahu**. Kategóriu vzťahu spájajú so semémami synonym čiasťkovej zhody, ako napríklad **spojitosť, spätosť, väzba, zviazanosť, kompaktnosť, hustota, vonkajšia i vnútorná organizovanosť, súvislosť** atď. Zrejme s týmto synonymickým (sémantickým) rozptylom súvisí aj nejednotné a pólavo odlišné chápanie i výklad uvedených základných pojmov textovej lingvistiky. Ako o tom podrobne informuje J. Hoffmannová (1993), takmer každý autor používa vlastné pojmovo-terminologické riešenie.

V prvých fázach výskumu sa záujem bádateľov sústredoval predovšetkým na vonkajšie (syntaktické) vzťahy medzi jazykovo-kompozičnými jednotkami textu, ktoré zabezpečovali jeho formálnu, povrchovú kompaktnosť a súdržnosť. Pritom sa, pravdaže, rátalo aj s tým, že táto vonkajšia spojitosť textu implikuje jeho vnútornú organizovanosť, je jej reflexom. To bol zrejme aj dôvod, prečo sa ako s dominantným pracovalo s termínom **konexia**. Textové analýzy boli totiž zamerané predovšetkým na to, ako sa v aktuálnom texte realizujú syntaktické vzťahy medzi stavebnými jednotkami textu za pomoci jazykových a kompozičných *konektorov*.

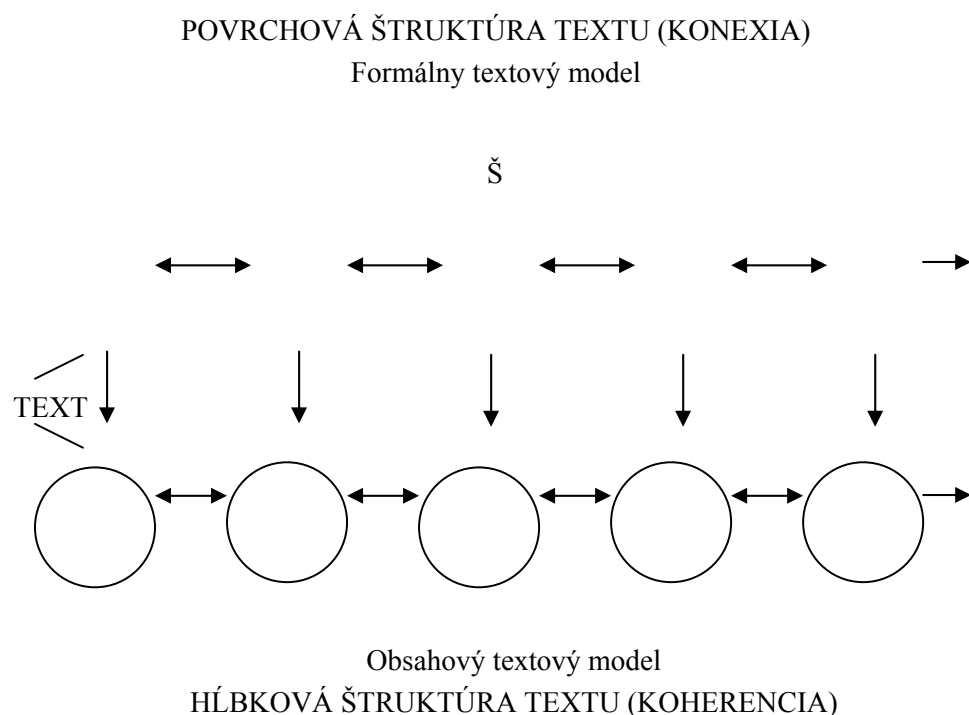
Neskôr, keď sa výskumy a analýzy textu začali postupne orientovať na horizontálno-vertikálne vzťahy medzi jeho obsahovými a formálnymi zložkami a čiastkami, konexia ako termín ustupoval a dodnes sa tieto vzťahy pokrývajú

najmä termínmi **koherencia** a **kohézia**. Pritom – ako možno vydedukovať zo štúdie J. Hoffmannovej (1993) – vzťah medzi nimi riešia jednotliví autori individuálne, používajú ich zamieňavo a v niekoľkorakom uplatnení. Väčšina autorov spája koherenciu s organizáciou obsahovo-tematickej roviny textu, zatiaľ čo kohézia podľa nich sleduje postupnosť a spojitosť prvkov v rámci vetných a nadvetných zložiek a častok textu. Iní autori obidva termíny považujú za synonymá a bez pojmovej diferenciacie ich hodnotia ako základnú podmienku textovosti, vytvorenia zmysluplného textu. Tento prístup je blízky chápaniu, ktoré nerozlišuje medzi koherenciou, kohéziou a konexiou a v rámci analýzy textu sleduje iba syntaktickú, sémantickú a pragmatickú rovinu koherencie, resp. v rámci koherencie hovorí o gramatických (syntaktických) a tematických (sémantických) modeloch, ktoré možno identifikovať iba na hotových textoch. To znamená, že v tomto prípade sa neráta s napätím invariant – variant. Autori, ktorí pracujú so všetkými tromi termínmi, koherenciu spájajú s pragmatickou dimenziou textu, koheziu s jeho sémantickým podložíom a konexia sleduje jeho vonkajšie, formálne usporiadanie. Nie iba v našich podmienkach je známa aj Danešova koncepcia, ktorý konexiu považuje za nadradený termín. V rámci nej sa v koherencii realizujú sémantické vzťahy, ktoré sa potom na úrovni kohézie formálne manifestujú pomocou jednotlivých druhov konektorov. S týmto poňatím čiastočne korešponduje koncepcia, ktorá konexiu považuje za prostriedok intertextovosti. Dodajme ešte, že sú aj autori, ktorí koherenciu spájajú s kategóriou intencie. Na obidvoch úrovniach textovej organizácie potom hovoria o koherencii autorskej intencie, ktorá je podmienkou adekvátnej interpretácie textu a jeho obsahových a formálnych zložiek a prvkov (Compagnon, 2006).

Problematike lingvistiky textu (textovej syntaxi) sa u nás venovala predovšetkým štylistika (Mistrík, Bajžíková, Findra), pričom sa pracovalo s termínom **konexia**. Autori ju vymedzujú ako stavebný princíp, ktorým sa za pomoci konektorov odlišnej proveniencie realizujú kontextové vzťahy (nadväznosť) medzi výpovednými časťami viet (východisko – jadro výpovede), medzi vetami, ako aj medzi nadvetnými kontextovými jednotkami (napríklad odsekmi) (Findra, 1983). Jednotlivé druhy konektorov podrobne analyzuje E. Bajžíková (1979, s. 17 n.). Pravda, slovenská lingvistika neskôr tiež pracovala iba s koherenciou a kohéziou. Niektorí autori však tieto termíny považovali za synonymá (Slančová,

1994), iní s nimi pracovali ako so sémanticky ekvivalentnými slovami, pričom osobitnú pozornosť venovali klasifikácii a charakteristike konektorov v pôvodnej koncepcii E. Bajzíkovej (Dolník – Bajzíková, 1998).

Postupne sa však ukázalo, že pojmovo-terminologické vzťahy medzi koherenciou, konexiou a kohéziou bude vhodné riešiť v rámci teórie textových modelov hĺbkovej a povrchovej organizácie textu (Findra, 2009). V systémovej i v aktuálnej rovine je totiž text funkčná následnosť a viacsmerná vzájomná prepojenosť obsahovo-tematických segmentov (motívov) a jazykovo-kompozičných zložiek a prvkov (štylém). Funkčná prepojenosť obsahových a formálnych jednotiek textu sa manifestuje v ich horizontálno-vertikálnej zviazanosti (Findra, 2000):

Poznámka:

Š = štylémy (jazykové, kompozičné, kinetické)

M = motívy (najmenšie obsahovo-tematické segmenty textu)

V predloženej schéme šípky na horizontálnych osiach signalizujú, že v texte ako lineárnej jednotke, ktorá má v systémovej rovine i v rovine konkrétnej realizácie bilaterálnu povahu, sa obsahové a formálne jednotky navzájom viažu v perspektívnej následnosti. Zároveň naznačujú, že nasledujúca jednotka môže vrastať aj do predchádzajúcej, a tak na ňu perspektívne nadväzovať. Šípky na horizontálnej úrovni z jednej strany poukazujú na synchronizáciu medzi hĺbkovou a povrchovou organizáciou textu, zároveň však pripomínajú, že forma aj v tomto prípade má vo vzťahu k obsahu služobné postavenie, že je jeho reflexom, že sa obsah v nej zrkadlí, že naň poukazuje, a tak ho navonok prezentuje. Toto hierarchické odstupňovanie vzťahov medzi hĺbkovou organizáciou a povrchovou štruktúrou textu je závažné aj z hľadiska dynamického a statického prístupu k textu (pozri Findra, 2004).

Dynamický alebo procesuálny prístup k textu je tvorivý (stvoriteľský). Je to prístup z pozície expedienta, ktorý sa rozhoduje vytvoriť aktuálny text. V prvých fázach tohto tvorivého procesu expedient uvažuje o ukotvení témy v hĺbkovom rozmedzí (pôdoryse) textu a o jej obsahovo-tematickom stvárnení. Robí tak – opäť uvedomene alebo iba intuitívne – na základe komunikačného zámeru, ktorý vzápätí (zároveň) premieta na plochu komunikačného plánu. Je to teda rozhodovanie o hierarchickom usporiadaní obsahovo-tematických segmentov textu a o ich funkčnej následnosti v priestore príslušných textových modelov. V dynamickom alebo procesuálnom prístupe k textu ide teda o usporiadanie **vzťahov** medzi **obsahovými** zložkami a čiastkami témy, medzi **motívmi** ako najmenšími obsahovo-tematickými segmentmi textu. A keďže pritom ide aj o ich časovú, priestorovú alebo o logicko-príčinnú súvislosť, hierarchizáciu a následnosť (Mistrík a kol., 1993), pri pojmovo-terminologickom vymedzovaní tohto procesu ako vnútorne spätého tvorivého aktu bude vhodné zostať pri „klasickom“ termíne **koherencia**, ktorý väčšina autorov spája so sémantickou dimenziou textu (Hoffmannová, 1993).

Už počas formulovania komunikačného zámeru, ale hlavne v čase jeho rozvrhnutia v rámci komunikačného plánu dochádza aj k premost'ovaniu hĺbkovej a povrchovej organizácie utváraného aktuálneho textu. Expedient uvažuje o výbere a usporiadaní výrazových prostriedkov, pomocou ktorých by jazykovo-kompozične stvárnil spracúvanú tému. Rozhodujúcu úlohu prisudzuje verbálnym

štylémam (o pojme **štyléma** pozri Findra, 1984, 2002). Z lexiky vyberá plnovýznamové pomenovania z jednotlivých vrstiev slovnej zásoby, ktoré po gramatickom spracovaní a v spolupráci s neplnovýznamovými slovami syntagmaticky usporadúva v rámci vety ako základnej syntaktickej konštrukcii. Vzťahy, hierarchizáciu a následnosť medzi základnými textovými jednotkami (výpoveďami), ako aj medzi nadvetnými kontextovými jednotkami (najmä odsekmi) na vyššej, kompozičnej úrovni zabezpečuje prostredníctvom väzobných prostriedkov (štylém). Takto na povrchovej úrovni textu formálne zabezpečuje a navonok prezentuje vnútornú spätosť čiastkových obsahov (motívov) v hĺbkovom podloží textu.

A práve pri vymedzovaní tejto zviazanosti a následnosti textových a nadvetných kontextových jednotiek bude vhodné zostať pri „klasickom“ termíne *konexia*. Predovšetkým – pôjde o prirodzený návrat k termínu, ktorý uplatňovali autori prvých prác o textovej syntaxi (Bajžíková, Mistrík, Findra). Nemenej závažné je, že formálnu väzbu medzi vetnými a nadvetnými kontextovými jednotkami zabezpečujú **konektory**. Tieto formálno-významové svorníky medzi susednými a niekedy aj vzdialenejšími stavebnými jednotkami textu (štylémami) sú v genetickom vzťahu s termínom *konexia*.

S konexiou a konektormi súvisí aj statický prístup k textu. Je to prístup percipienta, adresáta, ktorý vníma a interpretuje hotový aktuálny text. Formálna väzba jazykových a kompozičných prostriedkov prostredníctvom konektorov upriamuje jeho pohľad na hĺbkové, obsahovo-tematické vzťahy kontextu a textu. Aj v tomto prípade sa potvrdzuje, že forma slúži obsahu, sprievádza sémantický tok textu, vyznačuje jeho časový, priestorový alebo aj logicko-významový pohyb, vecné alebo pragmatické zameranie. V tomto zmysle konektory kolikujú, vyznačujú textovú trasu. Spolu s ostatnými výrazovými prostriedkami sú pre adresáta zároveň bezprostredným priezorom do hĺbkového, obsahového pôdorysu textu.

V predloženej koncepcii sa koherencia viaže na hĺbkovú organizáciu textu. Je funkčným podložíom textotvornej aktivity autora, lebo mu naznačuje, ako by mal (mohol) v rámci komunikačného zámeru a komunikačného plánu riešiť vnútorné vzťahy medzi čiastkovými obsahmi témy, ich hierarchizáciu a následnosť. *Konexia* sa viaže na povrchovú u poskytuje kľúč, explicitné alebo aspoň implicitné signály, ako by mal (mohol) interpretovať aktuálny text. Odstraňuje sa

takto pojmovo-terminologické tápanie, keď sa formálna zviazanosť vetných a nadvetných jednotiek textu prostredníctvom konektorov označovala raz ako konexia, inokedy ako kohézia (pozri aj Findra, 2003, 2004,).

Pokiaľ ide o kohéziu, tá sa v binárnej opozícii **kohéznosť** – **inkohéznosť** uplatňuje ako jedna z piatich opozitných dvojíc pri charakteristike obsahových modelov textu. A tak napr. rozprávací model má vlastnosť **kohézności**, ktorá hovorí, že tak v potenciálnom texte (úroveň langue), ako aj v aktuálnom texte (úroveň parole) je medzi motívmi ako najmenšími obsahovo-tematickými segmentmi témy silný vzťah spojitosti, súvislosti, súdržnosti. Zároveň je organizáciu textu. Spolu s konektormi upriamuje pozornosť adresáta na tieto obsahové vzťahy a zároveň je pre tieto texty príznačná aj vlastnosť **explikatívnosti**, **sukcesívnosti**, **subjektívnosti**, **aktualizovanosti**. Opisný model má vlastnosť **inkohézności**, a keďže je zároveň **enumeratívny** a **komutabilný**, vzťah medzi motívmi, ich vnútorná prepojenosť a zviazanosť je oveľa voľnejšia. Vlastnosť **objektívnosti** a **gnómickosti** modelový rozdiel medzi rozprávaním a opisom ešte prehľbuje (Findra, 2000).

Súhrnne možno konštatovať, že tak ako modely hĺbkovej a povrchovej organizácie textu sú **invarianty**, aj **koherencia** a **konexia** predstavuje **invariantný program** textovej stavby, a to tak pre expedienta, ako aj pre percipienta. Hoci vzhľadom na zvolený komunikačný zámer a komunikačný plán autor uplatní príslušný textový model individuálne, variantne a hoci aktuálny text ako výsledok tejto textotvornej aktivity adresát interpretuje jedinečne, ani jeden nemôže ignorovať a prekročiť hranice vymedzené štandardizovanými modelmi na jeho hĺbkovú organizáciu a povrchovú štruktúru čiže koherenciu a konexiu. Do istej miery to potvrdzuje aj situácia postmodernizmu, ktorý je v podstate založený na tom, že narúša i rozbíja práve túto harmonickú synchronizáciu významu a výrazu (Marčok, 2010), a teda vlastne koherencie a konexie, hĺbkovej a povrchovej organizácie textu. Aj v tomto prípade sa totiž toto narúšanie pociťuje ako funkčný zámer iba na pozadí doterajších štandardizovaných invariantných modelov.

LITERATÚRA

- BAJZÍKOVÁ, E.
1979. Úvod do textovej syntaxe. Bratislava: Univerzita Komenského Bratislava.
- COMPAGNON, A.
2006. Démon teórie. Bratislava: Kalligram.
- DOLNÍK, J. – BAJZÍKOVÁ, E.
1998. Textová lingvistika. Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania Filozofickej fakulty Univerzity Komenského.
- ČECHOVÁ, M. – KRČMOVÁ, M. – MINÁŘOVÁ, E.
2008. Současná stylistika. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- ČERNÝ, J.
1996. Dějiny lingvistiky. Olomouc: Votobia.
- FINDRA, J.
1984. Štýléma a text. In: Štylistické otázky textu. Prešov: Pedagogická fakulta UPJŠ Prešov, 14-25.
- FINDRA, J. – GOTTHARDOVÁ, G. – JACKO, J. – TVRDOŇ, E.
1986. Slovenský jazyk a sloh. 2. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- FINDRA, J.
1999. Jazyková kultúra a kultúra vyjadrovania. Kultúra slova, 136-142.
- FINDRA, J.
2000. Konštitutívne determinanty textu. In: Jazyková komunikácia v 21. storočí. Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied UMB; Pedagogická fakulta UMB 2000, 9-16.
- FINDRA, J.
2003. Predmet štylistiky. In: Komunikácia a text. Prešov: Nauka, s. 19-25.
- FINDRA, J.
2002. Štýléma a paradigmaticky štylistiky. In: Sborník prací Filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě. Řada jazykovědná. Opava: Slezská univerzita, 90- 99.
- FINDRA, J.
2004. Štylistika slovenčiny. Martin: Vydavateľstvo Osveta.
- FINDRA, J.
2009. Jazyk v kontextoch a v textoch. Banská Bystrica: Vydala Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici.
- HAHN, W.
1983. Fachkommunikation. Berlin – New York.
- HOFFMANNOVÁ, J.
1993. Koherence, koheze, konexe...? Slovo a slovesnosť, 58-64.

- HOFFMANNOVÁ, J.
1997. Štylistika a... Praha: Trizonia.
- HORECKÝ, J.
1956. Základy slovenskej terminológie. Bratislava: Vydavateľstvo SAV.
- KARLÍK, P. A KOL.
2002. Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- MARČOK, V.
2010. V poschodovom labyrinte. Bratislava: Vydalo Informačné centrum.
- MASÁR, I.
1991. Príručka slovenskej terminológie. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV.
- MISTRÍK, J.
1993. a kol.: Encyklopédia jazykovedy. Bratislava: Vydavateľstvo Obzor 1993.
- MISTRÍK, J.
1977. Štylistika slovenského jazyka. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- MISTRÍK, J.
1997. Štylistika. 3. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- SLANČOVÁ, D.
1996. Praktická štylistika. 2. vyd. Prešov: Filozofická fakulta UPJŠ.

Kognitívne funkcie mozgu aktivované pri precvičovaní slovnej zásoby v cudzom jazyku

Petra Hirtlová

Platilo v minulosti, platí v súčasnosti a myslím, že i v budúcnosti bude platiť okrídlené úslovie o tom, že koľko rečí vieme, toľkokrát sme ľuďmi. Znalosť jedného cudzieho jazyka sa dnes považuje za nevyhnutné minimum; znalosť dvoch, troch či viacerých cudzích jazykov je vnímaná ako veľká devíza na trhu práce. Každý, kto si osvojuje cudzí jazyk, hľadá tie spôsoby a metódy učenia, aby sa mu nové informácie osvojovali čo najľahšie, do pamäte sa ukladali čo najpevnejšie a v prípade potreby z nej boli i čo najspoľahlivejšie a najsprávnejšie vyvolané. Existuje obrovské množstvo návodov a postupov ako to dosiahnuť. Vo svojej praxi sa okrem iných činností venujem výučbe cudzieho jazyka a trénovaniu pamäte a mozgovému joggingu. Do procesu osvojovania si novej slovnej zásoby, jej ukladania i precvičovania je zapojených množstvo kognitívnych procesov. Čím komplexnejšie svoj mozog do procesu učenia zapájame, tým zvyšujeme potenciál úspešného ukladania i vybavovania si nového informačného materiálu. Na nasledujúcich riadkoch popisujem niekedy i známe a na prvý pohľad jednoduché cvičenia a hry zameriavajúce sa na precvičenie hlasného verbálneho prejavu (na príklade slovenčiny ako cudzieho jazyka) v spojení s popisom pri danom cvičení aktivizovaných poznávacích procesov. Ako som už spomenula, využitie širšieho spektra poznávacích procesov pri procese učenia tento proces zefektívňuje.

Prednosťami práce zameranej na hlasné verbalizovanie slovnej zásoby je z pohľadu aktivizácie kognitívnych procesov viacero. Hlasné čítanie i akýkoľvek iný hlasný verbálny prejav zapája do činnosti poznávacie centrá oboch mozgových hemisfér, mnohonásobne aktivizuje i spoluprácu a prepojenie medzi nimi. Pri hlasnom prejave sa zvyšuje aj percentuálny kvocient zapamätávania si informácií a človek si napr. hlasným čítaním učiva dokáže zapamätať o 100% informácií viac ako pri čítaní tichom.

Popisované príklady uvádzajú nielen návrhy na konkrétne cvičenia aktivizujúce slovnú zásobu, ale zároveň popisujú, aké jazykové kompetencie,

vedomosti a znalosti u vyučovaných tieto aktivity budujú a hlavne, ktoré poznávacie procesy sú pri nich zapájané a podnecované. Existuje mnoho druhov cvičení, ktoré sa používajú v oblasti tréningu pamäte či mozgového joggingu primárne na udržanie či zlepšenie verbálneho ukladania a vybavovania slovných informácií v materskom jazyku. Veľmi efektívne takéto stratégie učenia použité pri osvojovaní si cudzieho jazyka dokážu zapájať do procesu učenia mozog ako celok a podporujú ukladanie nových informácií do dlhodobej pamäte, ktorá je najviac odolná voči rozličným typom interferencií, narušeniam pamäťových stôp a v porovnaní so senzorickou a krátkodobou pamäťou sú jej tri zložky sémantická, epizodická a procedurálna pamäť aj najspoľahlivejšie.

Nasledujúce príklady uvedú ako možno pri učení sa cudzieho jazyka (na príklade slovenčiny) maximalizovať potenciál slovnej pamäte. Cvičenia sa orientujú hlavne na proces osvojovania si a vybavovania si slovnej zásoby, jej precvičenie a schopnosť využiť túto slovnú zásobu prakticky. Cvičenia sú stavané na prácu so zdravými osobami, pri práci so študentmi so špecifickými poruchami učenia im musí byť prispôbený aj spôsob výučby i učenia sa.

Vytvorenie slovnej rady a jej udržanie

Takéto cvičenie je zväčša úplne postavené na práci so slovami, odpadá pri ňom práca s písacími potrebami či inými špecifickými pomôckami. Časová dotácia i zaradenie takýchto cvičení v chronológii vyučovacej hodiny závisí od toho, aký obsahový plán vyučovacej jednotky učiteľ má. Takéto úlohy môžu byť len akýmsi „zahrievacím cvičením“ aktivizujúcimi slovnú zásobu pred hlavnou časťou hodiny, tematickým jadrom výučby i záverečným precvičením a upevnením novonadobudnutých znalostí.

Pri tomto cvičení je nutné dodržať poradie zapájania sa študentov, preto je výhodnejšie pokiaľ sedia v kruhu: Učiteľ si sám môže zvoliť, či sa do tejto aktivity i osobne zapojí, alebo bude len usmerňovať a sledovať jej priebeh. Jeho úlohou je vysloviť vetu, ktorá celú aktivitu uvedie a predurčí i obsahovú náplň cvičenia. Úlohou študentov je doplniť slovo podľa vlastnej vôle, logicky korešpondujúce s úvodnou vetou a zopakovať predtým i slová použité jeho spolužiakmi. Žiadne slovo sa nesmie opakovať, pokiaľ sa niektorý zo študentov pomýli, alebo nedokáže správne reagovať, vypadáva z hry, ostatní pokračujú ďalej. Dĺžka hrania môže byť obmedzená časovým úsekom, počtom kôl, počtom

zostávajúcích hráčov. Ak učiteľ hru obmedzovať nechce, môže hra trvať až do stanovenia víťaza; ak ju chce aplikovať na celú triedu, môže vynechať prvok súťaženia - konkrétne vypadávanie jednotlivých aktérov pri nesprávnej reakcii.

Vhodným výberom úvodnej vety môže vyučujúci precvičiť konkrétne i náhodné okruhy slovnej zásoby, ale i jednotlivé slovné druhy, vybrané slová, rody i vzory podstatných a prídavných mien, či iné špecifické gramatické kategórie a javy podľa potreby a zámeru vyučovacej hodiny. Pokiaľ bude úvodná veta učiteľa dávať študentom len úzky vyjadrovací priestor, budú prostredníctvom metódy pevných asociácií precvičovať určitý konkrétny tematický okruh. Väčší dôraz na vlastnú predstavivosť a tvorivosť dáva študentom metóda voľných asociácií. Verzia náročnejšia na krátkodobú pamäť predpokladá, že študenti budú odpovedať prostredníctvom dvoch, či viacerých slov.

Pri tomto cvičení musia byť študenti schopní nové informácie udržať v krátkodobej pamäti (táto činnosť je náročná preto, lebo táto zložka pamäti má obmedzenú kapacitu a je extrémne náchylná na narušenie), presunúť ich prostredníctvom opakovania do pamäte dlhodobej a v pravý moment ich v správnom znení vedieť z nej aj vyvolať. Tento druh cvičenia trénuje schopnosť koncentrácie, pozornosť, kreativitu, rozhodovacie procesy, rýchle reakcie, slovnú pamäť, vyjadrovacie schopnosti, vybavovanie slov prostredníctvom sluchového vnímania, flexibilitu, variabilitu, spontánnosť, promptnosť, vnímanie celku i detailov problému, systematické myslenie, lineárne vnímanie písmen v slovách i slov vo vetách, fonetiku, spoluprácu a spolupôsobenie oboch mozgových hemisfér.

Príklad 1 – Základný variant hry

Vyučujúci uvedie situáciu vetou: „Idem na dovolenku do Vysokých Tatier a v kufri mám...“

Úlohou študenta je zopakovať úvodnú vetu a zároveň doplniť podľa ľubovôle svoju odpoveď. Napr.: „Idem na dovolenku do Vysokých Tatier a v kufri mám mapu.“ Nasledujúci študent opakuje i dopĺňa „Idem na dovolenku do Vysokých Tatier a v kufri mám mapu a čiapku.“

Príklad 2 – Variant hry s metódou pevných asociácií

Idem na zimnú dovolenku do Vysokých Tatier a v kufri mám...

V Tatranskom národnom parku žije...
Vo svojej hotelovej izbe mám...

Príklad 3 – Variant hry s metódou voľných asociácií
Ako darček na narodeniny kúpim matke...
Pri snehovej búrke v horách chcem mať pri sebe...
Za výhru v lotérii si kúpim...

Príklad 4 – Variant hry s metódou precvičenia konkrétneho slovného druhu
Vo Vysokých Tatrách môžeme: lyžovať, rekreovať sa, liečiť sa...
Počasie vo Vysokých Tatrách je: nestabilné, premenlivé, sychravé...

Príklad 5 – Variant hry s metódou precvičenia viacerých slovných druhov súčasne
Idem na letnú dovolenku do Vysokých Tatier a v kufri mám: nepremokavú bundu, krátke nohavice, turistické topánky...

Použitie jedného písmena

Ďalšie cvičenie, ktoré je orientované na prácu so slovnou zásobou. Študenti majú viesť dialóg na zadanú tému, každú novú vetu alebo vetnú sekvenciu majú začať jedným písmenom. Toto písmeno je dopredu určené učiteľom, ten môže výberom hlásky ovplyvniť náročnosť úlohy. Podstatne náročnejšie bude používanie slov začínajúcich na samohlásku alebo v bežnej komunikácii nepríliš využívanú spoluhlásku (F, X).

Upravením zadania takéhoto cvičenia získame náročnejšiu variantu, keď každé použité slovo musí začínať na zadané písmeno.

V takomto prípade precvičujeme vyvolávanie pojmov uložených do pamäte prostredníctvom metódy kategorizácie, metóda asociačného spracúvania informácií sa prejaví v používaní slov viažúcich sa k ústrednej téme rozhovoru. Precvičované sú schopnosti jednotlivca rýchlo reagovať a rozhodovať o stanovennom probléme, nazerať naň tvorivo, vyjadrovacie schopnosti, schopnosť koncentrácie na obsahovú logiku rozhovoru i fonetická stránka jazyka.

Príklad 6 – Rozhovor s rovnakým písmenom na začiatku každej vety, či vetnej sentence

Vyučujúci navodí situáciu napr.: Realitný maklér ukazuje klientovi dom.

Príklad 7 – Veta s rovnakým písmenom na začiatku každého slova

Bar

Bager búra bar. Bar bol blízko benzínky. Bradatý barman bedákal. Bohatý bankár bohorovne burácal: „Barbari!“

Hádaj, kto som?

Na tejto vyučovacej hodine sa pracuje s typickými charakteristikami vybraných krajín. Výber osobnosti, udalosti, mesta, typického jedla, umeleckého diela či kultúrnej pamiatky môže byť zúžený na jeden jazykový okruh alebo konkrétnu krajinu, ktorej jazyk je predmetom výučby, alebo je naopak rozšírený a v rámci výučby jedného jazyka sa preberie viacero krajín.

Takto koncipovaná vyučovacia hodina nekladie veľkú časovú ani materiálnu náročnosť na prípravu zo strany vyučujúceho. Ten musí zohľadniť mieru jazykovej a vedomostnej úrovne študentov. Efekt rýchlejšieho úspechu môže učiteľ navodiť vhodne zvoleným, pre študentov blízkym a atraktívnym heslom. Prvok súťaživosti žiakov aktivizuje a motivuje k výkonu. V tejto hre je okrem schopnosti vyjadrovania sa študentov v inom ako materskom jazyku veľmi silne zastúpená aj práca s interkultúrnou rovinou cudzieho jazyka.

Znalosť cudzích jazykov neznamena len lepšiu komunikáciu s príslušníkmi iných národov, ale je i kľúčom otvárajúcim bránu k spoznávaniu iných kultúr. **Návrh nasledujúcej aktivity v sebe spája precvičovanie cudzieho jazyka i získavanie interkultúrnych kompetencií.**

Problematika interkulturality a multikulturality tak nie je len súčasťou hodín multikultúrnej výchovy či výchovy k občianstvu, aplikovať sa dá i v iných predmetoch, vo vyučovaní cudzích jazykov zvlášť. Mnoho vyučujúcich jazykov s takouto výučbou veľa skúseností nemá, a tak nie sú schopní či ani ochotní multikultúrne zameranú výučbu realizovať. Potýkajú sa s nedostatkom teoretických vedomostí, často im ale chýba i invencia a kreativita potrebná pre

prípravu a následnú realizáciu takejto vyučovacej hodiny. Mnou navrhovaná aktivita ukazuje, že i na malom priestore jedného cvičenia s jednoduchým zadaním je možné prepojiť viacero rovín cudzieho jazyka.

1. Základom hry je rozdelenie žiakov do skupín, v ideálnom prípade po piatich – podľa počtu kategórií, s ktorými sa pracuje. Pri menšom počte účastníkov výučby je možné rozdeliť ich iným spôsobom, napr. do menších skupín s tým, že každý účastník bude vypracovávať všetky čiastkové úlohy.
2. Učiteľ pripraví lístky, na ktorých je napísaná „nová identita“ žiakov. Počet lístkov sa odvíja podľa spôsobu rozdelenia žiakov, lístky budú tematicky zodpovedať nasledujúcim kategóriám:
 - a) Mesto
 - b) Osoba
 - c) Udalosť
 - d) Kultúrna pamiatka/ Umelecké dielo
 - e) Typické jedlo/ Nápoj

'Pokiaľ sa budeme pohybovať na báze vyučovaného jazyka, konkrétne kategórie môžu byť napr. pre vyučovací jazyk slovenský vybrané z reálií Slovenska a naplnené takýmto obsahom:

- a) Mesto – Bratislava, Nitra, Košice...
 - b) Osoba – tenistka Dominika Cibulková, herec Milan Kňažko, spevák Miroslav Šmajda
 - c) Udalosť – 1. 1. 1993 Vznik Slovenskej republiky, 1. 5. 2004 Vstup Slovenskej republiky do Európskej únie, Hudobný festival Pohoda...
 - d) Kultúrna pamiatka/ Umelecké dielo – Bojnický zámok, Chrám sv. Alžbety v Košiciach, Oltár majstra Pavla v Levoči
 - e) Typické jedlo/ Nápoj – bryndzové halušky, Spišské párky, žinčica
- Ak bude chcieť byť záber preberanej problematiky širší, môžeme kategórie konkretizovať príkladmi z rôznych európskych krajín, napr.:

- a) Mesto – Neapol, Barcelona, Londýn
- b) Osoba – Leonardo da Vinci, Penelope Cruz, David Beckham
- c) Udalosť – Giro d'Italia, býčie zápasy, korunovácia panovníka

- d) Kultúrna pamiatka/ Umelecké dielo – Šikmá veža v Pise, obraz Guernica, Stonehenge
 - e) Typické jedlo – cestoviny, tapas, roastbeaf
3. V prípade väčšieho počtu účastníkov aktivity si každý žiak zoberie jeden lístok tak, aby boli v jednej skupine zastúpené všetky kategórie. V prípade menšieho počtu žiakov v skupine si študenti vezmú celú sadu piatich okruhov otázok. Žiaci majú čas päť až desať minút na tieto úlohy:
 - a) pripraviť si, ako pomocou maximálne piatich viet priblížia heslo z lístka svojim spolužiakom, b) porozmýšľať nad doplňujúcimi otázkami, ktoré budú kladené ak sa heslo neodhalí hneď pri prvom popise.
 4. Určí sa poradie, v ktorom budú tímy objasňovať pojmy.
 5. Po začatí hry prvý vystupujúci prezradí, o heslo z ktorej kategórie sa jedná a popíše ho. Ak sa nepodari heslo identifikovať po jeho „zadefinovaní“, kladú členovia ostatných skupín doplňujúce otázky tak dlho, kým sa tak nestane. Otázky musia byť formulované tak, aby na ne opýtaný odpovedal len „áno“ alebo „nie“. Ak by študent nevedel na otázku odpovedať, môžu mu poradiť spoluhráči v skupine.
 6. Hráč, ktorý heslo rozšifruje, získava pre svoju skupinu bod. Skupina s najvyšším počtom bodov víťazí.

Pri tomto cvičení študenti z pohľadu kognitívnych funkcií pracujú hlavne s dlhodobou pamäťou, schopnosťou rýchlej a správnej informačnej výbavnosti, jej transformácie do verbálnej podoby i vybavovaním slov prostredníctvom sluchového vnímania. Precvičujú si koncentráciu, pozornosť, analytické i syntetické nazeranie na problém, jeho vnímanie celostné i v jednotlivostiach, fluenciu verbálneho prejavu, jeho fonetickú stránku. Výrazne aktivizované sú obe mozgové hemisféry súčasne.

Môj príspevok chcel ukázať, že i pri zdanlivo jednoduchých cvičeniach zameraných na hlasné precvičovanie slovnej zásoby v cudzom jazyku je zapojený celý súbor poznávacích procesov. Komplexná aktivizácia kognitívnych funkcií mozgu pri učebných procesoch je jednou z ciest, ktorými je možné výrazne zvýšiť úspešné ukladanie i vybavovanie osvojovaného štúdiijného materiálu.

Literatúra

ABEL, MARTIN

1998 Chcete úspešne študovať jazyky? Bratislava: Elita

AMEN, DANIEL, G.

2007 Nikdy není pozdě. Jak udělat z dobrého mozku ten nejlepší. Praha: Ikar

LOJOVÁ, GABRIELA

2005 Individuálne osobitosti pri učení sa cudzích jazykov I. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave

PREISS, MAREK, KŘIVOHLAVÝ, JARO

2009 Trénování paměti a poznávacích schopností. Praha: Grada Publishing

RUISEL, IMRICH

1995 Záhady pamäti. Bratislava: Slovak Academic Press

TEPPERWEIN, KURT

2004 Ako sa ľahko učiť. Bratislava: Eko konzult

Dvojazyčnosť žiakov slovenských národnostných škôl

Horváthné Farkas Éva

V súčasnom Maďarsku žije trinásť zákonom uznaných národností, z nich 12 národnostných menšín a jedna – Rómovia – etnická menšina. Národnostné menšiny v Maďarsku žijú charakteristicky roztrúsene v dvojazyčnom prostredí, z čoho vyplýva, že používanie ich národnostných jazykov vo väčšine národnostných obcí sa dostáva stále viac do pozadia. Starší ľudia síce v každodennej komunikácii so svojimi rovesníkmi používajú často, nie však výlučne svoj vlastný národnostný jazyk, ale v styku s mladšími, aj v kruhu rodiny, už prevláda používanie maďarského jazyka.

Výsledky sčítania ľudu z roku 2001 tiež ukazujú, že počet občanov hlásiacich sa k niektorej z národností je výrazne väčší, ako počet tých občanov, ktorí ako svoj materinský jazyk uviedli niektorý národnostný jazyk. Kým podľa národnosti 314.059 občanov Maďarskej republiky (17.692 Slovákov, 7.995 Rumunov, 15.620 Chorvátov, 3.816 Srbov, 3.040 Slovincov, 62.233 Nemcov, 190. 046 Rómov, 13.617 predstaviteľov iných národností), teda zhruba tri percentá všetkého obyvateľstva sa vyjadrilo, že patrí k niektorej národnosti (*Vékás, 2003, s. 240*), podľa materinského jazyka však len 135.787 ľudí (11.816 Slovákov, 8.482 Rumunov, 14.345 Chorvátov, 3.388 Srbov, 3.187 Slovincov, 33.792 Nemcov, 48.685 Rómov, 12.092 predstaviteľov iných národností) (*Vékás 2003, s. 241*). Na základe údajov sčítania ľudu môžeme konštatovať, že iba dve tretiny občanov hlásiacich sa k slovenskej národnostnej menšine uviedlo ako svoj materinský jazyk slovenčinu. Napriek negatívnej tendencii je potešiteľné, že výmena materinského jazyka neznamena automatickú asimiláciu, veď 5.876 osôb sa prihlásilo k slovenskej národnosti, aj keď deklarujú, že slovenčina nie je pre nich dominantným jazykom, prípadne slovenčinu ani neovládajú. Číslami podopretý fakt potvrdzuje, že v slovenských národnostných spoločenstvách slovenský jazyk vo výraznej miere stratil prioritu materinského jazyka, čo znamená veľkú výzvu a nesmierne ťažkú úlohu pre slovenské národnostné školstvo. Z toho všetkého vyplýva, že pri odovzdávaní národnostného jazyka najmladšej generácii zohrávajú významnú úlohu v prvom rade materské a základné školy. Nie je ľahké vyhovieť takýmto požiadavkám, veď za bežných

okolností si deťa osvojuje jazyk doma od svojich najbližších. Nie je to však jedinečné. Anna Divičanová taktiež zdôrazňuje, že „teoretické prístupy i skúsenosti nadobudnuté v praxi dokazujú, akú dôležitú úlohu zohrávala a má národnostná škola v pestovaní a rozvíjaní kultúry každej národnostnej menšiny. Jej dôležitosť sa úmerne zvyšuje, ba stupňuje s rozvojom moderných spoločností.“ (Divičanová, 2009, s. 110)

V Maďarsku funguje v školstve približne 130 inštitúcií, ktoré možno podľa právnych predpisov považovať za slovenské národnostné. Slovenská národnostná výchova v materských školách je obvykle v nejakej forme – výchova v národnostnom jazyku alebo dvojazyčná výchova – prístupná pre deti predškolského veku, žijúce v národnostných obciach. Hoci po absolvovaní materskej školy deti majú možnosť na vzdelávanie v miestnych alebo blízkych národnostných základných školách, lenže vyučovacím jazykom vo väčšine týchto škôl je maďarčina a slovenský jazyk sa vyučuje len ako jeden z predmetov. Ďalší problém národnostného školstva spočíva v tom, že po absolvovaní všeobecných škôl má iba skromný počet žiakov možnosť na pokračovanie slovenčiny v školských podmienkach, lebo v Maďarsku fungujú len dve slovenské národnostné gymnáziá, v Budapešti a v Békešskej Čabe.

Vzťah žiakov k slovenskému a maďarskému jazyku, ich návyky pri používaní jazykov som sledovala dotazníkovou metódou v spomínaných dvoch slovenských národnostných gymnáziách v školskom roku 2008/2009.

Dotazníky som predložila všetkým žiakom dvoch gymnázií, v tejto práci však rozoberám len odpovede 75 respondentov, žiakov pochádzajúcich z Maďarska. Vyhodnocujem odpovede žiakov na nasledovné otázky: materinský jazyk žiakov a ich rodičov, používanie slovenského a maďarského jazyka v užšej rodine, typ navštevovanej základnej školy, na základe akej motivácie si vybrali navštevovanú školu, ako hodnotia svoj triedny kolektív, v čom poskytuje ich škola viac ako ostatné – nenárodnostné – gymnáziá, aké špeciálne požiadavky sa vyžadujú v navštevovanom gymnáziu, ktorý jazyk dominuje pri čítaní krásnej literatúry a časopisov, jazyk navštevovaných stránok na internete, ktorý jazyk si volia pri sledovaní filmov na DVD, jazyk kníh v rodinnej knižnici, či majú príbuzných a známych na Slovensku a v ktorom jazyku s nimi komunikujú, ako sa hodnotia na Slovensku ich jazykové znalosti, ako hodnotia žiaci svoje používanie

slovenčiny, či by chceli mať v budúcnosti takú prácu, pri ktorej je potrebné aj ovládanie a používanie slovenčiny, v ktorom jazyku sú odhodlaní sa zhovárať so svojimi deťmi a aký typ školy by vybrali pre svoje deti.

Pri vyhodnotení odpovedí vysvitlo, že pri uvádzaní materinského jazyka nielen u samotných žiakov, ale podľa detí aj u ich rodičov dominuje maďarský jazyk. V komunikácii v rodinách má rozhodujúce miesto maďarčina: 55 žiakov (73,33%) hovorí so svojou matkou výlučne len po maďarsky, 16 (21,33%) viac po maďarsky, jeden žiak (1,33%) v inom jazyku a len traja žiaci (4,00%) sa rozprávajú s matkou rovnako často po slovensky aj po maďarsky. S otcom podľa odpovedí 72 respondentov 57 žiakov (79,16%) komunikuje len po maďarsky, 13 žiakov (18,06%) viac po maďarsky ako po slovensky, dvaja žiaci (2,87%) rovnako často po slovensky aj po maďarsky. V komunikácii medzi rodičmi je postavenie maďarčiny ešte silnejšie. V 65 rodinách (90,28%) rodičia sa medzi sebou rozprávajú len po maďarsky, v 4 rodinách (5,56%) viac po maďarsky, ale niekedy aj po slovensky a v troch rodinách (4,17%) sa zhovárajú rodičia v rovnakej miere po slovensky aj po maďarsky. Je prekvapujúce, ale v komunikácii so súrodencami viac žiakov používa slovenčinu (síce nie často) ako s ostatnými členmi rodiny. Päť žiakov neuviedlo súrodencov. 46 žiakov (65,71%) sa so súrodencami rozpráva výlučne po maďarsky, 22 žiakov (31,43%) viac po maďarsky, ale niekedy aj po slovensky a dvaja žiaci (2,86%) rovnako často po slovensky ako po maďarsky. Skromný zrast v používaní slovenčiny medzi súrodencami je pravdepodobne blahodarným výsledkom navštevovania slovenskej národnostnej školy respondentov aj ich súrodencov.

Väčšina žiakov uviedla, že sa začali učiť po slovensky v materskej škole alebo v základnej škole, len traja žiaci (4,00%) sa učia po slovensky už od narodenia. 35 žiakov (46,67%) od materskej školy, 33 žiakov (44,000%) od prvého ročníka základnej školy, jeden (1,33%) od druhého ročníka, jeden (1,33%) od štvrtého ročníka základnej školy a dvaja (2,67%) až od prvého ročníka gymnázia. Väčšina žiakov – 62 osôb (82,67%) – navštevovala dvojazyčnú národnostnú všeobecnú školu, 11 (14,67%) respondentov chodilo do národnostnej všeobecnej školy, v ktorej sa slovenčina vyučuje ako predmet a dvaja žiaci (2,67%) navštevovali základnú školu s vyučovacím jazykom maďarským, v ktorej sa nevyučuje slovenčina.

Pri rozhodnutí prihlásiť sa do národnostného gymnázia žiaci uviedli viacero motivácií. Najviac žiakov zdôrazňuje možnosť zdokonaľovania sa v slovenčine a nárok na spoznanie slovenskej kultúry. Napr.: *Lebo ma zaujíma slovenský jazyk a chcel by som si ho osvojiť na úrovni materinského jazyka. – Aby som mohol pokračovať v učení sa jazyka, lebo mám rád tento jazyk. – Môj pôvod, mám rád tento jazyk. – Máme slovenské korene. Pred gymnáziom neučil som sa po slovensky.* Vo viacerých prípadoch fungujú v rozhodnutí žiakov ich členovia rodiny ako motivačná sila alebo vlastné osobné skúsenosti. Napr.: *Môj súrodenec chodí tiež do tejto školy. – Sem chodí aj môj bratranec a zaujímam sa o slovenčinu. – Sem som chodil do materskej aj do základnej školy.* Niekoľko žiakov uviedlo pomoc učiteľov v základnej škole. Napr.: *Moji učitelia mi to navrhli. – V škole mi povedali. – Môj učiteľ slovenčiny mi navrhol túto školu.* Vo viacerých prípadoch sa žiaci prihlásili do gymnázia, aby získali čas na voľbu povolania. Napr.: *Lebo ešte neviem, čím chcem byť. – Ešte som sa nerozhodol, čo chcem študovať a po maturite v tejto škole mám viac možností.* Zopár žiakov sformulovalo praktické dôvody. Napr.: *Chcem byť tlmočníkom. – Chcem zložiť jazykovú skúšku. – Lebo ma zaujíma slovenský jazyk a chcel by som žiť na Slovensku.*

So školou je väčšina žiakov spokojná. 32 žiakov (42,67%) hodnotilo svoj triedny kolektív ako veľmi dobrý, 28 žiakov (37,33%) ako dobrý, 9 žiakov (12,00%) ako priemerný a 6 respondentov (8,00%) ako zlý. Na otázku, v čom poskytuje ich škola viac ako nenárodnostné gymnáziá, žiaci odpovedali jednoznačne pozitívne a väčšina žiakov zdôrazňovala, že tu majú možnosť na osvojenie si slovenčiny. Napr.: *Máme tu možnosť, aby sme sa perfektne naučili po slovensky. – Nemusím chodiť na súkromné hodiny, aby som sa mohol naučiť po slovensky. – Koľko jazykov ovládaš, toľkokrát si človekom – Naučíme sa po slovensky a potom už budeme rozumieť všetkým slovanským jazykom.* Popri jazyku respondenti podčiarkli aj oboznámenie sa so slovenskou kultúrou a slovenskými tradíciami. Napr.: *Podrobné zoznámenie sa so slovenskou kultúrou. – Môžeme tu spoznať kultúru jednej krajiny, nediskriminuje sa pôvod. – Mám možnosť na spoznanie slovenskej kultúry.* Žiaci hodnotia aj bohatú ponuku programov školy, predovšetkým cestovania na Slovensko. Napr.: *Škola organizuje výlety na Slovensko. – Organizovanie exkurzií na Slovensko. – Máme*

často možnosť na cestovanie na Slovensko. Žiaci často zdôrazňujú rodinnú atmosféru školy a vážia si sebaobetavú svedomitú prácu učiteľov. Napr.: Je to menšia škola, učitelia sa nám venujú viac. – Je to malá škola, učitelia sa zaoberajú s nami viac, pomáhajú nám a lepšie nás poznajú. – V našej škole je naozaj rodinná atmosféra. – Veľa nám poskytuje naša škola. Do školy chodíme vlastne len preto, aby sme sa učili, všetky ostatné záležitosti nám vybavujú učitelia. – Pomoc učiteľov, čo potrebujeme k úspešnej maturite a k ďalším štúdiám.

Na otázku, aké špeciálne úlohy sa vyžadujú od žiakov v navštevovanom gymnáziu, sú odpovede žiakov značne heterogénne. Väčšina žiakov si myslí, že majú viac povinností ako žiaci iných škôl. Na prvom mieste sa uvádza účasť na rozličných národnostných podujatiach a súťažiach. Napr.: *Účasť na národnostných podujatiach. – Programy Mestskej národnostnej samosprávy: tanec, hudba. – Chodíme na slovenské predstavenia. – Reprezentujeme školu na Slovensku, napríklad na súťažiach. – Národnostné podujatia, tanečné skupiny, vystupovania v meste, pestovanie tradícií (filmový seminár).* Viacero žiakov vyzdvihuje vyučovanie v dvoch jazykoch. Napr.: *Učíme sa po slovensky, národnostné súťaže. – Osvojovanie si slovenského jazyka a slovenskej literatúry. – Vyučovanie jazyka na vysokej úrovni.* Pri vymenovaní špeciálnych úloh žiaci často zdôrazňujú aj ich pozitívne následky. Napr.: *Na viac vystúpení a do divadla nám treba chodiť, ale to všetko nám slúži na prospech. – Máme veľa programov, ale aspoň sa nenudíme.* Zopár žiakov si myslí, že v ich škole sa nevyžaduje od žiakov viac. Napr.: *Môžeme sa prihlásiť na slovenské súťaže, ale neverím, že by sme mali viac úloh. – Nemáme viac úloh.*

Čo sa týka charakteristiky školy, žiaci vyzdvihli slovenský jazyk a slovenské národnostné programy, v ich osobných aktivitách vo voľnom čase má však maďarčina oveľa dominantnejšie miesto ako slovenčina. Zo 75 respondentov 58 žiakov (77,33%) číta krásnu literatúru obyčajne po maďarsky, 17 žiakov (22,67%) po maďarsky aj po slovensky. Traja sa vyjadrili, že krásnu literatúru čítajú aj v angličtine. V oblasti čítania novín a časopisov má slovenčina výraznejšie miesto. 40 žiakov (53,33%) číta noviny a časopisy v oboch jazykoch, 35 žiakov (46,67%) však nečíta žiadnu slovenskú tlač. Traja žiaci čítajú aj anglické noviny a časopisy. V navštevovaní stránok na internete je situácia podobná. 46 žiakov (61,33%) navštevuje len maďarské stránky, 29 žiakov

(38,67%) maďarské aj slovenské. V prípade sledovania filmov na DVD nosičoch, kde si divák môže zvoliť žiadaný jazyk podľa vlastného vkusu, len 15 žiakov (20,00%) sa vyjadrilo, že filmy sleduje aj so slovenskými titulkami, 60 žiakov (80,00%) si nezvolí nikdy slovenské titulky, 18 žiakov (24,00%) sleduje filmy aj s anglickými titulkami a jeden respondent (1,33%) s nemeckými. V rodinnej knižnici majú žiaci k dispozícii väčšinou aj slovenské knihy. Len 13 žiakov (17,33%) sa vyjadrilo, že majú doma len maďarské knihy, v knižnici 48 rodín (64%) je viac maďarských ako slovenských kníh, v dvoch prípadoch (2,67%) vlastní viac slovenských kníh ako maďarských a v 12 rodinách (16,00%) je približne podobný počet maďarských a slovenských kníh.

35 žiakov (46,67%) má na Slovensku príbuzných, s ktorými jeden respondent (2,86%) sa rozpráva vždy po maďarsky, 13 osôb (37,14%) vždy po slovensky a 21 respondentov (60,00%) po slovensky aj po maďarsky. Známych majú žiaci na Slovensku vo väčšom počte. 57 respondentov (76,00%) má na Slovensku známych alebo priateľov. So známymi a priateľmi 5 žiakov (8,77%) komunikuje výlučne len po maďarsky, 23 žiakov (40,35%) vždy po slovensky a 29 respondentov (50,88%) v oboch jazykoch.

Zo 75 respondentov 42 žiakov (56,00%) sa vyjadrilo, že len zriedkakedy si všimnú ľudia na Slovensku, že sú zo zahraničia. 29 žiakov (38,67%) referovalo o svojich skúsenostiach v takom zmysle, že na Slovensku postrehnú vždy, že nie sú tamojší a 4 žiaci (5,33%) sú takého názoru, že nikdy. Pre nesprávne používanie jazyka 5 žiakom adresovali na Slovensku negatívne pripomienky, 47 žiakov však pochválili za ich peknú slovenčinu. O pochvale sa žiaci vyjadrujú otvorene a nadšene. Napr.: *Hovorili mi, že som šikovný. – Pekne si sa naučil po slovensky. – Vzhľadom na to, že žiješ v Maďarsku, dobre hovoríš po slovensky. – Šikovne reagujem v daných jazykových situáciách. – Pochválili ma mojim učiteľom.* Väčšina žiakov je toho názoru, že ich slovenčina sa odlišuje od slovenského jazyka používaného na Slovensku. Rozdiel vidia predovšetkým v chudobnejšej slovnej zásobe, v maďarskej výslovnosti, v gramatických chybách, v pomalšom tempe reči, v nedostatku poznania slangu. Napr.: *Mám menšiu slovnú zásobu, ani gramatika nie je v poriadku. – Mám menší maďarský akcent, robím aj gramatické chyby. – Problém je v mojej výslovnosti a neviem tak plynule hovoriť ako oni. – Nepoznám slovenský slang.*

Čo sa týka plánov žiakov do budúcnosti v súvislosti s používaním slovenského jazyka, ukazujú s značné rozdiely. Z 75 respondentov 38 žiakov (50,67%) chce prácu, v ktorej je potrebné aj ovládanie slovenčiny, 6 žiakov (8,00%) nechce používať slovenčinu vo svojej práci, 31 žiakov (41,33%) sa vyjadrilo tak, že im je to jedno, na tom nezáleží. So svojimi deťmi chce 31 žiakov (41,33%) hovoriť výlučne len po maďarsky, 41 žiakov (54,67%) po maďarsky aj po slovensky, 1 žiak (1,33%) len po slovensky a dvaja (2,67%) ešte nevedia. Na otázku, že do akej školy by dali zapísať svoje deti, z 75 respondentov dalo konkrétnu odpoveď 65 žiakov (86,67%). Z nich štyria (6,16%) by dali zapísať svoje deti do školy s vyučovacím jazykom slovenským, 39 žiakov (60,06%) do maďarsko-slovenskej dvojazyčnej školy, 14 respondentov (21,56%) do školy s vyučovacím jazykom maďarským, v ktorej sa vyučuje slovenčina ako predmet a 8 žiakov (12,32%) nemá záujem o to, aby sa ich deti učili po slovensky. Ak porovnáme, v ktorom jazyku sú respondenti odhodlaní komunikovať so svojimi deťmi a do akej školy by ich dali zapísať, môžeme konštatovať, že percentuálne je výrazne väčší počet tých žiakov, ktorí majú záujem o to, aby sa ich deti naučili v škole po slovensky (76,00%), ako počet žiakov, ktorí plánujú s nimi hovoriť aj po slovensky (56,00%).

Na záver môžeme konštatovať, že žiaci dvoch slovenských národnostných gymnázií sa pozitívne vyjadrili o svojej škole, vážia si prácu svojich učiteľov a rodinnú atmosféru školy. Aj keď v ich každodennej komunikácii má dominantné miesto skôr maďarčina, väčšina žiakov by chcela mať v budúcnosti takú prácu, v ktorej môžu používať svoj národnostný jazyk a sú odhodlaní odovzdávať slovenčinu aj svojim deťom.

Literatúra

DIVIČANOVÁ, ANNA.

1999. Slováci v Maďarsku. Budapešť: Press Publica, 1999.

KISS, JENŐ.

2002. Társadalom és nyelvhasználat. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2002.

UHRINOVÁ, ALŽBETA.

2004. Používanie materinského jazyka v kruhu békeščabianskej slovenkej inteligencie. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2004.

VÉKÁS, JÁNOS.

2003. Statisztikai adatok az 1980-2001. évi népszámlálások összehasonlító elemzéséhez. In: Tér és teret. Tanulmányok az etnicitás és az identitás kérdésköréből. Budapest: MTA, 2003.

Expresívnosť výrazu z aspektu prekladu

Anita Hutková

Úvod

Pri práci s prekladovým textom, či už ide o kritiku, evalváciu, komparáciu alebo interpretáciu sa nezriedka uplatňuje výrazová sústava F. Miku, vychádzajúca z vnímania umeleckého textu ako estetickéj kvality, pričom toto estetično sa realizuje predovšetkým na úrovni výrazového materiálu. Treba podotknúť, že autor sa neobmedzuje – ako sa by mohlo na prvý pohľad zdať – len na jazykovú zložku, ale v dialektickej jednotke akceptuje aj tematické súvislosti, pretože „v nich treba hľadať jadro tejto (estetickéj, pozn. A. H.) hodnoty“ (Miko 1969: 3). Na druhej strane je to samotný materiál – jazyk, ktorý „rozhoduje o elementárnych kvalitách estetická“, resp. je to práve jazyk diela, ktorý poskytuje možnosti na overovanie jeho kvalít. Obe zložky sú transformované do výrazových kategórií. Z bohatej palety vyberáme jednu – expresívnosť, ktorú sa na platforme Mikovej paradigmy a translačných riešení (preklady maďarskej prózy do slovenčiny) pokúsime v maximálnej miere analyzovať.

Výrazová kategória expresívnosti

Kategória expresívnosti sa prezentuje ako zvýšená subjektívnosť a emocionálnosť, hraničí s markantnosťou a koloritom výrazu. Z aspektu stratifikácie lexikálnej zásoby stojí makroparadigma expresívno-emocionálnych štýlém v protiklade k nociónálnym a neutrálnym jednotkám. Expresívne prvky na seba upozorňujú zvukovou podobou (napr. *fityfiritty* (3, s. 44) – *fitfirítka* (3.1, s. 37); *harciszerek robbanását, pukkanását és sustorgását utánozta* (3, s. 192) – *napodobnil výstrely, výbuchy či svistot rozličných bojových prostriedkov* (3.1, s. 164 – 165); *elpityerült* (1, s. 54) – *zafikala* (1.1, s. 41); *kákabélű költő* (3, s. 208) – *básnik s citlivým žalúdkom* (3.1, s. 178), špecifickým tvarom alebo sémantickou nápadnosťou. Ich vecný charakter je „prekrytý“ subjektívnym postojom expedienta, jeho osobným zainteresovaním v hodnotení javu. Expresívnosť je tak dôsledkom subjektívnosti výrazu, emocionálnosť je v sústave výrazových vlastností podriadená expresívnosti, pretože umožňuje vyjadriť citový postoj k opisovanej skutočnosti. Ďalej môžeme uvažovať o *inherentnej expresivite*, ktorá je imanentnou súčasťou

sémantiky slova a o *adherentnej expresivite*, ktorá sa realizuje iba v závislosti od kontextu.

Makroparadigmu expresívnych a emocionálnych lexikálnych štýlém tvoria eufemizmy (napr. *egy kétes hírű nő* (6, s. 44) - *žena so zlou povest'ou* (6.1, s.42) a hypokoristiká (napr. pri osloveníach *Édes, jó Lajosom* (6, s. 14) – *Ludo môj premilený* (6.1, s. 16); *szegény drágám* (6, s. 17) – *môj úbožiak* (6.1, s. 19); *mamus* (3, s.215) – *mama* (3.1, s. 184) tu sa realizoval protiklad familiárne – neutrálne; *mamovka* (5, s. 6) – *mamovka* (5.1, s. 9), *apovka* (5, s. 6) – *apovka* (5.1, s. 9), dysfemizmy, pejoratíva (napr. *haljanak meg* (3, s.215) - *nech skapú* (3.1, s.185); *egész elázva* (1, s.51) – *úplne nadrúľaný* (1.1, s. 38), augmentatíva, deminutíva a vulgarizmy (napr. *rottyints a gatyádba* (6, s. 73) – *naser si do gati* (6.1, s. 67); (porov.: Findra, 2004a, s. 22 – 34). Osobitnú skupinu predstavujú ustálené spojenia ako expresívne varianty jednoslovných pomenovaní a obrazné pomenovania (metafora, metonymia atď., napr. *minden szava rothadt záptojás* (1, s. 47) – *každé slovo je ako zhnitý záprdok*. (1.1, s. 35); *almazöld éget* (1, s. 170) – *jablčkovozelenú oblohu* (1.1, s. 131); *Hűj, a kutyafáját, úgy maradtam ott, mint egy málé.* (2, s. 75) - *Bodaj ich hus pečená koplá, **ostal som tam stát' ani tlk.*** (2.1, s. 77). Podobný efekt dosahuje aj hovorová lexika so záporným nábojom, napr. *bevágott hat kiflit* (3, s. 68) – *schrúmal šesť rožkov* (3.1, s. 56); *bámultam rá* (3, s. 200) – *civel som naňho* (3.1, s. 171); *bíbelődés* (3, s. 208) – *šipleme sa v detailoch* (3.1, s. 179).

Expresívnosť možno konštatovať aj pri zaradení „netypických“ prvkov do výrazovo homogénneho textu, čím sa nový prvok zvýrazní a na princípe kontrastu vníma ako expresívny. Podobná situácia nastáva pri napätí medzi sémantikou lexikálnej jednotky a jej funkciou v kontexte. Veta *No, d'akujem ti pekne!* nie je v situácii, keď niekto obleje obrus červeným vínom skutočným poďakovaním. Podobne je to s doslovným a preneseným významom nasledovnej výpovede. *Majd adok én neki mégeccer fát!* (2, s. 28) – *Ved' ja mu ešte dám dreva! Môže čakať!* (2.1, s. 31) Tento kontrast, ktorý participuje na estetickej kvalite umeleckého tetu nazýva Miko kategóriou estetickej miery.

Na syntaktickej rovine sú indikátormi expresívnosti spravidla jednočlenné vety, pričom najvyšší stupeň emocionálnosti vykazujú vety s neurčitkom alebo citoslovcom vo vetnom základe. Na dynamike deja sa podieľajú aj menné

a slovesné jednočlenné vety. Z aspektu modálnosti disponujú expresívno-emočným nábojom opytovacie, rozkazovacie a želacie vety, zvlášť eliptické rozkazovacie menné vety (Findra 2004a: 76-78). Príznak expresívnosti nadobúdajú prvky syntaktickej roviny na pozadí systematických, pravidelných, logických a úplných, neprekvapivých konštrukcií, s ktorými sa dostávajú do kontrastu. Ide o eliptické a prerývané výpovede, osamostatnený, vytýčený a pripojený vetný člen, parentézu a apoziopézu. Okrem kontrastu disponujú konštrukcie aj inherentným expresívnym koeficientom, ktorý je založený na narušení pravidelnej vetnej štruktúry. Primárne sú expresívne syntaktické konštrukcie späté s verbálnymi prejavmi, ale uplatňujú sa aj v písaných textoch, pričom formálne sú nejednotne vyznačované bodkami, pomlčkami, dvojbodkami a pod.

Osamostatnený a pripojený vetný člen. Osamostatnený vetný člen je taký nevetný výraz (resp. vedľajšia veta zastupujúca niektorý člen základnej výpovede), ktorý stojí ako samostatná výpoveď. Expresívnosť spočíva v zdôraznení detailu, ktorý by za „normálnych“ okolností mohol byť súčasťou výpovede.

Nem álltam én meg, csak a falu végén. Kőkönyösdön. (2, s.122)

Ale ja som sa nezastavil, len konča dediny. V Kőkönyösde. (2.1, s.124)

Afféle csipisz volt, jelentéktelen, sótalan – borstalan. Vézna, cingár, mint egy cinege. Cinegelábú, cérnahangú. (3, s. 43)

Bola to taká nenápadná žubrienka, nemastná – neslaná. Dengľavá a cintľavá ako sýkorka. Sýkorčie nôžky, hlások tenučký. (3.1, s. 36)

Opis mladej dievčiny očami jej spolucestujúceho vykazuje prvky expresívnosti na niekoľkých rovinách. Výber lexikálnych prostriedkov typu *csipisz, sótalan – borstalan, vézna, cingár, cinegelábú, cérnahangú*, ktoré sú inherentnými nositeľmi emocionálno-expresívneho záporného hodnotenia, svedčí o subjektívnom postoji expedienta a jeho nesympatií k dievčine. V slovenskej verzii je uvedený typ expresívnosti zachovaný, okrem *žubrienky*, ktorá svoj expresívny náboj nadobúda až v kontexte (adherentná expresívnosť).

Zo syntaktického aspektu nachádzame v prvej vete originálu *diádu pripojených vetných členov (jelentéktelen, sótalan – borstalan)*, ktoré v umeleckom texte slúžia ako prostriedok aktualizácie a lyrizácie. V preklade zastupuje expresívnosť len jeden pripojený člen, ustálené slovné spojenie (*nemastná –*

neslaná), ktoré je zároveň jej inherentným nositeľom. Druhá i tretia veta sú eliptické, dominuje v nich statický opis, preto je vynechané sloveso (resp. pomocné sloveso). Obsahovo nadväzujú na predchádzajúci kontext.

Hej, nagyjóstén, mondom, tizenhat forint tizennyolc krajcár. Harminchét korona harminchat fillér. Egy héten. (2, s. 231)

Ach, bože dobrotivý, šesťnásť forintov osemnásť grajciarov. Tridsaťdva korún tridsaťšesť halierov. Za týždeň. (2.1, s. 226)

V ukážke sa uplatnila elipsa aj osamostatnený vetný člen, preklad obe zachováva.

Fáradt lehetett, halálosan fáradt. (3, s. 54)

Bola unavená, na smrť unavená. (3.1, s. 44)

Pripojený vetný člen má stupňujúci charakter. Vystupuje tiež ako prostriedok lyrizácie.

Elipsa. „Elipsa je primárne kontextový jav. Istý prvok autor eliduje na pozadí predchádzajúceho kontextu, ktorý zabezpečuje jej úplnosť a relatívnu jednoznačnosť“ (Findra, 2004b, s. 11). V tejto súvislosti sa elipsa spomína ako základný konektívny prostriedok. Rozlišujeme kontextovú a situačnú elipsu. *Situačná elipsa* sa realizuje v istom kontexte, ktorý determinuje jeho komunikačný potenciál. Napr. pri sčítavaní položiek v reštaurácii a následnej platbe je použitie elipsy komunikačne bezproblémové: *Vacsora, bikavér, négy feketé, huszonöt Mirjám.* (3, s. 200) – *Večera, bikavér, štyri čierne kávy, dvadsaťpäť miriamiek.* (3.1, s. 171)

Vzhľadom na písomný charakter sledovaných umeleckých textov, budeme sa zaoberať hlavne *kontextovou elipsou*, ktorá plní funkciu anaforického konektora. Elidovaný výraz môže byť slovesný i menný, jednoslovný i viacslovný. Najčastejšie sa vypúšťa prísudkové sloveso, ktoré má tranzitnú funkciu a pomocné sloveso byť (porov.: Findra 2004b: 14). Napr. *Szombaton ott a fizetés.* (2, s. 231) – *V sobotu výplata.* (2.1, s. 226); *Előtte egy pohár bikavér.* (3, s. 171) – *Pred ním stál pohár bikavéru.* (3.1, s. 147) – tu sa elipsa nezachovala. V niektorých prípadoch sa elipsa nenachádza v pôvodnej vete, ale prekladateľ ňou supluje iné vlastnosti výraziva, napr. nárečovosť, hovorovosť a pod. *Mingyán beálottam a sorba.* (2, s. 6) – *A ja hned' do šichty.* (2.1, s. 8); *De osztán az emberbül vén roggyant lesz.* (2, s. 14) – *Lenže človek ostarne – a starý človek*

hotová opica. (2.1, s. 17); *Este beszélgetni kezdtem*. (2, s. 137) - *A večer zhovorky*. (2.1, s. 138).

Bežné sú aj elipsy vedľajších vetných členov a elipsy hlavných a vedľajších viet. Okrem toho, že elipsa funguje ako základný prostriedok dynamizácie opisu a akcelerácie rozprávania (porovnaj ukážky), výrazne sa podieľa na expresívnom profile dialogických textov.

- Igazán kellemes időtöltés volt – mondta az őrnagy.
- Mi is nagyon jól éreztük magunkat – mosolygott Mariska.
- Remélem, holnap folytathatjuk.
- Okvetlenül – mondta Mariska.
- *Szép álmokat – búcsúzott a vendég.*
- Jó éjszakát – köszönt el Mariska akadozva, mintha nem találná a nyelvét a szájában. (6, s. 30)

- Bol to naozaj príjemne strávený čas, - povedal major.
- Aj my sme sa cítili veľmi dobre, - usmievala sa Mariška.
- Dúfam, že zajtra pokračujeme.
- *Celkom iste, - povedala Mariška.*
- Želám vám pekné sny, - lúčil sa hosť.
- Dob-rú nooc, - jachtala Mariška, akoby nemohla pohnúť jazykom. (6.1, s. 30)

Dialóg z *Tótovcov* sa odohráva po celonočnom skladaní škatúl, na úsvite, keď sa spokojný major odoberá do postele. Jednotlivé repliky sú pevne zakotvené v situácii, resp. v kontexte a nepotrebujú zbytočnú formálnu explicitnosť, úplnosť. V tretej vete je elidovaný výraz „pokračujeme v skladaní škatúl“, vo štvrtej vete chýba celá vedľajšia veta „celkom iste/ samozrejme, že pokračujeme v skladaní škatúl“, piata veta je eliptická len v maďarskej verzii, v ktorej chýba sloveso (ide o tzv. petrifikovanú, uzualizovanú eliptickú frázu *szép álmokat – pekné sny*), šiesta replika predstavuje petrifikovanú eliptickú frázu „*želám vám dobrú noc*“. Expresívnosť slovenského prekladu je zvýraznená prerývaným, unaveným, graficky zachyteným vyslovením prania *dob-rú nooc*. Z konfrontačného hľadiska tak môžeme konštatovať, že v uvedenom dialógu prekladateľ jedenkrát nezachoval elipsu, avšak jej expresívnu hodnotu kompenzoval pri jachtavom vyslovení poslednej repliky.

Elipsa patrí tiež (spolu s apoziopézou, osamostatneným a pripojeným vetným členom) k základným prostriedkom textovej väzby, t. j. ku konektorom, ktoré sa podieľajú na textovej kohézii. V ukážke sa expresívnosť projektovala aj z pozície príznakového slovosledu, subjektívneho poradia, ktoré umiestňuje jadro pred východisko. Nezriedka sa východisko výpovede úplne vynechá, čo v umeleckom texte prispieva k dynamizácii deja. Medzi realizovaným spôsobom konexie a príznakovým aktuálnym členením vety ide o funkčnú korešpondenciu.

Apoziopéza. Apoziopéza je typický expresívny prostriedok spontánnych jazykových prejavov; z objektívnych alebo subjektívnych príčin nedokončená výpoveď. V umeleckých textoch sa najčastejšie realizuje v dialógoch, kde replika partnera „násilne“ zasiahne do predchádzajúceho prehovoru, „v pásme rozprávača je apoziopéza prostriedkom estetiky výrazu“ (Findra 2004a: 84). Spolu s apoziopézou sa zvykne spomínať aj *proziopéza*, pri ktorej sa vynecháva začiatok výpovede. V ukážkach preklad expresívnu konštrukciu zachováva.

Elgondoltam, hogy ha az Isten adná, csak egyszer találkozhatnék vele ... (2, s.80)

(...) ej, keby tak boh dal, že by sa mi ešte raz pritrafilo stretnúť sa s ňou ... (2.1 s. 82)

Örültek, hogy itt van, a közelükben, kétszer is vett a töltött csirkéből, élvezte a finom fenyőillatot... Gyula, Gyula, csak te lásd ennek hasznát! (6, s. 21)

Radovali sa, že je tu nablízku, že si dal dupľu z plneného kurčat'a a že vychutnával jemnú živočnú vôňu... Julio, Julio, len aby si z toho mal úžitok! (6.1, s. 22)

Do pásma rozprávača a prerozprávania v tretej slovesnej osobe zasahuje akoby povzdych rodičov, subjektívne, osobné zbožné prianie. Tento mimovoľný zásah prerušuje rozprávanie, klasifikujeme ho preto ako apoziopézu. Expresívny charakter sentencie umocňuje aj kontrast vyvolaný neosobným rozprávaním a subjektívnym, silne emocionálnym želaním. Preklad oba komponenty akceptuje. Bezpríznakové členenie textu takto narušá digresia. Objektivizovanú autorskú reč, ktorá nezainteresovane podáva príbeh čitateľovi prerušuje veta, ktorá je polopriamou rečou postáv, absorbovanou bez komentára. Polopriama reč sa využíva ako prostriedok expresivizácie a subjektivizácie epického textu.

Prerývaná výpoveď. Je sémanticky i formálne uzavretá syntaktická jednotka. Prerušenie výpovede je dôsledkom subjektívneho zaujatia hovoriaceho a graficky sa vyznačuje tromi bodkami. V ukážke expedient, pán Tót, hľadá správne slová, hľadá nápad, ktorý od neho očakáva rodina i pán major.

– *Most, most, most... Mintha valaminek kezdenének kibontakozni a körvonalai...* (6, s. 38)

– *Teraz, teraz, teraz... Akoby sa mi črtali obrysy čohosi...* (6.1, s. 36)

Vytýčený vetný člen. Veta s vytýčeným vetným členom je expresívna syntaktická konštrukcia, v ktorej sa spravidla zdôrazňuje východisko výpovede (porov.: Findra 2004a: 85).

De elfogta helyette egy új szenvedés, az előbbinél még tűrhetetlenebb és alaktalanabb: az unalom. (1, s. 22-23)

Namiesto nej ho však zachvátilo nové utrpenie, ešte neznesiteľnejšie a neurčitejšie: nuda. (1.1, s. 16)

Mer az mindig sírt, az a köjök, nagyon sírós vót. (2, s. 130)

Lebo to decko večne len plakalo, ziapalo. (2.1, s. 131)

Vytýčený vetný člen sa v preklade druhej vety nezachoval. Expresívnosť sa však v ukážke dosahuje aj gradáciou – *plakalo, ziapalo*.

Niekedy sa realizuje len ako štylisticky príznakový variant neexpresívnej konštrukcie: *Bab, az van elég.* (2, s. 14 – *Fazule, tej jesto dost.* (2.1, s. 17)

Parentéza. V umeleckej próze je parentéza emocionálno-hodnotiaci prostriedok, ktorý v podobe sprievodnej poznámky alebo komentára vnáša subjektívne hodnotenie, postoj „hovoriaceho“. Graficky sa vyznačuje čiarkami, pomlčkami alebo zátvorkami (porov.: Findra 2004: 87 – 88). Ukážky, ktoré sme vybrali dokazujú, že prekladateľ syntaktické konštrukcie vníma ako článok expresívnej výstavby textu.

Ej, a betyár mindenit – mondtam – e mégis csak sok. (2, s. 23) – *Doparoma, povedal som si ,to je už predsa len veľa.* (2.1, s. 26)

No, Gyuri, modtam magamnak, most aztán készen vagy. (2, s. 83) – *No, Gyuri, povedal som si, teraz je ti už amen.* (2.1, s. 85)

Ez a kéz – a fehér anya kéz – többnyire az ölében pihent, az anyaöl kedves, rejtélyes puhaságában. (3, s. 40) – *Táto ruha – biela materská rúčka – poväčšine odpočívala v lone, v nežnej, tajomnej mäkkosti materinského lona.* (3.1, s. 34)

(...) és öregannyjuk – ez a hangos, szeleburdi, rövidlátó asszony – váltig dühösködött, hogy bármiként ügyel, folyton eltűnnek a macskái, minden évben tíz – húsz darab. (3, s. 48)

(...) *a stará mať – táto hlučná, pochabá a krátkozraká starena – sa jednotaj zlostila, že jej miznú mačky, každý rok desať – dvadsať, nech akokoľvek dáva na ne pozor.* (3.1, s. 40)

V ostatnom príklade je expresívna vsuvka ohraničená pomlčkami a predstavuje subjektívne hodnotenie, zvýraznená časť je eliptická. Preklad zachováva oba typy expresívnosti.

Lírāja, ha szabad ezzel a kifejezéssel élnem, csípás. (1, s. 64)

Jeho lýra, ak možno použiť ten výraz, je karpavá. (1.1, s. 48)

Expresívnosť parentetickej výpovede je znásobená výberom lexikálnych prostriedkov a ich neočakávaného kontrastu lýra – karpavá.

Výrazným nositeľom expresívnosti vo výstavbe textu sú rôzne typy viet a súvetí. Nemožno zovšeobecňovať, aké vety na čo použiť, pretože umelecký štýl sa vyznačuje variabilitou. Elementárnu syntaktickú konštrukciu reprezentuje jednoduchá veta, ktorá je príznačná pre ústne jazykové prejavy a rozprávanie. V tomto zmysle je (rozprávaci slohový postup) dôležitým komponentom umeleckého štýlu. Nasledujúca analýza bude zameraná na expresívnu povahu umeleckého opisu, tvorenú priradovaním jednoduchých viet (tzv. juxtapozícia), ktorých význam sa stupňuje pridávaním ďalších a ďalších informácií, stojacich ako pripojený alebo osamostatnený vetný člen. Takýto umelecký opis sa snúbi s aktualizáciou výrazu.

Szemét rászögezte. A nő teste csöndesen pihegett. Kicsiny volt, kerek, álmos mellel, törékeny, gyöngéd állal, alélt kezekkel. Szépsége úgy hatott rá, mint valami keserű illat, melyett érthetetlennek talált. Haja nem volt dús. Mintegy szomorú és szenvedő haj volt, borostyánsárga. Egészen természetellenes. (1, s. 113)

Uprel na ňu pohľad. Jej telo rozrušene dýchalo. Bola drobná, okrúhla, s ospanlivými prsami, krehkou nežnou bradou, ochabnutými rukami. Jej krása naňho zapôsobila ako nejaká horká vôňa, cudzokrajná a neznáma. Vlasy nemala bohaté. Boli akoby strápené a smutné, jantárovožlté. Celkom neprirodzené. (1.1, s. 87)

Slovenský text pozostáva z jednoduchých, voľne priradovaných viet. Napätie je vyvolané zdanlivou dynamickosťou, postupným odkrývaním obrazu a jeho statickou podstatou. V origináli nájdeme aj jednu vedľajšiu vetu prívlastkovú (*melyett érthetetlennek talált*), ktorú prekladateľ pod egidou expresívnosti transformuje do podoby pripojeného vetného člena (*cudzokrajná a neznáma*), čím

prispieva k zvyšovaniu expresívnosti v opise. Ďalší pripojený vetný člen *boros-tyánsárga – jantárovožlté* je vzápätí doplnený samostatne stojacou výpoveďou – osamostatneným vetným členom (*celkom neprirodzené*). Inú dimenziu expresívnosti predstavujú obrazné pomenovania, najmä prirovnania (*ako horká vôňa, ako cudzokrajná a neznáma vôňa*), epitetá (*ospalé prsia, horká vôňa bohaté vlasy* atď.) a personifikácia (*ospalé prsia, strápené a smutné vlasy*). Preklad uvedené komponenty expresívnosti textu zachováva.

Záver

Výrazová kategória expresívnosti sa v umeleckom texte projektuje vo všetkých jej jazykových i tematických dimenziách. Percipient vníma expresívnosť komunikátu ako jeho dôležitú zložku, ktorá sa realizuje na fonetickej, morfolologickej, syntaktickej a vôbec celej štylistickej rovine v súhre s témou, ideou, postavami, zvoleným postojom rozprávača atď. V štruktúre Mikovej paradigmy výrazových kategórií sa – ako sme to mohli vidieť aj z uvedených príkladov – snúbi expresívnosť najmä z markantnosťou a zážitkovosťou, aby takto „vstúpila do služieb“ jednej zo základných opozičných výrazových kategórií – ikonickosti.

Použitá literatúra

- FINDRA J.
2004a. Štylistika slovenčiny. – Martin: Osveta.
- FINDRA J.
2004b. Expresívne syntaktické konštrukcie. – Banská Bystrica: UMB.
- MIKO, F.
1969. Estetika výrazu. Teória výrazu a štýl. – Bratislava: SPN.
- MIKO, F.
1970. Text a štýl. – Bratislava: Smena.
- ŠUŠA IVAN – PRANDO PATRIZIA.
2010. Paralely a diverzity talianskej a slovenskej memoárovej literatúry s témou šoa. – Kultúrne paralely a diverzity vo filológii. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 27-66

- CSÁTH G.
2000. Matkovražda. Preložil Karol Wlachovský. – Bratislava: Kalligram. (4.1)
- CSÁTH G.
1977. Ismeretlen házban. 1.kötet – novellák, drámák, jelenetek. – Újvidék: Fórum könyvkiadó. (4)
- KOSZTOLÁNYI D.
2002. Esti Kornél. – Budapest: Magyar könyvklub. (3)
- KOSZTOLÁNYI D.
1983. Večerné romance. Preložil Karol Wlachovský. – Bratislava: Tatran. (3.1)
- KOSZTOLÁNYI D.
1968. Nero, a véres költő. - Bratislava: Madách könyvkiadó. (1)
- KOSZTOLÁNYI D.
1984. Krvavý básnik Nero. Preložila Gabriela Hanáková. – Bratislava: Slovenský spisovateľ. (1.1)
- ÖRKÉNY I.
2000. Tóték. – Szentendre: Poulart füzetek, Diák és Házikönyvtár. (6)
- ÖRKÉNY I.
1977. Mačacia hra. Tótovcí. Prekl. K. Wlachovský a J. Petro. - Bratislava: Smena. (6.1)
- ZÁVADA P.
1997. Jadviga párnája. Napló. – Budapest: Magvető. (5)
- ZÁVADA P.
1999. Jadvigin vankúšik. Denník Preložila Renáta Deáková. – Bratislava: Kalligram. (5.1)
- MÓRICZ ZS.
1974. A boldog ember. – Budapest: Szépirodalmi könyvkiadó. (2)
- MÓRICZ ZS.
1967. Šťastný človek. Preložila Hana Ponická. – Bratislava: Tatran.(2.1)

История англицизмов и факторы, влияющие на появление и освоение английских заимствований в русском и венгерском языках

Ильдико Чайбок-Тверефу

1. Введение

Изменение в жизни общества, развитие идей, культуры, науки и техники, а также бытовые новшества – все отражается в языке разных эпох. Поэтому мы можем согласиться с мнением известного венгерского лингвиста, Л. Гречи, который считает, что если мы хотим узнать о прошлом из жизни какого-то общества, то, в первую очередь, надо обратиться к историческим работам. А если нас интересует в основном то, чем характеризуются сыновья и дочери этого народа в настоящее время, чем они озабочены больше всего, среди каких обстоятельств и в каком обществе они живут, чем они занимаются, какие у них интересы и т.д., – то тогда надо взять в руки словари этих народов и изучить их. Более того, эти словари должны содержать новые слова, употребляемые данным обществом, так как они расскажут нам наиболее полно о том, что именно интересует нас (Grétsy László 2007).

Лексика представляет собой одну из наиболее активных областей языка, она живет и быстрее других реагирует на внешние воздействия, которые уже затем вызывают определенные изменения в фонетическом и грамматическом строе. Заметное место в этом процессе занимало и занимает заимствование чужих слов и их освоение. Новые слова непосредственно демонстрируют связь языка с жизнью общества и раскрывают пути лексического обогащения. Одной из составляющих внешнего фактора является языковое контактирование, результат которого – наличие в любом живом языке определенного количества элементов иноязычного происхождения.

В данной статье дается краткая история английских заимствований в русском и венгерском языках. Также сказано о путях проникновения английских заимствований и о некоторых сферах их употребления в указанных языках.

2. Краткая история английских заимствований в русском и венгерском языках

Процесс заимствования иноязычной лексики русским и венгерским языками находится в прямой зависимости от внутренней истории наших государств. В связи с историей заимствованных единиц из английского языка в русский и венгерский языки, первое появление англицизмов в этих языках, а также интенсивность их употребления отличается.

2.1. История английских заимствований в русском языке

Англо-русские языковые контакты имеют длительную историю. Начало их относится к XVI в. и связано с развитием торговых и дипломатических отношений между Московским государством и Англией. За этот период как в русском, так и в английском языках накопилось значительное число заимствованных слов. Как считает С.А. Беляева, началом непосредственного сближения России с Англией принято считать 24 августа 1553 г., когда впервые английский корабль «Эдуард Благое Предприятие» встал на якорь в устье реки Северная Двина (Беляева С.А. 1973).

Большое значение в развитии англо-русских языковых контактов сыграла переводная литература. Первый перевод с английского на русский – учебник геометрии – относится к 1625 г. В XVII в. в России было сделано большое число переводов географических текстов.

Интерес к английскому языку усилился после поездки Петра в Англию в 1697 – 1698 гг. Возвратившись оттуда, царь привез англичан-специалистов разных наук. Петр I высоко оценил стремление русских послов изучать быт и нравы народов европейских стран, а также считал важным изучение морского дела за рубежом. В связи с этим в распространении английского языка в России важная роль принадлежала именно морскому ведомству и морским учебным заведениям. Благодаря Петру I русские студенты изучали в Англии право, богословие, сельское хозяйство, математику, медицину и т.д. В связи с этим с середины 1700 гг. знакомство с английским языком в России усилилось. Следует отметить, что здесь немалую роль играл верхний слой дворянства – Екатерина II не скрывала свою любовь к английской культуре. В конце XVIII в. из-за нежелательных, с точки зрения царского

правительства, путешествий русских дворян в послереволюционный Париж, стали популярными в дворянских кругах разные места Англии.

Хотя начало XIX в. охарактеризовано противоречием между Россией и Англией на Ближнем Востоке, после установления связей между странами интерес к английскому языку усилился. В начале XIX в. он получает второе по своему значению место и становится соперником французского языка. Это объясняется тем, что в России многие увлеклись английской литературой, так как именно в это время в Англии такие поэты и писатели, как Д. Байрон, Ч. Диккенс, Э. Бронте и ее сестра и мн. др. Чтобы читать английских авторов в подлиннике, молодые русские писатели – А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и др. – старательно взялись учить английский язык.

В распространении английской литературы, и непосредственно английского языка, также важную роль сыграл русский театр, где ставились пьесы английских авторов. Таким образом, в России стали известны история и культура Англии, а также английская экономическая и политическая жизнь.

Несмотря на то, что в 70-80-е годы XIX в. популярность английского языка еще более возросла, русская англомания ослабела: в 90-х гг. проникновение новых английских слов в русский язык приостановилось. Но в то же время шел активный процесс освоения ранее проникших в русский язык слов.

Этот процесс продолжался и в начале XX в., что объясняется слабой экономической и культурной связью с другими странами – внутренние проблемы страны, несмотря на Первую мировую войну, привели к случайным новым заимствованиям. Однако позже процесс освоения пришедших в русский язык английских заимствований усиливается и расширяется: новый слой носителей языка начинает пользоваться ранее социально или профессионально ограниченной лексикой. В это время появились такие слова, как *такси, свитер, концерн* и др.

В конце 20-х и в 30-е годы процесс заимствования активизируется. Изменения в жизни страны, развитие новых отраслей наук дали возможность появлению таких слов, как *комбайн, метро, телевидение*. В это время

английский язык вошел в учебные программы средних школ Советского Союза и получил действительно массовое распространение.

Интерес к английскому языку и культуре повысился в период создания антигитлеровской коалиции – союза СССР, США и Великобритании. Большую роль играли социальные и языковые контакты Советского Союза с США, что принесло с собой большое количество американизмов.

40-е – начало 60-х гг. характеризуются борьбой против Запада. В речах и публицистике этих лет встречаются такие американизмы, которые чаще всего представляют собой отрицательные слова-характеристики.

С середины 60-х гг. активизировался процесс лексических заимствований. Это было вызвано усилением международных связей. После второй мировой войны начала укрепляться позиция английского языка как языка международного общения.

В конце 70 гг. в русском языке увеличилось количество заимствований – что объясняется Олимпиадой в 1980 г. Также много слов было заимствовано в конце 80-х гг.

С 90-х гг., после перестройки, государственный строй Россия изменился (Загоровская О.В., Есмаеел С.А. 2008). Россия стала более открытой, что привлекло бурный поток иностранных явлений и реалий в страну. Это практически невозможно без появления новых заимствований сначала в жизни, а потом и в языке. Этим объясняется то, что количество новых заимствований – в первую очередь из английского языка – не определено и новый поток не может быть остановлен.

В новом столетии в связи с глобализацией, с появлением Интернета, с расширением телекоммуникационных технологий, а также с высокоразвитым туризмом поток слов заимствованных из английского языка в русский язык не прекращается, этот период многие лингвисты сравнивают с эпохой Петра I.

2.2. История английских заимствований в венгерском языке

Первые слова, которые по происхождению можно считать английскими, появились в венгерском языке и венгерских текстах после 1620 гг (Országh László 1977) По исследованиям Орсага Л., в венгерском языке в то время

появилось примерно девяносто слов, из которых многие являются общеупотребительными элементами современного венгерского словарного запаса. Интересно, что в русском языке при Петре I появилось довольно много английских слов, а в венгерском языке в то же время всего пять. Следует отметить, что в русском и венгерском языках англицизмы появились в разных сферах. Достаточно только посмотреть на количество слов в сфере судоходства, это объясняется разным географическим положением России и Венгрии (Чайбок И. 1999).

В русском языке многие слова появились раньше, чем в венгерском. Небольшое количество английских заимствований в XVII в. в венгерском языке нас не удивляет, если принять во внимание, что даже большие западные страны, которые были в прямой связи с Англией, заимствовали сравнительно мало слов. Говоря о венгерском языке, мы не должны забывать тот факт, что между самой восточной страной Габсбургской империи и самой западной протестантской страной Европы не было практически никаких политических, экономических, общественных связей, в отличие от России, у которой в это время устанавливались многосторонние отношения с Англией. Количество английских путешественников, побывавших на венгерской земле, было также очень небольшое, и в венгерских школах систематически не изучали английский язык.

Когда к середине XIX в. венгры открыли для себя английскую культуру, в России она уже давно играла немаловажную роль. Но с этого времени и в венгерский язык начали проникать слова, обозначающие предметы из английского общества. Однако несмотря на то, что в эту эпоху словарный запас русского и венгерского языков пополняется большим количеством заимствований из английского языка, относящихся к различным сферам жизни и деятельности человека, и в России уже говорили об англomании, – в Венгрии того времени речь об этом не идет. В то же время, следует отметить, что в конце XIX в. и в начале XX в., по сравнению с эпохой реформ (1820)¹, заметно сокращается время между первым появлением слов, связанных с естественными науками в американских или английских текстах и первым появлением того же слова в венгерском языке.

Заметное сходство в истории англицизмов в русском и венгерском языках можно наблюдать в период с 40-х до начала 60-х гг. прошлого столетия. Период 40-50-х гг. является редким примером активного воздействия общества на словарь языка и характеризуется общей тенденцией – отрицательным отношением ко всему иностранному и, в частности, к иноязычной лексике. Интересно, что слова, характерные для английского образа жизни, существовали в русском языке длительное время, в отличие от венгерского, где они употреблялись кратковременно, да и часто с привкусом англomanии. Они нередко употреблялись потому, что были модными. Следовательно, их знали лишь немногие, и употреблялись они в узких социальных кругах, т.е. являлись «словами-люксами».

С середины 60-х гг. прошлого века количество слов из англоговорящих стран превысило число заимствований из других языков как в русском, так и в венгерском языке. Хотя новые заимствования английского происхождения в начале были освоены только в некоторых областях терминологии, позже многие из них стали широко употребляемыми. Приток английских слов того времени объясняется несколькими факторами: модернизацией жизни, развитием разных областей жизни, новыми техническими и технологическими достижениями, появлением новых видов продукции. Появление новых понятий и реалий происходит одновременно с возникновением новых названий.

После 60-х гг., по сравнению с другими эпохами, при заимствовании английских слов русским и венгерским языками большую роль играют слова американского происхождения, несмотря на то, что в венгерском языке многие из них появились через британский английский язык.

В 80-х и 90-х гг. благодаря политическим изменениям в Венгрии, также как и в России, отмечается новый поток английских заимствований в венгерский язык. В средствах массовой информации новые слова английского происхождения появлялись очень часто. Некоторые из них и сегодня существуют в венгерском языке, а некоторые были заменены другими словами (например, термины компьютерной технологии).

В новом столетии информация из других стран через мгновение доступна венграм. Большое количество этой информации переведено, но, например, в

Интернете часто даются адреса сайтов, которые можно читать только на языке-оригинале, чаще всего на английском. Поэтому в Венгрии многие выбирают для изучения первым иностранным языком английский. Путь к появлениям новых английских слов в венгерском языке открыт.

3. Путь английских заимствований в русском и венгерском языках

Важным является то, какими путями проникали и сейчас проникают англицизмы в русский и венгерский языки. В разное время путь проникновения мог быть устным или письменным.

М.В. Орешкина считает, что английские слова, появившиеся в русском языке первыми, пришли преимущественно устным путем (Орешкина М.В. 1995). В то же время, Орсаг Л. отметил, что впервые английские слова появились в венгерском языке через письменную речь (Ország László 1977).

Так как в русском языке большинство слов произносится в соответствии с написанием, заимствованные слова должны получить свой графический облик, соответствующий произношению данного иностранного слова. Однако в силу того, что заимствование происходит разными путями (устными и письменными, непосредственным и опосредованным), в языке-рецепторе отмечаются орфоэпические и орфографические варианты. При фонемно-орфографическом оформлении английских заимствований русскими средствами могут возникнуть определенные колебания в написании, произношении и акцентуации слова. История английских заимствований и разные варианты при их оформлении могут указать на то, каким путем проникло слово в русский язык. Таким образом можно прийти к выводу, что до XX в. в русский язык слова английского происхождения главным образом проникли устным путем. Письменный путь проникновения был сильнее устного лишь тогда, когда многие читали англоязычную литературу. В XX веке и в начале нашего столетия характерны и устный, и письменный пути проникновения, что объясняется многими факторами.

При появлении английских слов в венгерском языке с начала XVII в. до наших дней, большую роль играло написание, а, следовательно, книги на венгерском языке и пресса данных периодов. До конца XIX в. главными каналами вхождения английских слов являлись напечатанные дорожные

впечатления и путеводители венгерских путешественников, побывавших в Великобритании и США. Кроме этого существовали географические и исторические пособия, этнографические и научно-популярные издания, а также журналы, к которым с эпохи реформ добавились ежедневные газеты. Таким образом, английские заимствования в венгерском языке в первую очередь укоренялись в словарном запасе тех людей, которые умели читать и увлекались этим. Следовательно, так как в Венгрии с английским разговорным языком были знакомы не многие, английские слова, появляющиеся в венгерском языке, осваивались в соответствии с произношением, свойственным чтению в венгерском языке. В этом процессе значительную роль играли произведения художественной литературы, их переводы и учебники английского языка. В некоторых случаях источниками заимствований являлись этикетки с продукции, производимой в англоязычных странах.

Только с начала прошлого века в освоении английских заимствований стали принимать во внимание и слух, так как разговоры англоговорящих людей могли быть услышаны венграми (следует отметить, что эта тенденция была характерна и в большинстве европейских стран.). С 1920-ых гг. при освоении англицизмов акустические коммуникативные формы начали оказывать все большее и большее лингвистическое влияние (радио, а позже и телевидение). После первой мировой войны самую значительную роль в появлении англицизмов приобрели именно средства массовой информации.

В настоящее время характерны и устный, и письменный способы заимствования англицизмов. В наши дни в освоении новых английских заимствований венгерским языком, как и русским, как уже отметили, главную роль играют также средства массовой информации, а также международная торговля различными товарами; иностранные фирмы с их услугами; массовая культура, не знающая границ: кино, песенное искусство, художественная литература, – и наконец Интернет.

Что касается посредников заимствованной лексики, в России и в Венгрии посредники английских заимствований различаются. Русским языком англицизмы обычно заимствовались без посредников. В то же время заимствованные венгерским языком слова английского происхождения появились в венгерском языке в большинстве своем из немецкого языка, а в

некоторых случаях из французского. Количество таких слов, которые заимствовались венгерским языком без посредников, прямо из английского – было небольшое, но многие последние заимствования уже не нуждаются в посредниках.

4. Сферы употребления английских заимствований в русском и венгерском языках

С изменениями в жизни людей также меняется необходимый им словарный запас для выражения этих изменений и для обозначения новых понятий, предметов и реалий. В связи с жизнью заимствованных из английского языка слов в русский и венгерский языки отметим, что слова, появившиеся в разные периоды истории, часто исчезали после временного употребления. Некоторые из них никогда не появляются снова, а другие позже опять находят свое место в этих языках. По сравнению с русским языком можно сказать, что в венгерском языке большинство спортивных слов поменялись либо на кальки, либо на слова, специально созданные венграми (Чайбок И., 1999).

Также можно сказать, что большинство слов, связанных с политикой и экономикой уже ранее существовали в русском и венгерском языках, однако некоторые из этих слов либо имели отрицательную оценку, либо считались локализмами. Новыми словами в этой области обычно могут считаться только те слова, которые в английском языке или в его американском варианте появились с 50-х гг. прошлого века.

Сравнивая некоторые области английских заимствований, выясняется, что в русском языке число англицизмов намного больше в таких сферах, как спорт, политика, судоходство и т.д. Небольшое количество заимствованных слов в спортивной терминологии венгерского языка объясняется уже вышеупомянутыми кальками или собственно венгерскими словами,² вытеснившими англицизмы. А разный словарный запас, например, в сфере терминологии судоходства объясняется географическим положением России и Венгрии – разницу в развитии этой отрасли транспорта и перевозок в России и Венгрии даже невозможно сравнить.

По мнению Н.Н. Гольцовой и М.В. Замской (Н.Г. Гольцовой Н.Н., Замской М.В. 1994), при всем тематическом многообразии заимствований наиболее четко выделяются несколько тематических групп:

1. Общественно-политическая лексика: *импичмент, консенсус, спикер, пиар*, а также *demokrácia*.
2. Рыночная терминология: *маркетинг, менеджер, менеджмент, дилер, брокер*, а также *valuta, projekt*.
3. Технические термины (например, компьютерная технология): *монитор, принтер*, а также *hacker*.
4. Спортивная лексика: *сёрфинг, виндсёрфинг, скейтборд, аэробика, бодибилдинг*, а также *jetski, softball, triatlon*.
5. «Искусствоведческая лексика»: *рок, диско, шоу*, а также *diszkó*.
6. Художественные жанры: *бестселлер, триллер, римейк*, а также *sitcom*.

Отношения к новым заимствованиям как «простого» народа, так и лингвистов совершенно разные. Среди тех и других находятся люди, которые считают нужным и неизбежным явлением процесс заимствования, как и часто встречаются «пуристы», которые хотят защитить свой язык от «иноземцев».

Литература

БЕЛЯЕВА С.А.

1973. Английские лексические заимствования в русском литературном языке XVI – XX вв. – АКД. Л.

ГОЛЬЦОВА Н.Н., ЗАМСКАЯ М.В.

1994. Современные заимствования в русском языке: (Функционально-стилистический аспект). Семантика слова и семантика текста. М.

ЗАГОРОВСКАЯ О.В., ЕСМАЕЛ С.А.

2008. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка. Вестник ВГПУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, №3.

МАРИНОВА Е.В.

2008. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования, кандидатская диссертация, М.

ОРЕШКИНА М.В.

1995. Языковые контакты и лексикографическая практика: словари заимствований. Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М.

ЧАЙБОК ИЛЬДИКО.

1999. Английские заимствования в русском и венгерском языках, кандидатская диссертация, М.

GRÉTSY LÁSZLÓ

2007. Édes Anyanyelvünk, XXIX. Évf. 4. szám, október.

ORSZÁGH LÁSZLÓ

1977. Angol eredetű elemek, Budapest.

-
1. Эпоха реформ является важным периодом венгерской истории. В это время была создана Венгерская Академия Наук, был введен венгерский язык, как официальный язык страны, вместо немецкого языка.
 2. Большинство этих слов были созданы для конкурса, который объявили венгерские лингвисты против английских заимствований.

Rozdielny prístup k vyučovaniu slovenskej deklinácie Slovanov a Neslovanov

Eva Čulenová

Úvod

Príspevok vznikol zo skúseností z viacročnej práce v oblasti vyučovania slovenského jazyka ako cudzieho jazyka. Počas vyučovania slovenčiny pre cudzincov (v kurzoch, individuálne) sme sa stretli s viacerými situáciami, ktoré bolo potrebné riešiť, pretože významne ovplyvňovali edukačný proces. Takouto situáciou boli napr. stretnutia slovanských a neslovanských študentov v jednom kurze/ na spoločných stretnutiach. Na základe získaných poznatkov možno konštatovať, že existujú pomerne veľké rozdiely vo vyučovaní príslušníkov neslovanských národov a vo vyučovaní slovanských národov. Dôvod je zrejmý a jednoduchý:

- slovanské jazyky majú príbuznú lexiku z jadra slovnej zásoby a podobnú gramatickú stavbu vrátane deklinácie a konjugácie, veľké rozdiely sa neobjavujú ani v oblasti tvorby slov.
- Neslovanské jazyky vykazujú (viac či menej) veľké rozdiely v spomínaných oblastiach, hoci aj tu je možné pristupovať rozdielnejšie k daným príslušníkom národov – najmä podľa hľadiska príslušnosti k indoeurópskym alebo iným (neindoeurópskym) jazykom.

Na základe spomenutých základných kritérií (ale i po dohode so študentom) je teda potrebné:

1. zvoliť kontaktný jazyk,
2. zvoliť časový plán,
3. zvoliť metódy vyučovania,
4. vybrať vhodné učebné materiály.

(Konkrétne rozborov vyučovania v súvislosti s areálovými vzťahmi ponúkajú napr. práce I. Šušu /2009, 2010/, ktorý pôsobil ako lektor slovenského jazyka v Neapole, N. Kiseľovej /2002/, J. Pekarovičovej /2002/ Vychádzať však možno aj z kontrastívnych rozborov slovenčiny, angličtiny a nemčiny od Z. Dobríka /2007/ a J. Miškovskej /2009/. Veľmi dobré a praktické podklady pre porovnanie

vyučovania slovanských jazykov ako cudzích jazykov poskytuje zborník Výučba slovanských jazykov ako cudzích v slovanskom prostredí – súčasnosť a perspektívy /2008/, kde jednotliví autori približovali a analyzovali konkrétne problémy pri vyučovaní slovanských jazykov, vrátane slovenčiny. Zaujímavým podkladom je aj práca E. Schwarzovej Internacionalizácia ako /prejav dynamiky slovnej zásoby, kde približuje lexikálne jednotky, rozoznané a používané v mnohých súčasných jazykoch, na ktoré možno upozorniť pri vyučovaní slovenčiny ako cudzieho jazyka /2003/. Problémami v konkrétnych vyučovacích jednotkách pri vyučovaní slovenčiny ako cudzieho jazyka sa zaoberajú aj E. Čulenová a L. György, ktorí vo svojej práci /2010/ riešia otázky súvisiace s počiatočnými fázami vyučovacej jednotky. Okrem iného tu prezentujú aj ich návrh riešenia jazykovo zmiešaných skupín.).

1. Slovanskí študenti a ich edukácia v oblasti slovenského jazyka ako cudzieho jazyka

Podobne, ako aj slovenčina, i ostatné slovanské jazyky (ako subskupina indoeurópskeho jazyka) sú flektívne, poznajú teda pádové a trojrodové systémy, majú podobný systém gramatického čísla (singulár, plurál, existencia pomnožných mien) a konjugácie. Jadro slovnej zásoby tvoria lexikálne jednotky zložené z (najmä) konsonantov v podobnom alebo rotovanom postavení, čo tiež poukazuje na spoločného predka slovanských jazykov. Slovosled je z rovnakého dôvodu tiež rovnaký, teda sa nachádza v postavení subjekt – objekt – verbum.

Z toho vyplýva, že interferencia materinského jazyka študenta do učenia sa slovenčiny sa v podstate ukazuje ako výhodná, pretože pri učení sa slovenčiny má študent vedome či podvedome tendenciu porovnávať jazyk, ktorý si práve osvojuje, so svojím materinským jazykom. Keďže jeho materinský jazyk vykazuje gramatické a lexikálne paralely so slovenčinou, pri osvojovaní si slovenčiny môže používať analógie, ktoré mu poskytujú zvýšenú možnosť rýchlejšieho zapamätania si daného javu, prípadne lexikálnej jednotky. Na vyučovaní sa nám prezentácia analógií osvedčila, javy, na ktoré sme upozorňovali ako na analogické, resp. ich takto klasifikovali samotní študenti, si potom študenti osvojili okamžite a bez problémov. Dôležitá však je dôkladná fixácia, aby

v dôsledku analogického osvojovania si lingvistických javov nedochádzalo k omylom, prípadne kontaminácii väzieb alebo lexikálnych jednotiek.

Špecifickým prípadom pri výučbe slovenčiny slovanských študentov je otázka výberu kontaktného jazyka.

Vzhľadom na národnosť študentov sa môžeme k tomuto problému postaviť z dvoch uhlov:

- a) Nesiahnuť po kontaktnom jazyku, ale od prvých stretnutí používať slovenčinu – tento prípad je možné realizovať len vtedy, keď študenti pochádzajú z krajín susediacich so Slovenskom (napr. z Poľska). So slovenčinou mohli mať aspoň vzdialený kontakt, zachytávajú konštrukcie, rozoznávajú a identifikujú slová základnej slovnej zásoby už od začiatku, takže slovenčinu si osvojujú paralelne dvoma spôsobmi: v rámci samotného vyučovania, a zároveň posluchom s porozumením. V tejto situácii však musíme rozprávať pomaly, voliť len základné slová, vety často opakovať, nepoužívať k už raz vyriešeným slovám synonymá, neustále vyžadovať spätnú väzbu. Takáto metóda je veľmi efektívna, avšak nie je ju možné používať u Slovanov žijúcich v areáloch vzdialenejších od Slovenska.
- b) Používať kontaktný jazyk – počas našej práce s cudzincami slovanského pôvodu sa nám okrem angličtiny najviac osvedčilo používanie ruštiny, pretože obsahuje lexikálne jednotky, ktoré dokáže identifikovať väčšina Slovanov. V súčasnosti však stále viac rastie význam angličtiny a často sa už stáva, že Slovania preferujú ako kontaktný jazyk angličtinu.

V prípade slovanských študentov je však dobré kontaktný jazyk používať iba na prvých stretnutiach, postupne zaraďujeme aj slovenčinu, pričom preložíme dané vety (týkajúce sa pokynov na prácu v rámci vyučovania, napr. Otvorte si učebnicu na strane...) do kontaktného jazyka, neskôr už preklad neposkytujeme a plynule prechádzame len na slovensky povedané pokyny.

2. Neslovanskí študenti a ich edukácia v oblasti slovenského jazyka ako cudzieho jazyka

V prípade neslovanských študentov je výučba slovenského jazyka zameraná odlišne. Vychádzame z toho, že neslovanské jazyky majú odlišnú typologickú charakteristiku, teda môžu mať odlišný deklinačný a konjugačný systém, prípadne ho nemusia mať vôbec, odlišný systém čísla a rodov, prípadne tvorby slov.

Základ slovnej zásoby môže pozostávať z odlišných koreňov/ kmeňov slov, to znamená, že pre Neslovanov bude problematickým ich osvojovanie.

Z toho vyplýva, že na začiatku vyučovacieho procesu je vhodné odhaliť materinský jazyk študenta, aby sme mohli predpokladať mieru a stav interferencie do osvojovaného jazyka. Interferencia v prípade neslovansky hovoriacich študentov nie je žiaduca, preto je efektívne použiť napr. aj kontrastívny výklad, teda poukázať skôr na rozdiely medzi oboma jazykmi, aby sme vplyvy interferencie eliminovali a podporili efektívnu fixáciu nového učiva (bližšie: Dobrík, Z., 2007). V prípade, že materinským jazykom študenta nie je flectívny jazyk, je nutné začať výučbu gramatiky slovenčiny vysvetlením gramatického systému slovenčiny – teda upovedomením o systéme rodov, čísel, pádov a neskôr aj konjugácie, aby pochopili, čo sa idú učiť.

V prípade Neslovanov je nutné používať kontaktný jazyk v prípade, že študent je začiatovník. Aj tu sa v posledných rokoch do popredia dostala angličtina, v súčasnosti sa v mnohých kurzoch otázka výberu kontaktného jazyka už nerieši, pretože sa automaticky predpokladá, že ním bude angličtina. Kontaktný jazyk používame počas dlhšieho obdobia než u Slovanov, v podstate je nutný počas celej fázy začiatovníckych kurzov (stupeň A1). V styku s mierne pokročilými študentami (A2) už plynule prechádzame na komunikáciu v slovenčine, pričom dbáme na precíznu spätnú väzbu, aby sme vedeli, či študent porozumel všetkému, čo sa na hodine deje.

3. Vyučovanie slovenskej deklinácie u Slovanov a Neslovanov

3.1. Vyučovanie slovenskej deklinácie u neslovanských študentov

Vzhľadom na šírku prezentovanej problematiky sa v tomto článku uvádza hrubý tematický plán len formou náčrtu a v bodoch.

1. V prípade začiatovníkov sa začína najmä zoznamovacími frázami, ktoré sú zároveň doplnené aj základnou slovnou zásobou (pozdravy, časti dňa, názvy najfrekvencovanejších povolání a rolí osôb ...). Z gramatiky sa precízne preberá N sg. substantív a postupne na nasledujúcich hodinách sa k nemu pridáva aj N sg. adjektív. To znamená, že je potrebné študentom vysvetliť systém rodov v slovenčine a túto problematiku s nimi precízne precvičiť a zafixovať. Súčasne sa preberá aj prítomná verba byť

a jeho negácia. Fixácia tohto učiva je u neslovanských študentov veľmi potrebná.

2. Na ďalších stretnutiach sa postupne preberá tvorenie otázok a príslovky miesta (vľavo, vpravo a pod.) Tu zvykneme študentom vysvetliť aj konjugáciu prítomného základného autosémantických verb, a to z toho dôvodu, aby sme mohli robiť základné cvičenia. Týmto postupom sa pokračuje dovedy, kým študenti dokonale nezvládnu N sg substantív a adjektív, konjugáciu verba byť, jeho negáciu a nebudú vedieť tvoriť základné vety.
3. Pokračovať možno nominatívom sg. deiktických zámen, ktoré v podstate korešpondujú so systémom rodov. Avšak aj táto problematika je pre neslovanských študentov celkom nová a je potrebné ju precízne precvičiť. V súvislosti s menovanými problematikami sa systematicky rozširuje slovná zásoba, a to tematicky (napr. opisom miestnosti, osôb a pod.)
4. Keď neslovanskí študenti zvládnu uvádzanú problematiku, môžeme postupne zaradiť deklináciu: najvhodnejšie je začať A sg., ktorý je v bežnej reči najfrekvencovanejší. Tu je však potrebné mierne spomaliť tempo, pretože neslovanskí študenti majú často problém s fixáciou (nezriedka aj pochopením) deklinácie v systéme rodov.
5. Vo výučbe postupne nasledujú postupne a najmä po jednom ďalšie pády (I, D, G a nakoniec L) v sg., samozrejme, vždy s dôkladným precvičením.
6. Až po zvládnutí deklinácie substantív (príp. aj adjektív) v sg. je možné postupne prejsť na vyučovanie plurálu, pričom môžeme zaradiť aj iné gramatické javy (pravidelné futurum, prétéritum a pod.)

Zo skúseností možno konštatovať, že práve tieto prvé časti vyučovania gramatiky, ktoré sú pre neslovanských študentov zároveň zoznamovacími so slovenčinou, bývajú pre nich náročné a vyžadujú adekvátny čas na to, aby:

I. si neslovanský študent zvykol na pre neho jazyk s iným systémom – slovenčinu;

II. aby sa so slovenčinou bližšie začal zoznamovať;

III. aby dokonale pochopil a zvládol základy slovenčiny, pretože bez nich bude mať problém zvládnuť ďalšie a podstatne náročnejšie gramatické javy zo slovenčiny.

3.2. Vyučovanie slovenskej deklinácie u Slovanov

V prípade slovanských študentov – začiatočníkov vo všeobecnosti možno postupovať oveľa rýchlejším tempom než u ich neslovanských kolegov.

- Slovanský študent pozná gramatický systém svojho jazyka, ktorý je podobný slovenčine, preto mu nerobí problém zoznamovanie sa so slovenčinou. Rýchlo si na ňu zvyká, oveľa rýchlejšie „objavuje“ a pamätá si nové slovenské slovesá, ktoré vie aj rýchlejšie používať. V prípade jazykov, ktoré inak používajú verbum byť (napr. ruština) je potrebné vysvetliť systém jeho používania, avšak nestretli sme sa s výraznými problémami s jeho pochopením a následným používaním. V rámci jednej vyučovacej jednotky možno prebrať aj N sg. substantív a adjektív zároveň s prvotnými frázami, pozdravmi a ostatnými elementárnymi vetami.
- Aj ostatné opisované gramatické javy Slovania zvládajú oveľa rýchlejšie, preto možno prebrať na jednej vyučovacej hodine viac gramatických javov (napr. vysvetlenie systému rodov, N sg. substantív, adjektív, deiktické zámená a konjugáciu prézenta pravidelných najfrekvencovanejších verb).
- Oproti neslovanskému študentovi sa Slovan v podstate neučí slovenčinu ako úplne nový jazyk, len na jednotlivých vyučovacích jednotkách objavuje rozdiely medzi svojím slovanským jazykom a slovenčinou, čo mu umožňuje rýchlejšie a ľahšie pochopenie a používanie slovenčiny v bežnej konverzácii.

Záver

Možno jednoducho konštatovať, že hoci s neslovanským a slovanským študentom preberáme tie isté gramatické javy a témy, v prípade slovanského študenta

- postupujeme vo vyučovaní oveľa rýchlejšie, pretože Slovan objavuje rozdiely a paralely medzi svojím slovanským jazykom, ktorý dobre pozná ako materinský jazyk, a slovenčinou,
- môžeme na jednotlivej vyučovacej jednotke prebrať a fixovať viac gramatických javov,
- deklináciu možno prebrať často aj na dvoch vyučovacích jednotkách, pretože len upozorníme na rozdiely, pričom neslovanský študent je nútený najprv pochopiť a neskôr pomaly a dôkladne prebrať a fixovať

jednotlivé pády. Na tomto mieste treba konštatovať, že práve deklinačný systém robí neslovanským študentom najväčšie problémy.

- Slovenská slovná zásoba Slovana sa rozširuje oveľa rýchlejšie a tiež ju vie aj rýchlejšie aplikovať v konverzácii.
- Z uvedeného vyplýva, že ideálom je rozdeliť skupinu klientov, ktorí pricestujú za štúdiom slovenčiny, na skupinu Slovanov a na skupinu Neslovanov. V takomto prípade je zabezpečená aj ideálna efektívnosť vyučovacieho procesu. Samozrejme, z organizačných, ekonomických a iných objektívnych príčin to nie vždy je možné, preto je v prípade spojenej skupiny najvhodnejšie asi vypracovať dva časovo-tematické plány, dva druhy príprav a postupovať formou „malotriedky“, čo je však náročnejšie pre učiteľa, ktorý musí vyučovaciu jednotku organizačne zvládnuť bez najmenšieho časového presahu v každej zo skupín.

Literatúra

ČULENOVÁ E. – GYÖRGY L.

Prvky motivácie na vyučovaní slovenčiny pre cudzincov v kurzoch pre mierne pokročilých. – Slovo o slove: zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity. – Prešov : Prešovská univerzita, Pedagogická fakulta, 300-307

DRATVA T. – BUZNOVÁ, V.

2005. Slovenčina pre cudzincov. – Bratislava : SPN

DOBRÍK Z.

2007. Jazyky v kontaktoch (anglicizmy a iné slová cudzieho pôvodu v nemčine a slovenčine). Banská Bystrica: Filologická fakulta Univerzity Mateja Bela

DÓMOVÁ A.

1996. Slovak for you. – Bratislava : Perfekt

KISELOVÁ, N.

2002. Areálové vzájomné vzťahy slovanských jazykov centrálnej zóny. – Banská Bystrica: Filologická fakulta UMB.

MIŠKOVSKÁ J.

2009. Verbonominálne spojenia a ich preklad do slovenčiny. – Slavica juvenum. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravskej univerzity, 251-256

PEKAROVIČOVÁ, J.

2002. Lingvodidaktická koncepcia slovenčiny ako cudzieho jazyka. – Slovenčina ako cudzí jazyk. Bratislava: FF UK, MC SAS

ŠUŠA, I.

2010. Vedecko-pedagogický aspekt slovakistiky vo vzťahu k areálovosti na zahraničných lektorátoch. – Brno : Slavica Litteraria., 198-207

ŠUŠA, I.

2009. Slovakistika v zahraničí. – Svensk Slovak Info. Stockholm: Svensk Slovakiska Foreningen

SCHWARZOVÁ E.:

- Internacionalizácia ako prejav dynamiky slovnej zásoby. – Translatológia a jej súvislosti – Zborník Katedry germanistiky. Banská Bystrica : FiF UMB, 30-34

Výučba slovanských jazykov ako cudzích v slovanskom prostredí – súčasnosť a perspektívy. Ed.: G. Olchowa. – Banská Bystrica : Fakulta humanitných vied, Univerzita Mateja Bela.

ČAS V SLOVENSKEJ A NEMECKEJ PREDLOŽKOVEJ MORFOLÓGII

Eva Čulenová , Ladislav György, Jana Miškovská, Eva Schwarzová

Úvod

Predložky nie sú vetnými členmi a vystupujú len ako „pomocné“ slovné druhy, majú však pre význam vety veľký význam, pretože konkretizujú okolnosti miesta, času, spôsobu i príčiny, teda usmerňujú, modifikujú, konkretizujú dej, ktorého vyjadrenie by bolo bez predložiek značne skomplikované.

Každý jazyk hľadá na realitu cez vlastnú špecifickú prizmu, ktorá je odhaliteľná (nielen, ale aj) práve prostredníctvom použitia prepozícií. Napríklad ak niektorý jazyk použije spojenie *vidím na obrázku*, iný jazyk zasa použije spojenie *vidím v obrázku*. O tomto probléme píše už W. Humboldt vo svojej známej eseji *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* (1836). Prináša na vtedajšiu dobu prevratnú myšlienku, že charakter a štruktúra daného jazyka vyjadruje vnútorný život, vedomosti a skúsenosti jeho používateľov. Názory a životné skúsenosti národov sa podpisujú aj pod diferencie medzi jednotlivými jazykmi. Napríklad zvuky sa nikdy nestanú slovami bez toho, aby im používatelia „vtisli“ určitý význam, pričom významy slov zároveň stelesňujú myšlienky danej komunity. Humboldt pokračuje vo svojich úvahách tým, že spôsob naznačených vzťahov medzi jednotlivými časťami vety reflektujú spôsoby, akými vníma národ svet (http://en.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_von_Humboldt). Takisto možno v jednom jazyku povedať *hovorím (je)mu* a v inom jazyku v rovnakom význame sa použije spojenie *hovorím do neho*. Z toho vyplýva, že nielen jazyk, ale aj národ, ktorý daný jazyk používa, odhaľuje svoj náhľad na realitu viditeľne (aj) cez používanie predložiek.

Príspevok sa snaží ponúknuť komparatívny pohľad na používanie predložiek a na význam jednotlivých predložiek v slovenčine – ako reprezentantovi slovan-ských jazykov a v nemčine – ako reprezentantovi germánskych jazykov.

1. Slovenské časové predložky a ich význam

Oravec, J – Bajžíková, E. – Furdík, J (1988, s. 179) charakterizujú predložky ako „neohybné pomocné slová, ktoré vyjadrujú určovacie, a to príslovkové, predmetové a prívlastkové vzťahy nepriamych pádov substantív (a ich ekvivalentov) v závislosti od slovies, adjektív a substantív. Primárne vyjadrujú určovacie vzťahy príslovkové, sekundárne objektové a prívlastkové určovacie vzťahy. Pomocný ráz predložiek spočíva v tom, že nie sú vetnými členmi, ale slúžia na spresnenie syntaktických funkcií iných vetných členov, najmä na spresnenie a diferencovanie významu závislosti substantívnych pádov. Predložka v prvom rade patrí (nepriamemu) pádu substantíva. Predložky sa mimo spojenia s formou substantíva v nepriamom páde nevyskytujú, ich vlastný význam sa mimo spojenia s pádom mena nemôže prejavíť.“

Menovaní autori (1988, s. 179) klasifikujú predložky

□ **z hľadiska funkcie** na prvotné (vyskytujú sa iba v spojení s pádom substantíva alebo jeho zámenným ekvivalentom: bez, do, u, u, cez, za, ...) a druhotné (vznikli z plnovýznamových slovných druhov po strate pôvodného lexikálneho významu, majú konkrétnejší význam ako prvotné, lebo príslušný vzťah nielen vyjadrujú, ale aj pomenúvajú: blízko, dolu, mimo, ...).

□ **Z hľadiska formy** delia druhotné prepozície na jednoduché (vznikli prepozicionalizáciou prostých pádov: pomocou, prostredníctvom, ...) a zložené (obsahujú jednu prvotnú predložku alebo dve prvotné predložky: v prípade, na znak, za cenu, v protiklade s, ...). K druhotným zloženým predložkám sa dostali aj absolútne prechodníky slovies, napr.: začínajúc + inštrumentál, končiac + inštrumentál, odhliadnuc od...

□ Predložky sa v slovenčine delia aj podľa toho, **s ktorým pádom sa viažu**, a to na: genitívne (bez, do, od, z, ...), datívne (k proti, oproti, ...), akuzatívne (cez, pre), lokálové (pri, popri) a inštrumentálová (s).

Z druhotných prepozícií sa väčšina viaže s genitívom (mimo, skraja, namiesto, ...), pretože genitív vyjadruje partitívny a neurčitý zásah. Ostatné druhotné predložky sa viažu s periférnymi pádmami, teda s datívom (predložky so zreteľovým a prospechovým významom: voči, napriek, kvôli, ...) a s inštrumentálom (predložky s priestorovým významom: hore, dolu, naprieč, ...). Niektoré predložky sa

viažu naraz aj s dvoma pádmi, napr. s akuzatívom a lokálom (o, po, na, v,) alebo s akuzatívom a inštrumentálom (nad, pod, pred, medzi).

Časový význam predložiek v slovenčine

Podľa Oravca, J – Bajzíkovej, E. – Furdíka, J (1988, s. 186) časový význam predložiek je po priestorovom význame najbežnejší. Keďže plynutie času je jednosmerné, vyjadrujú len horizontálne vzťahy. Z časového významu predložiek vznikli aj príčinné významy i vzťah následnosti.

Na základe povahy prepozícií v slovenčine možno klasifikovať predložky, ktoré sa podieľajú na tvorbe významu času, na predložky vyjadrujúce:

- a) „statický“ a/ alebo gnómický čas,
 - b) plynutie, priebeh času bez ohraničenia,
 - c) ohraničenie času, teda stanovenie určitého bodu v plynutí času/ deja,
 - d) bod pred začatím plynutia určitého času/ pred začatím nejakého deja,
 - e) bod po skončení plynutia určitého času/ po skončení nejakého deja,
 - f) označenie plynutia paralelného deja.
-
- a) **Statický/ gnómický čas** – môže sa dosiahnuť prostredníctvom predložiek, ktoré sa spájajú s menami, ktoré vyjadrujú označenie „gnómického“ časového obdobia, napr.: *na* jeseň, *v* lete, *v* noci, *v* júli, *v* apríli, *vo* sviatok...
 - b) **Plynutie, priebeh času bez konkrétneho ohraničenia** je možné vyjadriť aj predložkami *cez* (cez leto, cez týždeň) a *počas* (počas teplejších dní, počas daždivého obdobia). V niektorých jazykoch sa táto predložka viaže aj s konštrukciami, ktoré obsahujú priebehový čas.
 - c) **Ohraničenie času, teda stanovenie určitého bodu v plynutí času/ deja** – tieto predložky sú pomerne rozšírené a podobne ako predchádzajúca kategória, aj tieto predložky sa v určitých jazykoch objavujú v konštrukciách s priebehovým časom, prípadne s časom, v ktorom sa kumuluje priebeh a perfektum (takéto časy však slovenčina nemá). V tomto prípade môžeme odlišiť:
 - **význam začiatku plynutia deja:** *od* jari, *od* začiatku semestra, *od* tohto rána, ...
 - **význam ukončenia plynutia deja:** *do* konca leta, *do* októbra, *do* ukončenia schôdze, *po* koniec augusta
 - **význam prerušenia plynutia deja:** *v* jeden letný deň
 - d) **Označenie bodu pred začatím plynutia nejakého deja** – ide o predložku, ktorá v spojení s menom označuje bod, ktorý sa na časovej

osi nachádza pred začatím nejakého deja, napr.: *pred* prázdninami, pred obedom, *do* začiatku prázdnin bol smutný (ale potom už bol veselý), (pohľad trval len) *po* začiatok otvorenia dverí

- e) **Bod po skončení plynutia určitého nejakého deja** – to znamená, že práve predložka (v spojení s menom) označuje určitý bod na časovej osi, ktorý sa nachádza po ukončení nejakého deja, napr.: *po* schôdzi, po prázdninách, po obede
- f) **Označenie plynutia paralelného deja** – tieto predložky v spojení s menom vyjadrujú, že nejaký ďalší dej prebieha počas nejakého, práve v tom istom čase plynúceho iného deja, napr.: *pocas* (trvania prednášky, rozprávaní o organizácii).

Predložky s časovým významom sú pomerne frekventované a ako vidno, niektoré sa angažujú vo viacerých významoch, a to nielen v časových významoch, ale možno ich použiť aj napríklad v priestorových a príčinných významoch.

2. Nemecké časové predložky a ich význam

Vo všeobecnosti sú v nemčine prepozície tiež vnímané ako neohybné slová slúžiace na vyjadrovanie syntaktických a významových vzťahov vo vete. Podľa E. Marka (1991, s. 188) v spojení so slovesom a s pádmi podstatných mien a zámen vyjadrujú prepozície predmetové (*Ich denke an dich. – Myslím na teba.*) a príslovkové (*Das Bild hängt über dem Tisch. – Obraz visí nad stolom.*) vzťahy; v spojení s podstatnými menami vyjadrujú aj prívlastok (*Die Hoffnung auf den Sieg. – Nádej na víťazstvo.*). Predložkové spojenia môžu byť vzhľadom na podmet a predmet aj menným prísudkom (*Peter war ohne Geld. – Peter bol bez peňazí.*) a doplnkom (*Er trat ins Zimmer mit dem Hut auf dem Kopf. – Vstúpil do izby s klobúkom na hlave.*). Menej často sa prepozície môžu spájať aj s prídavným menom (*vor kurzem – prednedávnom*) a s príslovkou (*seit gestern – odvčera*).

Nemecké prepozície sa podľa pôvodu delia na **vlastné** (prvotné, primárne) a **nevlastné** (druhotné, sekundárne). **Vlastné predložky** sa používajú len ako predložky v predložkových väzbách a ich pôvod nie je možné určiť, napr. *an die Wand* – na stenu, *bei uns* – u nás a pod. Pri tvorení slov plnia tieto predložky funkciu predpony (prefixu), napr. *aussteigen* – vystupovať, *beitragen* – prispieť a pod. **Nevlastné predložky** sa ako predpony nepoužívajú. Sú to buď ustálené tvary plnovýznamových slov alebo predložkové pády, ktoré sa aj pravopisne stali predložkami, napr. *unweit des Dorfes* – neďaleko dediny, *dank der Unterstützung*

- *vdďaka podpore, aufgrund der Diagnose* – na základe diagnózy (bližšie: Marko, E., 1991, s. 188-189; Berglová, E. – Formánková, E. – Mašek, M. 1995, s. 162).

Čo sa týka postavenia prepozícií v nemčine, už z ich samotného názvu vyplýva, že najčastejšie stoja pred slovom, tzv. prepozícia. Niektoré predložky v nemčine však môžu, príp. musia stáť za slovom, tzv. postpozícia. Nemeckí lingvisti a tvorcovia jednej z najpoužívanějších príručiek o nemeckej gramatike G. Helbig a J. Buscha (1996, s. 404-407) označujú postavenie predložky pred slovom ako **1. Prästellung** a postavenie za slovom ako **2. Poststellung**. Okrem toho existujú v nemčine aj predložky s oboma možnosťami postavenia, bez zmeny významu slovného spojenia t. j. **3. Prä- und Poststellung**. Zvláštnosťou oproti slovenčine je dvojdielna nemecká predložka *um – willen / kvôli, pre*, ktorá má špeciálne postavenie tzv. **4. Circumstellung**, t. j. postavenie okolo slova, príp. slovnej konštrukcie.

Tak ako v slovenčine, aj v nemčine sa predložky spájajú s určitými pádmi. Ide o ustálené spojenie, t. j. o predložkovú väzbu (rekciu). Predložky s rovnakým významom v oboch jazykoch môžu mať v slovenčine a v nemčine rôznu väzbu. Niektoré nemecké prepozície sa spájajú s jedným pádom, iné s dvoma a sú aj výnimky, kde sa jedna predložka môže viazať aj s tromi pádmi. V nemčine rozlišujeme štyri základné skupiny predložiek, t. j. predložky s genitívom - G (2. pád), predložky s datívom - D (3. pád), predložky s akuzatívom - A (4. pád) a predložky s datívom a akuzatívom - D / A (s 3. a 4. pádom).

Tá istá predložka môže vyjadrovať viacero vzťahov, a preto pri preklade do slovenčiny treba rešpektovať kontext danej výpovede. Napríklad nemecká predložka *in* (spája sa s dvoma pádmi, t. j. s datívom aj akuzatívom) môže byť do slovenčiny preložená ako *v, do, o, za, počas* a pod. Medzi nemeckými a slovenskými predložkami neexistuje paralelnosť 1:1, napr. aj pri slovenskej predložke *na* treba brať do úvahy kontext a do nemčiny prekladať podľa okolností ako *auf, an, in, nach, zu* a pod.: *Kniha leží na stole.* – *Das Buch liegt auf dem Tisch.*, *Obráz visí na stene.* – *Das Bild hängt an der Wand.*, *Idem na koncert.* – *Ich gehe ins Konzert* (bližšie: Marko, E., 1991, s. 190).

Špecifikom nemeckých prepozícií viažucich sa s datívom a akuzatívom je tzv. splynutie predložky s určitým členom, a to v prípade, ak člen nemá platnosť ukazovacieho zámena, napr. *im (in dem) Zimmer* – v izbe, *ins (in das) Zimmer* –

do izby, zum (zu dem) Bahnhof – na stanicu, ans Schwarze Meer – k Čiernemu moru a pod.

Temporálny význam nemeckých predložiek

V rámci temporálneho významu prepozícií rozlišujeme v nemčine dve významové oblasti aplikácie predložiek:

- a) Aktuálnu dobu realizácie deja alebo stavu
- b) Dobu trvania deja alebo stavu

A) **Aktuálna doba realizácie deja alebo stavu:** sa udáva vzhľadom k nejakému časovému úseku identifikovanému časovým adverbiom (*heute, gestern/dnes, завтра*) alebo časovým substantívom spojeným s predložkou (**am** Montag, **am** Wochenende, **am** Nachmittag/*pondelok, cez víkend, poobede*). Ak sa dej/stav realizuje v rámci doby výpovede (ide teda buď o aktuálny čas výpovede alebo širší časový/dejinný rámec) používame zložené výrazy: **im** Moment, **zur** Zeit, **im** Augenblick. Tieto predložky sa v inom kontexte používajú aj ako priestorové orientátory, teda môžu vyjadrovať rôzne významové vzťahy, ako sme naznačili v úvode kapitoly. Predložky označujú v nemčine podobne ako v slovenčine časový úsek dňa **v** noci/**in** der Nacht, **vo** dne/**am** Tage a pod., ďalej poukazujú na deň v rámci týždňa **am** Dienstag/**v** utorok, na časový úsek jedného mesiaca **im** August/*v auguste*, poradie dňa v rámci mesiaca **am** ersten Januar/prvého januára (v tomto prípade slovenčina používa bezpredložkový pád), časové úseky dlhšie ako jeden deň (v tomto prípade platí v oboch jazykoch, že čím dlhšie časové obdobie, tým obvyklejší je predložkový výraz) **in** diesem Jahrhundert/**v** tomto storočí. Predložkovými spojeniami sa v nemčine vyjadrujú aj iné časové úseky: 1.) ročné obdobia – **im** Sommer/*v lete*; 2.) historické obdobia – **im** Mittelalter/*v stredoveku*; **im** Barock/*v baroku*, v slovenčine sa však uprednostňuje pred predložkovým výrazom *v baroku* komplexnejší zložený výraz **v období baroka**; 3.) sviatky a voľné dni – v nemčine sa používajú predložky *in/na* a *an/na*, **an** Weihnachten/**na** Vianoce, 4.) životné obdobia – predložka *in/v*, **in** der Jugend/**v** mladosti. V temporálnom význame sa používajú aj predložky 1. *bei* – vo význame slovenskej predložky *pri*, ak sa časové určenie deja rieši usúvzťažením s iným dejom napr. *Er war beim Lesen eingeschlafen./Pri čítaní zaspal.*; vo význame *za/počas*, v názvoch meteorologických dejov **bei** Gewitter/**za** búrky, 2. *unter* – vo význame *za*, napr. **unter** der Herrschaft Karls des IV./**za** vlády Karola IV., 3. *während* – vo význame *počas*, *za*, *pri* – v slovenčine si konkurujú priebehová predložka *počas* a predložky *za*, *pri*, v nemčine sa naopak používa takmer

výhradne predložka *während*, napr. **während** des Trainings/**pri**/počas tréningu. Ak sa dej/stav vzťahuje na dej predchádzajúci či minulý, používa sa v nemčine aj v slovenčine väčšinou bezpredložkový pád napr. *vorige Woche/minulý týždeň*, no v spojeniach *v minulom roku, storočí, tisícročí* sa používa predložka *v*, rovnako v spojení s plurálom **in** *vorigen Tagen/v minulých dňoch*. V nemčine sa predložkové spojenie *am+vorig+deñ* *v týždni* používa, no v slovenčine nie napr. **am** *vorigen Montag/minulý pondelok*, predložky *im, am* sa môžu fakultatívne používať v spojení časového substantíva s adjektíva *vorige, nächste*, napr. **im** *nächsten Jahr/nächstes Jahr/v minulom roku/minulý rok*. Predložky vyjadrujúce začiatok, stred a koniec časového úseku: 1.) začiatok/stred/koniec časového úseku sa v slovenčine vyjadruje substantívom (*koncom, začiatkom*), resp. predložkovou väzbou napr. *na začiatku roka, na konci mesiaca, resp. v strede týždňa* a pod. V nemčine sa môže rovnako ako v slovenčine používať substantívum resp. substantívum s predložkovou väzbou *am/im/zu*, napr. **Am** *Anfang August.../Na začiatku augusta...*, **im** *Anfang des 8. Jahrhunderts.../na začiatku 8. storočia...*, **zu** *Beginn der Saison/na začiatku sezóny*. Stred časového úseku sa označuje substantívom *Mitte* bez predložky, resp. s predložkou *in, in der Mitte/v strede*. Koniec časového úseku sa vyjadruje pomocou substantíva *Ende* s predložkami *gegen/am, gegen* *Ende der 80er Jahre/koncom 80-tych rokov*. Na vyjadrenie konca časového úseku nemčina používa aj predložkovú väzbu *bei, zu* s kompozitami typu *Jahresende*, napr. **am** *Jahresende/na konci roka, bei* *Kriegsende/na konci vojny* a pod. Priebežnosť časového úseku sa vyjadruje pomocou predložkového spojenia *während/počas, cez*. V nemčine sa táto predložka spája s genitívom, v slovenčine sa táto predložka spája s genitívom len vo význame *počas* (**während** *der Ferien/počas prázdnin*). Ďalšou predložkou používanou v tomto kontexte je *in*, no len v spojení so substantívom *Verlauf* - *im Verlauf/v priebehu*, tento predložkový výraz poukazuje na aktuálny priebeh deja, napr. **Im** *Verlauf des Gerichtsverfahrens.../V priebehu súdneho procesu...* Ďalšie temporálne predložky označujúce realizáciu deja/stavu mimo aktuálneho časového úseku sú: a) ak dej/stav predchádza inému (aj aktuálnemu) časovému úseku používame v nemčine predložku *vor/pred* (**vor** *zwei Tagen/pred dvoma dňami, vor dem Krieg/pred vojnou*, a pod.). b) ak dej/stav nasleduje za istým (aj aktuálnym) časovým úsekom používa nemčina predložkami *nach, in/po, za*: predložka *in/za* označuje dobu, ktorá uplynie od doby výpovede do realizácie deja/stavu, o ktorom hovorí, napr. *Ich komme in einer Woche an./Prídem za týždeň*. Predložka *nach/po* vyjadruje, že dej/stav, o ktorom

sa hovorí, nasleduje po období/deji označenom substantívom, napr. *Es geschah **nach** dem Kriegsende./Stalo sa to po skončení vojny.*

- B) **Trvanie deja/stavu**, teda vyjadrovanie skutočnosti ako dlho dej/stav trvá nemčina rieši nasledovane: a) na vyjadrenie trvania deja/stavu od času minulého do prítomnosti nemčina používa predložku *seit/od*, napr. ***seit** Morgen/od rána, **seit** 1989/od roku 1989.* Časový úsek trvajúci dodnes môže byť označený aj inak - menom osobnosti, ktorá vtedy žila alebo udalosti, ktorá sa v danej dobe nastala, napr. ***seit** dem Fall der Mauer/od pádu (Berlínskeho) múra, **seit** Gorbatschow/od nástupu Gorabčova* – v tomto prípade sa v slovenčine použije opisný výraz, pri preklade teda výraz rozširujeme. V prípade, ak dej trvá isté obdobie (smer minulosť → doba výpovede), nemčina používa predložku *seit/uz*: *Es regnet schon **seit** drei Tage./Už tri dni prší.* b) dej/stav trvá v minulosti alebo v budúcnosti od označenej časovej hranice označuje v nemčine predložka *ab/od*, alebo dvojčlenný výraz *von...an/od*. Obe udávajú časovú hranicu deja/stavu, ktorý začal a skončil v minulosti, resp. bude ešte trvať v budúcnosti. Slovenčina používa len predložku *od*, napr. ***Ab** Montag arbeiten wir zusammen./Od pondelka budeme pracovať spolu.* alebo ***Von** diesem Jahr an kann man billiger fliegen./Od tohto roka môžeme lietať lacnejšie.* c) trvanie deja do stanovenej doby indikuje v nemčine predložka *bis(zum)/až (do)* napr. ***Bis zum** morgen bleiben wir noch./Zostaneme ešte do rána.* d) trvanie deja medzi dvoma stanovenými dobami indikuje použitie dvojice predložiek *von...bis/od...do*, napr. ***Von** Montag **bis** Freitag arbeiten wir./Pracujeme **od** pondelka **do** piatka.* e) Doba trvania deja/stavu sa vyjadruje predložkami *in/za, bis/do, innerhalb, binnen/za, v priebehu, auf, für/na* napr. ***In** einer Woche habe ich das aufgeräumt./Upratal som to **za** týždeň.* resp. ***Bis** heute habe ich das nicht gefunden./Dodnes som to nenašiel.* alebo ***Binnen** Minuten veränderte es sich in.../Behom/za niekoľko minút sa to premenilo na...* Predložka *binnen* sa spája s genitívom a v bežnej komunikácii je menej frekventovaná, indikuje, že časovaný interval na vykonanie istej činnosti je krátky a nie je možné ho prekročiť, táto predložka spolu s predložkou *innerhalb* sa používajú v publicistických a administratívnych textoch. Predložky *auf, für/na* sa v temporálnom význame používajú na označenie stavu trvajúceho aj po realizácii deja, o ktorom vypovedá, napr. *Ich fahre **für** sechs Monate nach Deutschland./Idem **na** šesť mesiacov do Nemecka.*

3. Translatologický aspekt

Z translatologického hľadiska sme na základe prezentovaných predložiek vyjadrujúcich časový aspekt v dvoch do istej miery typologicky odlišných jazykových systémoch, t. j. v slovenčine a v nemčine zistili nasledovné zhody a rozdiely:

Slovenčina (aj) prostredníctvom predložiek dokáže vyjadriť tieto významy:

- a) „statický“ a/ alebo gnómický čas,
- b) plynutie, priebeh času bez ohraničenia,
- c) ohraničenie času, teda stanovenie určitého bodu v plynutí času/ deja,
- d) bod pred začatím plynutia určitého času/ pred začatím nejakého deja,
- e) bod po skončení plynutia určitého času/ po skončení nejakého deja,
- f) označenie plynutia paralelného deja.

Slovenčina v tejto súvislosti zasa dokáže s predložkou spojiť vhodné substantívum, v súčinnosti s ktorým vzniká príslovkové určenie času, vyjadrujúce požadované vyjadrenia času. Nemčina primárne využíva temporálne prepozície na vyjadrenie dvoch významových oblastí: aktuálnej doby realizácie deja alebo stavu a doby trvania deja alebo stavu. Typické pre nemčinu je, že tá istá predložka môže vyjadrovať viacero významových vzťahov, a preto pri preklade do slovenčiny treba rešpektovať kontext danej výpovede. Pri preklade vybraných fenoménov (napr. *seit Gorbatschow/od nástupu Gorbačova*) slovenčina používa opisné výrazy a teda rozširujúci preklad. V iných prípadoch napr. poradie dňa v rámci mesiaca *am ersten Januar/prvého januára* sa naopak redukuje a použije sa bezpredložkový pád. Pri označovaní časových úsekov dlhších ako jeden deň platí v oboch jazykoch, že čím dlhšie časové obdobie, tým obvyklejší je predložkový výraz.

Literatúra a zdroje

BERGLOVÁ, E. – FORMÁNKOVÁ, E. – MAŠEK, M.

1995. *Německá gramatika. Přehled, cvičení, testy.* Plzeň : Fraus, 1995, 274 s. ISBN 80-85784-12-2

HELBIG, G. – BUSCHA, J.

1996. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht.* Leipzig : Langenscheidt Verlag, 1996, 736 s. ISBN 3-324-00118-8

MARKO, E.

1991. *Príručná gramatika nemčiny*. Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1991, 350 s. ISBN 80-08-01410-5

ORAVEC, J. – BAJZÍKOVÁ, E. – FURDÍK, J.

1988. *Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia*. Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988, 227 s.

ŠTÍCHA, F.

2003. *Česko-nemecká srovnávací gramatika*. Praha : ARGO, 2003, 842 s. ISBN 80-7203-503-7

http://en.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_von_Humboldt

http://en.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_von_Humboldt

http://en.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_von_Humboldt

Výchovné tendencie v učebnicovom texte M. Ďuričkovej

Patrik Šenkár

Mária Ďuričková, ktorej literárna tvorba dnes patrí už do zlatého fondu slovenskej detskej literatúry, v roku 1981 vydala vo vydavateľstve Mladé letá knižku s názvom Kľúče od mesta. Tento zaujímavý sci-fi príbeh očaril nielen generáciu, ktorej bol určený, ale aj dospelých, veď kto by sa občas nechcel vrátiť v čase, byť vo svojich detských rokoch či zabudnúť na trápenia bežných dní života v dospelosti? Fantastické blúdenie súrodencov storočiami je efektívnym spôsobom priblíženia dejín žiakom. Príbeh Márie Ďuričkovej sa číta veľmi ľahko; je to čítanie zaujímavé a pútavé. V ňom sa s istotou dá premiestňovať v čase, blúdiť jednotlivými storočiami a meniacimi sa ulicami slávnej Bratislavy. Kniha má podtitul „Bratislavská rozprávka“ práve z dôvodu, že autorka sa snaží rozprávkovým štýlom priblížiť históriu hlavného mesta Slovenska. Kľúče od mesta je príbeh, ktorý príťažlivou formou ukazuje najdôležitejšie historické okamihy Bratislavy. Mladého čitateľa upúta fantastickým cestovaním v čase, nenásilnou formou vzbudzuje aj jeho záujem o historické udalosti, buduje a upevňuje jeho vlastenecké cítenie.

Pars pro toto sa pozrime na učebnicovú ukážku, ktorá sa nachádza v platnej učebnici Literárnej výchovy pre 6. ročník základných škôl. Jej dej sa odohráva počas exkurzie v hlavnom meste. Počasie je pekné, slnečné, ktoré čitateľom dáva prirodzený optimizmus a ľudskú zvedavosť. Autorka čitateľov zavedie do deja hneď na začiatku príbehu: mladší brat uvidel veľké bicie hodiny, ktoré mali dvierka. Otvoril ich a vietor obe deti exportoval do dávnych čias. Autorka však v príbehu neprezradí záhadné prekročenie z jedného „stavu“ do druhého: túto záhadu necháva na fantázii čitateľa. V príbehu sa deti (smelá, slušná deviatačka Martina a jej neposlušný škôlkar - brat Ivan) vďaka časovému i priestorovému presunu dostanú do záhrady, ktorou sa prechádzajú dvaja páni (deti v nich automaticky spoznávajú Ľudovíta Štúra a Janka Francisciho). Martina je fascinovaná pohľadom na známe slovenské osobnosti a je si istá, že dievčatá v škole jej budú tento zážitok závidieť. Jej myšlienkové pochody a správanie sa sú adekvátne jej veku. Ďuričková uvádza Martinu ako príklad pre mládež, veď správne dokáže aplikovať vedomosti získané v škole pri tomto „cestovaní“. Je

zrejmé, že s istotou sa pohybuje vo všetkých historických obdobiach. Medzi riadkami je spomenuté, že sa zaujíma aj o históriu a s istotou môžeme skonštatovať, že určite je usilovná a dobrá žiačka, keď vzhľadom na jej vek má dobré vedomosti. Ako sa postupne (lineárne) rozvíja príbeh, upevňuje sa aj jej vzťah s bratom. Čitateľ je svedkom toho, ako sa zo „zlej veľkej sestry“ a neposlušného brata stáva milujúca dvojica súrodencov. Postupne sa teda rozvíja charakter hrdinov, ktorí si uvedomujú, že potrebujú jeden druhého, dokážu sa vzájomne dopĺňať a pomáhať si. Je to vlastne základný pilier didaktického posolstva tejto rozprávky.

Autorka podáva podrobný opis Štúra cez Martinine myšlienky. Je to znakom ľudského zbližovania vďaka predošlým získaným informáciám. Čitateľ sa môže vžiť do postavy hrdinky: aké by bolo stretnúť veľikána slovenskej histórie. Tento fakt je podopretý aj čitateľsky efektívnym opisom postavy: *„Ušľachtilá podlhovastá tvár obrúbená čiernymi vlasmi a čiernou bradou... vysoké čelo, múdre oči...“* (Petriková, D. – Trutz, R. – Greifová, E.: Literárna výchova pre 6. ročník základných škôl. vyd. Poľana, Bratislava 1999, s. 97).

Ihneď pri spoločnom stretnutí Ľudovít Štúr vystupuje ako milý a vtipný pán, ktorý chlapčekom dá cukrík. Na začiatku ich rozhovoru sa vyskytne zvláštna situácia: Martina vysvetľuje, že jej brat sa rozbehol za tortou alebo zmrzlinou, no Štúr výraz „zmrzlina“ nepozná, vtedy sa to volalo mrazivo. Martina sa smelo rozhodla, že povie pánom, čo sa o nich naučila v škole. Je to znakom jej prívetivosti a zo strany autorky je to vôľa priblížiť žiakom už známe údaje o tejto dobe či týchto veľikánoch: *„Na hodinách literatúry sme sa učili, že Ľudovít Štúr a jeho družina majú hlavnú zásluhu na tom, že sme tu, my Slováci. Že sme sa nestratili. Že sme vôbec ostali medzi národmi.“* (Tamtiež, s. 97).

Autorka nenásilne ukrýva medzi riadkami, že k vzdelanosti patrí aj čítanie časopisov, a to nielen literárneho žánru (Revue svetovej literatúry), ale aj detských (Včielka, Kamarát) a ženských (Slovenka). Z toho vyplýva, že Martinina rodina kládla dôraz (aj) na sebazvdelávanie.

Zo vzájomných replík sa klasici slovenských dejín postupne dozvedajú o výdobytkoch 20. storočia, avšak stále neveriacky a považujúc toto všetko za dobrý vtip si myslia, že *„najkrajší sen zostúpil na zem a kráča“* (Tamtiež, s. 98). Martina, ktorá ohromila Štúra a Francisciho svojimi vedomosťami, rozprávala im

o televízii či rozhlase. Čitatelia sa v ukážke stretnú aj s ďalšími pojmami, ktoré sa môžu naučiť a ktoré pomenúvajú moderné veci, predmety, dopravné prostriedky, ktoré sú objavmi 20. storočia (film, televízia, rozhlas, lietadlo, helikoptéra, kozmonaut a pod.). Je to teda pútavá, vzrušujúca, dobrodružná rozprávka, plná užitočných informácií a znalostí, z ktorých sa nielen deti môžu veľa učiť, ale aj dospelí.

Ľudovít Štúr nechcel veriť vlastným zmyslom, keď deti rozprávali o tom, ako sa učia v škole po slovensky, všetky knihy a učebnice sú v slovenskom jazyku a dokonca aj noviny a časopisy, s ktorými človek dennodenne prichádza do styku, sa píše po slovensky. Preto mal i má zmysel bojovať za svoj národ, aby nezapadol do zabudnutia, že každé spoločenstvo má budúcnosť, nestratí sa: Slováci sú „len“ malým národom medzi ostatnými národmi, preto musia držať spolu a nesmú sa vzdávať. Ľudovít Štúr sa takouto „formou“ oboznámil s tým, že jeho snaha nebola márna; nebola márna sila, ktorú vynaložil preto, aby dosiahol svoj cieľ. Mladý čitateľ pri čítaní tohto príbehu by sa možno mohol zamyslieť nad tým, aký je to obrovský dar, ktorý sa zrodil vďaka našim národovcom, a tým aj on dostal možnosť učiť sa v škole vo svojom materinskom jazyku. Mária Ďuričková veľmi dobrými metódami predstavuje na úrovni žiaka základnej školy, kto bol vlastne Ľudovít Štúr a prečo je dôležitá jeho činnosť. Najvýraznejšie momenty Štúrovej činnosti sú vymenované aj v Martininom poďakovaní: *„Ďakujeme vám za... za Lyceum, za spisovnú slovenčinu, za Slovenské národné noviny, za vaše snemové reči...“* (Tamtiež, s. 97).

Ďuričková chcela zvýrazniť úlohy rodiča a učiteľa, ktorí majú deťom vysvetliť, prečo bol Ľudovít Štúr veľkou osobnosťou. Preto je potrebné na hodinách slovenskej literatúry deťom adekvátne poukázať na všetky skutky a snahy, ktoré boli vykonané týmito dejateľmi a ktoré smerovali k lepšiemu či slobodnejšiemu životu slovenského národa. Autorka aj tento efekt vyvážila potrebnou vlasteneckou myšlienkou. Svoju úctu a lásku k domovine zobrazuje pri debate o pohľadnici Bratislavy. Pri opise pohľadnice používa slová, ktoré pre detský svet znejú sľaby „vyskočili“ z rozprávky (tmavomodrá obloha a všetka tá krása pod ňou). Je to miesto, kde sa môže stať zázrak, veď detský svet je aj o kúzloch: *„Na farebnej pohľadnici sa skvel nový most, biely a ľahký ani ľúč, a nad ním zlatisto svietil vynorený hrad. A svetlá reflektorov padali na Dunaj ako*

slnečné pruhy a pokojná tmavomodrá obloha tichučko hľadela na tú krásu.“ (Tamtiež, s. 98). Z umeleckých vyjadrovacích prostriedkov sa tu nachádza prirovnanie (svetlá reflektorov ako slnečné pruhy), personifikácia (obloha hľadela) či deminutívum (tichučko). Aj takýmito formami autorka pomáha svojim čitateľom priblížiť čarovnú atmosféru prírody i mesta. Zdôrazňuje radosť, ktorú je možné vidieť na tvárach ľudí, keď sa smejú. Sú spokojní, keď splnia svoj cieľ.

Exkurzie do mesta bývajú výnimočné pre školákov každej generácie. Didaktickým a výchovným faktorom môže byť činiteľ, ktorý predstavuje samotnú exkurziu do hlavného mesta a je východiskovou situáciou celého sujetu. Popri tom sa opisuje, aké nástrahy musia hlavní hrdinovia prekonať a aké úlohy majú splniť (napr. nájsť staré hodiny) a pod.

Potreba ľudskej (teda aj medzigeneračnej) komunikácie je zvýraznená v momente, keď aj samotní národní dejatelia počúvajú mladú dievčinu s veľkým záujmom. Pýtajú sa jej, či už vie písať a čítať a či má tabuľku s grifľom. Autorka do textu vsunula aj také slová, ktoré sa v súčasnosti už nepoužívajú, veď stratili svoje opodstatnenie (tzn. historizmy). Deti v príbehu táto otázka prekvapila, ale aj trochu zarazila. Vynaliezavá Martina sa však aj vtedy vedela vynájsť, pohotovo vytiahla z kabelky večné pero a ukázala mužom ako funguje. Tým sa vlastne poukazuje na kontinuitu vo vývine ľudského ducha a na nevyhnutnosť technickej revolúcie.

Didaktický motív, že každý človek potrebuje pomoc toho druhého (výchova žiakov), je spredmetnený faktom, že sa Martina zverila so svojim problémom a požiadala Štúra a Francisciho o pomoc pri hľadaní veľkých starodávnych hodín. Obaja boli veľmi ochotní a zavolali mladého študenta, ktorý mladých ďalej sprevádzal. Je to vlastne symbolom vzájomnej pomoci a tolerancie. V úryvku sú teda prízvukované kladné ľudské vlastnosti (Štúr hneď na začiatku daruje chlapčekomu cukrík), resp. morálny zákon, že pomoc iným je povinnosťou každého človeka či potreba zdvorilosti (študent bol zdvorilý voči profesorovi aj deťom).

Martina sa zaujíma najmä o históriu, ale vie si poradiť s každou situáciou, kde využíva vedomosti, ktoré získala počas hodín z ostatných vyučovacích predmetov. Autorka poukazuje na fakt, že deti si osvojili pravidlá slušného správania. Týmto vlastne dáva príklad aj pre svojich detských čitateľov.

V rozličných situáciách však opisuje aj strach detí. Ako dobrí súrodenci však vedia, že súdržnosť ich dovedie na správnu cestu. Veria, že nájdu svoju skupinu exkurzie a dostanú sa bezpečne domov. Túžia po domove, chýbajú im rodičia - často myslia na svoju mamičku, veď pre každé dieťa je matka najdôležitejšou osobou, ona je pri nich od prvého momentu života. Ako sa v prvých rokoch života dieťa učí od matky (rodičov), tak sa potom škola stáva jeho druhým domovom. Všetky tie poznatky, ktoré získava v škole, mu slúžia potom na celý život. Ďuríčková vo svojom texte poukazuje práve na významnú úlohu školy v živote detí, na dôležitosť získaných vedomostí a vzdelania, veď škola učí dieťa začleniť sa do spoločnosti. Martina môže byť príkladom pre dnešné deti, vzorom zdvorilého správania a slušnosti. Preto na hodinách slovenskej literatúry by žiaci mali interpretovať tento úryvok z rôznych podkladov, veď úlohou interpretácie je, aby prebudila estetický zážitok (prežívanie) z poznania diela u žiaka, aby prehlbovala jeho literárne schopnosti a hodnotiaci pohľad a aby formovala jeho literárny vkus. Splnenie tejto požiadavky je možné len všestranným aktivizovaním žiaka v procese vyučovania. Literárna interpretácia aktivuje a urýchľuje činnosť jeho emocionálneho, fantazijného, intelektuálneho a tvorivého potenciálu. Učiteľ literatúry svoje úsilie sústreďuje na literárny text a na žiaka, čiže vedie žiaka k spoznávaní a odhaľovaniu literárnych javov, k zážitku a k samotnému usudzovaniu.

Mária Ďuríčková, ktorá sa podľa slov ilustrátora Miroslava Cipára „stala, je a ostane Zlatou dunajskou kňažnou“, povedala, že „dobrá kniha je zázrak: dáva a nič za to nežiada, nič z nej neubúda.“ Myslíme si, že aj spomínaná kniha tejto autorky je toho pravým dokladom. Na druhej strane by sme boli radi, keby načrtnutý model interpretácie bol odrazovým mostíkom pri konkrétnej práci s daným literárnym textom..

Školství a odraz společenských změn v čsfr v letech 1989 – 1992 v hlavních politických dokumentech

Vladimír Srb

Československá společnost prošla od 17. 11. 1989 do prvních pluralitních voleb v červnu 1990 řadou významných politických změn. Padl monopol jedné politické strany, společnost se demokratizovala, změny zaznamenala i ekonomika a společnost zjistila, že „*dnešní svět je formovaný globalizačními procesy*.“¹ Celospolečenské změny se, pochopitelně, odrazily i v oblasti školství. Vývoj byl (a dodnes stále je) výrazně dynamický, každý jedinec již koncem 20. století získal za jediný den tolik informací, kolik člověk v 15. století za celý život.² Všechny proměny v letech 1989 – 1992 se navenek prezentovaly nejen prostřednictvím zákonodárných změn, ale i prostřednictvím vládních a politických dokumentů, kterým věnuje tento článek pozornost.

Již v listopadu 1989 vydalo Občanské fórum v Praze své první ucelené programové prohlášení, nazvané „Co chceme.“ Jde o stručný programový dokument se sedmi body, kde je oblast školství zahrnuta do souhrnného bodu „Kultura.“ V dokumentu se k otázce školství píše: „*Demokratické školství nechť je organizováno na humanitních principech, bez státního monopolu na vzdělávání. Společnost si musí vážit učitelů všech druhů škol a musí jim dát prostor pro uplatnění osobnosti. Vysokým školám je třeba vrátit historická práva, která zajišťovala nezávislost a svobodu akademické půdy, a to jak pro vyučující, tak i pro studenty. Vzdělanost společnosti pokládáme za nejcennější národní statek. Výchova a vzdělání musí vést k samostatnému myšlení a mravně odpovědnému jednání.*“³ Dokument se stal východiskem pro další politická jednání a vycházely z něj i následné programy koaličních vlád národního porozumění. Kritický pohled na výsledky školské politiky let 1948-1989 vycházely i z veřejně prezentovaných názorů českého ekonoma Miloše Zemana, který s nimi seznámil veřejnost již v létě 1989 v Československé televizi a které přinesly pro řadu občanů překvapení, že československé školství je na úrovni rozvojových zemí.

Federální vláda národního porozumění se ve svém programovém prohlášení v prosinci 1989 soustředila na otázky zásadních změn politického systému, ekonomických vztahů či mezinárodně – politické orientace Československa. Přestože oblast základního a středního školství byla od vzniku federace v roce 1969 svěřena do působnosti národních vlád, změnám v oblasti školství věnovalo pozornost i programové prohlášení této federální vlády. Předseda československé vlády Marián Čalfa při prezentování prohlášení na půdě Federálního shromáždění dne 19. 12. 1989 mj. uvedl: „*Program vlády poskytne velké šance a zároveň zodpovednosť mládeži a novým generáciám.*“⁴ Toto obecné konstatování doplnil následně Marián Čalfa konstatováním, že ze škol a učilišť „*musia odchádzať absolventi riadne odborne pripravení, s dobrými morálnymi vlastnosťami, s hlbokým skutočným vzťahom ku svojej krajine a so zaujatím pre demokratické ideály.*“⁵

Programové prohlášení české vlády národního porozumění si vytкло za jeden ze tří hlavních cílů soustředit se na „*vzdělávání a výchovu mládeže, národní kulturu a zdraví obyvatelstva. I tady musí být důsledně uplatňována práva člověka, názorový pluralismus a demokratické zásady řízení a kontroly.*“⁶ Konkrétnější obsah tomuto konstatování dal předseda nové koaliční české vlády František Pitra při svém vystoupení k projednávání vládního prohlášení před poslanci České národní rady dne 19. 12. 1989: „*Připravujeme nezbytné úpravy v obsahu a formách výchovy a výuky na všech stupních a druhích škol. Zároveň zahájíme spolu s vědeckými pracovníky, učiteli i širokou veřejností přípravu nového, moderního systému školství, abychom znovu dosáhli úrovně vzdělanosti, která bude odpovídat našim tradicím i modernímu evropskému standardu. Názorový a politický pluralismus, moderní pojetí akademických svobod vysokých škol i vliv volených orgánů v místech a okresech na řešení základního a středního školství, to jsou základní požadavky, kladené na změny školských zákonů. Škola se znovu musí stát Komenského dílnou lidskosti a český učitel osobností s vlastním názorem a postojem.*“⁷ Prohlášení věnovalo pozornost i možnostem studia žáků a studentů v zahraničí či sociálnímu zabezpečení studentů.

Obdobná konstatování ve vztahu k oblasti školství lze nalézt i v programovém prohlášení slovenské přechodné vlády Milana Čiče i v samotném vystoupení předsedy vlády ve Slovenské národní radě (rovněž dne 19. 12. 1989). Milan Čič prezentoval programové body v oblasti školství takto: „*Vláda SSR vytvorí*

*podmienky pre to, aby sa vzdelávacia sústava vrátila k osvedčeným tradíciám nášho školstva a zároveň sa priblížila vzdelávacím sústavám národov s najvyššou ekonomickou a kultúrnou úrovňou. Tento cieľ predpokladá na jednej strane odstrániť dlhodobé deformácie doterajšieho spôsobu vzdelávania a výučby a na druhej strane dôkladne preskúmať a prevziať dobré skúsenosti iných krajín. Chceme, aby sa obnovila osobná a spoločenská dôstojnosť učiteľa s tým, aby sa zo škôl odstránili príčiny strachu, pretvárký a pokrytectva.*⁸ Otázkám reformy a transformácie školství se však slovenské vládní prohlášení věnuje obšírněji než prohlášení vlády české. Vláda si kladla za cíl zreformovat systém školní inspekce, inspektoři dle prohlášení „*mnohokrát išli len na inšpekciu a mali administratívne pohľady bez toho, aby pomohli učiteľom v metodických otázkach, v riešení základných problémov, s ktorými učiteľ zápasí.*“⁹ Dalším cílem vlády bylo změnit systém centrálně řízeného školství, rehabilitovat učitele, kteří byli postiženi v minulosti politickými čistkami, vláda chtěla rovněž ze školství odstranit protekcionářství a korupci či co nejrychleji zavést výuku angličtiny.

Velmi zajímavou pasáží je snaha po diskusi k problematice systémové reformy školství: „*Pedagógovia, žiaci i laická verejnosť budú oboznámení aj s konkrétnymi školskými sústavami existujúcimi v popredných krajinách, aby budúci školský systém bol výsledkom celonárodnej zhody opierajúcej sa o poznanie toho čo sa osvedčilo vo svete. V tomto rámci budú na verejnú diskusiu predložené návrhy nových školských zákonov tak, aby účinnosť nadobudli od 1. 9. 1990. Vláda SSR predpokladá od toho istého termínu zlepšenie hmotného zabezpečenia pedagogických pracovníkov.*“¹⁰ Některé pasáže slovenského a českého vládního prohlášení se zdají být velmi podobné, obzvláště tam, kde se hovoří o obecných demokratických principech. Programové prohlášení slovenské vlády se zmiňuje – obdobně jako Marián Čalfa v již citovaném projevu – o nutnosti vychovávat mládež ke vztahu ke své zemi a k morálnímu chování.

Vzhledem k tomu, že funkční období všech tří vlád národního porozumění bylo již při jejich sestavování omezeno na přibližně šest měsíců, podrobnější programové cíle ve vztahu k českému a slovenskému školství přinášely v první polovině roku především politické a volební programy starých, obnovených i nových politických stran, hnutí a koalic. Vzdělání se však nestalo jedním z hlavních pilířů programů politických stran, šlo však o pochopitelnou reakci na

požadavky veřejnosti prodiskutovat zejména reformy ekonomické a zásadní politické (obnova tržní ekonomiky, privatizace, vznik pluralitního politického prostředí, ochrana lidských práv, mezinárodní orientace státu).

Podívejme se na příklad volebního programu stranicko – politického subjektu, který vyhrál první pluralitní volby v roce 1990, na volební program Veřejnosti proti násilí.¹¹ VPN postavila svůj program na pěti pilířích, přičemž oblast školství se nevešla do pilíře žádného. Až teprve ve druhé polovině programového dokumentu (v části „Kvalita života“) se dočteme o programových návrzích ve vztahu ke školství. Veřejnost proti násilí chtěla prosazovat „*takú školskú politiku, ktorá odstráni pasívne prijímanie vedomostí a urobí zo škôl aj zdroj šikovnosti a rozhladenosti mladého človeka.*“¹² VPN, podobně jako v českých zemích Občanské fórum, ale i některé další politické strany, chtěla podporovat talentované žáky a individuální rozvoj dětí ve školách. Zajímavá je formulace „*sme proti diskriminácii robotníckej mládeže neúplným a nekvalifikovaným typom školstva, ktoré nerozvíja tvorivosť, ale len pracovné návyky.*“¹³ VPN tak přímo vystoupila proti profesním učilištím, které vychovávaly kvalifikované řemeslníky pro potřebné dělnické a řemeslnické profese. V závěru programového prohlášení se lze ještě dočíst o tom, že volební program Šance pro Slovensko je mj. i šancí pro učitele, pedagogy a zdravotníky, jejichž péče o člověka, o lidský potenciál musí být po zásluze zhodnocena.

Otázka školství se dostala do všech dalších volebních programů,¹⁴ každá politická strana kladla důraz na jiné hodnoty – Komunistická strana Československa na bezplatné školství, křesťanské stranicko – politické subjekty na možnosti výuky náboženství, na návrat ke křesťanským hodnotám atd. Jako zajímavost si dovoluji uvést návrh české Strany přátel piva, aby do učebních osnov byla zapracována informace žákům o prospěšnosti pití piva pro lidský organismus.

V povolebním období došlo velmi rychle k sestavení nových koaličních vlád (federální, české, slovenské). I tyto vlády předložily společně se žádostí o vyslovení důvěry svá programová prohlášení. Předseda české vlády Petr Pithart při prezentaci vládního prohlášení v České národní radě zařadil programové body v oblasti školství až do druhé části svého vystoupení, kde představil pouze výběr z bodů prohlášení. Oproti tématům ekonomické transformace, stabilizace

politického systému, novému uspořádání federace patřila pro vládu témata školství a vzdělávání až do méně podstatných bodů programového prohlášení (vedle zemědělství či ekologie). Programové prohlášení přineslo návrhy především rétorické a méně uchopitelné, například: *„Pro budoucnost našeho národa, pro opětovné nalezení naší svébytnosti má mimořádný význam náprava školství a vůbec vzdělávání. K tomuto účelu bude vláda podporovat přeškolení a doplňování vzdělání učitelů středních a základních škol, tvorbu nových, hodnotných učebnic a učebních pomůcek. Bude sledovat kvalitu vzdělávacího a výchovného působení učitelů a v případě potřeby podnikat různé kroky k nápravě. Bude pomáhat při rozvíjení rozmanitých středních škol, umožňovat diferencované studium nejen podle schopností, ale též podle zájmů a rodinného zázemí. Přitom bude dbát na to, aby žádoucí otevření rozmanitých pohledů bylo zdrojem vzájemného duchovního obohacování.“*¹⁵

Pozornost věnovalo programové prohlášení v obecné rovině i učitelům: *„Při všech probíhajících i budoucích změnách v našem školství spoléháme především na dosud minimálně podněcovaný a využívaný tvořivý potenciál našich učitelů. Český učitel se opět musí stát svobodnou osobností, profilující myšlení a mravnost příští generace. Proto budeme chránit školu před tou částí veřejnosti, která si zvykla pohlížet na učitele jako na vrchnostenského sluhu a na školní mládež jako na levnou pracovní sílu.“*¹⁶

Programové prohlášení první české vlády, která byla konstituována na základě výsledků pluralitních voleb, se otázkám školství a vzdělávání věnovalo pouze v obecných konstatováních a frázích. Ani následná diskuse na půdě českého zastupitelského sboru nepřinesla žádná zpřesnění navrhovaných bodů. Problematické výchovy k občanství se prohlášení nevěnovalo vůbec.

O mnoho konkrétnější bylo programové prohlášení vlády Slovenské republiky pod vedením Vladimíra Mečiara. V textu lze nalézt nejen obecné návrhy (např. *„obnovenie vysokej úrovne vzdelania národa považuje vláda za jednu zo svojich hlavných priorít.“*¹⁷), ale i konkrétní záměry tvorby nové školské a vzdělávací politiky. Prohlášení se věnuje romským dětem, ale i národnostně smíšeným územím. Vláda zdůraznila, že při důsledném dodržování práv národnostních menšin na kvalitní vzdělání v mateřském jazyce bude *„dbat’ o rovnako kvalitnú výuku slovenského jazyka, aby sa vzbudil pocit rovnoprávnosti a plnej účasti v*

spoločnej koexistencii a aby sa umožnil rovnaký prístup mladej generácie k využívaniu i osvojovaniu si slovenského jazyka.“¹⁸

Pro výuku k občanství byla, dle mého názoru, velmi zajímavá věta programového prohlášení o tom, že vláda Slovenské republiky bude klást důraz i na výchovu k nezávislému myšlení, k schopnostem samostatně řešit problémy, výchovu k toleranci a názorovému bohatství.

Pro budoucnost ČR i SR, ale i pro celé transformační období, byly velmi významné parlamentní volby v roce 1992. Jejich vítězové, v České republice Občanská demokratická strana a na Slovensku Hnutí za demokratické Slovensko, po volbách obsadili i místa ministrů školství (v České republice vyhrála koalice ODS s Křesťanskodemokratickou stranou, jejíž kandidát se následně stal ministrem školství). Volební program Občanské demokratické strany s názvem „Svoboda a prosperita“ věnoval školství část desátého bodu programu „Vzdělání a věda.“ Zde se ODS vrací k minulosti a konstatuje, obdobně jako již řada politických dokumentů předtím, že před 2. světovou válkou patřilo naše školství k nejlepším na světě.¹⁹ Následně program kritizuje období let 1948-1989 a již reflektuje období bezprostředně po listopadu 1989. Program konstatuje, že „*těžké bude najít schůdnou cestu rozvoje, která by se setkala s podporou žáků, rodičů, studentů, učitelů i širší veřejnosti.*“²⁰ ODS tak vyjádřila jasně svůj názor, že zatím nedošlo k žádným významným koncepčním změnám ve školství, a to ani na úrovni organizační, ale ani na úrovni obsahové. Občanská demokratická strana se však ve svém volebním programu zaměřila především na financování a organizaci školství (program hovoří o financování nestátních škol, podpoře handicapovaných žáků apod.).

Hnutí za demokratické Slovensko vydalo v roce 1992 několik volebních dokumentů. Ve volebních tezích se problematice školství věnovalo poměrně obsáhle. Obdobně jako česká ODS prosazovala rovnoprávnost státních a nestátních škol. Ve vztahu k výchově k občanství se mj. dočteme, že „*v rozvoji kultúrnej, vo zvyšovaní vzdelanostnej a v upevňovaní mravnej úrovne mládeže vidíme základ riešenia mnohých súčasných i budúcich problémov spoločnosti. Preto pokladáme za prirodzené, že sa na nižších stupňoch škôl alternatívne (podľa želania rodičov alebo žiakov) zavedú i hodiny etiky a náboženstva v rámci riadneho rozvrhu.*“²¹ Jiný programový dokument tohoto politického subjektu,

„Desatero vzdelávacej politiky HZDS“, se významně věnuje i rozvoji demokracie ve školách. Již třetí bod tohoto desatera zní takto: „*Výchova k demokratickej spolupráci v spoločnosti musí začínať výchovou demokratických foriem v škole (vzťahy medzi žiakmi a učiteľmi, medzi učiteľmi a vedením škôl) a demokratickou spoluprácou školy s jej okolím.*“²² Hnutí za demokratické Slovensko uvedlo ve svém programu, že je třeba připravit vzdělávací soustavu na kvalitativně novou situaci jako existenčně důležitou společenskou prioritu. Vzorem pro vzdělanostní úroveň mělo být podle HZDS Nizozemsko, Norsko, Hongkong, Singapur a Tchaj-wan.²³

Některé jiné politické strany si byly vědomy deficitu v oblasti společenských věd. Například volební program Slovenské národní strany z roku 1992 přímo konstatoval, že strana si je vědoma nutnosti „*zmeniť obsah najmä v oblasti ekonomického vzdelávania a spoločenských vied a prispôbiť ho potrebám modernej spoločnosti.*“²⁴ SNS dále požadovala od škol, aby zvyšovaly národní povědomí a hrdost. Česká Občanská demokratická aliance²⁵ ve svém volebním programu ze stejného roku přímo spojila vztah demokracie a výchovy, když deklarovala svůj názor, že „*výchova jako probuzení lidských a občanských ctností, zejména úcty a respektu k důstojnosti druhého člověka*“²⁶ a že celý duch školy musí být demokratický, neboť „*děti se ve školách mají učit nezávislému a kritickému myšlení, samostatnému rozhodování a podnikavosti, schopnosti vést druhé i podřídít se vedení.*“²⁷ ODA pokládala čas strávený ve škole za klíčový pro každého člověka, neboť si ze svého pobytu ve školách neodnáší jen znalosti, ale i vzory chování. Záleží tak i na školním prostředí, zda bude z nového občana ustrašený, loajální úředník nebo „*svobodná, zralá, vzdělaná a tvořivá bytost.*“²⁸ Je třeba říci, že jen málokterý program politické strany po roce 1989 kladl tak velký důraz na demokratické prostředí školy, jako právě volební program ODA z roku 1992.

Sestavení národních vlád po volbách 1992 bylo významnější než v roce 1990. Z národních vlád se totiž díky následnému rozdělení Československa staly vlády stání. Obě dvě nástupnické země jsou státy unitární, školství se tak z „druhého stupně“ veřejné správy přesunulo na stupeň první, centrální. Od 1. 1. 1993 je tak školství v obou státech řízeno v základních otázkách centrálně, celostátním ministerstvem, kdy hlava resortu je členem centrální vlády.

Česká koaliční vláda představila svůj vládní program v červenci 1992, stejně jako vláda slovenská. V programovém prohlášení české vlády našly své místo především zásady z volebního programu Občanské demokratické strany. Prohlášení se tak věnuje zejména financování škol, jejich typům a organizaci, samotnému vzdělávacímu cíli škol není věnována téměř žádná pozornost. Vláda se však zavázala k tomu, že bude spolupracovat i s jinými institucemi na školské politice definuje základní jádro „*vzdělání a vzdělanostních standardů*“.²⁹

Rovněž programové prohlášení vlády Slovenské republiky se opírá především o volební program vládního Hnutí za demokratické Slovensko. Vláda Vladimíra Mečiara však deklarovala snahu po vzniku alternativních učebních textů, navrhla obnovu malotřídních škol, ale vyslovila se i pro restrukturalizaci „*študijných a učebných odborov stredných odborných učilišť a stredných odborných škôl a sústavy škôl tak, aby zodpovedali potrebám trhu práce jednotlivých regiónov*“.³⁰ Toto konstatování je významným kvalitativním posunem od výše citovaného programu VPN. Vláda se ve svém prohlášení přihlásila rovněž ke zpracování vzdělávacích standardů tak, aby slovenské školství opět patřilo mezi nejlepší na světě.

Z uvedených dokumentů (vládních prohlášení a programů politických stran) je evidentní, že národní politické elity v bývalé České a Slovenské Federativní Republice si jasně uvědomovaly nutnost zásadních změn ve struktuře školství, ale i v obsahu výuky a v koncipování výchovně – vzdělávacího procesu. Všechny relevantní stranicko – politické subjekty však oblast vzdělávání a školství považovali spíše za okrajovou oblast svého zájmu, v programových dokumentech naprosto jasně dominují témata ekonomická, státoprávní a mezinárodně – politická. Školské a vzdělávací otázky staví politické strany až na konec svých programových dokumentů.³¹ Obvykle je školská tematika spojena s vědou, ojedinele i se sociálními a zdravotnickými otázkami.

Ve vládních prohlášeních nalézáme jen málo konkrétních návrhů, obvykle jde o obecné formulace, deklarace návrhů na zlepšení školního prostředí, postavení učitelů a pedagogických pracovníků vůbec, na zkvalitnění obsahu výuky. Nikde však nenajdeme konkrétní rozpracované cíle, jak tato deklaratorní prohlášení naplnit. Tato nekonkrétnost je v přímém rozporu s jasně definovanými konkrétními cíli v jiných vládních resortech.

Při porovnávání s jinými politickými dokumenty z jiných transformačních období zjistíme, že při všech předchozích politických změnách došlo k rychlému a důraznému programovému či dokonce zákonnému kodifikování změn v oblasti školství. Vedoucí kolektivu autorů první české učebnice výchovy k občanství z roku 1992 Petr Pířha připomíná v této práci důležité dokumenty, které se změnám v oblasti školství a speciálně výchovy k občanství věnovaly bezprostředně po roce 1918. Český autor, který se věnuje problematice výchovy k občanství, Antonín Staněk, cituje ve své monografii „Výchova k občanství a evropanství“ text výnosu ministerstva školství a národní osvěty z ledna 1919, kde dává vládní úřad učitelům přímá doporučení pro výchovu k občanství.³²

I další politické proměny ve 20. století přinesly velmi rychle i změny do školských a vzdělávacích oblastí. Například Košický vládní program z roku 1945 říká jasně, že „*Bude provedena důsledná demokratizace, a to nejen umožnění co nejširším vrstvám přístupu do škol i k jiným pramenům vzdělání a kultury, ale i v ideovém směru: v zlidovění samého systému výchovy i povahy kultury, aby sloužila ne úzké vrstvě lidí, ale lidu a národu.*“³³ Program tak bezprostředně s koncem války reaguje na nutnost demokratizace českého a slovenského školství. Dokonce nové rekonstruované vlády v roce 1948 přišly s urychlenou přeměnou škol, následná přeměna ideologická šla rovněž velmi rychle. Komunistická moc si uvědomovala význam ideologické práce na základních a středních školách, jak to vyplývá i z osnov z období mocenského monopolu KSČ, které dále cituji.

Moderní obnovená demokratická politická elita si sice byla deklaratorně vědoma významu školy pro obnovení demokratické společnosti, avšak v konkrétních krocích, které by byly alespoň předvídaný prostřednictvím vládních prohlášení, velmi zaostala.

1 DUBNIČKA, I. Multikulturalizmus – nový fenomén? In. DOBIAŠ, D., GBÚROVÁ, M., MATTOVÁ, I. (ed.). Medzikultúrny dialóg. Prešovská univerzita, Prešov 2009, s. 46

2 HIRTLOVÁ, P. *Nové témy a spôsoby výuky spoločenskovedných predmetov*. In. Dubnička, I. (ed.). *Megatrendy tretieho milénia*. Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra 2011, s. 125

3 Co chceme – Programové zásady Občanského fóra

4 <http://www.psp.cz/eknih/1986fs/slsn/stenprot/018schuz/s018002.htm>

-
- 5 <http://www.psp.cz/eknih/1986fs/slsn/stenprot/018schuz/s018003.htm>
- 6 <http://www.psp.cz/eknih/1986cnr/stenprot/018schuz/s018001.htm>
- 7 <http://www.psp.cz/eknih/1986cnr/stenprot/018schuz/s018002.htm>
- 8 <http://www.nrsr.sk/nrdk/Download.aspx?MasterID=10198>
- 9 <http://www.nrsr.sk/nrdk/Download.aspx?MasterID=10198>
- 10 <http://www.nrsr.sk/nrdk/Download.aspx?MasterID=10198>
- 11 vzhledem k tomu, že VPN (rozdílně od českého OF) obsadila následně i místo ministra školství, vybral jsem jako příklad volebního programu právě VPN
- 12 *Šanca pre Slovensko*, volební program Veřejnosti proti násilí, s. 16
- 13 *Šanca pre Slovensko*, volební program Veřejnosti proti násilí, s. 16
- 14 pokládám za zbytečné zde rozebírat všechny volební programy, to by bylo jistě tématem jiné rozsáhlé práce
- 15 <http://www.psp.cz/eknih/1990cnr/stenprot/002schuz/s002005.htm>
- 16 <http://www.psp.cz/eknih/1990cnr/stenprot/002schuz/s002005.htm>
- 17 <http://www.psp.cz/eknih/1990snr/stenprot/002schuz/s002004.htm>
- 18 <http://www.psp.cz/eknih/1990snr/stenprot/002schuz/s002004.htm>
- 19 podle mezinárodních historických statistik bylo československé školství a vzdělávání v meziválečné ČSR 10. nejlepší na světě
- 20 *Svoboda a prosperita*, volební program ODS 1992, s. 32
- 21 Tězy volebního programu HZDS, s. 13
- 22 Desatero vzdělávací politiky HZDS, s. 37
- 23 je zajímavé, že mezi HZDS vyjmenovanými vzory je jen jedna ze zemí Evropské unie
- 24 *Volební program SNS 1992*, http://www.sns.sk/images/dokumenty/program_1992.pdf
- 25 po volbách 1992 koaliční politická strana
- 26 *Deset let na straně svobody*. Kronika ODA z let 1989 – 1999, s. 285
- 27 *Deset let na straně svobody*. Kronika ODA z let 1989 – 1999, s. 285
- 28 *Deset let na straně svobody*. Kronika ODA z let 1989 – 1999, s. 285
- 29 *Programové prohlášení vlády České republiky ze dne 13. 7. 1992*, <http://www.psp.cz/eknih/1992cnr/stenprot/002schuz/s002003.htm>

-
- 30 Programové prohlášení vlády Slovenské republiky ze dne 14. 7. 1992, <http://www.nrsr.sk/nrdk/Download.aspx?MasterID=71564>
- 31 kapitoly ke školství jsou zpravidla vždy až za kapitolami o životním prostředí, zemědělství i zdravotnictví
- 32 STANĚK, A. *Výchova k občanství a evropanství*. Nakladatelství Olomouc, Olomouc 2007, s. 153
- 33 Košický vládní program, cit. dle <http://just.wz.cz/view.php?cisloclanku=2006041001>

Slovanské listy Giuseppe Mazziniho

Ivan Šuša – Patrizia Prando

Úvod

Giuseppe Mazzini (1805, Janov – 1872, Pisa) patrí v talianskom, ako aj v medzinárodnom (v zmysle historicko-spoločenskom) a medziliterárnom kontexte k významným osobnostiam literárnej vedy a dejín politického myslenia. Svojimi úvahami o potrebe zjednotenia Apeninského polostrova do jedného štátoprávneho celku (binarita národ-štát) sa stal predchodcom ideí federalizmu (i keď sa sám za federalistu nepovažoval), ktoré v neskoršom období akcentovali ďalší talianski spisovatelia, politológovia a politici. Jeho myšlienka národného zjednotenia nemala len deklaratívny ráz, bola reálnou odozvou na zložitú vnútropolitickú situáciu v krajine. Je pravdou, že v čase Mazziniho politického a literárneho pôsobenia (z literárno-historického hľadiska ide najmä o obdobie romantizmu) dochádzalo k pnutiu v dôsledku národno-emancipačných snáh viacerých národov a národností prakticky v celej Európe, špecifikom Talianska bola nejednotnosť (geograficky, lingvisticky i kultúrne blízkych) štátov, ktoré medzi sebou súperili o hegemoniu nad Apeninským polostrovom. Ako v tejto súvislosti konštatuje historik Giovanni Procacci, v roku 1848 „na povrch zasa vyplávali staré regionálne nesváry, keď Lombardania nedôverovali Piemontanom, Benátčania z vnútrozemia Benátčanom na lagúne, Sicíľčania sa búrili proti neapolskej nadvláde, Turín súperil s Janovom, Florencia s Livornom.“ (Procacci 1997: 250). Mazzini si uvedomoval zložitú situáciu, založil hnutie Mladé Taliansko (*Giovine Italia*), neskôr rozšírené o Mladé Poľsko a Mladé Nemecko, čím „vytvoril prvé medzinárodné združenie demokraticko-republikánskeho charakteru“ (D’Addio 1996: 280) s cieľom zjednotenia polostrova formou plánovanej revolúcie (s revolučnými myšlienkami sa dostal do styku ešte ako člen spolku *Carboneria*), neskôr sa stal nosnou osobnosťou novej Strany činu (*Partito d’azione*). Revolučné vystúpenia (spolu s Carlom Pisacanem), odchod do exilu, neskorší nástup k moci „umierneného krídla“ Camilla Bensa Di Cavoura, Garibaldiho výprava, vytvorenie Talianskeho kráľovstva a iné udalosti ho síce do istej miery odklonili v oblasti reálnej politiky „na vedľajšiu koľaj“, jeho myšlienky, zhmotnené do literatúry, sú však dodnes relevantným svedectvom o dobe, v ktorej žil.

Literárne práce Giuseppe Mazziniho sa dotýkajú viacerých tém, ich spoločným menovateľom je politika a súdobá situácia v Taliansku a v Európe. V prvých dielach obhajoval vznik hnutia Mladé Taliansko (*Della Giovine Italia, Del mancato sviluppo della libertà in Italia, I collaboratori della Giovine Italia ai loro concittadini*), v neskorších prácach už prechádza k charakteristike vlastného politického myslenia (*Dell' iniziativa rivuluzionaria in Europa, Fede ed avvenire, Interessi e principii* a iné), z londýnskeho pobytu je to najmä spis *Pensieri sulla democrazia europea*, ktorý vyšiel tesne pred revolúciou. Ďalšie – porevolučné diela sa viažu na päťdesiate roky 19. storočia (*Agli italiani* a i.) a na šesťdesiate a sedemdesiate roky (teda tesne pred smrťou, spomeňme práce *Dei doveri dell' uomo* či *La questione sociale*).

Giuseppe Mazzini a „slovanská otázka“ – Slovanské listy (*Lettere slave*)

Giuseppe Mazzini patrí medzi málo talianskych osobností obdobia romantizmu, ktoré vo svojich dielach riešili otázku postavenia slovanských národov. Ba čo viac – v prípade tohto ligúrskeho spisovateľa a politika môžeme hovoriť o objektívnom poňatí zobrazovanej reality (čo nebolo vždy pravidlom). Je pravdou, že autor vo svojich dielach miestami upadá do subjektívnej polohy, je však potrebné to ospravedlniť jeho snahou nepodávať len fakty, ale i vlastné reflexie, hľadať súvislosti a východiská a napokon – prísť k istému záveru, ktorý by mohol byť nielen riešením pre danú dobu, ale i „nadčasovým“ odkazom do budúcnosti.

Autor sa so „slovanskou otázkou“ stretol viackrát (ešte pred samotnými spismi a dielami, v ktorých analyzoval stav slovanských národov). Dôležitým krokom boli nepochybne kontakty s už spomenutým hnutím Mladé Poľsko. Mazzini písal a konal na základe poznania reálnej situácie (napríklad s poľskými exulantmi diskutoval nielen o politickej a národnej, no najmä sociálnej revolúcii, uvedomujúc si, že vlastníkmí pôdy a majetku je tamojšia šľachta, čo sa prejavilo v publikovaní *Manifesto of the Provisional Government of Cracow* a pod.) Mazziniho nosné úvahy o Slovanstve, ktoré budú aj predmetom našej analýzy, našli svoje miesto v janovskom časopise Taliansko ľudu (*l'Italia del Popolo*). Autor v ňom publikoval sériu štyroch spisov (konkrétne išlo o obdobie 15. – 22.

júna 1857), ktoré majú logickú sémantickú nadväznosť. Jednotlivé listy (z ktorých budeme citovať v našej štúdii) sú zároveň mementom a výzvou pre taliansku spoločnosť – ako nasledovaniahodný príklad zjednotenia. Autor sa totiž domnieva, že Taliani (doslova „Taliansko ako národ“ – teda po zjednotení) budú musieť vytvoriť nové aliancie a celkovo kreovať vlastnú a spoločnú medzinárodnú politiku. Pre Mazziniho majú byť spojencami „nové národy“ (používajúc jeho termín), ktoré vzídu z rozpadnutej Rakúskej monarchie (rozpad považuje za nevyhnutný) – práve preto je dôležité študovať ich.

Mazzini zvolil pre svoj prvý list netradičný úvod – pravdepodobne išlo o autorskú taktiku (získať si čitateľa nosnou informáciou s expresívnym podaním v prvej vete). Autor hneď v prvej vete obvinil chorvátskeho generála Josipa Jelačiča, ktorý sa v revolučnom roku 1848 spojil s habsburgovcami a postavil sa proti Maďarom, dúfajúc, že pre Chorvátov vybojuje autonómiu. Jeho konanie nazýva „imbecilnou vernosťou“. Naopak, verí v ich jednotu a hlavne pohyb (v zmysle revolučnosť). I napriek tomu, že ich nazýva novými, zdôrazňuje ich dlhé historické tradície a rôzne typy a spôsoby konania v súčasnej (súdobej) Európe. Uvažuje o troch veľkých jednotkách – poľskej, ruskej a českej, dodávajúc, že ruská slovanskosť „je utláčaná cársnym despotizmom“, „v Bohémii je uspatá“ a v Poľsku je „zmrzačená patricijskou kastou“, t. j. šľachtou. Celý prvý list sa nesie v duchu zdôrazňovania pohybu a činnosti (viackrát používa výraz pohyb, čin, aktivita) ktoré sú charakteristické pre slovanské národy a ako píše, „tak neznáme pre našu populáciu“ – autor pojem pohyb vníma ako pohyb literárny, archeologický, filozofický a ako sa neskôr dozvedáme, i ako pohyb politický. Pristavuje sa najmä pri literárnom pohybe, kde pripomína mená najvýznamnejších (podľa neho) básnikov a spisovateľov (Mickiewicz, Garczynski, Puškin, Zaleskin, Milutinowicz) filozofov (Cieszowski, Kralikowski) a vedcov (Šafařík – píše ho v češtine ako Šafařík – a Palacký). Práve pri reflexiách o dôležitosti pohybu (aj v zmysle hybnej sily) cituje Jána Kollára (mimochodom, toho cituje aj neskôr, v treťom liste). Ako vidieť, autor vo viacerých prípadoch akcentuje najmä poľských a ruských slavianofilov (čo je však napokon i pochopiteľné), je však potešujúce, že sa v jeho listoch objavujú i mená slovenských, resp. českých národných dejateľov (Mazzini vedel o slovenských koreňoch Šafaříka a Kollára, no zdôrazňoval, že písali po česky – aj v našej práci ich vnímame v zmysle

dvojdmosti, ako ich napokon chápe i literárna komparatistika). Je potrebné pripomenúť, že Mazzini vždy hovoril osobitne o Bohémii, Morave a Slovensku, resp. o ich národoch, teda Česi, Moravia a Slováci (uvažuje o Slovákoch v Uhorsku alebo o pomerne netradičnom výraze – o „slovenských zemiach“, resp. „slovenských kmeňoch“). Čitateľom navyše odporúča Šafárikovu Mapu Slovanstva, publikovanú v roku 1841, v ktorej rozdelil Slovanov podľa jazyka (dialektov) a politických hraníc. Autor síce pripomína utrpenie Slovanov, no hneď pripomína ich hrdinskosť (a to v konkrétnych historických súvislostiach, napr. vystúpenia Čiernohorcov proti Francúzom v roku 1813, Srbov proti Turkom od roku 1904 a podobne) a veľkosť („Ja nehovorím iba o Rusku a Poľsku, ale o 79 miliónoch ľudí“).

Za najvýznamnejšiu časť prvého listu však považujeme Mazziniho klasifikáciu „slovanskej rasy“ (výraz rasa tu nenadobúda negatívny konotát) do štyroch skupín, pričom uvádza – a túto myšlienku považujeme za nosnú – že ide pravdepodobne o štyri nové budúce (slobodné) národy. Autor neskôr z tejto klasifikácie vychádza aj v ďalších prácach. Ide o nasledujúce skupiny: prvá – Poliaci, druhá – Rusi, tretia skupina (doslova citujeme) „bude zahŕňať Bohémiu a Moravu, ku ktorým sa pravdepodobne pripoja slovenské kmene z Uhorska“ a napokon štvrtá – Srbi, Čiernohorci, Bulhari, Dalmatínci, Slavóni a Chorváti, ktorým, mimochodom, predpokladá federatívne usporiadanie. Autor tvrdí, že k vytvoreniu týchto skupín dôjde dôsledkom likvidácie existujúcich a nefungujúcich štátnych útvarov, doslova tu spomína Rakúsko, ktoré bude zničené národmi z tretej skupiny a rovnaký úspech predpovedá i poslednej skupine dodávajúc, že musia „zahnať mohamedánstvo do Ázie“. Prvý list končí konfermatívne – aj keby sa malo čokoľvek stať, slovanský pohyb je nepopierateľný.

Druhý list môžeme vnímať ako binaritu nemecký svet versus slovanský svet, najmä z hľadiska hegemonie germánskej identity (pojem germánsky chápeme aj v zmysle kritiky Rakúska, ktorá hrá v jeho dielach relevantnú úlohu) a sily („Šesť miliónov Nemcov rozhoduje o ríši 28 miliónov cudzincov“). Autor v dejinnom exkurze pripomína názory Jozefa II., ktorý podľa Mazziniho videl v Slovanoch národy, ktoré by zmenil chod jeho impéria, no napokon prevážila „germánska strana“. I v tejto časti sa venuje slovenským reáliám, rozdeľujúc naše geografické

územie na pôvodné obyvateľstvo (ktorými myslí Slovanov, v zátvorke uvádza Slovákov) a Maďarov, pričom zdôrazňuje, že Maďari sa budú musieť zmiešať so „starými pánmi územia“, teda so Slovákmi. Taliansky autor sa v tejto časti bližšie venuje i štvrtej skupine národov, ktorú načrtol v prvom liste a usúvzťažňuje ju s náboženským aspektom (teda relácia kresťanstvo-islam) a v národnom a štátoprávnom kontexte (ako opozitná binarita medzi Slovanmi a tureckým štátom – ktoré súvisia s otázkou náboženstva). Celkovo dospieva k názoru, že základné línie spolupráce budúceho talianskeho štátu musia byť v slovansko-helénskom smere.

V ďalšom – treťom liste – sa dotkol neuralgického bodu vtedajšej vzájomnej slovanskej spolupráce – a to Ruska, jeho mocenského vplyvu, možnej hegemonie i možných dôsledkov tejto kooperácie. Mazzini dokonca hovoril o „absurdných návrhoch Panslavizmu, ktorého centrom by bol cár“, a to v triáde nebezpečenstva, resp. obavy, t. j. Rakúsko („znepokojivé správanie sa Rakúska“) – islamský svet (menujúc sultána) a Rusko (ktoré podľa neho rozširuje svoje idey – teda idey Panslavizmu – medzi jednotlivými slovanskými národmi). Autor opäť obraňuje a obhajuje svoju klasifikáciu, ktorú by sme mohli nazvať nehegemonnou, t. j. bez jedného silného ideového, náboženského a politického centra, ale s rešpektovaním diverzít jednotlivých slovanských národov (teda 4 skupiny rovná sa 4 centrá), hovorí najmä o poľskom centre (opäť zdôrazňujúc kultúrny aspekt a citujúc významných poľských poetov a pripomína i cirkevný aspekt), Chorvátom, Ilýrom a Srbom prisudzuje ako centrum Chorvátsko a Čechom a Slovákom (tu paradoxne nemenuje Moravu, ale pravdepodobne ju chápe imanentne ako súčasť tohto celku) – Bohémiu. Pri ruskom centre (ako pri jedinom) je však najkritickejší, ba až najskeptickejší, doslova píše, že „ruské centrum je to, ktoré je najmenej dôležité“ (dodávame, že spomedzi uvedených a v danej situácii), pretože národný pohyb podľa neho tam ešte nie je až taký výrazný, ako v iných centrách, resp. národoch. Pomerne veľkú (z hľadiska proporčného až prehnanú) pozornosť venuje autor aktivitám chorvátskeho spisovateľa Lodovica Gaja.

V záverečnom liste sa Mazzini pokúsil o akési vlastné programové vyhlásenie. Štvrtý list sa oproti ostatným odlišuje od predchádzajúcich predovšetkým širším uchopením slovanskej tematiky (v tejto časti ju chápe autor skôr ako východiskový materiál, resp. ideovú základňu pre skomprimovaný záver) smerom k talianskym reáliám, od ktorých sa potom odráža a smeruje až k európskej vízii

(teda vzťah Slovanstvo-Taliansko-Európa). Všíma si ešte raz diferencie medzi jednotlivými slovanskými národmi, najmä náboženské a politické, ale rovnako sa pristavuje sa pri konkrétnej spolupráci niektorých z nich (Česi a Chorváti, Česi a Srbi, najmä v oblasti publikovania a výučby na katedrách slovanskej filológie). Opäť zhŕňa tézu o jeho obavách zo šírenia a dominancie neslovanskej identity (v tomto liste je oveľa ostrejší a doslova hovorí o „tureckom, ruskom a rakúskom despotizme“) a vyzýva Talianov (najmä prostredníctvom strany *Partito Nazionale Italiano*), že musia „dôverne spoznať Slovanov“. Hovorí o nových slovanských národoch, novom Taliansku a novej Európe. Jeho pôvodne kontemplatívny tón sa mení na revolučný a reflexie na výzvu: „My chceme Taliansko: jedno, slobodné, nezávislé, ktoré je pánom sebe samému“. Krajina zjednoteného Apeninského polostrova sa stane súčasťou modernej Európy, ktorá sa podľa autora sformuje podľa jazykových, geografických charakteristík a podľa historických tradícií. Mazzini uvažuje o Iberskom polostrove (Španielsko, Portugalsko), Škandinávií (ktorej súčasťou budú Švédsko, Dánsko a Nórsko) – mimochodom, ani jednej a ani druhej skupine nevenoval v listoch pozornosť – ďalej je to „germánsky národ“, štyri skupiny Slovanov (o ktorých sme hovorili v našom príspevku) a Grécko.

Mazzini sa sám seba pýta, či toto všetko je len utópia? Vzápätí si však odpovedá, že aj Slovania boli pred tridsiatimi rokmi utópiou a dnes slovanská otázka ovplyvňuje politické pohyby vo viacerých európskych krajinách. Týmto vyhlásením svojej reflexie zrealizuje, dáva im šancu na praktickú realizáciu a hlavne – vidí ich ako program a ideu pre celú Európu.

Mazziniho idey v Štúrovej recepcii

I keď cieľom nášho príspevku nie je komparácia diel Gisueppe Mazziniho a Ľudovíta Štúra (najmä z dôvodu rozsahového), považujeme za potrebné sa aspoň v krátkosti pristaviť pri základných ideových diferenciách talianskeho a slovenského autora vo vzťahu k Slovanstvu, resp. k recepcii niektorých Štúrových myšlienok smerom k Mazzinimu, resp. k Taliansku.

Štúr si stav talianskeho národa si všíma vo svojom najvýznamnejšom, filozoficko-politickom diele (i keď často nezmyselne odsúvanom na vedľajšiu

koľaj) Slovanstvo a svet budúcnosti (*Das Slawenthum und die Welt der Zukunft*) aj Ľudovít Štúr. Slovenský autor, tiež osobnosť európskeho významu po historickom exkurze do dejín krajiny, vidí Talianov ako národ, „neustále ušľapávaný a utláčaný cudzincami“ (menuje najmä boje o Horné Taliansko medzi Francúzmi, Španielmi a Rakúšanmi a o Južné Taliansko, o ktoré bojovali viaceré národy, „až nakoniec o jeho osude rozhodli pápeži a krajinu postúpili ako léno Francúzom) a pohľad naň hodnotí ako smutný. Pozitívne hodnotí, že Taliani sa proti cudzej nadvláde vzbúрили, no ako konštatuje, nikde sa odpor neudržal „a k vytúženému oslobodeniu Talianska spod cudzieho jarma nedošlo“. Zaujímavé je, že Štúr neverí Mazziniho revolučným vystúpeniam, jeho hnutie je podľa neho „nakazené zhubnými západnými vplyvmi“, dodávajúc, že aj keď pociťuje žiaľ nad osudom rozorvaného a nejednotného talianskeho národa. Nazdáva sa, že „Mazziniho operácie a veľmi nepravdepodobné uskutočnenie jeho plánov by viedli v uvoľnenom a skazenom Taliansku k bezhraničnej anarchii a rozvratu“.

Autori (by) sa nepochybne zhodli v istých náhľadoch na Slovanstvo (panslavizmus) ako na antitézu pangermanizmu. Pripomeňme, že Mazzini veľmi rezolútne bojoval proti autokratickému režimu Rakúska na základe liberálneho nacionalizmu, Štúr síce uvažuje o tzv. austroslavizme (v takom zmysle, že sa Rakúsko stane centrom všetkých južných a západných kmeňov – túto myšlienku prisudzuje Čechom, najmä Palackému), no nedáva jej v podstate žiadnu šancu. Jednoznačne sa autori nezhodli v otázke parlamentnej demokracie a ruskej dominantnosti v slovanskom priestore. Ako sme uviedli, Mazzini nevidí v Rusku reálneho zjednotiteľa Slovanov, naopak, pre rusofila Štúra je koncepcia spojenia s Ruskom hlavným programovým a ideovým cieľom (v kontexte Rusko-Slovanskej ríše). Štúr dokonca uvažuje o cirkevnom zjednotení na báze pravoslavia a o jazykovom zjednotení (ruština ako literárny jazyk). Ako v tejto súvislosti konštatuje Zdenka Sojková, „mnohého sa zriekol v prospech cárskeho absolutizmu (...), samostatnosť už nežiada, ani slovanskú federáciu (...), nakoniec sa treba ešte pýtať, či ešte verí v život slovenského národa“ (Sojková 2006: 275).

Ako dodáva (v predslove k dielu Slovanstvo a svet budúcnosti) Svetoslav Bombík, Štúr „navrhol politické splynutie Slovanov s cársym Ruskom (...) Odmietla parlamentnú demokraciu a velebí modifikované samoderžavie. Zavrhuje nielen osvietenstvo a moderné demokratické západné filozofické a spoločensko-

politické koncepcie“ (Bombík 1993: 8) , inými slovami – odkláňa sa (napríklad na rozdiel od Mazziniho) od západnej filozofie a myslenia.

Slovenský autor je tiež oproti Mazzinimu výrazne kritickejší, a to aj „do vlastných radov“ (napríklad o Poliakoch v spomínanom diele hovorí: „Kto nesie vinu na delení Poľska? Samí Poliáci! Taký národ, ktorý nechá upadnúť svoj štát, nemôže byť povolaný budovať nové štáty:“). Štúr žiali nad stavom Slovanstva, jeho pasivitou a nesvornosťou, na druhej strane si však všima pozitívne slovanské vlastnosti, charakterizuje jednotlivé národy – a to slovanské i neslovanské a porovnáva vzťahy Západ-Východ, ktoré stavia do antitézy. Oskar Krejčí v tejto súvislosti píše: „Pozoruhodný je na Štúrovej geopolitickej vízii i fakt, že si vôbec nepostavil otázku, či by nemohli vzniknúť národné – v jeho podaní kmeňové štáty ako obrana záujmu Slovanov.“ (Krejčí 2000: 118). Presne v tomto – teda národnoštátnom kontexte – napríklad uvažoval i Mazzini.

Objektívne však treba povedať – a tento aspekt sa často obchádza – že v čase, keď Štúr napísal Slovanstvo a svet budúcnosti (teda v roku 1853), ešte neexistovali Mazziniho Slovanské listy (tie vyšli až o štyri roky neskôr), takže Štúr, logicky, ešte Mazziniho nové názory a idey nemohol poznať. Je pravda, že v tom čase už taliansky autor vydal (v dvoch častiach) v roku 1848 v *Italia del Popolo* prácu *Del moto nazionale slavo*, no ďalšie diela, týkajúce sa uvedenej tematiky publikoval Mazzini až oveľa neskôr (t. j. všetky práce až po vydaní Štúrovho Slovanstva) – teda v roku 1856 prácu *A Nicola Fabrizi a Malta* a v šesťdesiatych a sedemdesiatych rokoch *Missione italiana – Vita internazionale* v časopise *Dovere* (1866) a *Politica internazionale* v *Roma del Popolo* (1871).

Záver

Na základe doteraz spomínaných Mazziniho ideí môžeme jednoznačne konštatovať nielen slovanský, ale aj európsky a integračný akcent jeho diela. Túžba po zjednotení Apeninského polostrova sa mu nakoniec splnila (v roku 1861, keď bolo vyhlásené Talianske kráľovstvo, i keď nie republika, ako si to predstavoval on a súčasťou uvedeného celku neboli úplne všetky štáty). Autor bol nepochybne europeistom, nie však federalistom (napr. na rozdiel od jeho rovesníka Carla Cattanea). A práve v postmazziniovskom období sa začínajú

v Taliansku šíriť nové idey, založené na myšlienke federalizmu. Slovanská idea sa už dostáva do úzadia (aj vzhľadom na nenaplnenú slovanskú víziu Mazziniho a celkovo nepriaznivú a zhoršenú historickú a spoločensko-politickú situáciu Slovanov, vrátane Slovákov, na konci 19. storočia), v popredí sú reálne problémy Apeninského polostrova a snaha o hľadanie vyššieho stupňa zjednotenia, ktorým mala byť európska federácia.

Slavista Ivo Pospíšil v tejto súvislosti uvažuje: „Problém Slovanov v Európe, ktorý bol kedysi v istom zmysle kľúčový, hlavne v určitých dejinných vlnách, ktoré vrcholili národno-obrodeneckou epochou a nacionalizmami, slavizmami a antislavizmami (F. Wollman) 19. storočia, sa postupne ocitol akoby na vedľajšej koľaji a bol skôr politicky využívaný ako braný vážne za ideový základ: tak tomu bolo po rozpade Rakúsko-Uhorska a najmä po roku 1945, keď sa „slovanská karta“ znovu vrátila do hry, ale len ako zámienka iných než nacionálnych ideológií.“ (Pospíšil 2007: 4). Najmä v krajinách, ktoré sa stali súčasťou tzv. socialistického, resp. východného bloku, sa stala slovanská otázka dominantnou súčasťou politickej ideológie (i keď dodávame, že selektujúc jednotlivé idey – napríklad už spomínané dielo Slovanstvo a svet budúcnosti vyšlo v slovenčine až po 150 rokoch od svojho vydania, a to najmä kvôli Štúrovej silnej kritiky komunizmu – ani kritika Západu nedokázala „prekryť“ kritiku komunizmu). V tzv. západnej Európe sa často naopak, podceňovala a miestami sa stávala irelevantnou (napríklad Mazziniho myšlienky o Slovanstve, resp. jeho slavistické diela nenájdete takmer v žiadnych talianskych dejinách politických teórií či literatúry, akcentuje sa jeho europeistický, nie slovanský kontext).

V dvadsiatom storočí sa v Česko-Slovensku a Taliansku objavili nové európske vízie, založené na aktuálnej spoločensko-politickej situácii: Čech Tomáš Garrigue Masaryk (a najmä jeho myšlienka vytvorenia pásu slovanských štátov, garancia Ruskom, vytvorenie národného štátu Čechov a Slovákov) a Slovák Milan Hodža (projekt Podunajskej federácie) u nás – a federalisti Luigi Einaudi, Altiero Spinelli, Ernesto Rossi a Mario Albertini v Taliansku.

Bibliografia

- D'ADDIO, M.
1996. Storia delle dottrine politiche. – Genova: ECIG.
- BANTI, A. M.
2010. Nel nome dell'Italia. – Bari-Roma: Laterza.
- GYÖRGY, L.
2009. Konfrontácia a preklad talianskych frazeologizmov do slovenčiny. – Preklad a tlmočenie 8. Preklad a tlmočenie v interdisciplinárnej reflexii. – Banská Bystrica: FHV UMB. 136-139
- CHABOUD, F.
2010. Storia dell'idea d'Europa. – Bari-Roma: Laterza.
- KREJČÍ, O.
2000. Geopolitika stredoeuropského prostoru. – Praha: Ekopress.
- MAZZINI, G.
2007. Lettere slave e altri scritti. (Zost. Giovanni Brancaccio). – Milano: Biblion Edizioni.
- POSPÍŠIL, I. A KOL.
2007. Slované a Evropa na počátku 21. století. – Brno: Masarykova univerzita.
- PROCACCI, G.
1997. Dějiny Itálie. – Praha: Lidové noviny.
- SEDLÁK, I. A KOL.
2009. Dejiny slovenskej literatúry. – Bratislava-Martin: Literárne informačné centrum a Matica slovenská.
- SOJKOVÁ, Z.
2006. Skvitne ešte život. – Martin: Matica slovenská.
- ŠTÚR, L.
1993 (1853). Slovanstvo a svet budúcnosti. – Bratislava: Slovenský inštitút medzinárodných štúdií.

Zákony na Slovensku alebo ako sa nimi dorozumievame

Ladislav György

(Recenzia na publikáciu **Eva Čulenova – Jazyk a štýl v slovenských zákonoch.**

Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 2010)

Právny systém štátu a jeho zákony vstupujú do života spoločnosti, ale aj do života konkrétneho jednotlivca. Usmerňujú, upravujú a menia jeho prístup k iným ľuďom a k spoločenským ustanovizniam. Sú to teda texty, s ktorými pracuje široká populácia. Zákony sa vzťahujú primárne na priebeh života v spoločnosti konkrétneho štátu, avšak veľmi často, najmä vplyvom vstupu Slovenska do európskych a svetových štruktúr, sa právny poriadok prispôsobuje nadnárodným štruktúram. Z toho dôvodu sa najmä v súčasnosti pomerne často menia, prípadne sú dopĺňané.

Vzhľadom na to, že zákony upravujú každodenný život spoločnosti daného štátu, teda aj Slovenska, je potrebné, aby boli vytvárané všeobecne zrozumiteľným jazykom, dostupným všetkým vrstvám (slovenskej) spoločnosti. Zrozumiteľnosť a transparentnosť jazyka zákonov je však podľa mienky širokej verejnosti neuralgickým bodom oficiálnej komunikácie. Práve tento aspekt sa snaží sledovať a analyzovať nová publikácia Evy Čulenovej *Jazyk a štýl v slovenských zákonoch*.

Monografia vznikla na základe výsledkov teoretického výskumu obsiahnutého v rámci jej dizertačnej práce. Autorku motivuje fakt, že na laickú verejnosť pôsobia texty zákonov pomerne nezrozumiteľne, pričom však každý občan je povinný poznať aspoň tie zákony, ktoré sa dotýkajú jeho osobného alebo pracovného života. Zaujímajú ju príčiny údajnej nezrozumiteľnosti, snaží sa preto zozbierať fakty o budovaní slovenských zákonov z aspektu lingvistiky, analyzovať texty zákonov, nájsť príčiny nezrozumiteľnosti a ponúknuť riešenia. Podľa tohto zámeru je aj budovaná monografia:

Prvú a druhú kapitolu tvorí teoreticko-filozofická báza problematiky, kde sa dozvedáme názory odborníkov na analyzovanú tému, autorka v tejto časti zároveň prezentuje filozoficko-logický základ a základnú hypotézu celej práce – (ne)zrozumiteľnosť slovenských zákonov spočíva v syntaktických konštrukciách

a čím sa stupňuje snaha o jednoznačnosť konštrukcie, tým sa znižuje pravdepodobnosť zrozumiteľnosti danej konštrukcie. V ďalších kapitolách postupne nasleduje rozbor jazyka zákonov (na morfológickom, lexikálnom, syntaktickom pláne), ďalej jeho rozbor na úrovni textu (hustota a kompozícia textu). Materiál získaný rozborom jazyka zákonov potom podrobujú hlbším analýzám na poli syntaxe, resp. logickej syntaxe a štylistiky. Tu sa jej potvrdila základná hypotéza, že najdôležitejšou výstavbovou platformou slovenských zákonov je práve (logická syntax) a práve vety sú bazovými nositeľmi významu.

Pre komplexnosť analýz i pohľadu na jazyk zákonov sa autorka v záverečných kapitolách práce venuje aj štýlu zákonov, pretože doteraz nie je presne vyšpecifikované jeho pole – niektorí autori zaraďujú zákony do odborného, iní do administratívneho štýlu, kam sú však občas radené aj notárske dokumenty. Po hlbších analýzach autorka dochádza k záveru, že tzv. právny štýl vykazuje kontinuitu s notárskymi a administratívnymi dokumentami, avšak v zásade sú tieto texty odlišné a majú aj špecifické úlohy.

Pomerne zložité výsledky rozborov autorka v poslednej kapitole zhmotnila vo forme prehľadnej tabuľky.

Publikácia je určená pre odbornú verejnosť, ktorá pracuje so zákonmi – najmä pre prekladateľov a lingvistov, ale môže poslúžiť ako pomôcka aj pre iných záujemcov o zákony.

Slovakistika v medziliterárnych vzťahoch

Ladislav György

(Recenzia na publikáciu **Ivan Šuša – Komparatistické a prekladové aspekty v slovensko-talianskych medziliterárnych vzťahoch**. Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 2011)

„Literárna komparatistika, a rovnako aj teória prekladu svojou podstatou vytvárajú v medziliterárnom vzťahu most medzi cudzím a domácim, pomáhajú chápať diverzity a paralely nielen v analýze samotného textu, ale aj v širšom (t. j. nielen vo filologickom) zmysle slova – teda vnímanie uvedených disciplín ako križovatku kultúr. Paralelné pojmové inštrumentárium komparatistiky a translatológie pomáhajú tomuto cieľu napomáhať. Vstupujú do medziliterárnych spoločenstiev, dvoj- či viacdomovosti, bi- či polylingvizmu, skúmajú kontakt (a jednotlivé formy kontaktu), medziliterárnu recepciu, novú konkretizáciu diela a svojím charakterom vyjadrujú vzťah k svetovej literatúre.“ Takto uvažuje vo svojej najnovšej publikácii slovakista PhDr. Ivan Šuša, Ph.D. Ako hovorí i samotný názov, autor sa v súbore štúdií zameriava na slovensko-talianske medziliterárne vzťahy (práve táto oblasť je v jeho doterajšej vedeckej orientácii nosná, čo dokazujú aj predchádzajúce publikácie).

Ivan Šuša venuje svoju úvodnú kapitolu vedeckým interferenciám a kooperácii medzi slovenskou a talianskou teóriou literárnej komparatistiky, najmä na autorskej osi Dionýz Ďurišin (neskôr Pavol Koprda a i.) a Armando Gnisci-Franca Sinopoliová. Hodnotí ich v kontexte, umelo ich nevyčleňuje z dejinno-vývinového rámca, i keď pripomína ich špecifiká, často spôsobené rozdielnou spoločensko-politickou situáciou. Ďalšia literárno-teoretická štúdia analyzuje diferencie v slovenskej a talianskej terminológii v genológii, a to vo vzťahu literárne druhy-literárne žánre a žánrové formy (mimchodom, v oboch kapitolách i s presahmi k českej literárnej vede). V štúdií nechýbajú ani konkrétne príklady a zdôvodnenia klasifikácie, resp. zaradenia jednotlivých druhov a žánrov. Tretia kapitola rieši translatologickú tematiku, Šuša sa v nej zameriava na analýzu vybraných slovacík a prekladových publikácií v Taliansku. Ďalšie štúdie sú už zamerané na konkrétne medziliterárne vzťahy a na rozbery prekladov vybraných

talianskych prozaikov (Vasco Pratolini, Primo Levi, Giorgio Bassani) do slovenčiny.

Ivan Šuša v práci jednoznačne naplnil cieľ, ktorý si dal a čitateľovi ponúkol hodnotnú vedeckú publikáciu, ktorú odporúčam translatológom, literárnym teoretikom, ako i študentom humanitných smerov, najmä jazykov.

Nová publikácia o vývine slovenskej literatúry v posledných dvoch desaťročiach

Lenka Mandelíková

Nová publikácia Patrika Šenkára s názvom Slovenská poézia, próza a dráma po roku 1989 alebo 89 autorov po roku 1989 (vyd. Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, edícia Knižnica Zošitov Katedry areálových kultúr FSŠ - zv. 9, 176 s., ISBN 978-80-8094-898-6) vznikla na pôde Fakulty stredoeurópskych štúdií Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre. Je dôstojným pokračovaním česko-slovenských literárnovedných tradícií u nás i v zahraničí. Zaoberá sa aktuálnymi a prínosnými otázkami výskumov na literárnom poli. Jej tematika je potrebná do nášho diskurzu o literatúre.

Texty publikácie analyzujú situáciu v slovenskej literatúre po roku 1989. Konkrétne ide o slovenskú poéziu, prózu a drámu po roku 1989, ku ktorým sú navrstvené skupiny slovenských poetov, prozaikov a dramatikov po roku 1989 v podobe medailónov vďaka ich vlastnej literárnej tvorby. Autor na základe časovej postupnosti predstavuje vývin spomínaných troch zložiek literatúry po roku 1989. Jeho cieľom je zoznámiť prijímateľa s dielami, ktoré autori publikovali po tomto roku. Subjektívny výberový aspekt jednotlivých mikroportrétov autorov je explicitne uvedený už v úvode. Nanajvýš je potrebné oceniť skutočnosť, že autor si zvolil výber, vďaka ktorému percipient nadobudne mikroprierez tvorby zmieňovaných autorov. Na druhej strane si plne uvedomuje zložitosť, resp. subjektívnosť výberu, keď „...*hocijaké výbery, antológie či výňatky nemôžu byť úplné, objektívne ani celistvé. Samotný výber nesie v sebe zákutia a vedľajšie koľaje, do ktorých sa dá rýchlo zabočiť. Napriek tomu nie je možné, aby sa o dielach, ktoré vznikli v poslednom období, nehovorilo a nepísalo.*“ (c.d., s. 8).

Veľká pozornosť sa v publikácii venuje trom samostatným (nosným) kapitolám s nasledujúcimi názvami: Medailóny literárnej tvorby vybraných slovenských poetov po roku 1989, Medailóny literárnej tvorby vybraných slovenských prozaikov po roku 1989 a Medailóny literárnej tvorby vybraných slovenských dramatikov po roku 1989. Tieto kapitoly sú sprevádzané „úvodnou“

situáciou v slovenskej poézii, próze a dráme po roku 1989. Autor nevyčerpáva celý register literátov, ale na základe chronologického postupu uplatňuje výberové hľadisko. Osobitne treba vyzdvihnúť vskutku prítiažlivý výber umelcov nachádzajúcich sa v „medailónoch“.

Prvá kapitola sa zaoberá situáciou v slovenskej literatúre po roku 1989, ktorá prináša so sebou zmenu spoločenského a politického zriadenia. Už na tomto mieste autor veľmi podrobne uvádza proces diferenciacie rôznorodých spisovateľských organizácií a literárnych časopisov. Druhá a tretia kapitola približuje zaujímavú literárnu činnosť slovenských poetov po roku 1989. Nasledujúce dve kapitoly sú venované vybraným slovenským prozaikom po roku 1989. Možno spomenúť napríklad Dominika Tatarku, Petra Andrušku či Michala Hvoreckého. Cenným vkladom je aj ďalšia kapitola – Spisovatelia ako súčasť literárneho vzdelávania (po roku 1989). V nej autor predstavil také osobnosti umeleckého života, ako napríklad Vincent Šikula, Peter Jaroš, Ladislav Ballek, Dušan Mitana a iní. Sériu literárnej činnosti publikácie uzatvárajú posledné dve kapitoly, ktoré vystihujú slovenských dramatikov, opäť z výberového aspektu. Nemožno nespomenúť precízne vymenovanú súčasnú štruktúru jednotlivých divadiel na Slovensku a obraz terajšej dramatickej tvorby u nás.

Literatúra je neodmysliteľnou súčasťou našej kultúry. Autor má stále na zreteli spojenie učiť kultúrnosti a rozumieť kultúre, pričom za podmienku optimálnej literárnej výchovy považuje kvalitný literárny text s nespochybniteľnými vlastnosťami kultúrnosti. Jednoznačne potvrdil erudovanosť v danej problematike. Predmetná problematika je prínosom pre slovenskú literatúru a svedčí o neutíchajúcom zápale autora o ňu. Všetky kapitoly knižky sú spracované precízne a sú presvedčivým dôkazom o osobnom záujme autora. Prezentovaný korpus je dobre štruktúrovaný s jasne vymedzenými vstupnými údajmi a ich interpretáciou.

Posudzovaný elaborát autora v plnom rozsahu spĺňa kritériá kladené na práce takéhoto druhu. Názov práce vyjadruje jej cennú obsahovú náplň. Kniha je napísaná zrozumiteľným štýlom. Jeho individuálny jazykový štýl je podporným prostriedkom pre popularizáciu problematiky. Osobne ju vnímam ako výsledok dobre rozhladeného prístupu k sledovanému materiálu, ktorý je svojou voľbou veľmi špecificky orientovaný. Získaná príručka prinesie osoh nielen univerzitným

poslucháčom, ale aj špecialistom v tejto oblasti (nehovoriac o laickej verejnosti). Možno preto vysloviť presvedčenie, že nájde svoje uplatnenie medzi nimi. Vo všeobecnosti môžeme súhlasiť s výrokom autora, že: „*zmena politického systému sa neprejavila na stave literatúry nejakým radikálnym zlomom, no predsa sa udiali akcie, ktoré hodno zaznamenať.*“ (c. d., s. 21). A práve na tieto „akcie“ upriamuje pozornosť – nás ostatných – svojou novou publikáciou Patrik Šenkár.

**Maria Andrei Вопросы синтаксиса русского языка.
Типы синтаксической связи между подлежащим и
сказуемым в двусоставном предложении.
Editura MIRTON Timisoara, 2008. 132 p.**

Надежда Дмитриевна Манова

Названная книга является учебным пособием, которое посвящено одному из основополагающих проблем синтаксиса простого предложения: главным членам двусоставного предложения, – и предназначено для студентов-филологов, магистрантов и преподавателей русского языка.

Пособие состоит из теоретической и практической частей. Теоретическая часть состоит из четырёх разделов. В первом разделе «**Проблема определения главных членов предложения в русской синтаксической науке**» лаконично изложена история изучения главных членов в русском языкознании начиная с XIX века: проблема определения подлежащего и сказуемого (1.1), проблема центральности в смысловом и конструктивном отношении одного из главных членов предложения (1.2). Часть 1.3 посвящена способам выражения подлежащего и сказуемого. Обращается внимание и на стилистические особенности в употреблении главных членов.

Однако в некоторых случаях возникает вопрос о правомерности включения в состав сказуемого наречий. Например, *Здоровье **всегда** дороже* (В дальнейшем таким образом: (стр. 28) – будут указываться страницы из рецензируемого пособия). Наречие «всегда» скорее всего в данном случае является обстоятельством времени, а потому не может быть степенью сравнения. То же самое и в случаях: *Положение **очень** опасно. Он **крайне** осторожен* (стр. 29). Наречия «очень», «крайне» и т.д. (стр. 28-29, 35) являются не грамматическими формами сравнительной степени, а самостоятельными морфологическими единицами с семантическим наполнением. Например, как в предложении *Он **очень** устал*. Эти наречия являются атрибутами сказуемого, т.е. определениями сказуемого, или обстоятельствами.

Член предложения как любое явление имеет форму и содержание. Сказуемое – грамматическую форму и семантику. В простом сказуемом грамматическая форма и семантика заключены в одной словоформе. В составном сказуемом эти функции разделены (*Положение было опасно*): «было» выполняет грамматическую функцию, «опасно» – семантическую. Наречия же «очень», «крайне» несут в себе лишь смысловое добавление, уточнение, а не являются опорой грамматического статуса сказуемого, как глагол *быть* в составном сказуемом.

Часть 1.4, посвящённая характеру формальной связи между подлежащим и сказуемым, тоже начинается с изложения истории вопроса, где компактно излагаются точки зрения крупнейших синтаксистов от Ф.И.Буслаева до составителей академической грамматики русского языка. Однако было бы полезным для изучающих теорию синтаксиса русского языка привести примеры для иллюстрации теоретических положений (стр. 37 – 40).

Второй раздел **«Типы синтаксических связей между подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении»**, состоит из 4-х разделов, в которых со ссылкой на первоисточники рассматриваются все имеющиеся случаи связи подлежащего и сказуемого в русском языке: грамматическое, смысловое, условно-грамматическое, обратное согласование. Во всех представленных типах связи рассматриваются сложные случаи, вариантность согласования. Одним из сложных случаев является инфинитив в функции подлежащего. Очевидно, следовало бы дать критерии определения инфинитива в функции подлежащего. В пособии приводится лишь один критерий: «при подлежащем, выраженном инфинитивом, сказуемое употребляется в форме среднего рода единственного числа... : *Ехать в Крым было моей мечтой*» (стр. 53-54). Но если предложение в настоящем времени (*Поехать в Крым – моя мечта*), то этот критерий не работает. Кроме того, в предложении *Ему доставляло даже тайное удовольствие слегка мучить беззащитного перед ним друга* (стр. 55) инфинитив *мучить* является определением к словоформе *удовольствие* (какое удовольствие? – удовольствие мучить), а само предложение безличное. В качестве критерия может служить актуальное членение предложения. Этот критерий приводит Н.С.Валгина: «В структуре таких предложений существенную роль играет

порядок слов и способ выражения сказуемого. Обычно инфинитивное подлежащее предшествует сказуемому, выраженному как безлично-предикативным словом, так и существительным. При сказуемом, выраженном безлично-предикативным словом, такой порядок единственно возможный. Подлежащее отделяется от сказуемого паузой, членящей предложение на два состава: *Подойти к брату было страшно* (М.Г.). При ином порядке слов предложение легко переходит в безличное, так как инфинитив, помещённый после сказуемого, выраженного безлично-предикативным словом, попадает в зависимую позицию: *Было страшно подойти к брату*» (Валгина Н.С. 2000).

В заключении раздела автором рецензируемого пособия напоминаются некоторые правила узуса и норм связи подлежащего и сказуемого, действующие в современном русском языке.

Третий раздел **«Колебания в согласовании главных членов двусоставного предложения»** посвящён сложным вопросам устройства и функционирования простого предложения: 3.1. колебаниям в употреблении категории числа; 3.2 колебаниям в употреблении категории рода; 3.3. колебаниям в употреблении категории падежа. Автор пособия акцентирует внимание на причинах, вызывающих вариативность, или, как называет их автор: «конкурирующие формы» (стр. 63). Все рассматриваемые случаи подкреплены убедительными примерами.

Четвёртый раздел **«Общие выводы»** компактно подводит итог по всем разделам.

В пятом разделе **«Практические разработки»** даны упражнения, предназначенные для усвоения теоретического материала данного пособия. Упражнения подготовлены в основном на материале произведений русской художественной литературы XIX и XX веков, а также на дидактическом материале. Разнообразные типы заданий, объем упражнений отвечают основным методическим требованиям. Однако в некоторых предложениях дидактического типа присутствуют ушедшие реалии, которые следовало бы заменить: *Брат служит в Советской Армии на Дальнем Востоке* (стр. 99). *Двадцать советских и пять зарубежных хоккейных команд оспаривали призы газеты «Советский спорт»* (стр. 111) [*В Советской Армии → в Российской*

армии; ... советских... команд → ... российских... команд; а название газеты «Советский спорт» сохранилось].

Рецензируемое пособие содержит ценный учебный материал и теоретический, и практический. Особо следует подчеркнуть важность исторической части рассматриваемых вопросов для студентов в их подготовке к экзаменам. Сделанные рецензентом замечания не умаляют значения и ценности данного пособия, напротив, служит поводом для появления новых методических идей, как объяснять трудные вопросы синтаксиса изучающим русский язык как иностранный, – за что большое спасибо.

Литература

ВАЛГИНА Н.С.

2000. Синтаксис современного русского языка. Электронный вариант. Москва: Агар, глава 22.

К 80-летнему юбилею профессора-эмеритуса Йозефа Крекича.

Золтан Дьёрке

В этом году общественность венгерских лингвистов, русисты, коллеги, ученики и друзья отмечают 80-летний юбилей со дня рождения профессора-эмеритуса Йозефа Крекича, выдающегося лингвиста, представителя первого поколения венгерских русистов.

Имя Йозефа Крекича – доктора филологических наук, автора многочисленных статей, монографий и учебников, долгие годы исполнявшего обязанности заведующего кафедрой русского языка и литературы Педагогического факультета им. Дьюлы Юхаса Сегедского университета, – известно не только в Венгрии, но и далеко за её пределами.

Перу профессора Йозефа Крекича, по данным интернета, принадлежит свыше 137 публикаций, в том числе четыре монографии и один учебник, на которые имеется 413 ссылок в трудах венгерских и зарубежных лингвистов.

Йозеф Крекич после получения диплома филолога–преподавателя русского и немецкого языков и литературы прошёл долгий и нелёгкий путь от преподавателя гимназии в городе Ходмезёвашархей до профессора Сегедского университета. Где бы он ни работал, педагогическая деятельность Йозефа Крекича отличалась креативностью, поисками нового, стремлением к повышению мотивации своих учеников и совершенствованию их знаний.

После 20-летней работы в гимназии в 1973 году Йозеф Крекич был приглашен в качестве преподавателя на кафедру русского языка и литературы Педагогического института им. Дьюлы Юхаса, где он проработал до 1997 года, до выхода на пенсию. Четыре года (с 1991 по 1995 г.) он исполнял обязанности заведующего кафедрой русского языка и литературы.

В Педагогическом институте для научно-исследовательской деятельности Йозефа Крекича открылись новые возможности. Он серьёзно занялся лингвистическими исследованиями в области аспектологии, которая до сих

пор остаётся в центре его научных изысканий. В результате своих лингвистических исследований в области аспектологии Й. Крекичем были написаны три диссертации: в 1977-ом году он защитил диссертацию доктора университета, в 1983-ем году стал кандидатом филологических наук, а в 1993-ем году защитил академическую докторскую диссертацию, – которые внесли новый вклад в достижения не только венгерских, но и зарубежных аспектологических исследований.

Результаты лингвистических исследований находят отражение в ряде монографий и книг, написанных Й. Крекичем: за вышедшей в 1989-ом году его первой монографией «Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений» (Tankönyvkiadó, Budapest) следовали монографии «Побудительные перформативные высказывания» (JGYTF Kiadó, Szeged, 1993) и университетский учебник «Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика» (JGYTF Kiadó, Szeged, 1997).

После выхода на пенсию в 1997 году Й. Крекич с прежним энтузиазмом и активностью продолжает свою научно-исследовательскую работу. Благодаря его творческой активности его статьи продолжают регулярно выходить на страницах отечественных и зарубежных изданий по славистике. Круг его научных исследований расширяется: им привлекаются данные и из других языков, в том числе и из венгерского языка. В 2006-ом году Й. Крекич, в рамках отдельной монографии, закончил разработку перформативных глаголов в венгерском языке: «Performatív felszólító beszédaktusok. A „beavatkozás” igéi». Akadémiai Kiadó, Budapest (= «Побудительные перформативные высказывания. Глаголы «вмешательства»»). Академия Киадо, Будапешт).

В 2008-ом году в соавторстве со своим учеником, профессором Будапештского университета Ласло Ясаи, вышла книга на венгерском языке: «Szláv igeaspektus – különös tekintettel az orosz nyelvre». Akadémiai Kiadó, Budapest (= «Славянский вид – с особым привлечением русского языка»). Академия Киадо, Будапешт).

Монографии Й. Крекича, в которых отражаются результаты его многолетней научно-исследовательской деятельности в области аспек-

тологии, нашли отклик среди лингвистов разных стран, в том числе и среди русских аспектологов. На страницах российских лингвистических журналов и периодик были опубликованы рецензии на монографии Й. Крекича, написанные такими известными лингвистами, как М.А. Шелякин, Н.А. Козинцев, Е.В. Петрухина.

О научной ценности лингвистической деятельности Й. Крекича свидетельствует и тот факт, что кроме венгерских языковедов многие, в том числе и такие известные лингвисты, как А.В. Бондарко, В.С. Храковский, Е.В. Петрухина, М.Я. Гловинская, М.А. Шелякин, Л.А. Бирюлин, Ю.П. Князев, И. Б. Шатуновский и др. в своих работах часто ссылаются на его работы, цитируют из них.

Кроме научно-исследовательской работы Й. Крекича, благодаря которой в настоящее время можно говорить о наличии основанной им венгерской школы аспектологии, значима и его учебно-педагогическая деятельность в области воспитания нового поколения венгерских лингвистов-русистов. Долгие годы Й. Крекич руководил студенческим научным обществом кафедры, и работы многих из его студентов на студенческих научных конференциях страны были удостоены самых высоких наград.

В настоящее время многие из его воспитанников работают в различных вузах Венгрии, и, пройдя аспектологическую школу Й. Крекича, они стали учёными-лингвистами, известными и за пределами Венгрии. С его именем связано основание лингвистического ежегодника „SLAVICA SZEGEDIENSIA”, издаваемого кафедрой русского и словацкого языков Педагогического факультета им. Дьюлы Юхаса Сегедского университета, первым ответственным редактором которого был профессор Й. Крекич.

Профессор Й. Крекич продолжает принимать активное участие и в работе научно-аттестационных комиссий. Как член лингвистической докторской школы Сегедского университета в качестве оппонента или члена аттестационной комиссии он регулярно принимает участие в защите диссертаций на звание учёной степени доктора философии (PhD), доктора филологических наук (CSC), а также и Dr. Habil.

Профессор Й. Крекич за свою учебно-воспитательную и научно-исследовательскую деятельность неоднократно был удостоен высоких

государственных и университетских наград: в 1968-ом году получил звание «Отличный педагог», дважды был удостоен награды «За социалистическую культуру» (1974, 1989), в 1997 году получил Памятную медаль за отличную педагогическую службу, в 1998 году был награждён Памятной медалью Института Русского языка им. А.С. Пушкина, в 1994-ом году был удостоен награды Pro Iuventute, а в 2005-ом году Honor pro Meritis. В 2011-ом году Й. Крекич был удостоен почётного звания Professor Emeritus Сегедского университета.

Зная профессора Й. Крекича как талантливого учёного, прекрасного педагога, великодушного человека, от себя лично и от имени бывших коллег отделения русского языка и культуры Педагогического факультета им. Дьюлы Юхаса Сегедского университета желаем юбиляру хорошего здоровья, семейного счастья и дальнейших творческих успехов.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ:

АТАНАСОВА, Радка Николова

Средняя школа имени Паисия Хилендарского,
Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Кафедра русской филологии
Болгария, Пловдив, почтовой код 4000
ул. Павел Калпакчиев № 45, ап. 1
Телефоны: +359887 87 3456; +35932579929;
e-mail: radka_nikolova@abv.bg

БОНДАРЕНКО, Наталья Александровна доц.

Гос ИРя им. Пушкина
Москва, Россия
e-mail: b_natalia@mail.ru

VICZAI Péter Tamás dr.

Docens
Budapesti Gazdasági Főiskola, Külkereskedelmi Kar
H-1165, Budapest, Diósy Lajos u. 22-24.
Tel: 06-1-467-79-02
e-mail: viczai.petertamas@kkfk.bgf.hu

ГАНЧЕВА Магдалена

ВТУ "Св. св. Кирил и Методий"
Велико-Тырново, Болгария
e-mail: magdagan@abv.bg

GYÖRGY Ladislav, PhDr.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočníctva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: ladislav.gyorgy@umb.sk

Szegedi Tudományegyetem
Juhász Gyula Pedagógusképző Kar
Nemzetiségi Intézet
Szlovák Nyelv és Irodalom Tanszék
Hattyas sor 10
6725 Szeged
e-mail: gyorgy@jgypk.u-szeged.hu

GYÖRKE Zoltán dr., PhD

szakcsoportvezető főiskolai tanár
Szegedi Tudományegyetem
Juhász Gyula Pedagógusképző Kar
Alkalmazott Humántudományi Intézet
Modern Nyelvek és Kultúrák Tanszék
Orosz szakcsoport
6725 Szeged
Hattyas sor 10
tel.: 62 546 048
e-mail: gyorkez@jgypk.u-szeged.hu

ЖЕРЕВА, Мария Стоилова доц.д-р

Софийски университет, Департамент за езиково обучение
София, България
e-mail: mzhereva@hotmail.com

ЗЛАЧЕВА-КОНДРАШОВА, Спаска Илиева

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Кафедра русской филологии
Болгария, Пловдив, почтовой код 4000
ПУ, ул. „Цар Асен”, 24
Телефоны кафедры: 032/261-451; 032/261-455;
Личный телефон автора: 032/68-09-22
e-mail: spaska_zlacheva@abv.bg

КАДОЛО Татьяна Александровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики
Института филологии и журналистики
ГОУ ВПО "Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова"

Anyanyelvi lektor
Szegedi Tudományegyetem
Juhász Gyula Pedagógusképző Kar
Alkalmazott Humántudományi Intézet
Modern Nyelvek és Kultúrák Tanszék
Orosz szakcsoport
6725 Szeged
Hattyas sor 10
e-mail: lacriza@list.ru

KLINCKOVÁ Janka doc. PhDr., PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočníctva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
janka.klinckova@umb.sk

KOVÁČOVÁ Anna PhD.

Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku
Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete
5600 Békéscsaba, Szabó Dezső u. 42.

KRISTÓ Sándor Zsolt

Szegedi Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Orosz Filológiai Tanszék
6722 Szeged, Egyetem u.2.
Tel.: (62) 544-360, Fax: (62) 544-037
e-mail: kristosandor@gmail.com

LIĐÁK Ján Dr, CSc.

Academia Rerum civilium-Vysoká škola politických a společenských věd, s.r.o.
280 02 Kolín
Česká republika
e-mail: lidak@vspv.cz

MANDELÍKOVÁ Lenka, PhDr., PhD.

Trenčianska univerzita Alexandra Dubčeka v Trenčíne
Fakulta FSEV
e-mail: lenka.mandelikova@tnuni.sk

МАНОВА, Надежда Дмитриевна

Сегедский университет,
Педагогический факультет им. Дьюлы Юхаса
Кафедра современных языков и культур
Отделение русского языка
e-mail: manova@yandex.ru

MARUZNÉ SEBŐ Katalin

Szegedi Tudományegyetem Juhász Gyula Pedagógusképző Kar
Szlovák Nyelv és Irodalom Tanszék
H-6725 Szeged, Hattyas sor 10.; H-6701 Szeged, Pf.: 396.
+36-62/546-200
e-mail: sebok@jgytf.u-szeged.hu

MARUZZ Pál

Petőfi-telepi Művelődési Ház
6727 Szeged, Szántó Kovács János u. 28.
e-mail: maruzspal@gmail.com

MEDŇANSKÝ Karol Mgr. art., dr. habil. Ph.D.

Prešovská univerzita v Prešove
Filozofická fakulta
Inštitút hudobného a výtvarného umenia
Katedra hudby
Ul. 17. novembra č. 1, SK-080 01 Prešov
Mail : karol.mednansky@unipo.sk

MIŠKOVSKÁ. Jana Mgr, PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra germanistiky s oddelením prekladateľstva a tlmočníctva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: jana.miskovska@umb.sk

МОЛХОВА Галина

ДЕО-ИЧС
СУ”Св. Климент Охридски”
София, България

ОКСУЗЬЯН, Денис Владимирович

Студент Сыктывкарского духовного училища
Россия, 167007, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект 78-42
history@online.ru

OČENÁŠ Ivan PaedDr., PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočníctva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail:ivan.ocenas@umb.sk

PRANDO Patrizia Dott.ssa, PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta politických vied a medzinárodných vzťahov
Katedra politológie
974 01 Banská Bystrica
e-mail: patrizia.prando@umb.sk

RUSNÁK Juráj doc. PhD., CSc.

Katedra komunikačných a mediálnych štúdií
Filozofická fakulta Prešovská univerzita v Prešo
e-mail: jurkorusnak@gmail.com

TUŠKOVÁ Tünde doc., PhD.

Szegedi Tudományegyetem
Juhász Gyula Pedagógusképző Kar
Nemzetiségi Intézet
Szlovák Nyelv és Irodalom Tanszék
Hattyas sor 10. 6725 Szeged
e-mail: tuska@jgyrk.u-szeged.hu

Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku
Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete
5600 Békéscsaba, Szabó Dezső u. 42.

UHRINOVÁ-HORNOKOVÁ Alžbeta doc., PhD. mim. prof.

Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku
Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete
5600 Békéscsaba, Szabó Dezső u. 42.

ФЕДОСОВ, Виктор Александрович

Россия, г. Владимир, Государственный гуманитарный университет,
Кафедра русского языка как иностранного,
e-mail: fedosovVA@mail.ru

FINDRA Ján, Dr. h. c. prof. PhDr.DrSc.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočníctva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: jan.findra@umb.sk

HIRTLOVÁ Petra Mgr.

Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd,
Ovčárecká 312, 280 02 Kolín, Česká republika, 321 734 711,
e-mail: hirtlova@vspsv.cz

HORVÁTHNÉ FARKAS Éva

Tanszékvezető
Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Vitéz János Kar
Idegen nyelvi és Nemzetiségi Tanszék
e-mail: farkas.eva@vjk.ppke.hu

HUŤKOVÁ Anita, PhDr. PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied

Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočnictva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: anita.hutkova@umb.sk

CSAJBOK-TWEREFOU Ildiko Dr.(Mrs.)

Lecturer
Department of Modern Languages (Russian Section)
University of Ghana
tel: +233-24-31-86-894
e-mail: ictwerefou@ug.edu.gh
e-mail: twerefou@yahoo.co.uk

ČULENOVÁ Eva, PaedDr. PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočnictva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: eva.culenova@umb.sk

ŠENKÁR Patrik PaedDR., PhD.

Katedra areálových kultúr
Fakulta stredoeurópskych štúdií
UKF v Nitre
e-mail: pšenkar@ukf.sk

SRB Vladimír

Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a spoločenských vied
Ovčárecká 312, 280 02 Kolín V
e-mail: srb@vspsv.cz

ŠUŠA Ivan PhDr., Ph.D.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra slovenského jazyka a literatúry s oddelením prekladateľstva
a tlmočnictva

Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: ivan.susa@umb.sk

SCHWARZOVÁ Eva Mgr., PhD.

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
Fakulta humanitných vied
Katedra germanistiky s oddelením prekladateľstva a tlmočníctva
Tajovského 40
974 01 Banská Bystrica
e-mail: eva.schwarzova@umb.sk